ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

4

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

1957

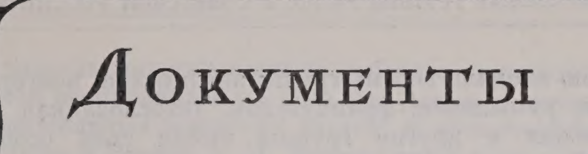
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Издается с участием

**ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС**

и

ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРУППЫ РКП(б) И ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(1918—1920 гг.)

Великая Октябрьская социалистическая революция, оказавшая огромное влияние на весь ход исторического развития человечества, вызвала мощное пролетарское и национально-освободительное движение в ряде стран Европы и Азии.

Трудящиеся капиталистических и колониальных стран с воодушевлением приветствовали победу рабочих и крестьян России. Они связывали и свое освобождение от империалистического гнета с упрочением первого в мире социалистического государства. Выступая под знаменем пролетарского интернационализма, они сочетали борьбу против господствующих классов своих стран с защитой Советской России.

Ярким проявлением пролетарской солидарности трудящихся в тяжелые для нашей Родины годы иностранной военной интервенции и гражданской войны является организация интернациональных частей Красной Армии из бывших военнопленных, которые рука об руку со всеми красноармейцами, не щадя своей жизни, защищали молодую республику Советов от посягательств империалистических хищников и русских белогвардейцев.

Настоящая публикация содержит документы, показывающие, как создавались интернациональные воинские части, какую роль они играли в борьбе с врагами Советской власти, какая политическая работа проводилась в этих частях и т. п.

Наиболее сознательная часть военнопленных, видевшая своими глазами беззаветную борьбу советских людей с внутренней и внешней контрреволюцией и первые успехи строительства новой жизни, становилась на сторону Советской власти и проникалась идеями большевизма. Среди них стали возникать группы коммунистов.

В мае 1918 г. при ЦК РКП(б) была создана Центральная Федерация иностранных групп РКП(б) в качестве руководящего органа по работе среди коммунистов-иностранцев, которая считала главной своей задачей «объединение всех коммунистов-иностранцев для общей борьбы против социал-демократов соглашателей и объединение их в III Коммунистическом Интернационале» (док. № 28). Во главе Федерации стоял видный венгерский коммунист Бела Кун.

В Федерацию входило восемь групп: английская, венгерская, итальянская, немецкая, румынская, французская, чехословацкая и югославская. Польская, финская и другие группы имели свои особые бюро при ЦК РКП(б). С апреля 1918 г. началась организационная работа среди бывших военнопленных, проживавших в Туркестане. В августе 1918 г. там образовалась Коммунистическая организация иностранных рабочих и крестьян, которая присоединилась к Федерации [1].

Федерация взяла на себя руководство интернациональными воинскими формированиями, созданными стихийно в конце 1917 г. из бывших военнопленных. 12 июля 1918 г. Федерация постановила организовать «из надежных, убежденных пролетариев крепкий духом коммунистический интернациональный отряд» (док. № 7) на базе существовавшего отряда.

Для вступающих в ряды интернациональных частей были поставлены следующие условия: принятие советского подданства [2], представление рекомендации комитета военнопленных социал-демократов интернационалистов и беседа с вступающими для выяснения их политических взглядов. Интернациональные отряды и части формировались исключительно на добровольных началах и поступали в полное распоряжение командования Красной Армии (см. док. №№ 27, 29).

Федерация высказалась против создания однородных национальных воинских формирований. Воинские части, сформированные из бывших военнопленных, беженцев и проживавших в России трудящихся-иностранцев, были подлинно интернациональными. В их состав входили: австрийцы, венгры, китайцы, немцы, поляки, румыны, словаки, чехи и югославы.

Китайские рабочие были направлены в Россию в период первой мировой войны по соглашению с китайским правительством. Они работали в большом числе на заводах и в угольных копях Донбасса, Урала и Дальнего Востока. Китайские рабочие, находившиеся в России, вместе с русскими рабочими и крестьянами принимали участие в борьбе за установление Советской власти. А когда империалисты Антанты с помощью русской контрреволюции попытались свергнуть Советскую власть, тысячи китайских рабочих вступили в ряды Красной Армии. В составе интернациональных частей Красной Армии китайские рабочие бесстрашно сражались на Востоке против Колчака и Семенова, на Юге — против Краснова и Деникина.

В публикацию включены резолюции, принятые на собраниях рабочих-китайцев, проживавших в Верхнеудинске и на станции Слюдянка, в которых говорилось, что интересы русских рабочих и крестьян они считают своим общим делом и присоединяются к русским рабочим для совместной борьбы с врагом рабочего класса — буржуазией и с контрреволюционными бандами Семенова и др. (см. док. №№ 31, 32).

Интернациональные формирования проявили отвагу, стойкость и героизм в защите социалистического государства. Герой гражданской войны В. И. Киквидзе характеризовал 2-й Интернациональный полк, входивший в состав вверенной ему дивизии, как одну из мощных боевых единиц. «Полк этот действительно могу называть боевым и славным,— писал он,— в боях люди дрались, как львы, не щадя жизни» (док. № 10).

К концу 1918 г. в рядах Красной Армии находились десятки тысяч воинов-интернационалистов. Особенно много на фронтах гражданской войны сражалось венгерских бойцов.

---

[1] См. Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 3, лл. 54—55.

[2] По условиям Брестского мира Советское правительство взяло на себя обязательство не создавать воинских частей из военнопленных.

Известный деятель международного рабочего движения и вождь Венерской Советской республики Бела Кун был одним из активных организаторов интернациональных воинских частей и самоотверженным борцом за Советскую власть в России. В. И. Ленин, отмечая его роль в этой борьбе, писал: «Тов. Бела Кун, наш товарищ и коммунист, полностью прошедший практический путь большевизма в России...» [1].

Выполняя свой интернациональный долг, члены Федерации принимали деятельное участие и в строительстве Советского государства. Секретарь немецкой группы РКП(б) 3 декабря 1919 г. сообщал в Центральную Федерацию, что часть членов группы занимает ответственные должности в Советах и других учреждениях, некоторые являются политическими работниками в Красной Армии (см. док. № 23).

Документы говорят о большой политической работе в интернациональных группах и воинских частях, проводимой силами их актива: устраивались собрания, митинги, концерты; организовывались курсы; издавались политическая литература и газеты на языках народов, входивших в эти группы и части (см. док. №№ 19—22 и др.).

Вся эта деятельность по идейно-политическому воспитанию интернационалистов, проходившая под руководством Российской коммунистической партии, дала большие результаты. В. И. Ленин говорил, что сотни тысяч военнопленных, вернувшись из Советской России в Германию и Австрию, революционизировали их. Он подчеркивал, что работа иностранных групп в России составляла «одну из самых важных страниц в деятельности Российской коммунистической партии...» [2].

Документы наглядно показывают проникновение освободительных идей Великой Октябрьской социалистической революции в сердца и мысли трудящихся многих стран. Рабочие и крестьяне — бывшие солдаты империалистических держав оказали огромную поддержку первой в мире стране социализма в ее тяжелой борьбе против международного империализма и внутренней контрреволюции. Они понимали, что Красная Армия воюет не только за интересы Советской России, но и за интересы всего трудящегося человечества; в этом сказалась нерушимая солидарность международного пролетариата.

В идеологической борьбе против наших врагов, пытающихся нарушить единство социалистического лагеря, документы и факты прошлого могут оказать неоценимую помощь.

* * *

Публикуемые документы выявлены в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в фондах ЦК КПСС (№ 17) и Дальбюро ЦК РКП(б) (№ 372). Все они публикуются впервые.

Документы подготовлены к печати научными сотрудниками Архива ИМЛ И. М. Мироновой и В. М. Устиновым.

А. А. Стручков

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 244.
[2] Там же, стр. 141.

№№ 1—2

Обращение и декларация съезда Чешско-словацкой коммунистической партии и Чешско-словацкой социал-демократической рабочей партии в России[1]) с призывом бороться против контрреволюции и с заявлением о решении организовать чешско-словацкие части

25—29 мая 1918 г.[1]

№ 1

Русским товарищам

Товарищи!

Мы, чешско-словацкие рабочие, организованные в Чешско-словацкой коммунистической партии, заявляем вам, что мы твердо решили взяться за организацию чешско-словацких частей в Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армии из чешско-словацких рабочих. Мы решили так в полной вере в необходимость социальной революции. Мы решили так в полной уверенности в социалистической зрелости русского пролетариата, который первый поднял знамя социальной революции и осуществил первый в истории диктатуру пролетариата. Мы обращаемся к вам, русские товарищи, дабы подкрепить ваш дух, утомленный тяжелыми страданиями трехлетней войны и тяжкими препятствиями, которые встречаются на пути социалистического строительства, дабы поднять ваши надежды, веру в ваш трудный бой. Мы не сомневаемся, что русский рабочий класс сумеет отстоять себе свои революционные завоевания, сумеет положить новые жертвы, сумеет выдержать, пока социальная революция западных стран не снимет с него тяжесть борьбы против сплоченной буржуазии всего мира.

Недалеко это время, товарищи.

Социальные бедствия, человеческое отчаяние повсюду ускоряют наступление всемирной революции.

Мы, чешско-словацкие рабочие, вместе с пролетариатом всех народов Австро-Венгрии, Германии, Болгарии и Югославии, которых война выгнала из пределов родных стран, стоим на вашей стороне в тяжелой борьбе [за] освобождение человечества от бедствий империализма и мы являемся гарантией самых бурных и искренних к вам чувств пролетариата Западной Европы.

Мы, отказавшиеся от защиты гражданства своих государств, выразили пролетарской России свое доверие в надежде на лучшее будущее человечества. Мы вместе с вами берем оружие в руки, дабы защищать вашу и поддержать нашу революцию. Мы твердо глядим в глаза опасности, которая [во] сто раз хуже вашей. Товарищи, для нас нет и не будет пощады ни перед чем [2].

И это дает нам право обратиться к вам, русские рабочие, русские товарищи, с призывом:

Не уставайте, не давайте расти контрреволюции!

Встаньте все на защиту завоеваний революции, создайте достойную социалистическую армию, жертвы которой не пропадут даром для пролетариата. Исполняйте свой пролетарский долг!

---

[1] Дата съезда коммунистической и социал-демократической чешско-словацких партий, происходившего в Москве.

[2] Так в тексте.

Сделайте все, чтобы Красная Армия социалистической России оказалась победоносной армией, достойной великой революции, великого русского народа.

И мы, и классово-сознательный пролетариат всего мира — с вами.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 257, лл. 2—3.— Текст на стеклографе.

№ 2

Декларация

Съезд Чешско-словацкой коммунистической партии и Чешско-словацкой социал-демократической рабочей партии в России, в Москве заявляет:

Чешско-словацкий социалистический пролетариат в России всегда будет стоять верно на страже российской свободы и русской Советской республики. Со всей энергией будет бороться против всех стремлений и течений, вредящих республике Советов, пусть они исходят с какой бы то ни было стороны. Чешско-словацкий социалистический пролетариат пропитан убеждением, что свобода, завоеванная русским рабочим классом, Октябрьской революцией, является залогом свободы пролетариата всего мира. Это убеждение приказывает нам заявить, что враги Российской Советской республики являются врагами пролетариата чешско-словацкого. Нашим врагом является и чешско-словацкая буржуазия, сосредоточенная в Национальном совете, которая в России направляет [1] национализмом фанатизированные, классово несознательные массы чешско-словацких солдат против республики Советов.

Съезд протестует самым решительным образом против насильнических действий чешско-словацкого корпуса при отступлении из Украины, равно как и против выступления чешско-словацких эшелонов в Челябинске и Сибири. Чешско-словацкие пролетарии клеймят эти черные действия, к которым дали импульс руководящие круги чешской буржуазии, и заявляют, что рука об руку с пролетариями всех народов будут бороться против международных стремлений капиталистов и империалистов, давящих свободу рабочего класса, и будут подготовлять почву к мировой социальной революции, которая прекратит владычество капитализма и обеспечит победу социализма, который освободит пролетариат всех народов от капиталистического ярма.

Съезд высказывает крепкое убеждение, что русский пролетариат сумеет дать отпор всем попыткам реакции и защитить свою свободу до тех пор, пока пролетариат западноевропейских народов не поспеет на помощь. Съезд подчеркивает пролетарскую солидарность чешского рабочего класса в России, который будет стоять под революционными знаменами по боку [1] пролетариев всех народов для спасения и удержания Российской пролетарской республики.

Да здравствует международная пролетарская солидарность!

Да здравствует Российская рабоче-крестьянская республика!

Да здравствует Третий Интернационал!

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 257, л. 1.— Текст на стеклографе.

---

[1] Так в тексте.

№ 3

Воззвание Центрального Комитета Чешско-словацкой коммунистической партии в России к чешским рабочим и солдатам с призывом бороться против чехословацкого мятежа

11 июня 1918 г.

Товарищи!

Во время тяжелых испытаний для Российской социалистической республики чешские солдаты, руководимые чешскими и русскими врагами рабочих и крестьян, вооруженным восстанием пытаются низвергнуть власть Советов. Они забыли, что являются гостями русского народа, они забыли свои возвышенные цели, они кровью невинных жертв, кровью рабочих и крестьян осквернили свои руки. Подстрекаемые контрреволюционными деятелями из рядов чешской и русской буржуазии, они со штыками в руках двигаются на Восток, низвергая везде Советскую власть и содействуя смуте и анархии. Чешские военные руководители, ведущие чешских солдат на гибель, преследуют свои тайные интересы. Они пользуются чешскими солдатами для нанесения вреда Советской власти и надеются в союзе со всеми российскими контрреволюционными элементами уничтожить ее совсем. Вот какие их стремления! Вот какие их мечты!

Товарищи! Действия чешско-словацких эшелонов ложатся тяжелым пятном на весь чешско-словацкий трудовой народ. *Мы не можем молчать в эту минуту, мы должны громко заявить, что чешский пролетариат в эту трудную минуту весь на стороне советского правительства русских рабочих и крестьян.* Мы от имени чешско-словацкого пролетариата заявляем свой протест против явной и тайной работы контрреволюционных элементов среди чешских солдат и высказываем всем, кто сознательно идет против Советской власти, свое пролетарское пренебрежение и осуждение всем тем, кто своими черными действиями осквернили имена чешского трудового народа.

Но рабочий народ не дрогнет перед лицом врага. Мы, *чешские рабочие. вместе с революционным пролетариатом социалистической России будем защищать завоевания трудовых масс и не дадим торжествовать врагу.* Пролетариат сплоченными силами даст отпор всем тем, кто стремится залить кровью свободную пролетарскую Российскую республику.

Товарищи! Все на места! Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами содействуйте ликвидации мятежа чешско-словацких эшелонов, везде помогайте советским органам в их трудной задаче по восстановлению нормального хода жизни в районах, затронутых мятежом. Только энергичной и усиленной работой нас всех мы можем смыть позор, навеянный на нас несчастным и преступным выступлением чешско-словацких полков.

Товарищи! Зовем вас под революционные знамена Интернационала. *Немедленно идите и записывайтесь в ряды чешско-словацких частей Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армии.* Это будет самым достойным и самым лучшим ответом на действия тех заблудившихся наших земляков, которые в настоящую минуту играют своим мятежом на руку мировому капитализму и империализму.

Товарищи! Зовем вас к работе, к трудной и ответственной работе! Но мы твердо верим, что вместе с пролетариатом всех народов приведем эту борьбу к полной и окончательной победе. Все за работу!

Долой чешско-словацких белогвардейцев и изменников трудового народа!

Долой чешско-словацкую буржуазию!
Да здравствует правительство рабочих и крестьян!
Да здравствует международная социальная революция!

г. Москва, 11 июня 1918 г.

Центральный Комитет Чешско-словацкой
коммунистической партии в России

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 97, лл. 18—19.— Подлинник.

№ 4

Условия для вступления в ряды чехословацких частей и устав чехословацких частей Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армии

Не ранее 28 мая 1918 г. [1]

Условия для поступления добровольцев в ряды чехословацких частей Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армии

§ 1

Цель чехословацких частей Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армии:

1) создать организованную, дисциплинированную, вооруженную силу из всех родов оружия из чешско-словацкого пролетариата, живущего в настоящее время в Российской Советской республике;

2) сбросить империалистическо-капиталистическое ярмо со всех угнетенных;

3) осуществить во всем мире святые лозунги социализма и содействовать победе социальной революции.

§ 2

Членом чехословацких частей Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армии может быть каждый мужчина, который будет признан врачом армии годным к военной службе и который удостоверит собственноручною подписью свое безусловное подчинение Верховной Советской власти и уставам чехословацких частей Красной Армии.

§ 3

Записавшиеся в ряды Армии обязываются прослужить в ней не менее шести месяцев, но если истечение срока совпадает с боевыми операциями Армии, добровольцы увольняются или по мере прибытия пополнения, или после ухода Армии в резерв.

§ 4

Добровольцы Армии получают: жалованье не менее 50 рублей в месяц, приварочный оклад не менее 1 руб. 50 коп., чай, сахар, хлеб, мыло, табак и прочее довольствие как квартирное, так и обмундировочное.

---

[1] Документ датируется на том основании, что он составлен после съезда чешско-словацких партий, коммунистической и социал-демократической, окончившегося 28 мая 1918 г.

Устав
Чехословацких частей Российской Рабоче-Крестьянской
Красной Армии

Обязанности армейцев

§ 1

Каждый армеец есть борец за победу социальной революции и за осуществление великих идеалов социализма и защитник человеческих прав угнетенных масс.

§ 2

Он должен быть нравственным, беспредельно преданным этой идее и Армии, правдивым, храбрым, беспрекословно повиноваться назначенному начальству, добросовестно исполнять все свои обязанности, терпеливо переносить все тягости и лишения, дорожить взаимным товариществом, помогать товарищам словом и делом, удерживать их от дурных поступков и выручать их из опасности, в особенности в бою, не щадя жизни. О всем, им замеченном, что может послужить ко вреду идеи и организации, он обязан немедленно доложить или донести высшему начальству.

§ 3

Он должен быть всегда прилично одет, иметь воинский вид, помня, что по нем будут судить всю Армию.

§ 4

Каждый армеец по служебным надобностям обращается всегда к непосредственному начальству, но если последнее не вправе удовлетворить армейца, то прямо к компетентному начальству.

§ 5

Жалобы заявляются суду части.

§ 6

Каждый армеец должен всегда и везде иметь бодрый вид, держать себя с достоинством, быть трезвым, с посторонними вежливым, не вмешиваться в ссоры, не участвовать в драках, буйствах и в каких бы то ни было уличных беспорядках.

Если кто-либо из милиции при исполнении служебных обязанностей обратится к нему за содействием, то обязан оказать ему таковое, если сам не исполняет в это время возложенного на него начальством поручения.

§ 7

Пьянство строго наказывается судом.

§ 8

Азартная игра, какого бы рода она ни была, строго запрещается.

§ 9

Болезни не скрывать и о случившемся нездоровье без замедления докладывать своему непосредственному начальнику.

§ 10

Ежедневно, встав утром, оправить постель, осмотреть оружие и, если надо, протереть, вычистить одежду, амуницию, сапоги и строго соблюдать чистоту своего тела.

§ 11

Самовольная отлучка от занятий и отказ от исполнения службы строго преследуется судом.

§ 12

Подстрекательство против внутренней организации части, а также против назначенных начальников ни в коем случае не допускается и беспощадно карается судом Армии.

Программа обучения

1. Строевая часть.
2. Полевая служба.
3. Рассыпной строй.
4. Тактические занятия.
5. Стрельба.
6. Культурно-просветительная.

Порядок дня

6	часов		— подъем.
7	«		— завтрак.
7	«	30 мин.	— медицинский осмотр врачом.
8—10	«		— занятия по программе.
11	«		— доклад у главного инструктора.
12	«		— обед.
13	«		— смена караулов и должностных лиц.
15—17	«		— занятия по программе.
17	«		— чтение приказов по части.
18	«		— ужин.
22	«		— отбой.

Примечание. Присутствие во время службы обязательно для всех. Во время тактического обучения занятие определяется продолжительностью таковых [1].

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 266, лл. 9—10.— Копия.

[1] Так в тексте.

№ 5

Сообщение Чешско-словацкой группы при РКП(б) в ЦК РКП(б) о своей деятельности

19 июня 1918 г.[1]

От секретариата Чешско-словацкой группы при Российской коммунистической партии

Кроме выполнения прилагаемой анкеты[2], считаем своим долгом довести до вашего сведения несколько данных, которые послужат доказательством нашей деятельности.

До съезда, который имел место в Москве 25—28 мая с. г., существовали у нас две социалистические организации: Чешско-словацкая коммунистическая партия имела своим центром Петроград, где и издавала газету «Походень», сменившуюся потом на газету «Прукопник». Вторая организация — Чешско-словацкая социал-демократическая рабочая партия имела своим центром город Киев со своим органом «Свобода». Обе эти организации отличались *одним лишь названием.* Разницы в программе не существовало. Существующая идейная связь получила практическое оправдание на вышеуказанном съезде, постановлением которого обе организации слились в одну, которая и получила название: Чешско-словацкая группа при Российской коммунистической партии. Оба органа соединились в один под названием: «Прукопник свободы».

Чтобы обсудить деятельность обеих организаций, нужно привести несколько дат из рефератов съезда. До того необходимо пополнить, что обе организации имели своей целью группирование партийных работников из среды чешско-словацких военнопленных, находящихся в России.

Петроградская группа представила на съезде список своих организаций количеством 14 с 3000 членами. Газета была издана количеством 10 000 экземпляров. Главной базой организаций являлась Сибирь.

Киевская группа представила список количеством 62 организации, из которых 16 было в Киеве, так называемых районных, и остальных 46 — провинциальных на Украине. Количество членов в течение короткого промежутка возросло с 700 до 5054. Из провинциальных организаций самая крупная была в Екатеринославе с 316 членами и в Таганроге с 276 членами.

Газета «Свобода» издавалась тиражом в 5000 экземпляров. Наборная заготовлена из личных средств организации. Кроме того, организация принимала деятельное участие в формировании Красной Армии.

После подготовительных работ приступлено к набору добровольцев в отряды Чешско-словацкой Красной Армии, которые в течение короткого срока возросли до 1000 человек.

Этот отряд действовал совместно с русскими отрядами Красной Армии против германско-гайдамацких банд и понес потери ранеными и убитыми.

Успешная работа обеих групп была нарушена эвакуацией городов Киева и Петрограда. Киевская группа на съезде констатировала, что вследствие эвакуации города Киева сеть провинциальных организаций была окончательно разрушена и разбросана по всей России.

Петроградская группа пострадала [при] эвакуации Петрограда только тем, что пришлось на время прекратить всякую работу по дальнейшему

---

[1] Датируется по входящему штампу секретариата ЦК РКП(б).
[2] Упомянутая анкета в деле не обнаружена.

распространению новых организаций. Организации в Петроградском округе стали основным фундаментом для дальнейшей организационной работы.

Сегодня после съезда общая картина выражается в следующих цифрах: 37 организаций, имеющих 9600 членов. Тираж газеты 10 000 экземпляров.

Чешско-словацкая Красная Армия насчитывает 2960 добровольцев. Для добровольцев чешско-словацкой Красной Армии издается газета «Чешско-словацкая Красная Армия» тиражом 3500 экз. в г. Пенза.

Все остальные учреждения партии находятся в г. Москве.

Нельзя не прибавить, что все препятствия, накопленные на пути к успешному развитию организации, были удалены с большой помощью русских товарищей, что и встречено с нашей стороны с благодарностью.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 97, лл. 24—25.— Подлинник.

№ 6

Резолюция собрания красноармейцев 1-го батальона иностранных коммунистов о поддержке русской революции и протесте против чехословацкого мятежа

28 июня 1918 г.

Мы, красноармейцы 1-го батальона иностранных коммунистов [2)], собравшись 28 июня текущего года и выслушав доклад товарища Быстрова о русской революции и убедившись, что русская революция является авангардом всемирной революции, постановляем:

Мы всеми силами будем поддерживать русскую революцию. Первым долгом посылаем горячий привет Совету Народных Комиссаров, который освободил нас от гнета царизма и капиталистов, которые смотрели и до сих пор смотрят на нас, как на зверей, а Совет Народных Комиссаров позволяет нам развивать свою деятельность, как того требуют наши интересы, и даже не позволяет нас называть военнопленными, а только бывшими военнопленными, ныне же членами великой пролетарской семьи. Тем же тунеядцам, кайзеру Вильгельму и Францу-Иосифу, а теперь его преемнику Карлу, и всем тунеядцам-капиталистам посылаем наши проклятия и протестуем против издевательств над нашими голодными родителями, женами и детьми. Вместе с тем протестуем против выступления чехословацких банд, которые предательски пытаются вонзить русской революции, а вместе с тем и всемирной, нож в спину.

Да здравствует всемирная революция!

Да здравствует победа труда над капиталом!

Да здравствует социализм!

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 383, л. 71.— Копия.

№ 7

Сообщение Центральной Федерации иностранных групп РКП(б) в ЦК РКП(б) об организации коммунистического интернационального отряда

15 июля 1918 г.

В ЦК Российской коммунистической партии (большевиков)

Центральная Федерация иностранных групп при Российской коммунистической партии (большевиков) [3] доводит до сведения ЦК партии, что она в заседании 12-го сего месяца вынесла следующее постановление:

1) Направить все силы на то, чтобы образовать из надежных, убежденных пролетариев крепкий духом коммунистический интернациональный отряд. Ядром для этого служит существующий коммунистический отряд [4], который следует пополнить.

2) Регистрировать всех членов коммунистических групп в боевую дружину, задача которой есть: в случаях надобности пополнить интернациональный коммунистический отряд. Сборным пунктом членов групп объявляется местопребывание отряда и штаба, т. е. Кремль.

Федерация высказалась решительно против всяких национальных организаций.

С товарищеским приветом от имени Федерации

Председатель Бела Кун

Секретарь Х. Пескарю

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 9, ед. хр. 8, л. 1.— Подлинник.

№№ 8—12

Переписка Дивизии внеочередного формирования советских войск с Союзом иностранных рабочих и крестьян в Царицыне об объединении интернациональных частей

№ 8

5 августа 1918 г.

Глубокоуважаемый тов. Мельхер! [5]

Ваше письмо, присланное тов. Киквидзе [6], меня очень обрадовало, [в нем говорится], что Вы согласились бы соединить всех иностранных подданных в одно целое. Это имеет большое значение, не только политическое, но и моральное.

Вы можете даже прислать представителя, чтобы он посмотрел наши дела. У меня есть один пехотный полк, артиллерийский дивизион и теперь уже будет один эскадрон кавалерии. Я только принимаю исключительно иностранных подданных, так что у меня совершенный интернационал, и, можно сказать, одна рота итальянцев — это же редкость. Мы недавно только что вернулись из позиций. Я к Вам обращаюсь с просьбой хотя по нескольку человек высылать, я просил телеграммой одну роту, т. е. 144 человека.

Красноармейцы 1-го Московского коммунистического интернационального отряда проходят по улицам Москвы. 1918 г.

(Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов)

Отряд красноармейцев- китайцев вступает в Одессу. 1920 г.

(Центральный государственный архив кино-фото-фонодокументов)

НАЧАЛЬНИКЪ
ДИВИЗІИ
ВНЕ ОЧЕРЕДНОГО
ФОРМИРОВАНІЯ
Совѣтскихъ войскъ.

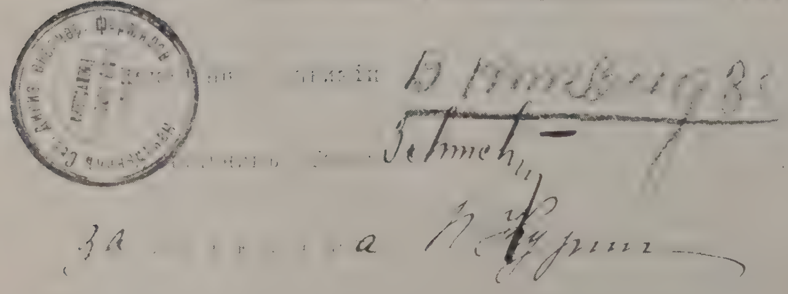
16 августа 1918 г.
№ 2302
г. Еланъ

Въ Союзъ Иностранныхъ рабочихъ и крестьянъ
Исполнительнаго Комитета.

Получивъ Ваше согласіе отъ 11-го августа сего года за № 659, прошу Васъ, товарищи Иностранцы, пополняйте одну изъ славныхъ боевыхъ и мощныхъ единицъ ввѣренной мнѣ дивизіи „2-й Интернаціональный [illegible].

Полкъ [illegible] называть [illegible] люди [illegible] жаль [illegible] съ нимъ.

Товарищи Иностранцы, шлите пополненія, шлите сформированные маленькіе отряды - дабы пополнить полкъ, который будетъ образцомъ нашей Революціонной Рабоче-Крестьянской Арміи.

Письмо начальника дивизии внеочередного формирования советских войск В. И. Киквидзе в Союз иностранных рабочих и крестьян.

(Фотокопия док. № 10)

Я понимаю хорошо, что большой партией высылать Вам не удастся, может быть, что Ваш Военный совет будет препятствовать?

Я буду надеяться на Вас и прошу высылать Вашего представителя, мы его очень хорошо примем, и прошу высылать литературу, которую мы будем оплачивать. Послезавтра здесь состоится концерт нашего симфонического оркестра, так что я также о поднятии духа наших солдат стараюсь. Примите сердечный привет от наших героев и остаюсь с товарищеским приветом

Командир Интернационального полка Книжак[7].

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 383, л. 9.— Подлинник.

№ 9

11 августа 1918 г.

Начальнику Дивизии внеочередного формирования советских войск товарищу Киквидзе

В ответ на Ваше отношение от 7.VIII текущего года за № 2017 сообщаем Вам, что в Царицыне на Волге существует Союз иностранных рабочих и крестьян (бывших военнопленных), который ставит себе задачей формирование боевых отрядов из сознательных бывших военнопленных и соединение их с готовыми уже частями в более крупные единицы. До настоящего времени Союзом было сорганизовано около 780 человек (с батареей) в один отряд, но прежде, чем удалось соединить [его] с другими отрядами, пришлось их (незначительными частями) распределить по Царицынскому фронту — у Бекетовки, Дубовки, Котельниково и Баку — ввиду угрожающей Царицыну опасности. В настоящее время осталось приблизительно 200 человек, которые несут здесь, на месте, гарнизонную службу, так что Союз в данный момент лишен возможности удовлетворить Вашу просьбу и прислать Вам поддержку.

Вместе с тем Союз выражает свое согласие предоставить в Ваше распоряжение сформированные им силы и просит Вас войти с соответствующим ходатайством в Военный совет Северо-Кавказского округа, чем, возможно, Вы достигнете того, что в Ваше распоряжение будут предоставлены вновь формируемые, а также уже отправленные в различные места фронта части, которые можно будет отозвать в Царицын и направить непосредственно к Вам. Кроме того, Союз просит путем установления связи с ним дать ему возможность снабжать Ваших солдат революционной литературой, что охотно будет исполнено. От имени Союза иностранных рабочих и крестьян с товарищеским и братским приветом его

Председатель
Секретарь

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 381, л. 230.— Отпуск.

№ 10

16 августа 1918 г.

В Союз иностранных рабочих и крестьян Исполнительного комитета

Получив Ваше согласие от 11 августа сего года за № 659, прошу Вас, товарищи иностранцы, пополняйте одну из славных боевых и мощных единиц вверенной мне дивизии — «2-й Интернациональный полк».

Полк этот действительно могу называть боевым и славным — в боях люди дрались, как львы, не щадя жизни, и жаль забыть о нем.

Товарищи иностранцы, шлите пополнения, шлите сформированные маленькие отряды, дабы пополнить полк, который будет образцом нашей революционной Рабоче-Крестьянской Армии.

Начальник дивизии В. Киквидзе
Начальник штаба [*подпись*] [1]
За адъютанта [*подпись*] [1]

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 381, л. 232.— Подлинник.

№ 11

29 августа 1918 г.

Начальнику Дивизии внеочередного формирования советских войск
Многоуважаемый тов. Киквидзе!

Как бы нам ни хотелось присоединиться к Вашей славной дивизии, которая нам всем известна,— к великому сожалению, положение на нашем фронте в настоящее время такое тяжелое, что преступно было бы оставить сейчас Царицын, когда борьба идет: быть или не быть ему!

Мы вторично обращались в наш ЦИК с просьбой соединить нас с другими отрядами интернационалистов в одно большое целое, на что последовал ответ, что меры принимаются. Поэтому мы надеемся, что мы все-таки в скором времени будем соединены в одной единой армии.

От имени всех наших товарищей, действующих на Гумракском, Дубовском и Котельниковском фронтах, передаю Вам и Вашим храбрым солдатам революционный привет!

Заведующий военным отделом

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 381, л. 246.— Отпуск.

№ 12

Август 1918 г.

Многоуважаемый тов. Мельхер!

Желаю Вам успеха в работе и вполне с Вами согласен за централизацию частей.

Я Вас могу познакомить с нашим положением частей.

Интернациональный пехотный полк:

1) в полку числится более 700 штыков;

2) кроме этого, полковая пулеметная команда (часть на вьючных седлах и часть на пулеметных повозках);

3) нестроевая рота;

4) обоз полковой (в него входит 169 лошадей).

Теперь началось формирование эскадрона кавалерии, который имеет около ста (100) человек.

К нашему Интернациональному полку был сформирован

---

[1] Подпись неразборчива.

Полевой артиллерийский дивизион,

который состоит из:

1) 8 полевых орудий,
2) пулеметная команда,
3) конная разведка.

В общем артиллерийский дивизион имеет около 220 людей.

4) Дивизионный артиллерийский парк.

В пехотном полку есть все национальности иностранные.

1) Например, 1-я рота — чехи (ротный командир тоже чех); 2) например, 3-я рота — итальянцы (ротный командир тоже итальянец) и т. д.

Высшего командного состава имеется 30 человек разных национальностей, которые были в больших боях с дивизией Киквидзе и действительно показали умение вести дело.

В артиллерийском дивизионе только три национальности: немцы, чехи и мадьяры.

Теперь у нас имеется оркестр музыки (35 человек), который может и симфонический концерт устраивать.

Эта централизация имеет большое политическое значение, если нам удастся сформировать в дивизию, и я об этом имел разговор с тов. Киквидзе, который обещал свое содействие, во-вторых, дивизия имеет свои поезда снабжения и мы продовольствием обеспечены; теперь мы выдаем по 2 фунта на человека, я думаю, что это не только достаточно, но даже много, с сахаром то же самое.

Мой полк в ожидании Ваших обещаний.

Остаюсь комполк Книжак

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 383, лл. 31—32.— Подлинник.

№ 13

Отчет Венгерской группы РКП(б) за август 1918 г., посланный в ЦК РКП(б)

4 сентября 1918 г.

ЦК Российской коммунистической партии (большевиков)

Москва.

В месяце августе деятельность Венгерской группы РКП (большевиков) [8] имела еще более военный, боевой характер.

Так как в настоящее время первая задача всех коммунистов — направлять все свои силы против контрреволюции, мы также хотели все сделать для скорейшего подавления всех врагов пролетарской революции и Советской власти. Как каждая организация РКП, так же и Венгерская группа решила мобилизовать $^1/_5$ часть своих членов, несмотря на то, что многие уже борются на фронте.

Эта мобилизация теперь идет, и так как имеется у нас 45 членов группы, мы полагаем послать на фронт 8—9 человек. Часть их идет вместе с III отрядом интернационалистов-коммунистов, часть отдельно, на разные места фронта, где интернационалисты уже сражаются.

Первый отряд — 314 человек — организован вместе с другими группами Интернациональной федерации РКП, сражается на Уральском фронте, где недавно эти интернационалисты под командой члена Венгер-

ской группы т. Винермана взяли у казаков г. Новоузенск. В боях у деревни Петропавловки (25 верст от Новоузенска) отряд потерял 25 человек, но после этого поражения победил и разбил один казацкий полк.

Второй отряд — 160 человек — организован точно так, как первый: в начале августа как интернациональная рота 6-го советского полка уехал на Казанский фронт, где пока сражается против чехословаков.

Третий отряд — 360 человек — пока подготовляется и на днях уедет на Екатеринбургский фронт. Там уже находится председатель Венгерской группы тов. Бела Кун, который для наступления просил и требовал соединенный, концентрированный отряд интернационалистов и большое количество военного материала. Мы делегировали члена Венгерской группы тов. Т. Самуэли в Казань, в Высший военно-революционный Совет и согласно переговорам, которые он имел в Москве в оперативном отделе Народного комиссариата по военным делам, в скором времени отправляем на фронт через Пермь третий коммунистический отряд в количестве 300—400 людей с достаточным количеством пулеметов и также с орудием. С этим отрядом как военные руководители, агитаторы и строевые красноармейцы уедет на фронт несколько членов группы и значительная часть только что на днях закончивших агитаторские курсы.

Третий агитаторской курс через неделю будет закончен. На курсе были 34 слушателя. Четвертый курс агитаторов начинается с 15 сентября.

Из первого и второго курсов работают как агитаторы: 4 — из разных частей интернационалистов на фронте, 9 — на Украине, 12 — в России (в городах Петроград, Москва, Вятка, Саратов, Брянск, Орел, Курск, Вязьма, Витебск, Воронеж, Тамбов, Рязань). Последние, кроме агитации революционного характера и распространения коммунистических идеалов, на местах организуют отряды интернационалистов.

Для агитации также в месяце августе издавали два раза в неделю газету «Социальная революция», каждый номер в 17—18000 экземпляров. Бóльшую часть газет мы посылаем на фронт для сражающихся там частей интернационалистов, но уже стараемся посылать эти газеты в Венгрию.

Здесь замечаем тоже, что все члены группы так же, как и участвующие в агитаторских курсах, проживающие в Кремле, стоят там в постоянной боеспособности и действуют в специальных командированиях[1] по распоряжению коменданта Кремля.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 86, лл. 8—12.— Подлинник.

№ 14

Из доклада Французской коммунистической группы о предполагаемом издании газеты «Социалистическая революция»

11 сентября 1918 г.

На собрании Французской коммунистической группы[9)] в Москве 4-го сего сентября постановлено издавать французскую коммунистическую газету и избрана редакционная комиссия из пяти товарищей: тт. Арман, Эбенгольц, Лябурб, Барберэ-сын и Тихменев.

Редакционная комиссия на своем собрании 6 сентября вынесла следующее постановление:

[1] Так в тексте.

Название газеты: «La Révolution Socialiste» («Социалистическая революция»).

Программа: программа Российской коммунистической партии.

Цели: 1) осведомление рабочих Франции, Бельгии и Швейцарии о русской революции; 2) агитация на фронте среди французских солдат в России; 3) организация живущих в России французских, бельгийских и швейцарских пролетариев.

Выход — один раз в неделю, по воскресеньям. Число страниц — 4.

4) Тираж 10 000 экз. Формат IV.10... [1]

9 сентября редакционной комиссией принята прилагаемая при сем смета по изданию газеты.

Средства на издание газеты испрашиваются, согласно смете, авансом на два месяца, по одиннадцать тысяч пятьсот рублей в месяц, и единовременных расходов — две тысячи пятьсот рублей, а всего в размере двадцати пяти тысяч пятисот рублей (25 500 руб.) единовременно.

Кроме испрашиваемых денежных средств, представляется необходимым иметь право бесплатного получения газетой телеграмм РОСТА.

Член редакционной комиссии Т и х м е н е в

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 96, л. 8.— Подлинник.

№ 15

Из письма Центральной Федерации иностранных групп группе бывших военнопленных о поддержке их инициативы в создании интернационального отряда [2]

2 ноября 1918 г.

Дорогие товарищи!

В ответ на ваше письмо сообщаем вам следующее:

В настоящее время, когда рабочие массы Австро-Венгрии и всего мира подняли знамя великой социалистической революции, нашим долгом может быть поддержка этой революции с оружием в руках. И этот долг уже поняли все военнопленные, живущие в России, которые уже много месяцев тому назад создали свои красноармейские отряды и сражаются уже вместе с русскими товарищами на разных фронтах.

Поэтому, насколько ваше письмо откровенно говорит, мы приветствуем ваше желание примкнуть к революционным войскам и обещаем вам всякую поддержку в создании такого отряда. Конечно, вы должны принимать в ваш отряд только сознательных товарищей, которые верно, из убеждения хотят служить великому освобождению рабочих и крестьян.

Мы постараемся посылать к вам агитаторов из наших товарищей, которые дадут разъяснение по всем вопросам организации отряда... [3]

Поэтому призываем вас к созданию отряда красноармейцев и встать на защиту и поддержку борьбы пролетариев всех стран.

Мы послали вам одновременно литературу на всех языках и предла-

---

[1] Опущен текст, конкретизирующий порядок распространения литературы.
[2] Адресат неизвестен.
[3] Опущен текст, не относящийся к теме публикации.

гаем вам обратиться за поддержкой к местному Совету крестьянских депутатов или к партии коммунистов-большевиков.

В ожидании ваших дальнейших сообщений, с товарищеским приветом от имени Федерации иностранных групп РКП (большевиков)

Председатель Бела Кун
Секретарь [*подпись*] [1]

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 9, ед. хр. 8, л. 109.— Отпуск.

№ 16

Телеграмма красноармейцев-иностранцев г. Николаевска в Народный комиссариат по делам национальностей с приветствием Австро-Венгерской революции

11 ноября 1918 г.

Москва, Секретариату иностранных коммунистов в Народном комиссариате по делам национальностей
из Николаевской слободы

Сообщите точные сведения в отношении отправки или группировки иностранных коммунистов-красноармейцев в связи с возникшей в Австро-Венгрии революцией и приветствуем начавшуюся революцию австрийского пролетариата.

Красноармейцы-иностранцы при военкоме города Николаевска Царицынской губернии

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 9, ед. хр. 2, л. 72.— Копия.

№ 17

Резолюция собрания бывших солдат австро-венгерской и германской армий в Туркестане об организации интернационального отряда

14 декабря 1918 г.

Оставшиеся после мировой капиталистической войны в Туркестанской республике РСФСР бывшие солдаты австро-венгерской и германской империалистических армий, мы, бывшие военнопленные, ныне свободные граждане, 14 сего декабря, заслушав доклады представителей коммунистической партии о происходящих в Венгрии и поддерживаемых лигой разбойников приговоров против наших братьев рабочих и крестьян, вынесли следующий протест:

Мы, западноевропейские пролетарии (бывшие военнопленные Туркестана), горячо *протестуем* против приговоров, которые в настоящее время выносятся венгерским буржуазным правительством против наших братьев, рабочих и крестьян, против тех товарищей, которые, поняв свой святой долг, хотели освободить угнетенных Венгрии из-под многолетнего ига венгерского капитализма.

---

[1] Подпись неразборчива.

Мы, сыновья пролетарской семьи Венгрии, Австрии и Германии, мы, которые здесь до сегодняшнего дня с оружием в руках воевали против поддерживаемых западноевропейскими империалистами Антанты генералов и помещиков, против тех же врагов, которые все время угнетали народы Западной Европы, мы, которые воевали против буржуазии Антанты, которая и до настоящего времени угнетает наших братьев и теперь еще держит под ярмом, мы хорошо знаем, что простыми словами нельзя протестовать против кровавых приговоров венгерской буржуазии.

Пусть дрогнет мировая буржуазия перед нами. Мы не только на словах, а на деле докажем, что вражда наша против капитализма беспощадная.

Мы вернемся на запад, дабы исполнить слова, которые нам говорит наш великий гимн: «Это будет последний и решительный бой».

Смерть венгерскому капитализму!

Смерть разбойникам, издевающимся над рабочим классом всего мира!

Да здравствуют борцы первой Венгерской Советской республики!

Да здравствует 2-я Венгерская Советская власть!

Да здравствует объединяющий весь пролетариат всего мира III Коммунистический Интернационал!

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 353, л. 14.— Копия.

№ 18

Резолюция общего собрания 1-го кавалерийского эскадрона интернационалистов о вынесении благодарности и выделении хлеба рабочим Петрограда

2 февраля 1919 г.

На общем собрании 1-го кавалерийского эскадрона интернационалистов единогласно постановили: вынести благодарность рабочим Красного Петрограда за их подарки и пожертвовать [им] всем эскадроном от каждого красноармейца по полфунта хлеба. Жертвовать до тех пор, пока будем получать по два фунта (2), о чем довести до сведения Политотдела.

Начальник 1-го кавалерийского эскадрона интернационалистов

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 291, л. 28.— Подлинник.

№№ 19—24

Месячные отчеты Венгерской, Итальянской, Немецкой, Румынской, Чешско-Словацкой и Югославянской групп РКП(б) за сентябрь—декабрь 1919 г., посланные в Федерацию иностранных групп РКП(б)

№ 19

6 октября 1919 г.

Доклад о деятельности Венгерской группы за сентябрь 1919 г.

К концу августа месяца с. г. число членов группы было весьма незначительно, но по прибытии из Киева членов Венгерской группы после перерегистрации число таковых к настоящему времени достигает 48 человек, которые все налицо.

Организация

Президиум группы, состоящий из 5 лиц, руководит деятельностью группы; из означенного количества членов президиума выделен один член, который исполняет функции постоянного секретаря группы.

Заседания группы происходят не менее одного раза в неделю, по понедельникам, а при встречающейся надобности и чаще. Кроме того, каждое воскресенье состоятся дискуссионные вечера.

При группе имеются коллегии: агитационная, редакционная и лекторская (последняя при агитаторской школе); в состав каждой коллегии входят три члена группы.

Агитация

Агитация ведется на месте постоянно, в местах концентрации бывших военнопленных, т. е. в лагерях и пунктах.

В провинции агитация производится в местах нижепоименованных — в Оренбурге, Уфе и Челябинске, а также в Перми и Екатеринбурге — лицами, командированными группой,— в первых трех городах — комиссией, состоящей из трех членов, а в двух последних — по одному члену.

Литература

Группа издает еженедельную газету «Красная газета» в 5000 экземпляров, в четыре страницы каждая; до сего времени было издано шесть выпусков (из коих при сем прилагается пять экземпляров).

Кроме того, были изданы три летучки, в коих подробно излагалось политическое положение в Венгрии.

Брошюра Бела Куна «Что хотят коммунисты» находится в печати.

Агитаторская школа

Агитаторская партийная школа открыта 27 августа с. г., на 15 учеников. Состав слушателей следующий: 12 рабочих, 3 крестьян; 10 человек из них в Венгрии еще состояли в партийных организациях, 5 не состояли в организациях; 14 из них до вступления в школу состояли в рядах Красной Армии, за исключением одного, возвратившегося недавно из Сибири.

Срок прохождения курсов — шестинедельный... [1]

Окончание первого периода курсов предполагается к 10 октября с. г. Помещается школа в Кирочном переулке, д. № 3. Курсанты получают полное довольствие, квартиру и красноармейское жалование.

Отношение группы к Красной Армии

Понимая огромную важность и обязанность, которые несет группа в отношении организации сильной Красной Армии, группа всех свободных членов из более сознательных и ответственных отправляет в ряды интерчастей Красной Армии, преподав им особые инструкции в деле агитации и распропагандирования товарищей красноармейцев к поддержанию революционной дисциплины. Причем группа действует в точности указаниям созданной Военной комиссии Федерации иностранных групп РКП.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 81, лл. 11—12.— Подлинник.

[1] Далее опущен текст об учебной нагрузке лекторов.

№ 20

Октябрь 1919 г.

В Центральную Федерацию иностранных групп РКП (большевиков)

Доклад Югославянской группы РКП (большевиков) [10] **о своей деятельности за месяц сентябрь 1919 г.**

С эвакуацией Киева прибыл в Москву Центральный комитет Югославянской группы РКП. На общем собрании 8 сентября с. г. Киевская и Московская группы слились и был выбран новый Центральный комитет из пяти лиц. Членов к настоящему времени насчитывается 25 человек, которые все налицо.

Организация

Президиум группы из пяти лиц руководит деятельностью группы. Из этих пяти членов президиума назначен один член, который исполняет функции постоянного секретаря.

Заседание группы происходит не менее одного раза в неделю и то по субботам.

При группе имеются коллегии: агитаторская, редакционная и лекторская.

Агитация

Для агитации между бывшими военнопленными, прибывшими из Сибири, и военнопленными из югославянских отрядов колчаковской армии делегированы товарищи: в Уфу — один с комиссией, в Челябинск и Екатеринослав — по два, в Сызрань — один. Один товарищ делегирован в летучую комиссию с указанием продвигаться с наступающей Красной Армией вглубь Западной Сибири.

Все эти товарищи снабдились литературой.

В Кожуховском лагере военнопленных и также в других лагерях Центропленбежа, где находятся военнопленные югославяне, ведется агитация и пропаганда постоянно и не только политического характера, а также для вступления в интернациональную Красную Армию, что привело уже до видных результатов. Так, например, в лагере Кожухово записалось из 126 югославян 69 в Красную Армию.

Агитаторская школа

Для того, чтобы подготовить записавшихся добровольцев в Красную Армию, открывается группой агитаторская школа, цель которой разъяснить и образно изложить, для чего они борются, пробудить у них пролетарское самосознание и из них выбрать самых отважных и самых сознательных для будущих агитаторов и партийных работников. Из 68 слушателей два из них народные учителя, а остальные все рабочие и бедные крестьяне.

Срок курсов еще не установлен. Лекции, которые будут читаться ежедневно по два раза в день по 2 часа, следующие: «Устав», «I, II, III Интернационал», «Программа коммунистов», «Социализм», «Капитализм», «Борьба классов», «Империализм», «Буржуазия», «Религия», «Национализм», «Международное положение», «Социальное обеспечение», «Старая и новая армия».

Лекторы тт. Милькич, Павич, Вук, Ольром, Кодрня, Садура и Добник.

Отношение к Красной Армии

Группа направляет всех свободных из более сознательных и ответственных членов в ряды интерчастей Красной Армии по инструкциям Военной комиссии Центральной Федерации иностранных групп.

Литература

В месяце сентябре были напечатаны брошюры:
«Программа РКП, принятая VIII съездом» на словинском языке, в 10 000 экз.
Ленин. «О середняках» на сербском языке, в 10 000 экз.
То же на хорватском языке.
Переведены брошюры:
Фриче. «Что такое буржуазия»,
» «Социализм»,
» «Империализм»,
» «Борьба классов и партий»,
» «Интернационал»,— все на словинском языке.
Ленин. «Политические партии в России и задачи пролетариата»,
» «Ренегат Каутский»,— все на сербском языке.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 81, л. 9.— Подлинник.

№ 21

14 ноября 1919 г.

Отчет о деятельности Румынской группы при РКП (большевиков) за октябрь 1919 г.

Агитация

Румынская группа [11] ведет агитацию среди находящихся в Москве военнопленных, кроме этого, в конце сентября отправила двух агитаторов на Урал и Восточную Сибирь вести агитацию между военнопленными румынской национальности, от которых подробный доклад еще не получен.

Издательство

Румынская группа издает газету «Социальное освобождение», которой в октябре вышло два номера, т. е. №№ 1-й и 2-й по 4000 экземпляров. Из них были отправлены на Южный фронт в Интербригаду 4000 экземпляров и 4000 экземпляров было отправлено во всю Сибирь через своих курьеров. Остальные были розданы военнопленным в Москве.

Агитационные курсы

Румынская группа организует агитационные курсы в Москве и поэтому послала в Сибирь одного товарища набирать слушателей курсов.

Отношение группы по организации Красной Армии

Румынская группа ведет широкую агитацию между военнопленными, чтобы они добровольно поступали в Красную Армию, которая дала удачные результаты.

Член президиума И. Оборочa
Секретарь Ч. Пешта

Москва, 14 ноября 1919 г.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 81, л. 21.— Подлинник.

№ 22

Отчет о деятельности Центрального комитета Чешско-словацких групп РКП (большевиков) за октябрь 1919 г.

I. Организация

В течение октября Центральный комитет созвал три очередных и одно внеочередное заседание.

По инициативе ЦК созвано было в октябре одно пленарное заседание местной московской организации чешско-словацких коммунистов.

Ввиду того, что бывший Австро-венгерский Совет рабочих и солдатских депутатов преобразовался в Федеративный Совет с отдельными языковыми Советами, в том числе и в Совет чешский, Центральный комитет обратился в Наркомнац с просьбой в срочном порядке ликвидировать Чешско-словацкий отдел Наркомнаца и руководство работами, касающимися дел чешско-словацких граждан, передать исключительно в руки Чешско-словацкого Совета рабочих и солдатских депутатов.

II. Агитация

Возвратившийся из своей агитационной поездки в район Восточного фронта член ЦК тов. Букач докладывает, что военнопленных чехов в лагерях, как-то: в гор. Самаре, Уфе и Челябинске, не имеется, потому что они в настоящее время находятся в разных русских частях Красной Армии, так, например, в Самаре — в комендантской роте, в Уфе — в особой роте при губернской Чрезвычайной комиссии и в Златоусте, где формируется один батальон из интернационалистов. Товарищ Букач устроил во всех этих отрядах собрания и митинги. Кроме того, по инициативе тов. Букача в Челябинске было созвано соединенное заседание губпленбежа и представителей коммунистических ячеек из интернациональных рот с целью урегулирования снабжения военнопленных и планомерной агитации между ними. 16 октября был также по инициативе тов. Букача в Челябинске устроен концерт-митинг, на котором участвовало более 300 человек интернационалистов красноармейцев и рабочих.

Благодаря поездке тов. Букача удалось завязать связь с означенными пунктами, в которых сконцентрированы интернационалисты, так что в настоящее время вся восточная прифронтовая полоса снабжается планомерно литературой.

III. Издательство литературы

В течение октября была издана газета «Правда» два раза, в количестве по 3000 экземпляров.

К печати приготовлена брошюра В. И. Ленина «Государство и революция», которой предполагается издать 5000 экз.

IV. Агитаторские курсы

15 октября окончился первый агитаторский курс, и немедленно приступлено к организации второго курса со следующей программой:

1. Экономическое учение Маркса и Энгельса.
2. Политические партии и их программы до и после войны.
3. Коммунистическая программа и диктатура пролетариата.
4. Современный империализм.
5. Вопросы текущей политики.
6. Организация советского строительства.
7. II и III Интернационалы.

Кроме того, параллельно с курсами устраиваются семинары по следующим вопросам:

а. Экономическое учение Маркса и Энгельса.
б. Коммунистическая программа и диктатура пролетариата.
в. Организация советского строительства.
г. II и III Интернационалы.

Посетителями второго курса записалось 14 товарищей как из Москвы, так и из провинциальных организаций.

Срок прохождения курсов установлен двухмесячный.

Лекторами назначены тт. Хораз, Тучек, Пермский, Синек и Бенеш.

Курсанты, проживающие в Москве, получают красноармейское жалованье и товарищи из провинции, кроме жалованья, и квартиру и довольствие в Австро-Совете.

При курсах существует научно-социалистическая библиотека и читальня.

Член президиума группы *[подпись]* [1]
Секретарь *[подпись]* [1]

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 81, л. 19.— Подлинник.

№ 23

3 декабря 1919 г.

В Центральную Федерацию иностранных групп РКП

Уважаемые товарищи!

В ответ на ваше отношение от 26 ноября с/г. за № 769 сообщаем вам на поставленные вами вопросы:

---

[1] Подпись неразборчива.

1. Работа Немецкой группы[12)] была направлена на ведение пропаганды и агитации среди бывших военно- и граждански-пленных, говорящих на немецком языке, находящихся в России.

2. Число организованных членов партии в Москве достигло . 110 чел.
» сочувствующих . . . . 90 »
» членов в провинции приблизительно . . . . . 200 »

3. Сношение с провинцией существует повсеместно, где находится более или менее значительное количество иностранцев, говорящих на немецком языке, как-то: Самара, Екатеринбург, Уфа, Смоленск, Тюмень, Пермь, Челябинск и т. д.

4. Общие собрания группы, как и митинги для военнопленных, происходят еженедельно.

5. Партийная школа и агитаторские курсы состоят при Немецкой группе, но работа наталкивается на затруднения из-за недостатка сил и ограничивается несколькими русскими товарищами, которые читают лекции на немецком языке.

6. Агитаторы и курьеры посылаются в провинцию непрерывно. За последнее время посланы в Сибирь и на Урал лучшие товарищи для партийной работы среди находящихся там военно- и граждански-пленных.

7. Часть членов группы занимает ответственные должности в Советах или в других русских учреждениях, часть — политические работники или коменданты в Красной Армии.

С коммунистическим приветом

Секретарь ЦК Немецкой группы РКП
[подпись][1]

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 81, л. 90.— Подлинник.

№ 24

4 декабря 1919 г.

Доклад в Федерацию иностранных групп

Итальянская группа[13)] стремится организовать всех итальянцев пролетариев и бывших военнопленных, по возможности концентрировать их в Москве. Количество членов в Москве — около десяти, а в провинции — неизвестно, потому что все организованные товарищи состоят в иностранных группах и в русских организациях, так как итальянских групп в провинции пока нет. Связи с провинцией еще не имеется. Группой было устроено четыре лекции и шесть общих собраний. В провинцию послано три агитатора. Все члены нашей группы либо состоят в Красной Армии, либо работают в советских и партийных учреждениях.

Секретарь Година

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 7, ед. хр. 81, л. 36.— Подлинник.

---

1 Подпись неразборчива.

№ 25

Телеграмма 3-го Астраханского интернационального батальона Центральной Федерации иностранных групп с приветствием в связи с годовщиной Октябрьской революции

29 октября 1919 г. [1]

Москва.

Лагани 245 27 23 20 7-Поздравительная.

Москва, гостиница «Дрезден», Федерация иностранных групп коммунистов.

Третий Астраханский интернациональный батальон в годовщину Великой пролетарской революции приветствует в Вашем лице первых организаторов иностранного пролетариата.

Гавро

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 9, ед. хр. 7, л. 39.— Телеграфная лента.

№№ 26—27

План и инструкция по формированию интернациональных частей Красной Армии

№ 26

7 декабря 1919 г. [2]

План формирования интернациональных частей Красной Армии в пределах РСФСР

1. Формированием интернациональных частей Красной Армии ведает Военная комиссия 14) из пяти лиц (от каждой группы по одному члену), постоянно находящаяся в гор. Москве.

2. Формирование интернациональных войсковых частей должно производиться по действующим в Красной Армии штатам, распоряжениям командующего Запасной армией в полном его подчинении, при управлении которой для указанной цели состоит представитель от Военной комиссии с необходимым числом сотрудников, не более трех, выделенных из состава названной комиссии. Сформированные части должны быть обращены на сформирование 1-й Интернациональной бригады.

3. Военной комиссии по соглашению с Центральной комиссией по делам о военнопленных предоставляется открывать для ведения агитации на языках соответствующих национальностей агитационные отделы, являющиеся в то же время и вербовочными пунктами в местах сосредоточения военнопленных.

4. Образование кадров для формирования интернациональных частей производить из коммунистов и им сочувствующих, командируемых Федерацией иностранных групп РКП. Для подготовки комиссаров интернациональных частей Военной комиссией открываются краткосрочные курсы для политических работников при соответствующих группах, и кандидаты для занятия командных должностей должны быть командированы в распо-

---

[1] Дата получения телеграммы.

[2] Дата утверждения плана в Реввоенсовете Республики.

ряжение ГУВУЗа[1] для назначения им проверочных испытаний на соответствующих курсах командного состава.

5. Состав интернациональных частей добровольческий.

6. Условия формирования и штаты должны быть, как в русской Красной Армии.

7. Для руководства агитацией и формированиями в места последних могут быть командируемы три члена Военной комиссии.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 32, л. 41.— Копия заверенная.

№ 27

Инструкция

1. Формирование интерчастей Красной Армии из иностранцев-интернационалистов ведет Военная комиссия при Федерации иностранных групп РКП по формированию интерчастей Красной Армии (Москва, Воронцово поле, 3. Телефон № 3-96-72).

2. Состав интернациональных частей добровольческий.

3. Условия формирования и штаты, как в русской Красной Армии.

4. Все вновь поступающие добровольцы-иностранцы должны быть направлены в гор. Казань в распоряжение и полное подчинение командующего Запасной армией РВСР.

5. Все существующие в пределах РСФСР интернациональные части должны в срочном порядке телеграфом зарегистрироваться при Военной комиссии, причем вменяется в обязанность представлять в Военную комиссию срочно название части, место нахождения и в чьем прямом подчинении, кто во главе части, список командного состава, политработников и красноармейцев-интернационалистов.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 32, л. 39.— Копия заверенная.

№ 28

Из отчета о деятельности Центральной Федерации иностранных групп РКП за 1919 г.

17 февраля 1920 г.

Общий отчет

I. Организационно-агитационная работа

В 1918 г. главной задачей Федерации являлось, как сообщалось в общем отчете за 1918 год, объединение всех коммунистов-иностранцев для общей борьбы против социал-демократов соглашателей и объединение их в III Коммунистическом Интернационале. С этой целью Федерация стремится установить связь со всеми местными организациями иностранных коммунистов на территории РСФСР, и удалось ей, как сообщает отчет, соединить семь языковых групп, а именно: Немецкую, Венгерскую, Чехо-

[1] Главное управление военно-учебных заведений.

Словацкую, Юго-Славянскую, Румынскую, Английскую и Французскую, кроме Финской, Польской и др., т. е. тех, которые создают особые Бюро при ЦК РКП.

В 1919 г. к Федерации приобщается и Итальянская группа, так что в настоящее время Федерация насчитывает восемь иностранных групп и одну организацию иностранных коммунистов в Туркестане. Общее число членов групп при Федерации в Москве и провинции следующее:

Название групп	Итого	Число членов в Москве	Число членов в провинции
Немецкая	400	200	200
Венгерская	724	124	600
Чехо-Словацкая	438	104	334
Юго-Славянская	177	31	146
Румынская	42	27	15
Английская	—	—	—
Французская	—	—	—
Итальянская	10	10	—
Туркестанская организация	1545 в Туркестанской области		
	3336		

Необходимость объединения этих групп в одном центральном органе Федерации мы должны рассматривать с точки зрения самых общих интересов групп, а именно: организационной (организация по одному типу), военной и финансовой, но в вопросах агитации, издательства и культурно-просветительной работы предоставлена группам самая широкая автономия под наблюдением Федерации, которой даются группами отчеты о деятельности за известные периоды времени. Федерация является исполнительным органом, состоящим из представителей от языковых групп, по два от каждой, собирающейся периодически один раз в неделю для обсуждения этих, нами уже указанных всем группам, общих вопросов. (Всех таких собраний за 1919 г. было 30.) В организационно-агитационной деятельности Федерации мы можем наметить два главных периода в 1919 году. Первый — Киевский период, т. е. перенесение всей деятельности в Киев, и второй — Московский, с сентября месяца 1919 года... [1]

В Киеве велась усиленно агитационная работа среди военнопленных и местных колонистов-иностранцев. Издательское дело было централизовано при Южно-Русском бюро III Интернационала. Но в самый разгар работа Киевской федерации прерывается. Падение Венгерской и Словацкой республик, поход Деникина на Украину заставляют Федерацию вновь переносить свою деятельность в Москву.

Московский период. Центр тяжести всей работы в Москве должен был быть перенесен на внутреннюю воспитательную работу в группах. Федерация предпринимает шаги для обязательного устройства группами партийных школ, курсов агитаторов, обязательного обучения всех членов групп, согласно постановлению Всероссийской конференции РКП, по следующей программе: [1] Что такое коммунизм? 2. Путь коммунизма. 3. Экономическая разруха как наследие мировой войны и 4. Коммунистическая программа. Чтобы познакомить членов групп с советским строительством, постановлено Федерацией созывать обязательные собрания для членов всех групп один раз в месяц с докладами русских товарищей... [2]

---

[1] Далее опущен текст об организационной деятельности групп.
[2] Опущен перечень докладов.

Партийные курсы существовали при Венгерской, Чешской и Юго-Славянской группах в количестве восьми выпусков, числом слушателей 205. Расходы на партийные курсы представляют довольно внушительную цифру — руб. 76 458.

Издательское дело и распространение агитационной литературы выражается в следующем: общее количество разных изданий всех групп было: газет в количестве 142 номеров и брошюр 71 в количестве 712 000 экземпляров. Все эти издания целиком распространились среди местных партийных организаций иностранных коммунистов и военнопленных в разных местностях РСФСР. Красноречивой является и цифра расходов на издательство, достигающая в конце 1919 г. суммы руб. 333 930 (сведения с сентября 1919 г.). Подробности об изданиях и газетах, издаваемых в группах, см. в отчетах групп за 1919 г. [1]...

Сумма расходов Федерации для агитационной работы составляет в общем за 1919 г. цифру в руб. 348 302 (сведения с сентября 1919 г.).

Кроме того, мы должны отметить отправку экспедиций в отдаленные области РСФСР, так, например: в освобожденную Сибирь были отправлены три агитационных экспедиции и в Туркестан одна. С освобождением Сибири и Туркестана, т. е. областей, долго оторванных от центра Советской России, областей, в коих находится изрядное количество военнопленных и в Туркестанской области даже одна большая Интернациональная организация коммунистов, Федерация решила внести в организации, возникающие и существующие уже в этих областях, единообразную форму организации по образцу Федерации в Москве и дать этим областным организациям право представительства в Московской Центральной Федерации.

Упомянутые экспедиции получили соответствующие поручения переорганизовать существующую организацию в Туркестане и такую же, если создастся, в Сибири по принципу федеративного представительства, от группы по два представителя, и таким образом централизовать всю организационную работу Федерации, т. е. завести единообразный принцип организации иностранных коммунистов, согласно требованию нового устава РКП в абзаце, касающемся национальных меньшинств. Таким образом, Центральная Федерация в Москве объединяет в настоящее время все организации иностранных коммунистов на территории РСФСР.

В заключение первого пункта общего доклада не мешает заметить и цифры, выражающие общее число писем, полученных и отправленных секретариатом Центральной Федерации за весь 1919 год. Получено 331 и отправлено 856, циркулярных писем группы разослано 3, телефонограмм 5... [2]

III. О Военной комиссии при Центральной Федерации

Мы уже упомянули, что еще тов. Бела Куном и Муной был выработан общий план формирования интерчастей Красной Армии и была создана особая комиссия по организации интернациональных частей Красной Армии. Этот проект удалось в более широких размерах провести в жизнь только в 1919 году. Именно в Киеве возникла довольно крупная интернациональная единица, численностью более 4000 человек, которая находилась все время на Украинском фронте, но в последние месяцы 1919 г., ввиду поредевших рядов и истощения, была отведена в тыл в г. Казань, где в настоящее время преобразуется на новых началах.

Приблизительно в сентябре месяце 1919 года руководство частей интерчастей Красной Армии временно перешло в руки Ревкома Венгрии,

[1] Опущен текст, конкретизирующий порядок распределения агитаторов.
[2] Опущен второй раздел отчета об отношении Федерации к Советам.

чтобы вскоре соединиться во вновь организованной при Федерации Военной комиссии, состоящей по одному военному эксперту от каждой группы. Военной комиссии предстояла громадная задача: 1) переформировать Интербригаду, переведенную в Казань; 2) создать кадр хороших политработников и командный состав и 3) концентрировать все разбросанные интерчасти, включая и Туркестанские, под своим ведением. В конце 1919 г. мы насчитываем в интерчастях Красной Армии, находящихся на учете Военной комиссии, в России — 1155 красноармейцев, в Туркестане — 3000 красноармейцев, итого 4155 красноармейцев (доклад Военной комиссии прилагается) № 2 [1]...

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 9, ед. хр. 2, лл. 16—17.— Копия заверенная.

№ 29

Из протокола 1-й Всероссийской конференции венгерских секций агитпропаганды при ЦК РКП(б)[15)]

22 марта 1920 г.

...[2] 4. Вопрос о Красной Армии.

С докладом выступает тов. Бошкович. В своем докладе он ознакомляет конференцию с историей интерчастей в первое время революции. Далее указывает на то, что организация больших единиц, как бригады и др., не могла быть успешна, ибо всегда чувствовался острый недостаток сознательного и надежного командного состава. Учитывая этот опыт, он находит целесообразным следующие пункты принять к руководству:

1. Интерчасти Красной Армии должны организоваться внутри таковой, не должны иметь какое-нибудь особое положение или права, а должны подчиняться всякому приказанию главного командования Красной Армии.

2. Новые формации [3], по возможности, для политического и военного обучения должны быть отправлены в г. Казань, в распоряжение Запасной армии Республики.

3. Взыскать существующих частей [4], восстановить связь с ними и поддерживать во всех отношениях.

4. Ввиду недостатка высшего командного состава формировать только батальоны или, в особом случае, полк.

5. Для создания сознательного, образованного по военному делу и надежного командного состава открывать курсы красных командиров.

После этого он дает детальный [5] отчет о деятельности Военной комиссии. В Казани, где до сих пор были организованные 4000 интернационалистов, в данное время находятся около 1100 человек, а остальные — на разных фронтах Республики. В Екатеринбурге сорганизовались рабочие батальоны и т. д.

Тов. Бошкович сообщает, что ввиду несуществования Федерации существующая при ней Военная комиссия тоже уничтожается. На месте комиссии будут работать отдельные товарищи в каждом военном учреждении, которые полагаются интернационалистами [6]...

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 92, л. 3 об.— Подлинник.

---

[1] Упомянутый доклад в приложении к данному документу отсутствует. Далее опущено заключение, в котором повторяются основные положения документа.

[2] Опущены пункты протокола, не относящиеся к теме публикации.

[3] Так в тексте, по-видимому, должно быть — «формирования».

[4] Так в тексте.

[5] В тексте ошибочно — «деятельный».

[6] Так в тексте. Далее опущен текст, не относящийся к теме публикации.

№№ 30—32

Резолюции собраний китайских рабочих и красноармейцев об организации коммунистических ячеек и борьбе с контрреволюцией

№ 30

15 мая 1920 г.[1]

Собрание сочувствующих партии коммунистов товарищей китайцев четырех рот 1-го Стрелкового полка Сибирской 3-й стрелковой дивизии [16)]

Заслушав доклад товарищей, указавших нам путь для свободного развития личности и желая быть сознательными, активными работниками и бойцами за правое дело освобождения трудящихся всего мира, мы решили немедленно приступить к организации культурно-просветительной ячейки, для чего избрали из своей среды товарищей, которые будут вести организационную работу просвещения всех товарищей красноармейцев-китайцев 1-го стрелкового полка.

Председателем ячейки избран тов. Чай Де.

Секретарем — тов. Лю Чуен-хуа.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 372, оп. 1, ед. хр. 319, л. 16.— Копия.

№ 31

16 мая 1920 г.[1]

Собрание рабочих товарищей китайцев, работающих на ст. Слюдянка в количестве 150 человек

Считая вопрос по организации Советской власти вопросом жизни и необходимым осуществить для пользы и блага всего населения, мы, рабочие-китайцы, присоединяемся к русским рабочим для совместной борьбы с врагом рабочего класса — буржуазией, капиталистами и контрреволюционными бандами Семенова и др., для чего из своей среды выбираем товарищей, которые, войдя в контакт с местной организацией РКП (большевиков), сольют нас в одну общую рабочую коммунистическую семью.

После голосования выбранными оказались товарищи: председателем — тов. Чжо Син-коу, тов. председателя — тов. Фун Кип-шан, секретарем — тов. Чжу Ба-лин, члены — тт. Ин Сан, Ван Фу, Мен Джен-чан.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 372, оп. 1, ед. хр. 319, л. 19.— Копия заверенная.

---

[1] Дата получения документа Дальневосточным бюро ЦК РКП(б).

№ 32

Май 1920 г.

Собрание рабочих товарищей китайцев г. Верхнеудинска

Заслушав доклад по вопросу о строительстве Рабоче-крестьянской власти в Центральной России, Западной Сибири и в Забайкалье, познакомившись с программой и задачами Российской коммунистической партии (большевиков), мы, собравшиеся рабочие-китайцы г. Верхнеудинска, приветствует Рабоче-крестьянскую власть и РКП (большевиков).

Интересы рабочих и крестьян товарищей русских считаем нашим общим делом. Завоевания революции российского пролетариата считаем нужным защищать, для чего в контакте с рабочими и крестьянами России и Сибири будем бороться плечо о плечо для защиты прав трудящихся всего мира. Для плодотворной работы создаем коммунистическую ячейку, которая войдет в тесное единение с комитетом РКП (большевиков) г. Верхнеудинска для совместной работы партийной и культурно-просветительной.

Китайский рабочий и крестьянин в союзе с рабочими и крестьянами русскими положит конец разгулу семеновских банд и завоевательным аппетитам японских империалистов. Близок тот час, когда над дворцами Пекина и хижинами китайских крестьян будут реять красные знамена освобождения.

Да здравствует единение рабочих и крестьян всего мира!

Долой империалистов и буржуазию!

Да здравствует III красный Интернационал!

Собранием избран президиум: председатель т. М. И. Чу, тов. председателя т. Лю Ай-гуи, секретарем т. Тин Гоан-ин.

Архив Института марксизма-ленинизма, ф. 372, оп. 1, ед. хр. 319, л. 37.— Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Съезд Чешско-словацкой коммунистической партии и Чешско-словацкой социал-демократической рабочей партии в России проходил 25—28 мая 1918 г. в Москве: присутствовало 79 делегатов, которые представляли пять тысяч членов партии (см. Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 97, лл. 20—22). На съезде обе партии слились в одну, которая приняла название Чешско-словацкая коммунистическая партия в России, или Чешско-словацкая группа при РКП(б). Издаваемые ранее этими партиями две газеты слились в одну под названием «Прукопник свободы» (см. док. № 5). **На съезде был избран Центральный комитет.**— 6.

2) 1-й батальон иностранных коммунистов действовал летом 1918 г. под Царицы ном на Котлубанском фронте (станция Гумрак). Батальон был непосредственно связан с Царицынской группой иностранных коммунистов и Советом иностранных рабочих и крестьянских депутатов в г. Царицыне (см. Архив ИМЛ, ф. 17 оп. 11, ед. хр. 383, лл. 1, 3, 13, 15, 23).— 13.

3) С марта 1918 г. при ЦК РКП(б) образуются иностранные группы (секции) РКП(б), вначале Венгерская и Румынская, позднее Югославская, Чехословац кая и Немецкая. Для объединения и направления работы этих групп в ма 1918 г. была создана Федерация иностранных групп РКП(б) как руководящий орган иностранцев-коммунистов под председательством Бела Куна.
Со времени чехословацкого мятежа Федерация начала систематическую организацию красноармейцев-интернационалистов. В центрах скопления военно пленных (в Астрахани, Царицыне, Саратове, Самаре, Казани, Курске, Орле Воронеже, Перми и Твери) были созданы отделения Федерации, объединявши

на федеративных началах ячейки коммунистов отдельных национальностей. Сильные партийные организации военнопленных были в городах Сибири (в Омске, Томске, Красноярске, Иркутске и Хабаровске), а также в Туркестане. Центром, объединяющим сибирские организации, была федерация в Иркутске работавшая в контакте с Центральной Федерацией. Деятельность Центральной Федерации иностранных групп продолжалась до 1920 г.— 14.

4) Речь идет о 1-м Московском Интернациональном коммунистическом отряде, который был создан во время чехословацкого мятежа в Москве для борьбы с белогвардейцами и контрреволюционерами. Из этого отряда посылались части на разные фронты: в Александров-Гай, Пермь, Царицын, Воронеж и на Украину. Позднее 1-й Московский Интернациональный коммунистический отряд был преобразован в 1-й Московский Интернациональный коммунистический запасной батальон.— 14.

5) Мельхер Гильберт — был командирован в Царицын в мае 1918 г. Центральной коллегией для организации интернациональных частей Красной Армии, которая была создана по постановлению 1-го Всероссийского съезда революционных военнопленных, проходившего в Москве в апреле 1918 г. С помощью местных военнопленных Мельхер организовал в Царицыне группу иностранных коммунистов, которая повела работу среди военнопленных. Для объединения военнопленных в Царицыне был образован Совет (Союз) иностранных рабочих и крестьян. Во время пребывания в Царицыне Мельхер вел руководящую работу среди коммунистов-интернационалистов; он являлся также комиссаром, а затем командиром 1-го Батальона иностранных коммунистов; в декабре 1918 г. был откомандирован в распоряжение ЦК КП(б) Украины.— 14.

6) Киквидзе В. И. (1894—1919) — герой гражданской войны, начальник дивизии. В 1917 г. Киквидзе формировал отряды Красной гвардии, командовал крупным красногвардейским отрядом, который затем был развернут в дивизию. Проявил себя как талантливый мужественный командир; погиб в январе 1919 г. в бою в районе станицы Ярыженской (ныне Сталинградской области).— 14.

7) Книжак — командир 2-го Интернационального пехотного полка при Дивизии внеочередного формирования советских войск, которой командовал В. И. Киквидзе (см. Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 11, ед. хр. 383, лл. 31—33, 277).— 15.

8) Венгерская группа РКП (большевиков) возникла в начале апреля 1918 г. в Москве, к декабрю 1918 г. насчитывала более 90 членов. Московская группа организовала коммунистические ячейки в Астрахани, Курске, Орле, Перми, Самаре, Саратове, Симбирске, Серпухове, Царицыне и др., а также в интернациональных красноармейских частях на Пермско-Лысьвенском, Царицынском и других фронтах. Венгерская группа в Москве проводила большую работу среди военнопленных по созданию интернациональных частей, издавала газету «Социальная революция» на венгерском языке, брошюры и агитационные листки.— 17.

9) Французская группа РКП (большевиков) была образована в сентябре 1918 г. и вошла в состав Центральной Федерации иностранных групп; проводила агитационную и пропагандистскую работу среди французов, находившихся в Советской России, издавала брошюры, прокламации, листовки (см. Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 48, л. 41).— 18.

10) Югославянская группа РКП (большевиков) образовалась в марте 1918 г. Группа издавала еженедельную газету «Всемирная революция», брошюры, воззвания, летучки и прокламации на сербском, хорватском и словинском языках. Агитаторы группы проводили работу в Саратове, Самаре, Тамбове, Смоленске, Ташкенте и других городах. К декабрю 1918 г. в группе состояло 112 членов и 320 сочувствующих. В Астрахани, Царицыне, Саратове, Самаре и Черном Яру существовали подотделы и отряды красноармейцев-югославян.— 23.

11) 13 апреля 1918 г. в ЦК РКП(б) было направлено письмо инициативной группы об образовании Румынской группы при РКП(б); в отчете Центральной Федерации иностранных групп за 1919 г. сказано, что Румынская группа была образована в январе 1919 г. С марта 1919 г. деятельность группы переносится в Одессу, где вначале велась нелегальная, а затем легальная работа. В сентябре 1919 г. группа снова переносит центр своей деятельности в Москву. Группа издавала газеты «Коммунист», «Социальное освобождение» и брошюры, а также воззвания на французском языке, которые распространялись среди французских солдат (см. Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 93, л. 1; оп. 4, ед. хр. 31, л. 104).— 24.

12) Немецкая группа РКП (большевиков) была создана в апреле 1918 г. в числе 11 членов. Ее задачей была широкая пропаганда идей коммунизма путем издания брошюр, воззваний и устной агитации среди военнопленных. Группа изда-

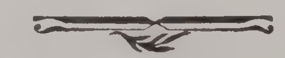
вала газету «Мировая революция», которая распространялась по всей Советской России, а также среди немецких войск, оккупировавших Украину и другие местности.— 27.

13) Итальянская группа РКП (большевиков) была образована в сентябре 1919 г. и вошла в состав Центральной Федерации иностранных групп. Группа проводила агитационную и пропагандистскую работу среди итальянцев, находившихся в Советской России, с целью привлечения их в ряды интернациональных частей Красной Армии (см. Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 4, ед. хр. 49, лл. 1—10). В составе 2-го Интернационального пехотного полка, входившего в Дивизию внеочередного формирования советских войск, находилась 3-я рота, состоявшая из итальянцев (см. док. № 12).— 27.

14) В сентябре 1919 г. на Военную комиссию при Федерации иностранных групп РКП(б) было возложено формирование интернациональных частей Красной Армии. До создания Военной комиссии формированием интернациональных частей занимался Ревком Венгрии, расположенный в Серпухове. Военная комиссия состояла из представителей Венгерской, Немецкой, Чехословацкой, Румынской и Югославянской групп РКП (большевиков). В мае 1920 г. Военная комиссия была упразднена (см. Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 425, л. 105; ед. хр. 474, л. 8; оп. 11, ед. хр. 47, л. 20).— 28.

15) I Всероссийская конференция венгерских секций агитпропаганды при ЦК РКП(б) состоялась 22—23 марта 1920 г. в Москве. Конференция избрала Центральное бюро из 8 членов, обязанности которых заключались в том, чтобы направлять пропагандистскую и агитационную работу венгерских агитационных отделов, действовавших на территории РСФСР вместо прежних организаций военнопленных. По данным Центрального бюро венгерских секций агитпропаганды при ЦК РКП(б), в сентябре 1920 г. существовало 4 областных бюро (в Омске, Казани, Екатеринбурге, Ташкенте) и 76 агитпропотделов (см. Архив ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 92, л. 26).— 32.

16) 1-й Стрелковый Интернациональный коммунистический полк входил в состав 3-й Сибирской стрелковой дивизии Народно-революционной армии Дальневосточной Республики.— 33.

ПРОТОКОЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

(август — октябрь 1917 г.)

Среди демократических организаций армии и флота, возникших после Февральской революции 1917 г., Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) занимает особое место. Этот матросский парламент с первых же дней существования распространял свое влияние на весь Балтийский флот, на все его базы. Созданный по инициативе и под руководством большевиков, Центробалт прочно стоял на революционных позициях. Этому в огромной степени способствовали рост большевистских организаций на кораблях и в частях, а также повседневное руководство и помощь Центрального Комитета большевистской партии (присылка на флот большой группы руководящих работников и т. п.). К VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) в числе моряков Балтийского флота имелось около семи тысяч большевиков, или около 9% численности всей партии [1].

Центральный комитет Балтийского флота был создан в конце апреля 1917 г. и просуществовал до марта 1918 г. Его протоколы, сохранившиеся в Центральном государственном архиве Военно-морского флота, дают возможность восстановить картину борьбы нашей партии за массы на одном из решающих участков — в Балтийском флоте, сыгравшем огромную роль в победе Великой Октябрьской социалистической революции.

Борьба была тяжелой, не обходилось без жертв и отдельных отступлений. Партии приходилось перестраивать ряды, она меняла тактику и вновь вела массы в наступление. Временное правительство, торжествовавшее победу и вынудившее экипажи ряда кораблей в июле принять резолюцию в верности ему, в сентябре получило другую резолюцию, в которой отвергалась власть Временного правительства. Флот шел уже за большевиками и требовал передачи власти Советам. Огромная роль в достижении этих успехов принадлежит Центробалту.

Приказ Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов № 1 от 1 марта 1917 г. о выборах комитетов из представителей нижних чинов как в воинских частях, так и на судах военного флота нашел живейший отклик среди моряков. Уже 3 марта был создан судовой комитет на линкоре «Андрей Первозванный». В те же дни возникли комитеты и на других кораблях. Затем образовались комитеты соединений, дивизионов, бригад, отрядов. В Ревеле возник Местный флотский комитет, руководство которым первоначально попало в руки реакционного офицерства.

---

[1] А. В. Богданов. Моряки Балтики в 1917 году. Воениздат, 1956, стр. 77.

Практика вскоре показала, что работу этих комитетов необходимо объединить и направлять из единого центра. Команды отдельных кораблей и частей стали выдвигать предложения о создании общефлотского выборного органа. Матросская секция Гельсингфорсского Совета, находившаяся под влиянием большевиков, проявила инициативу и разослала во все базы флота приглашение прислать своих делегатов в Гельсингфорс для создания Центрального комитета флота.

К 27 апреля делегаты собрались в Гельсингфорсе. Из них и был образован Центральный комитет Балтийского флота, первое заседание которого состоялось на следующий день, 28 апреля, на транспорте «Виола» (см. ЦГАВМФ, ф. р. 95, д. 5, л. 1). Вначале он состоял из 31 человека, а потом увеличился до 60. Председателем Центробалта был избран матрос-большевик П. Е. Дыбенко.

Через месяц после начала работы — 25 мая 1917 г. Центробалт созвал в Гельсингфорсе 1-й съезд моряков Балтийского флота, на котором присутствовало 256 представителей от различных баз. Своими оборонческими взглядами резко выделялась ревельская делегация. Большевистски настроенную часть делегатов представляли Кронштадт, Гельсингфорс и Петроград. Повестка дня съезда была обширной: доклад Центробалта, проект положения о судовых комитетах, устав Центрального комитета Балтийского флота, «Декларация прав солдат», созыв Всероссийского съезда военного флота и др.

Ожесточеннейшие споры на съезде развернулись вокруг устава. После многодневных прений был, наконец, принят устав, разработанный Центробалтом.

Центробалт по существу устанавливал контроль не только над деятельностью командующего флотом, но и над распоряжениями Временного правительства, касающимися Балтийского флота.

С каждым днем в Центробалте усиливалось влияние большевиков. В Центробалт входили матросы-большевики: П. Е. Дыбенко, Ф. С. Аверичкин, Н. А. Ховрин, П. Д. Мальков, А. В. Баранов и ряд других. Высокую политическую зрелость проявил Центробалт в июльские дни 1917 г. Для подавления демонстрации Временное правительство пыталось стянуть к Петрограду контрреволюционные части. Об этом стало известно Центробалту, а затем и всему флоту. Центробалт назначил в штаб командующего своих комиссаров, которые потребовали ознакомить их с оперативными юзограммами, содержавшими требование срочно прислать в Петроград дивизион миноносцев для расправы с демонстрантами. Командующему пришлось давать по этому поводу объяснение на заседании Центробалта. Посылка кораблей в Петроград была отменена.

4 июля 1917 г. Центробалт с участием представителей 64 судовых и береговых комитетов вынес решение, в котором потребовал от Всероссийского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов взять полностью власть в свои руки, арестовать бывшего помощника морского министра Дудорова и предать его суду за контрреволюционные действия.

Для вручения своей резолюции Центробалт выделил делегацию в количестве 70 человек, которая и отправилась на следующий день на миноносце «Орфей» в Петроград. Вскоре туда же была послана вторая делегация на миноносце «Громящий». По прибытии в Петроград обе делегации были арестованы. Контрреволюционное правительство Керенского в этот период перешло в наступление, были разгромлены редакции большевистских газет, арестованы многие деятели большевистской партии. Временное правительство обрушилось и на флот. 7 июля Керенский издал приказ, в котором, обвиняя флот в неповиновении, требовал: Центральный комитет

Балтийского флота немедленно распустить и переизбрать. Командам и судам флота немедленно изъять из своей среды подозрительных лиц, призывающих к неповиновению Временному правительству, агитирующих против наступления, и представить их в Петроград для суда. Командам Кронштадта и линейных кораблей «Петропавловск», «Республика» и «Слава» в 24 часа арестовать зачинщиков и прислать их для суда и следствия в Петроград, а также принести заверения в подчинении правительству.

Приказ вызвал всеобщее негодование моряков. Кронштадт ответил, что в его среде контрреволюционных зачинщиков нет. «Петропавловск» принял резолюцию, в которой отметал все обвинения и заявлял, что «понесет Красный флаг революции и будет бороться за право народа до конца» [1].

Приступивший к своим обязанностям 10 июля Центробалт (2-го созыва) через несколько дней тоже был распущен, так как показался контрреволюционному Временному правительству слишком «левым».

Через две недели — 25 июля приступил к работе вновь избранный Центральный комитет Балтийского флота 3-го созыва [2]. На этот раз число представителей соглашательских партий в составе Комитета увеличилось, и в первый период деятельности Центробалта 3-го созыва они задавали тон. Председателем Центробалта вместо арестованного Временным правительством П. Е. Дыбенко был избран ярый меньшевик Магнитский. По мере обострения событий в стране и большевизации матросских масс в Центробалте усиливалось влияние левого крыла и тон в его работе стали снова задавать большевики.

Протоколы воссоздают яркую картину событий на флоте. В дни корниловского мятежа, 28 августа, по инициативе большевиков, в Гельсингфорсе был создан революционный комитет, в который Центробалт направил своих представителей. Комиссары ревкома были посланы в важнейшие пункты — штабы, узлы связи. В эти дни Центробалт действовал с прежней решительностью. В своей юзограмме Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету и Центрофлоту он заявил, что «Балтийский флот, стоя на страже свободы и родины, с презрением отвергнул предложение Корнилова» (протокол № 60).

В сентябре Временное правительство опубликовало декрет о переименовании Российской империи в «Российскую республику», без слова «демократическая». Большевики призвали матросов протестовать против этого. 19 кораблей приняли резолюцию протеста и потребовали поднять красные флаги. Под влиянием категорических требований низов, вопреки сопротивлению соглашателей, Центробалт принял решение «поднять на стеньгах всех судов Балтийского флота, а также в береговых частях, красные флаги и не спускать таковые до установления федеративной демократической республики» (протокол № 70).

Массы требовали от Центробалта решительных действий, но засевшие в нем соглашатели тормозили работу. Тогда корабли начали отзывать таких представителей, а затем потребовали их замены.

Балтийский флот, руководимый большевиками, все решительнее выступал против Временного правительства. Об этом говорит, например, конфликт, возникший из-за попыток Временного правительства распустить Центрофлот. Моряки увидели в этом покушение на их демократические права. Происходит бурное заседание Центробалта с участием представителей 80 судовых комитетов. Принимается резолюция, в кото-

[1] П. Сивков. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов. Воениздат, 1946, стр. 144.

[2] Из 60 членов Центробалта 3-го созыва только 24 остались из прежнего состава.

рой Центробалт заявляет, что «больше распоряжений Временного правительства не исполняет и власти его не признает» (протокол № 80. Это был исторический шаг.

25 сентября собрался второй съезд Балтийского флота, ставший знаменательной вехой на пути к Октябрю. Документы съезда и протоколы Центробалта этого периода показывают быстрое нарастание событий. Съезд моряков потребовал от ЦИК Советов немедленного созыва II Всероссийского съезда Советов и выразил недоверие Предпарламенту, названному в резолюции «безответственным министерством».

Съезд отклонил требование правительства о снятии артиллерии с фортов Кронштадта, ввел комиссаров в штабы и части флота и потребовал от ЦИК немедленного удаления из рядов Временного правительства «авантюриста Керенского». Именно после этих событий В. И. Ленин, посылая «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» и призывая их вести подготовку к восстанию, указывал: «...на вашей стороне весь Балтийский флот и все русские войска в Финляндии...» [1]. А еще через неделю, 16 октября, на заседании ЦК И. В. Сталин, настаивая на вооруженном восстании, говорил: «Флот уже восстал, поскольку пошел против Керенского» [2].

Партия готовила восстание. Созданный при Петроградском Совете Военно-революционный комитет установил связь с Центробалтом. На кораблях были выделены боевые взводы. 23 октября Центробалт направил Петроградскому Совету телеграмму, в которой заявил, что Балтийский флот готов по первому зову выступить с оружием в руках. Крейсеру «Аврора» было приказано Центробалтом не исполнять распоряжения Морского генерального штаба о выходе из Петрограда, а оставаться на Неве и выполнять приказы Военно-революционного комитета. По условному сигналу — от ЦК РСДРП(б) и по личному указанию Я. М. Свердлова 25 октября Балтийский флот выслал в Петроград боевые корабли и десантные отряды. Вместе с рабочими моряки штурмовали Зимний.

Центробалт в этот момент превратился в боевой штаб. Он формировал отряды моряков и направлял их в распоряжение Военно-революционного комитета.

27 октября В. И. Ленин по прямому проводу вызвал представителя Центробалта и потребовал присылки в Петроград боевых кораблей и как можно больше оружия. Прибывший к проводу товарищ председателя Центробалта Н. Ф. Измайлов ответил:

— Приступаем к исполнению [3].

* * *

Протоколы Центробалта хранятся в Центральном государственном архиве Военно-морского флота СССР (ЦГАВМФ СССР), в фонде № 95 (ротаторные экземпляры) и публикуются впервые. В печати появлялись лишь отдельные выдержки и резолюции из некоторых протоколов.

В публикацию включены протоколы, относящиеся к периоду подготовки и проведения вооруженного восстания (конец августа—октябрь 1917 г.). В целях экономии места опущены некоторые протоколы (№№ 61, 63, 68. 69, 82 и 88), посвященные административно-хозяйственным и другим вопросам, не имеющим принципиального значения. По тем же соображениям

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 155.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 382.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 234.

ряд протоколов (№№ 64, 65, 66, 67, 70, 72, 73, 75, 78, 81, 84 и 99) дается не полностью; содержание опущенных частей документа оговаривается в каждом отдельном случае. Протоколы №№ 77, 94, 95, 97, 98, 103, 104, 105 и 106 в архиве не обнаружены.

Составитель и редакция выражают свою признательность П. Д. Малькову (бывшему члену Центробалта), предоставившему для опубликования сохранившийся у него комплект протоколов и оказавшему помощь консультацией при подготовке документов к печати.

Публикация подготовлена к печати совместно с научными сотрудниками Центрального государственного архива Военно-морского флота СССР А. А. Муравьевым и И. А. Лившицем.

И. И. Золин

Протокол № 60

28 августа 1917 г.

Заседание открывается в 10 часов 20 минут.

Председатель оглашает предложение считать заседание закрытым.

Тт. Блохин и Савоськин настаивают на открытом заседании, мотивируя тем, что ЦК нечего скрывать от своих выборщиков; т. Рожков говорит за закрытое заседание.

Большинством голосов признано заседание считать открытым.

Председатель оглашает юзограммы Центрофлота [1], министра Керенского и комфлота Развозова и копию телеграммы ген. Корнилова, предъявляющего Временному правительству требования [2].

Открываются прения.

Тов. Баранов, подчеркнув всю тяжесть переживаемого момента, рисует пред собранием Московское совещание и цель его. Оратор указывает, что на этом совещании, с одной стороны, революционная демократия старалась найти общий контакт с буржуазией, с другой стороны, буржуазия открыто пошла против Совета и демократических организаций, обвиняя их в разложении армии, флота и страны. Хотя договор по внешнему виду между враждующими сторонами был как будто бы и заключен, на самом деле единения не было. Не добившись своего, представители буржуазии во Временном правительстве откололись от министров-социалистов, послав Львова к своему единомышленнику ген. Корнилову, проповедующему военную диктатуру, которой мы так страшились. Исходя из вышеизложенного, оратор указывает, что никакие коалиционные министерства не могут спасти страны и революции от угрожаемой опасности; лишь наше единение, наша организованная сплоченность вокруг своих высших демократических организаций даст нам возможность победить контрреволюцию справа во главе с ген. Корниловым, несущую за собой военную диктатуру. В заключение оратор предлагает послать юзограмму Керенскому с выражением ему полного доверия и готовности поддержать его всей мощью флота и требование о немедленном аресте ген. Корнилова.

Тов. Машкевич, сличая юзограммы Керенского и Корнилова, говорит, что, хотя Корнилов и называет юзограмму Керенского ложной, однако, если обратить внимание на распоряжение Корнилова о забрании всех средств связи в руки офицерства, легко догадаться, где правда и где ложь.

Тов. Рожков предлагает вынести пожелание министру Керенскому, чтобы он, действуя, верил и надеялся на нас. Мы должны не только про-

тестовать, но и бороться всеми мерами с надвигающейся на нас военной диктатурой. Относительно средств связи оратор предлагает ЦК взять под контроль все средства связи, находящиеся в распоряжении Балтийского флота, и в заключение предлагает вынести резолюцию об аресте ген. Корнилова.

Председатель, ввиду важности вопроса, предлагает собранию не затягивать прений и вынести по данному вопросу возможно быстрое решение.

Предложения тов. Баранова и Рожкова, а также предложение объявить по флоту телеграммы Керенского, Корнилова и другие собранием принимаются единогласно.

Тов. Сутырин заявляет, что время слов прошло, необходимо действовать и действовать энергично. Оратор считает необходимым осветить командам судов все события, постараться воздержать их от самочинных выступлений. Оглашает телеграммы для распространения по флоту.

Тов. Баранов оглашает телеграмму на имя Керенского.

Редакции телеграмм, предложенных тт. Сутыриным и Барановым, единогласно принимаются.

«Юзограмма № 1271 от 28 августа 1917 года.
Всем судам и частям Балтийского флота.

Центральный комитет Балтийского флота просит всех товарищей спокойно отнестись к событиям, приняты все меры. О всем будем сообщать, предлагаем оставаться всем на своих местах. Не делать выступлений без указания ЦК и уведомлять обо всем. Керенскому и Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету послана телеграмма, что Балтийский флот им верит и их поддержит.

ЦКБФ»

«Юзограмма 1270. Председателю Совета Министров Керенскому.

Центральный комитет Балтийского флота заявляет, что Балтийский флот, стоя на страже защиты интересов революции и родины, не допустит, чтобы контрреволюционные элементы взяли в свои руки управление Россией. Центральный комитет Балтийского флота заявляет министру-председателю, что Балтийский флот поддержит его всей мощью флота и требует немедленного ареста ген. Корнилова и всех контрреволюционеров, причастных к заговору.

Председатель Центробалта Магнитский»

Тов. Савоськин заявляет, что Корнилов со своими приспешниками показал нам на деле, как они защищают родину и революцию. Этот защитник лезет на российский престол. Таких защитников много в штабе армии и флота. Теперь всем ясно, где и откуда надвигается на нас гроза контрреволюции. Подчеркнув единение настоящего собрания и пользу его, оратор говорит, что наши семьи страдали и страдают от войны. Ген. Корнилов, призывая русский народ молить бога о чуде, а сам изменяет родине, заблаговременно очищая фронт, увозя в тыл тяжелые орудия, тем самым способствовал падению Риги.

Оратор предлагает: после экстренного следствия над Корниловым должна быть совершена смертная казнь, им самим выдуманная. Если после 3—4 июля в рядах флота производилась чистка его от мнимых предателей и изменников, то теперь тем более нужно произвести чистку в штабах армии. Мы должны сказать громко, во всеуслышание, что Бал-

тийский флот стоял и стоит на страже революции и, хотя комфлота присоединяется к нам, мы не должны забывать о том грязном пятне, которое лежит на нас незаслуженно за события 3—4 июля. Наши высшие организации и Центрофлот с нами. Вся сила революции в армии и флоте. ЦКБФ должен идти впереди массы и действовать с ней заодно.

Тов. Кабанов. Чудо, о котором говорит ген. Корнилов [и] просит всех молить бога, может совершить лишь сам народ. Оратор указывает, что у нас сейчас есть паразиты, которых при всех удобствах сплавляют за границу, между тем место им и всем подобным не на «Полярной звезде», а под звездой [3)].

Тов. Блохин. Мы должны действовать и действовать энергично. Пора слов прошла, необходимо что-то сделать, дабы предотвратить надвигающуюся опасность, и предлагает обратиться с воззванием к армии, дабы предупредить возможность кровавых столкновений.

Тов. Аверичкин считает положение очень тяжелым, демократия в опасности, положение ее — между молотом и наковальней: с одной стороны, контрреволюционная диктатура; с другой — осложнение на фронтах, защищающих революцию и страну от внешнего врага. Чудес нам не нужно, мы им не верим. Нам надо самим, осмотревшись кругом, трезво и реально принять соответствующие меры. Главное — нужно сплотиться вокруг своих организаций, нужно забыть прежние распри, недоразумения, повлекшие к недоверию ЦК, нужно прекратить происходящие сейчас перевыборы в таковой.

Оглашается ответ ЦК Центрофлоту, а также юзограмма на имя Сов. Сов [1].

«Юзограмма № 1282 от 28 августа 1917 года.

Во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет и в Центрофлот.

Сообщаем ЦИК, что Балтийский флот, стоя на страже свободы и родины, с презрением отвергнул предложение Корнилова. Всеми средствами поддержим Керенского, опирающегося на Советы. Балтийский флот заявляет, что все распоряжения ЦИК будут немедленно исполнены. Сообщайте в ЦКБФ все подробности.

Председатель Центробалта Магнитский»

Тов. Жабский говорит, что контрреволюция предстала перед нами во всей наготе. Мы должны помнить, что только в неразрывном единении наша сила и залог победы над внутренним врагом. По мнению оратора, ген. Корнилов ни на кого не надеется, кроме Государственной думы, почему оратор предлагает требовать немедленного разгона этого контрреволюционного гнезда.

Тов. Меркулов. Давно уже определенными лицами велась травля, загадочная травля против демократии и только слепой этого не видел. Оратор предлагает созвать пленум для того, чтобы действовать объединенно и дружно.

Тов. Измайлов, упомянув о заблуждении, которое разделялось многими, что контрреволюция ведется слева и что большевики ее виновники, предлагает собранию выделить из своей среды членов для наблюдения за средствами связи как в штаб комфлота, службу связи, так и в другие учреждения морского ведомства.

---

[1] Так в тексте.

Тов. Кабанов. Прежде чем собрать пленум, ЦК надлежит вынести по данному вопросу свою резолюцию.

Тов. Рожков, присоединяясь к мнению т. Кабанова, не согласен с Измайловым относительно выборов членов из состава ЦК для контроля в штабах и учреждениях флота мотивируя это тем, что [в] настоящем критическом положении разгонять членов ЦК по штабам крайне нежелательно.

Тов. Сутырин предлагает разослать для сведения на все суда и в организации все юзограммы, полученные ЦК, и ответы на них.

Тов. Блохин считает необходимым сделать распоряжение о неувольнении команды судов на берег. Для ознакомления же с положением дела предлагает представителям от кораблей сходить и разъяснить на месте все необходимое.

Тов. Меркулов указывает, что, внося предложение о пленуме, он имел в виду необходимость обмена мнений с судовыми организациями. Поддерживает предложение неувольнения команд судов на берег.

Тов. Сутырин оглашает обращение к судам, стоящим на Свеаборгском рейде. После краткого обмена мнений собрание постановило: от имени ЦКБФ поднять сигнал: «Всем судам. Не съезжать на берег до прибытия делегатов».

Председатель, объявляя заседание закрытым, просит посторонних удалиться.

Предоставляется слово прибывшему члену Центрофлота т. Саморукову, который в кратких словах охарактеризовывает положение дел в Петрограде в связи с выступлением ген. Корнилова, предъявившего Временному правительству ультиматум. Аресты в гостинице «Астория» [4]. Раскол во Временном правительстве с выходом из состава его членов партии к.-д. Оратор заявляет, что на экстренном заседании ЦИК совместно с Центрофлотом было постановлено организациям все взять в свои руки, назначив всюду комиссаров.

Далее оратор заявляет, что он уполномочен Центрофлотом и ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов передать Центробалту, что[бы] никакие распоряжения, помимо исходящих от Центрофлота, не проводились в жизнь. Тов. Саморуков предлагает во всех штабах и учреждениях усилить караульную охрану и назначить комиссаров от ЦК.

После кратких прений и обмена мнений собрание постановило сейчас же послать представителей по кораблям и уполномочить их в качестве комиссаров для крупных судов, поручив им назначить председателей судовых комитетов своими помощниками и заместителями.

Комиссарами избраны: на «Кречет»— Машкевич и Григорьев, в береговой штаб — Сутырин, в службу связи Сев[ерного] р[-на] — Бурмистров и Жабский, на корабли — Грундман, Блохин, Допченко, Вербицкий, Свиридов, Кабанов, Зубов, Веселков, Романдин, Тупиков и Воскресенский.

Собранием постановлено поднять флаг ЦКБФ.

В 12 часов 30 минут заседание временно закрывается.

В 20 часов 10 минут заседание возобновляется.

Председатель оглашает ряд телефонограмм и юзограмм с последними известиями, оглашается юзограмма из Местного ревельского флотского комитета и приветствие от Кавказской армии.

Оглашается изданное ЦК постановление о неувольнении на берег судовых команд в ближайшие дни.

На протест тов. Ховрина относительно указанного постановления председатель заявляет, что таковое постановление [принято] предыдущим собранием, а потому и прения по сему вопросу считает излишними.

Председатель докладывает собранию, что на пленарном заседании местных организаций в Мариинском дворце постановлено образовать революционный комитет [5)], в состав которого должны войти от ЦКБФ 4 человека.

После краткого обсуждения предлагается наметить кандидатов.

Тов. Аверичкин. Созданная ранее комиссия по делу арестованных на ст. Рихимяки упразднена, и дело передано революционному комитету. Предлагает бывшего члена этой комиссии от ЦК тов. Измайлова утвердить членом революционного комитета.

Собранием т. Измайлов утверждается членом революционного комитета. Также вновь избираются и собранием утверждаются членами в революционный комитет: тт. Баранов, Гордеев и Торнин.

Тов. Свиридов предлагает избранным членам революционного комитета арестовать заведующего Сатакундской флотилией Саблина и бывшего великого князя Кирилла Владимировича за их явную контрреволюционную деятельность.

Председателем вносится предложение: в рассылаемых ЦК для сведения флота бюллетенях воззвание Корнилова полностью не помещать, а только выдержки с соответствующими комментариями, что вызывает оживленные прения.

Тт. Ховрин, Бурмистров и Свиридов настаивают на печатании полностью всех известий. ЦК не следует скрывать от массы всех известий, дабы таковая была в курсе дела, определенно знала бы, кто ее враг и с кем она должна бороться. Ораторы выражают уверенность, что все это будет известно массе другими путями и что ЦК не достигнет преследуемых целей, а лишь вызовет недовольство.

Тт. Рожков, Саморуков, Носов и др. говорят о тех нежелательных последствиях, которые могут иметь место при напечатании подобных известий в газетах, а потому таковые не должны печататься, что же касается сведений для флота, то копия этого воззвания с надлежащими комментариями ЦК, по мнению т. Рожкова, может быть разослана по судам флота.

Тт. Гребенщиков и Скальберг считают воззвание Корнилова и ему подобных вредной контрреволюционной литературой, каковую ЦК не только не может, но и не должен распространять, предоставив это право буржуазной печати.

Поступившие три предложения: 1) т. Магнитского — напечатать выдержки, 2) т. Рожкова — напечатать полностью для флота, не распространяя в газетах, 3) т. Гребенщикова — напечатать выдержки для сведения флота и полностью для членов и комиссаров ЦК,— в порядке поступления ставятся на голосование.

Высказываются за и против:

Тов. Ховрин протестует против сокращения, уверяя собрание в политической зрелости морских команд, которые, по его мнению, отлично могут разобраться во всем и от воззвания Корнилова не расчувствуются.

Тов. Магнитский, указывая на возможность различного впечатления, которое произведет воззвание Корнилова, ЦК не подобает распространять контрреволюционные воззвания врагов родины. Скрывать мы ничего и ни от кого не скрываем.

При голосовании первое предложение принимается, два других отклоняются.

Председатель оглашает юзограмму ЦИК СРС и КрД о выяснении сил, которые могут быть двинуты на поддержку.

Тов. Ховрин задает вопрос: отсюда тоже придется дать для сведения флота только выдержки?

Председатель, призывая т. Ховрина к порядку, просит не иронизировать и не критиковать его слов.

Оглашается ответ ЦК на приветствие Кавказской армии. Собранием одобряется.

Председатель дает разъяснения по поводу исправления редакции мандатов, выданных комиссарам, где, вместо слов «вплоть до оперативных действий», нужно поставить: «исключая оперативные действия».

Тов. Ховрин против такой поправки; указывает, что чинами штаба и командным составом под видом военных операций могут быть произведены политические операции, и настаивает на контроле оперативных действий.

Тов. Магнитский советует т. Ховрину посещать заседания возможно чаще, а в настоящее время предлагает подчиниться постановлению, принятому ЦК; что же касается возможности производства одних операций под видом других, оратор опасности в этом не предвидит ввиду развитости и политической зрелости товарищей матросов, о каковой (зрелости) тов. Ховрин не так давно говорил.

Тов. Саморуков напоминает собранию, что Центрофлот, давая ему полномочия, сделал оговорку не касаться оперативной части флота и предлагает собранию подчиниться постановлению Центрофлота.

Предложение о пересмотре мандатов собранием единогласно отвергнуто.

Во время голосования тов. Ховрин, выражая свое недовольство за недачу слова, говорит: «затыкает» глотку.

Председатель, призывая т. Ховрина к порядку, предлагает ему быть корректнее и в случае недовольства действиями председателя подать письменное заявление или протест.

Заседание в 21 час 25 минут временно закрывается.

В 22 часа 45 минут заседание возобновляется.

Председатель докладывает собранию, что в резолюции, вынесенной на пленарном заседании местных демократических организаций, в одном из пунктов значится, что избранному революционному комитету передана вся власть на случай выступления контрреволюционных сил; кроме того, революционному комитету дано право взять под контроль все службы связи, правительственный телеграф и телефон, штабы и учреждения. Находя принятие такого решения без согласия ЦК недопустимым, так как служба связи, штабы и учреждения морского ведомства должны находиться в ведении только ЦКБФ, дабы все части флота исполняли распоряжения ЦК и распоряжения с ведома ЦК, председатель предлагает собранию высказаться по данному вопросу.

Тов. Меркулов. Центральный комитет Балтийского флота должен ведать всей жизнью флота, местные организации не имеют права вмешиваться в жизнь флота, кроме Центрофлота и высших демократических организаций Петрограда.

Тов. Блохин. На кораблях уже сказано, что распоряжения должны исполняться только те, которые исходят от ЦК и Центрофлота. Все, что касается флота, должно идти через нас, т. е. ЦКБФ.

Тов. Бурмистров, присоединяясь к предыдущим ораторам, говорит, что если мы только согласимся с вынесенной резолюцией пленарного заседания, то этим самым мы устраняем себя от своих прямых обязанностей по отношению к флоту и своим выборщикам. Оратор предлагает внести в данный пункт резолюции оговорку, что штабы, учреждения и служба связи морского ведомства должны находиться в ведении ЦКБФ.

Тов. Вербицкий заявляет, что он был крайне удивлен, прочтя резолюцию пленума, и спрашивает, кто из членов ЦК был на заседании Совета.

Тов. Бурмистров говорит, что в данной резолюции проскальзывает как бы недоверие к ЦК. Мы должны подчиниться революционному комитету, для улаживания конфликта нужно выделить комиссию

Тов. Андреев присоединяется к мнению предыдущих ораторов, но заявляет, что от революционного комитета должны быть тоже представители, ибо и они нуждаются во всех сведениях.

Тов. Аверичкин. Из разговора по телефону с тов. Измайловым выяснилось, что вопрос исчерпан, что в службе связи будут как наши, так и их представители в качестве комиссаров.

Поступившая резолюция т. Магнитского единогласно принимается.

Резолюция: «ЦКБФ постановил: В резолюции, вынесенной Исполнительным комитетом и Областным комитетом [б)], в которой стоит имя и ЦКБФ, должны быть внесены изменения: служба связи, правительственный телефон и телеграф, штабы и распоряжения командного состава, относящиеся к флоту, находятся в ведении ЦКБФ, вышеозначенные же организации могут иметь там своих представителей только для связи».

В 23 часа 20 минут заседание временно закрывается.

В 00 час. 40 минут 29.VIII заседание возобновляется.

Председатель докладывает собранию, что поправки, принятые ЦК на предыдущем заседании в резолюцию пленума местн[ыми] демокр[атическими] орг[анизациями], не принимаются. Председатель указывает на серьезность положения, так как самостоятельное вмешательство революционного комитета в жизнь флота может повести к печальным результатам и недоразумениям. Революционный комитет распорядился назначить людей для караула с судов, что недопустимо на случай выхода кораблей в море. Мною распоряжение приостановлено и разрешено взять людей из береговых частей. Но нельзя гарантировать, что подобных распоряжений больше не будет. Предлагаю послать комиссаров на суда с подтверждением об исполнении приказаний, исходящих только от ЦК или с его ведома.

Тов. Блохин предлагает снестись с революционным комитетом, обсудить и разрешить этот вопрос в окончательной форме.

Тов. Свиридов, поддерживая мнение тов. Блохина, предлагает тт. Саморукову и Аверичкину, совместно с революционным комитетом, уладить конфликт.

Тов. Саморуков, поддерживая предложение тов. Магнитского, указывает, что ЦК уполномочен Центрофлотом и ЦИК взять все в свои руки.

Тов. Меркулов и тов. Блохин высказывают солидарность с тов. Саморуковым.

Собранием постановлено послать на суда комиссаров с наказом от ЦК еще раз подтвердить, что они (суда) должны исполнять приказания только ЦКБФ, тт. Саморукову и Аверичкину — выяснить вопрос совместно с революционным комитетом.

Собрание, выслушав заявление т. Вербицкого о неимении комиссара на линейном корабле №... [1], постановило назначить туда комиссаром тов. Румянцева.

Собранием принято на 29. VIII назначить заседание ЦКБФ совместно с представителями судовых комитетов.

Оглашается юзограмма с дивизиона подлодок.

В 1 час заседание временно закрывается.

В 5 часов 15 минут заседание возобновляется.

Председатель оглашает юзограмму Центрофлота о высылке в Петроград 4-х миноносцев.

---

[1] Номер корабля отсутствует.

Единогласно постановлено: Миноносцы немедленно послать, откомандировать с миноносцами т. Баранова с наказом по прибытии на место явиться с представителями от миноносцев (по три человека от каждого) в Центрофлот для получения дальнейших распоряжений.

В 5 часов 35 минут заседание закрывается.

Председатель Магнитский
Секретарь Петрушев

ЦГАВМФ, ф. р-95, д. 7, лл. 64—66.

Протокол № 62

30 августа 1917 г.

Оглашаются полученные юзограммы:

1) о прибытии из Кронштадта частей войск в Петроград [7];
2) об аресте генералов [8];
3) донесение комфлота Керенскому об отобрании подписок [9];
4) сообщение Центрофлота о переговорах с «дикой дивизией» [10];

Тов. Кабанов дает отчет о поездке в Лапвик [11] для освещения текущих событий. Объехав суда, он вынес отрадное впечатление: команды обещали забыть личные интересы, шкурные вопросы. Все меры на кораблях в смысле контроля предприняты.

Председатель читает резолюцию кораблей «Рюрик», «Богатырь», «Олег», «Андрей Первозванный», «Макаров», «Диана». Команды одобряют действия Гельсингфорсского Совета, задержавшего контрреволюционеров во главе с Вырубовой, считают недопустимым выезд каких бы то ни было контрреволюционеров за границу. Требуют смертной казни контрреволюционерам и конфискации их имущества. Требуют ареста Корнилова, Лукомского, смертной казни им. Ими послана в ЦИК [Советов] крестьянских депутатов юзограмма, что попытка Корнилова разъединить их с Советами рабочих и крестьянских депутатов успеха не имела. На судах учреждены комитеты, контролирующие расшифровывающиеся телеграммы.

Тов. Аверичкин заявляет о постановлении революционного комитета увольнять команды на берег только до 12 часов (24 час.).

Собрание принимает постановление к сведению.

Тов. Баранов — член делегации от кораблей, принявших вышеназванную резолюцию, выражает собранию привет. Метод, существовавший раньше для объединения команд с ЦК, не удовлетворяет нас, поэтому собрание решило создать комиссию по расчету 1 : 250 человек.

Цели комиссии: 1) комиссия должна находиться в распоряжении ЦКБФ для помощи в эти тяжелые дни, 2) должна ходатайствовать перед ЦКБФ о созыве делегатского съезда со всех судов и частей, стоящих в Гельсингфорсе, откуда должны поехать делегаты по другим частям, 3) необходим балтийский съезд для объединения на общей платформе. ЦК должен на этом съезде учесть силы.

Тов. Магнитский. Делегатский съезд Балтийского флота в настоящее время невозможен. Сейчас момент, когда решается судьба родины и революции, на нас лежит ответственная задача — охрана от врага внешнего. Созывая съезд, мы отвлекаем внимание людей от прямого дела. Об общей платформе нам говорить не приходится на съезде, так как из всех телеграмм и постановлений видна одна платформа. Время резолюций прошло, надо делать дело.

Романдин заявляет, что такая мера возникала до корниловских дней, мы хотели связаться с армией, но по сложившимся обстоятельствам это было невозможно. На гельсингфорсском делегатском собрании было заявлено, что ЦКБФ не исполняет их требований, что он должен делать, как думает остальной флот, не известно, поэтому, как острый момент минует, необходимо созвать съезд.

Тов. Саморуков (член Центрофлота). Я являюсь комиссаром от Центрофлота. Съезд Балтийского флота необходим, но не в настоящее время; больше того, съезд будет общефлотский. Делегатам по судам ездить не к чему, лучше флотских организаций нет нигде; насчет сил ЦК я увидел в эти дни, что они достаточны.

Тов. Гребенщиков. У нас говорили о съезде, говорившие согласны с созданием его, но сейчас его сделать нельзя. Пока следует выделить комиссию для подготовки к съезду, отпускать делегатов не следует, так как, хотя проясняется, но еще не все окончено.

Тов. Козлов (член делегации). С посылкой настоящей делегации мы не ослабили боевой мощи кораблей. После падения Риги команда не ездит в Гельсингфорс, при гулянье на берегу не уходит далеко, чтобы быть все время готовыми. Съезд должен быть созван в ближайшее время, теперь же можно подготовлять его.

Тов. Мяснецов (член делегации). Нам кажется, обсуждая созыв съезда, мы учитываем необходимость сохранения боевой готовности кораблей. Съезд необходимо созвать теперь же.

Тов. Мохов. Мы поднимаем вопрос о съезде и все откладываем. Здесь, в Гельсингфорсском Совете, есть недоверие к ЦК, поэтому съезд необходим теперь же и не только балтийский, но и всероссийский. Та масса как на судах, так и работники в комитетах идут не совместно, надо достигнуть единения. Как прибывшая делегация, так и члены съезда не могут ослабить боевой силы кораблей.

Тов. Войцеш. Мы отстаем от масс, а тем более отставшие подравнялись, нам нужна общая платформа с массой. Если мы будем работать с массой как и раньше, то наживем вместо Корнилова какого-нибудь Сидорова или Иванова.

Тов. Баранов (член делегации). Удивляется словам председателя: действительно, время слов миновало, надо делать. На флот возлагается обязанность привести остальные массы в сознание. Страна не уясняет еще, что надо делать, наша обязанность помочь. Команды, посылая нас, не послали последних работников. Нужен скорейший съезд, пока же необходимо созвать делегатское собрание от частей и судов Гельсингфорса.

Тов. Рожков. Мне странно было слышать предыдущих ораторов. Все постановления ЦК исполняются всеми комитетами, значит, он пользуется доверием. Не надо комиссии, как предлагает Гребенщиков. По уставу, выработанному Центрофлотом [12], ЦК может собирать съезды, задача съезда утвердить работу ЦК, которая еще не велика, так как ЦК не так давно ее начал.

Тов. Донченко приветствует делегацию. Первая наша задача - потребовать не коалиционного правительства, а социалистического, только при нем мы можем победить врага и сохранить революцию.

Тов. Богачев. У делегатов глубокое понимание момента, мы все должны быть солидарны, на вчерашнем собрании гельсингфорсских делегатов было недоверие к нам, высказались даже, что это контрреволюционное гнездо. Нужен съезд, но сейчас он по военным обстоятельствам невозможен. На съезде будет понимание, создастся общая платформа, боевая стойкость не будет нарушена съездом.

Тов. Богданов (представитель от линейного корабля) находит, что забрались глубоко, он против съезда. Мы, балтийцы, мыслим одинаково, и разногласия бывают на мелких вопросах, как жалованье и другие шкурные интересы. Нужен съезд не балтийский, а всероссийский. В Петрограде уже есть общефлотский съезд — это матросский университет [13], в котором имеются представители, лучшие люди. Новый созыв потребует много времени.

Тов. Саморуков (член Центрофлота) против такого предложения. Эти люди ехали учиться, не имеют мандатов и не лучшие люди.

Тов. Носов напоминает, что местное делегатское собрание всегда было левее, но в ЦКБФ есть [представители] от различных частей, и выборы производились после событий 3—5 июля, когда люди были более правого направления. Съезд покажет, кто более прав — мы или гельсингфорсское делегатское собрание.

Тов. Ховрин. Съезд нужен. У нас крупные ошибки по финляндскому вопросу, и только в аресте эмигрантов мы были согласны с массой.

Тов. Васянин. ЦКБФ обвиняют, что он не идет за массой, а масса требует, чтобы мы ходили на костылях, когда мы ходим на ходулях. Масса только что требовала отмены смертной казни, а теперь за смертную казнь.

Тов. Вербицкий. Мы должны созвать делегатское собрание совместно с судовыми комитетами, а потом — съезд.

Тов. Скальберг за комиссию, которая должна разработать технику съезда и созыв съезда при подходящих условиях. У нас разногласие с делегатским собранием только по вопросу об отпусках, в финляндском вопросе ЦК стоял на правильной точке.

Собрание выслушивает делегатов, побывавших на большом числе кораблей с анкетой по вопросам момента.

Представитель делегации т. Молчанов говорит: Выражали ли вы мнение массы? Нет. Наши товарищи задались вопросом, как смотрит масса на ЦКБФ, идет ли он с ней. Нас на судах встречали сначала холодно, но потом настроение было прекрасное. В Рижском заливе нам говорили офицеры, что мы играем в руку немцам, приезжая сюда и внося разногласие.

Другой член делегации т. Логинов говорит, что представители Ганге-Лапвик взяли инициативу опросить корабли и нашлась резолюция, которая объединила ревельские суда, всегда бывшие более правого направления. Они считают, что члены ЦК не должны выражать свое личное мнение, а только масс. Вопрос о спасении родины не должен быть первостепенным, так как без свободы нет родины, спасение революции тесно связано с родиной, они одинаково ценны. Члены матросского университета — шовинисты и не могут отражать массы, почему необходимо созвать съезд из новых людей. Вы должны идти впереди масс. У нас были аресты вождей революции, и никто из комитетов не выразил протеста. Вы должны защищать истину и не допускать арестов.

Объявляются вне очереди поступившие телеграммы:

1) о возвращении делегатов от головной части отряда Корнилова,

2) воззвание ЦИК о неисполнении приказов Корнилова.

Читается протокол общего собрания команд судов Ганге-Лапвик, в котором говорится: настоящее правительство ведет борьбу с левым крылом, арестует его вождей и не допускает критики своих действий. Собрание требует передачи власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, увольнения в отпуска, отправки бывшего царя в Кронштадт.

Под протоколом подписи команд следующих кораблей и частей: 1-й дивизион подлодок, «Петр Великий», команда 5-й отдельной батареи Пр

морского фронта морской крепости, линейного корабля «Петропавловска» — с добавлением требования ответственной власти перед лицом всей русской демократии, законодательного утверждения 8-часового рабочего дня и объявления земли народным достоянием. Введение контроля над промышленностью, введение всеобщей трудовой повинности, выборность начальников в армии и флоте, отмена смертной казни навсегда, освобождение политических борцов и, наконец, требование представительства в Учредительное собрание от армии одного члена на каждые 50 тысяч. «Полтава», «Слава», «Гангут», «Севастополь», «Диана», «Лена», «Нарова», «Амур», «Забияка», «Орфей», «Подвижный», «Рюрик», «Богатырь», «Олег», «Победитель», штаб 2-й воздушной бригады, «Андрей Первозванный», «Россия», «Громобой», 428-й Лодейнопольский пехотный полк, «Резвый», «Прыткий», «Бобр», Абоский флотский полуэкипаж, «Республика», Воздушная ст. №, ми[ноносцы] № 216, № 218, «Гром», «Лихой», 1 Кронштадтский кр[епостной] пе[хотный] полк, «Рьяный», «Изяслав», Машинная школа Балтийского флота, Учебный минный отряд, «Океан», Учебный артиллерийский отряд, Кронштадтский флотский полуэкипаж.

Тов. Магницкий. Так много говорили, что и охватить все трудно. Недоверие к Центральному комитету есть, но оно вызвано искусственно теми, кому может принести пользу. Поддержку в решении шкурных вопросов — о жалованье, отпусках и пр. мы всегда встретим. Товарищи говорили, что ЦК не исполняет воли и не выражает мнений своих избирателей, сказано это за весь флот очень смело. Разве отказ ЦК присоединиться к резолюции с 48-часовым ультиматумом, предложенной Гельсингфорсским делегатским собранием, есть проступок против всего флота? Я могу доказать документально, что не все согласны с вышеназванной резолюцией. Мы призваны сюда не только выражать мнения своих выборщиков, но и охранять своих доверителей от неосторожных, ложных шагов и от влияния безответственных демагогов и также решать дела, касающиеся интересов флота.

Товарищи, не забывайте событий 3—5 июля. Больно про них вспомнить. Когда здесь в те дни выносились известные всем резолюции, сколько было речей, сколько подъема, воинственности, обещаний на поддержку, и что же в результате? После ареста некоторых членов ЦК и делегации, Центральный комитет остался один. Вспомните, товарищи, резолюции, выносимые после этих кошмарных событий? Что говорили в Мариинском дворце, что ЦК взялся не за свое дело, начав решать политические вопросы. Товарищи, про это говорить тяжело, но забывать не следует. Центральный комитет не митинг, а учреждение; потеряв его первый раз, мы потеряли очень много, потеряли силу, потеряли влияние, потеряли уважение, восстановить вновь нужно много энергии, много тактики. Потерять ЦК еще раз я считаю преступлением.

Свобода завоевана, ее нужно защищать, ее нужно охранять и не резолюциями. Мне тяжело слышать, когда говорят о спасении революции и не вспоминают о спасении родины. Нет свободы без родины. Жизнь идет вперед, о чем говорили вчера, о том поздно говорить сегодня. В прочитанных резолюциях говорится о правительстве. У нас сейчас правительство — комитет министров, поддерживаемый демократией. Предложенные резолюции, на которых собраны подписи многих кораблей и частей (каковые, должен заметить, производились без ведома и согласия ЦК), нужно переработать, чтобы вынесенная вновь резолюция соответствовала моменту.

Товарищи, съезд не может быть собран теперь же не потому, что [это] нарушит техническую боеспособность флота (хотя и это отчасти есть), а моральную. Выборы и ход работ съезда вызовут вполне понятное отвлечение внимания товарищей, стоящих на передовых позициях, от дела.

так остро сейчас стоящего перед нами, отражения внешнего врага. Устрой ство различных комиссий и подготовительных работ я считаю обманом самих себя. Все уже выработано, все уже есть, когда можно будет созвать съезд, он будет созван. Всероссийский флотский съезд необходим и он будет, об этом заботится Центрофлот и, я надеюсь, доведет работу до жела тельного конца.

Тов. Иконников. Бросают обвинения ЦК, будто он не оправдывает доверия. За что я голосую — я отдаю отчет. ЦК есть не митинг, где можно бросаться с земли на крышу и обратно, это ответственное учреждение У нас разногласия были только о матросском жалованье, отпусках и ад мирале Вердеревском. Есть люди, которые работают за кулисами.

Тов. Рожков. Первая резолюция была вынесена митингом, и масса на митингах всегда присоединяется, с какими бы директивами ни приез жали. Я даю отчет перед выборщиками и ответственен перед ними, если я неверно иду, то меня могут отозвать. Съезд не нужен: я убежден, что если поехать по судам и объяснить наши решения, то команда нас оправда ет. Мы ходатайствовали перед Центрофлотом, который не может обойти об отпусках. Нам надо считаться с армией, с демократией России.

В 13 часов делается перерыв заседания.

В 14 часов 40 минут заседание возобновляется.

Тов. Ховрин. Съезд необходим всероссийский, но еще больше — балтийский, нам надо отграничить деятельность делегатских собрани и комитетов. Не настолько товарищи глупы, что не могут выносить таки резолюции, какие мы имеем сейчас, тут говорится не о шкурных интере сах, а о политических, о власти государственной. Что нас двигает в ре волюции, как не шкурные, экономические вопросы. Магнитский сказал что требовать сейчас отпусков — преступление, а кто их придумал запре тить. Какая власть нужна, мы должны решить сами или созвать съезд.

Тов. Меркулов. В балтийском съезде мы почерпнем силу, нам н придется отчитываться перед ним. Вопрос о доверии не должен быт в опасные моменты, а критика действий ЦК должна быть.

Тов. Мехнецов глубоко возмущен, что делегацию не так поняли Говорили, что массы могут вынести какую угодно резолюцию в зависи мости от того, кто приехал. Когда приехал Лебедев, то его не поддержали и он должен был быстро удалиться. Мы приехали защищать интерес совместно с вами. Временное правительство поддерживалось народом, ко гда оно обещало удовлетворить массы, но это оказалось словами, масс ищут чего-то другого. Временное правительство всегда просило поддерж ки, но завоеванные свободы все больше уходят. Ллойд Джордж говорил что наше правительство починяет старую машину, и народ должен привы кать столько лет к свободе, сколько жил под гнетом. Он призывал импери алистов поддержать починку николаевской машины.

Тов. Козлов (член делегации). Удивляется, откуда взяли недовери к ЦК. Вы должны рассмотреть внесенные резолюции. В этот критиче ский момент мы хотим работать вместе с вами. Когда был прорыв у Риги то к нам в судовой комитет поступило много заявлений о прекращени отпусков и усилении занятий. Если говорить о неудобствах съезда во вре мя военных действий, то и Учредительное собрание нельзя созвать в время войны.

Тов. Носов. О балтийском съезде говорить не приходится, он нужен так как у нас нет совместной работы с местным делегатским собрание и у нас были разногласия с ним. Чтобы не было разногласий, недоразуме ний, необходим съезд.

Тов. Донченко. Всем известно, что ЦК есть высший орган, вес Балтийский флот должен к нему прислушиваться, и наша обязанност

обсуждать общеполитические вопросы. Мы должны дать ответ только выборщикам, а не высшим организациям.

Тов. Рожков. Зачем искать факты, у нас ездили представители в Рижский залив и нам вынесли поддержку. «Петропавловск» и «Гангут» вынесли необходимость подчинения и согласованности в действиях ЦК, когда я объяснил им все. Если масса хочет менять комитеты, как перчатки, то ничего из их работы не выйдет. Сейчас надо удержать массу от единичных выступлений.

Докладчик. Здесь говорили о съезде, но ничего не сказали о том, что надо делать с контрреволюцией. Мы не можем сидеть спокойно, когда от нас требует помощи ЦИК. Мы вам верим; на мой взгляд, с армией дело обстоит не совсем благополучно в смысле контрреволюции. ЦК должен взять инициативу в проведении наших политических вопросов, а мы будем спокойно стоять на позициях против немца. Мы ночи не спим, волнуясь отказами генералов и не доверяя своим офицерам. Ваша обязанность отыскивать виновных, а наша — уничтожать, только ЦК может нам приказывать. У ЦК колебания по отношению к нам, а не у нас к нему. Нельзя спасать только страну, надо спасать и революцию. Ведь и Корнилов призывал спасать страну. ЦК стоит выше к высшим начальникам и должен лучше знать, кто виноват, и требовать, а мы вас поддержим. Если ЦК бездействует, то судовые комитеты мало значат.

Предлагает услуги делегации в качестве агитаторов и говорит, если мы пойдем от ЦК, то будем иметь вес, живое слово объяснит самому темному мужику лучше газеты и книг. Отпуска нужны для пропаганды, тогда мы не будем иметь в деревенских комитетах помещиков и попов. Если мы не будем ездить в армию и деревню, то нас возьмет Питирим [14)], который хуже Корнилова.

Тов. Владимиров. Если бы не было нашей поездки по кораблям, то не было бы тех ценных данных, которые мы сейчас представили. Масса недовольна, не знает, что творится в ЦК, так как члены его в Рижский залив приезжают редко. Наша поездка не нарушила авторитета ЦК, он знает теперь, как настроена масса. Это выражено в резолюциях.

Тов. Магнитский. ЦК всегда при решении вопросов считал необходимым быть последовательным, как учреждение, и члены его проникнуты сознанием этого. У нас не отдельная республика, у нас есть высшие демократические организации, с каковыми мы обязаны считаться.

Формулирует резолюции, разделяя их на 5 пунктов:

1) о созыве съезда Балтийского флота;

2) о необходимости созыва всероссийского общефлотского съезда;

3) о необходимости созыва Всероссийского Совета [1] Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов;

4) каков должен быть состав правительства в настоящее время;

5) о применении самых решительных мер против изменников родины и революции.

По пункту 1-му т. Ховрин говорит за созыв съезда 15—20 числа с/м. [1].

Тов. Магнитский — когда острый момент опасности страны минет.

Результаты голосования: за съезд 15—20 с/м — 20 голосов, за съезд при первой возможности — 21 голос.

По пункту 2-му против говорит т. Богачев.

Тов. Саморуков — как пожелание за необходимость съезда. Результат голосования: за — 31 голос, против — нет. Воздержавшихся — 2.

По пункту 3-му. Результат голосования: за съезд — большинство при трех воздержавшихся.

[1] Так в тексте.

По пункту 4-му. Результат голосования: за необходимость настаивания на социалистическом составе правительства — большинство, против — 4, при трех воздержавшихся.

По пункту 5-му. Результат голосования: за — большинство, при трех воздержавшихся.

Предложение делегации своих услуг ЦК в качестве сотрудников с благодарностью принимается. Президиуму предлагается выяснить, когда и какие работы могут быть предложены членам делегации.

В 18 часов 30 минут заседание закрывается.

Председатель Магнитский
Секретарь Солонский

ЦГАВМФ, ф. р-95, д. 7, лл. 69—71.

Протокол № 64

1 сентября 1917 г.

...Заседание открывается в 10 часов 25 минут [1].

После оглашения ряда юзограмм с последними известиями, председатель знакомит собрание с редакцией ответа (юзограммы) Керенскому и обращения к флоту по поводу расстрела в Гельсингфорсе офицеров с линейного корабля «Петропавловск».

Возникают прения по поводу редакций ответа и обращения.

Тт. Иконников и Солонский говорят, что прежде чем выработать форму обращения, необходимо собрать по этому вопросу официальные данные для выяснения факта.

Представитель «Петропавловска» тов. Блохин заявляет, что на собрании команды Петропавловска» в его присутствии было решено офицеров, не давших расписок в подчинении Временному правительству, отправить в революционный комитет. После его отъезда вынесена была другая резолюция с решением расстрела указанных офицеров, что должен был сделать выделенный по жребию караул.

Предложение тов. Баранова о собрании официальных документов по этому делу и передактировании обращения на основании данных собранием принимается. По вопросу об ответе на юзограмму Керенского собрание, заслушав редакцию юзограммы тт. Сутырина и Богачева, соглашается с предложением тов. Баранова предоставить право президиуму, взяв в основу две оглашенные редакции, составить ответ.

Заслушав резолюцию Ревельского собрания депутатов флота об отправке генерала Долгорукова в Кронштадт в распоряжение Кронштадтского исполнительного комитета, некоторые ораторы высказывались за отправку арестованного в Центрофлот, тов. Войцеш и др. находили, что ЦКБФ должен присоединиться к указанной резолюции, которую без сомнения поддержат суда свеаборгского рейда.

Тов. Рожков указывает, что не все требования команд подлежат обязательному выполнению со стороны ЦК и что для генерала Долгорукова хватит места и в Петропавловской крепости.

Тов. Баранов, указав собранию на шаткость авторитета ЦКБФ, говорит, что в данный тяжелый момент нам необходимо пойти навстречу требованиям команд, дабы окончательно не подорвать к себе доверия масс. Большинством голосов собрания решено присоединиться к вынесенной ревельцами резолюции и просить об отправке арестованного генерала Долгорукова в распоряжение Кронштадтского исполнительного комитета.

[1] Опущена первая часть протокола заседания Центробалта (начавшегося 31 августа), созванного в связи с расстрелом четырех офицеров линкора «Петропавловск».

Тов. Сутырин вносит предложение обсудить вопрос о пребывании члена ЦК в Москве на поместном соборе и об отозвании названного члена.

Тов. Облонский оглашает письмо тов. Байшева, в котором последний, описывая настроение и состав поместного собора в Москве, указывает на отсутствие какой-либо пользы его для демократических организаций.

Тов. Сутырин предлагает собранию принять оглашенную им резолюцию.

Тов. Носов, обсуждая отдельные пункты резолюции, указывает на необходимость отделения школы от церкви и потом уже церкви от государства.

Тов. Романдин предлагает для полноты указать в резолюции номер и число газеты, где указывалось на контрреволюционное направление собора в связи с корниловщиной.

Тов. Скальберг указывает на неточность, допущенную в резолюции, где говорится о суммах, отпускаемых для нужд собора от государства, тогда как средства ассигнованы из отдельных сумм.

Тов. Иконников. Вынося подобные резолюции, нужно иметь какие-либо официальные данные, на которые можно было бы опереться.

Тов. Баранов предлагает тов. Сутырину собрать нужные сведения по данному вопросу.

Тов. Сутырин оглашает две резолюции с некоторыми незначительными изменениями в первой.

Некоторые ораторы высказываются против отозвания члена от ЦК из поместного собора, видя в этом ущерб для дела демократии.

Тов. Рожков, учитывая тяжелое положение нашего представителя, находящегося в меньшинстве левой группы собора, находит отозвание его необходимым, полагая, что нашему примеру последуют все другие демократические организации. Оратор находит, что таким путем можно прекратить существование самого поместного собора и предлагает протестовать против него.

Тов. Богачев, присоединяясь к мнению тов. Сутырина, считает необходимым перед всей Россией высказать свой взгляд, свое отрицательное отношение к собору за его агитацию в пользу корниловщины.

Тов. Блохин, подтверждая факт единения Корнилова и собора, предлагает путем протеста способствовать ликвидации его.

Обе резолюции тов. Сутырина в порядке поступления ставятся на голосование, причем первая из них, получившая 33 голоса, собранием принимается.

Внесенная тов. Романдиным поправка, вместо слов «награбленных» — «собранных», собранием принимается.

Внесенное тов. Романдиным предложение о разрешении вопроса зимовки на яхте «Полярная звезда» собранием отклоняется.

Вернувшийся из Петрограда т. Кузьмин докладывает о событиях в связи с мятежом ген. Корнилова. Побывав с отрядом матросов 2-го Балтийского флотского экипажа в районе расположения «дикой дивизии», двигавшейся по приказу Корнилова на Петроград, оратор охарактеризовал настроение корниловских войск, подчеркнув, что войсковые части были введены в заблуждение Корниловым, который ложно говорил им о беспорядках в Петрограде в связи с перешедшей будто бы властью в руки большевиков. Оратор указывает, что, благодаря их присутствию, некоторые части корниловских войск, узнав истинную суть дела, высказались за присоединение к Временному правительству и неповиновение Корнилову.

После сделанного доклада в 12 часов председатель объявляет заседание закрытым.

Ответная юзограмма Керенскому

«Петрогенмор, Главковерху, Минмору на юзограмму 10593.

Центробалт сообщает, что все меры для предотвращения эксцессов в Балтийском флоте и его портах были приняты с начала измены Корнилова.

Спокойная жизнь, направляемая комиссарами Центробалта, не нарушалась. Случай казни во всем флоте пяти офицеров зависел от раздраженного состояния команды, вызванного действиями этих офицеров.

Тов. председателя Баранов».

Юзограмма всем судам и частям Балтийского флота

«Сегодня ночью по постановлению команды линейного корабля «Петропавловск» совершен чинами этого корабля на берегу расстрел арестованных четырех офицеров: лейтенанта Тизенко, мичманов: Михайлова, Кандыба и Кондратьева, отказавшихся дать подписку в полном подчинении высшим демократическим организациям. Объявляя об этом по флоту, Центральный комитет Балтийского флота находит подобное действие не согласованным с принципами демократии и просит товарищей во имя спасения завоеваний революции и сохранения боевой мощи флота никаких насилий и самосудов, налагающих пятно на честь революционного Балтийского флота, не чинить. Если же имеются изменники делу демократии, то их следует сдать для предания строгому революционному суду. № 1378, 1 сентября 1917 года, Центральный комитет Балтийского флота».

Резолюция о поместном соборе 1 сентября 1917 года

«ЦКБФ, узнав, что члены поместного собора православной церкви в Москве агитируют за успех корниловщины, постановил:

1) срочно отозвать представителя Балтийского флота Байшева, чтобы обнаглевшие иерархи православной церкви, проводя в жизнь свои черносотенные замыслы, не могли пользоваться участием революционного авангарда;

2) категорически протестовать против отпуска сумм из средств государственного казначейства на существование собора в то время, когда казна России питается печатными станками, а монастырские стены потрескались от чрезмерной их перегрузки золотом и драгоценностями;

3) требовать от власть имущих немедленной конфискации всех церковных и монастырских средств, собранных обманным путем с темного трудового крестьянства, и обратить их на нужды революции и войны;

4) требовать отделения церкви от государства не путем всероссийского собора, а изданием немедленного декрета революционной власти.

Тов. председателя ЦКБФ Баранов
Секретарь Солонский»

Вр. и. об. председателя Баранов
Секретарь Петрушев

ЦГАВМФ, ф. р-95, д. 7, л. 80.

Протокол № 65

3 сентября 1917 г.

...Заседание открывается в 14 часов 25 минут [1], в присутствии 41 члена.
Оглашается юзограмма из ЦФ — есть приказ о снятии контроля с ап-

[1] Утреннее заседание, на котором представитель ЦИКа Н. Д. Соколов выступал с докладом о корниловщине, опускается.

паратов, объявлена демократическая республика, на 12 сентября[1] назначается Государственное совещание.

Председатель. Я послал комиссара к комфлоту с указанием о необходимости задержать снятие контроля в Рижском заливе, где есть возбуждение команд. Просит выбрать в товарищи председателя вместо Грундмана.

Тайным голосованием избранным оказался т. Романдин 25 голосами.

Гребенщиков говорит о необходимости иметь помощника делопроизводителя, как знающего все дело и организацию выборов на предстоящий съезд, почему просит кооптировать для этой цели тов. Грундмана.

Иконников не согласен отвлекать инженера с «Громобоя» на канцелярское дело. Из нашей секции тов. Бурмистров может заменить Грундмана.

Магнитский. Грундман необходим нам временно.

30 голосами против 9, при 6 воздержавшихся, тов. Грундман кооптировался.

Оглашается резолюция ЦФ: самосуды недопустимы, они подрывают мощь флота и ставят организацию перед вопросом отказаться от работы.

Ховрин указывает, что у нас по этому поводу резолюция и другие резолюции нам не нужны.

Председатель стоит за присоединение к резолюции, наша резолюция слишком мягка, мы не разбираемся по существу, но сам поступок должен вызвать наше порицание в резкой форме. Каждый из членов не оправдывает таких действий, такое впечатление я вынес при обсуждении.

Машкевич. Нам рекомендуют говорить с командой резко, а с комитетами высказываться мягко.

Аверичкин не осуждает действия команды «Петропавловска», другие команды стоят на этой же точке зрения, но как учреждение мы должны присоединиться к резолюции ЦФ.

Ховрин. Мы миндальничали на «Полтаве», уговаривая в течение 2-х суток не делать насилий. Если бы мы говорили, что в случае повторения эксцессов складываем полномочия, то не достигли бы успеха, это не предупредило бы собраний.

Бурмистров. Если существуют центральные организации и происходят подобные случаи, то это ясно доказывает, что с нами не считаются.

Жабский. Тут приходится требовать справедливости: товарищи, действовавшие так, поступили неправильно, это была месть, а не самосуд, и если на наши постановления не обращают внимания, то нам здесь нечего делать.

Кузьмин. Надо вынести твердое порицание команде «Петропавловска», если вынесли резолюцию с требованием отмены смертной казни, а теперь устроили самосуд.

Меркулов. То, что случилось, недемократично, нужен суд правильный, нельзя издеваться над личностью, кто бы это ни был — офицер или матрос. Нас будут упрекать буржуазные газеты, что мы не организованы, нас никто не слушает.

Мохов. Зачем говорить о резолюции, когда она у нас есть, команда не доверяет судам, так как Гучковых и Вырубовых они выпускают. Нам надо устроить революционный суд, которому бы верили матросы.

Веселков не одобряет самосудов, но, поставивши условием сложение полномочий, мы тем самым все дело подвергаем опасности, может быть в самый тяжелый момент.

Гребенщиков. Сложением полномочий мы можем привести весь флот в развал, наша задача предупреждать собрания.

---

[1] В тексте ошибочно — «1 сентября».

Солонский. То, что случилось, поздно и это надо сказать.

Басалаев говорит против резолюции, команда заслуживает не слезного порицания, а суда.

Председатель. Мы хотим справедливого суда, то, что было на «Петропавловске» не суд, а самосуд, демократия не хочет таких действий. Поступок кошмарный, что мы и должны заклеймить. Казнь есть позор человечества. Кто может сказать, что это был не самосуд. Мы не должны существовать, если с нами не будут считаться, если возможны еще повторения подобных случаев.

Сутырин предлагает поименное голосование.

За присоединение к резолюции голосуют: тт. Жабский, Гребенщиков, Логинов, Носов, Доброхвалов, Петрушев, Солонский, Бурмистров, Скальберг, Гринев, Васянин, Гржибовский, Федянин, Торпин, Кузьмин, Бальмен, Марюшкин, Семенов, итого — 18 человек.

Против — Веселков, Козлов, Кабанов, Милей, Сутырин, Свиридов, Машкевич, Андреев, Мохов, Басалаев, Кошелев, Губанов, Зубов, Балыкин, Сапожников, Меркулов, Румянцев, Яшин, Мальков, Кошин, Ховрин, Донченко, итого — 22 человека.

Воздержались: Иконников, Богачев, Рожков, Щука.

Не голосовал Аверичкин.

Председатель заявляет, что не считает возможным быть председателем после голосования, показавшего игнорирование резолюции ЦФ, резко осуждающей поступок команды «Петропавловска», каковое игнорирование показывает слабость духа ЦК и неспособность проявлять твердость в своих решениях, просит снять полномочия.

Баранов в председательствовании заявляет, что ему известно настроение флота, таких эксцессов больше не повторится. Я не вижу в резолюции ЦФ ничего, чего бы нельзя принять; она говорит, что свободу можно защищать не самосудами, а организованностью, я присоединяюсь к резолюции.

Щука протестует, чтобы после резолюций неприемлемых председатель менялся.

Выслушиваются прибывшие делегаты от революционного комитета.

Полагин (делегат). Вопрос о снятии контроля военной комиссии Совета стоит так: корниловщина ликвидирована, но есть большая опасность со стороны Каледина, который хочет отрезать Москву и Петроград от хлебных мест России, поэтому решили комиссаров пока не снимать, затянуть вопрос до 12 сентября — созыва совещания, надо предотвратить и столкновения с правительством, поэтому необходим саботаж.

Чугунов. По данным военной комиссии, нам надо задумываться о Финляндии. Идет заговор против нас. Войска Каледина поднимаются на удочку, что в Финляндии высаживаются неприятельские войска, а финны и русские этому способствуют, поэтому необходимо пока деятельность комиссаров не только не упразднять, но и усилить, желательно еще большее единение наших организаций.

Магнитский. У нас послана в министерство телеграмма с указанием необходимости оставить комиссаров.

Мохов. Снимать комиссаров нельзя, поднимается новая опасность, теперь со стороны Каледина.

Магнитский удивляется, что поднимается вопрос, который решен; комиссары будут оставлены с согласия комфлота, который считает, что они ему не мешают, а вносят успокоение команды.

Жабский. Этот вопрос лишний. Юзисты знают все юзограммы и сообщают нам.

Представители удовлетворены дальнейшими разъяснениями, что пока контроль остается.

Прения продолжаются по мотивам ухода председателя.

Аверичкин. Председатель не может самостоятельно решать вопрос об уходе, надо пересмотреть резолюцию, это удовлетворит председателя.

Машкевич. Если все председатели будут так просто уходить, то нам не придется другого дела, кроме выборов.

Магнитский. Искажает факт, я не ставил ультиматума, просил снять полномочия, я не могу обсуждать подобные вопросы, стоя во главе собрания. Меня заставляют [идти] против лозунгов демократии, резолюция ЦФ клеймит смертную казнь, и я не могу [не] разделять ее.

Мохов. Председатель должен быть беспристрастен, а[1] Магнитский держался одной стороны, вступая в полемику с левыми.

Магнитский. Председатель должен быть беспристрастным, но он должен держать собрание в рамках законности, подчинения высшим демократическим организациям, которым мы выразили доверие.

Выборы председателя откладываются до следующего заседания.

С внеочередным заявлением выступает Аверичкин: капитан 2 ранга Щастный сообщает о получении из Петрограда известия, что Россия объявлена демократической республикой. Щастный хочет поднять на мачте красный флаг и сигнал. (Аплодисменты).

Заседание закрывается в 17 ч. 45 мин.

Председатель Магнитский
Секретарь Солонский

ЦГАВМФ, ф. р-95, д. 7, л. 82.

Протокол № 66

4 сентября 1917 г.

Заседание открывается в 10 часов 25 минут.

Огласив юзограммы главковерха о снятии комиссаров при учреждениях минмора, об арестованных в Рихимяки, постановление ЦКБФ о кормовом флаге, приветствие команды штаба отряда заградителей и осведомив собрание о передаче в революционный комитет зашифрованной радио[граммы], поступившей на «Петропавловск», председатель оглашает нижеследующий порядок дня, каковой собранием утверждается.

1. Выборы председателя.

2. О подготовке к Государственному совещанию демократических организаций.

3. Доклад интендантской секции:

а) о жалованье писарям береговой роты минной обороны,

б) о прекращении выдачи сапожного товара и денег на шитье сапог с 1 августа,

в) о повышении жалованья боцманам на кораблях,

г) разграничение организации на право выдачи при командировках членам бланков на право проезда,

д) утверждение проекта приказов по интендантской части.

По пункту 1-му порядка дня собранием приняты и намечены тайным голосованием 3 кандидата:

тов. Магнитский — 18 голосов, Аверичкин — 11, Баранов — 9; при дальнейшей баллотировке избранным оказался тов. Магнитский.

---

[1] В тексте — «я».

По пункту 2-му порядка дня о подготовке к Государственному совещанию после оглашения юзограммы Центрофлота тов. Баранов высказывается за необходимость дать избранным товарищам известные директивы. Оратор говорит, что вопрос — участвовать или не участвовать в Государственном совещании — не вызовет противоречий и решается, конечно, в положительном смысле.

Остановившись на Московском совещании, где, по мнению оратора, он очутился в безвыходном и крайне неловком положении вследствие неимения директив от Центрального комитета Балтийского флота, тов. Баранов, в предупреждение вышесказанного, беря во внимание обязательный раздел на фракционные группы всех членов предполагаемого совещания, указывает собранию на необходимость выдачи посланным от ЦКБФ наказа и предлагает выдвинуть докладчиков по важнейшим вопросам, как-то: о власти, о земельном вопросе и по всем другим вопросам текущего момента...[1].

В 13 часов председатель объявляет перерыв.

Заседание открывается в 13 часов 45 минут.

После непродолжительного обмена мнений по поводу техники выборов собранием принимается предложение т. Богачева наметить кандидатов открытым голосованием. Из намеченных кандидатов: Кабанов, Баранов, Ховрин, Рожков, Иконников, Посов, Гребенщиков, последние два кандидатуры свои снимают, остальные при баллотировке получили следующее число голосов: Кабанов — 42, Баранов — 32, Ховрин — 34, Рожков — 18, Иконников — 21. Избранными оказались тт. Баранов, Ховрин и Кабанов.

Иконников указывает собранию, что до сих пор группа умеренных всегда преобладала над левой крайней. Все резолюции, принимаемые, исключительно умеренного характера, в данный же момент была допущена ошибка, заключающаяся в том, что от группы умеренных было выставлено только 2 кандидата, тогда как левая группа находила[сь] в меньшинстве [и] выставила трех кандидатов, заранее условившись баллотировать только их. Оратор считает выборы неправильными и заявляет протест.

Ховрин указывает, что предварительное собрание левой фракции не есть какое-либо преступление или авантюра. Кандидаты утверждались общим собранием, левое крыло не протестовало бы, если от другой группы было бы не два, а хотя пять кандидатов. Оратор призывает всех к демократическим законам, меньшинство должно подчиниться большинству.

Баранов, поддерживая мнение тов. Ховрина, говорит, что тов. Иконникову нет основания протестовать, так как выборы прошли вполне законно, и если говорят о правильности их, то только разве с технической стороны.

Щука, высказываясь солидарно с тов. Иконниковым, указывает на то, [что] ввиду неимения кандидатов от умеренной группы большинства ему приходится голосовать за других. Видя в этом насилие, оратор считает выборы неправильными и в свою очередь заявляет протест.

По поступившему заявлению прекратить прения высказываются: тов. Гребенщиков, настаивающий, что возникший спорный вопрос должен быть освещен и разрешен так или иначе, и тов. Ховрин, который считает вопрос решенным, ибо выборы произведены правильно.

Большинством — 28 голосов против 9, при 3 воздержавшихся, решено прения прекратить[2]...

[1] Далее опускаются прения о порядке выборов представителей на Государственное совещание.

[2] Далее опускаются доклад интендантской секции ЦКБФ, прения и резолюция по докладу.

Иконников читает свой письменный протест о неправильности выборов, после чего обращается к собранию с речью.

Председатель прерывает оратора и не дает ему слова.

Тов. Красноперов протестует с места против председателя.

После бурных пререканий большинством решено выслушать заявление т. Иконникова.

Иконников, указав в краткой речи на неправильные стороны выборов, как-то: разбивку по фракциям, агитацию со стороны левого течения, просит сочувствующих присоединиться к протесту, который им оглашен.

Протест. «На общем собрании ЦКБФ по вопросу о выборах в Государственное демократическое совещание было решено,— не разбиваясь на партийные группы, наметить кандидатов тайным голосованием от общего собрания. Группа крайнего левого течения, пренебрегая постановлением, воспользовавшись перерывом, собравшись во фракционном заседании, наметила трех кандидатов, которых и выдвинула на общее собрание, решив ни за кого больше не голосовать. Из выдвинутых остальной частью собрания четырех кандидатов два сняли свою кандидатуру без разрешения общего собрания, ввиду чего результаты выборов заранее явились предрешенными, т. е. прошли три кандидата от крайней левой группы, меньшинство же не получило места для своего представителя. Считая выборы на основании вышеизложенного несправедливыми и неправильными, я протестую против насилия большинства [1] над меньшинством, что не согласуется с принципами демократии, и прошу этот вопрос о выборах пересмотреть.

Подписи: Иконников, Гребенщиков, Скальберг, Байшев, Щука, Семенов, Торнин, Федянин, Макеев, Солонский, Петрушев».

Солонский говорит, хотя у меня нет ни малейших фактических данных подозревать т. Рожкова в пристрастии, но, соблюдая чисто формальную обстановку выборов, т. Рожков, как один из намеченных кандидатов, не должен был участвовать в подсчете записок, почему я в свою очередь считаю выборы неправильными и подаю о том письменное заявление.

Заявление: «Считаю выборы неправильными по формальным причинам, так как подсчет голосов производил кандидат Рожков.

Подпись — Солонский».

Происходят бурные пререкания с мест, протесты отдельных лиц против председателя. В результате председатель снимает с себя обязанности, место его занимает т. Аверичкин.

Аверичкин, улаживая конфликт председателя с т. Красноперовым, предлагает последнему извиниться, что и исполнено. Председательское место занимает т. Баранов.

Слово предоставляется т. Иконникову, который, еще раз отметив некоторые несправедливости при выборах, считает таковые неправильными и настаивает на перевыборах.

Ховрин, ссылаясь на то, что пропорциональный принцип выборов был отвергнут самим собранием, находит, что выборы вполне законны и правильны, так как за намеченных кандидатов голосовало большинство собрания, а потому они [2] являются выразителями мнения большинства. Оратор, напомнив собранию о необходимости подчинения большинству меньшинства, считает прения излишними и предлагает таковые прекратить.

---

[1] В тексте ошибочно — «большевизма».
[2] В тексте ошибочно — «не».

Председатель, считая вопрос о выборах решенным и не подлежащим пересмотру, заявляет, что он идет на компромисс и ставит еще раз на голосование вопрос уже голосованный. Большинством в 30 голосов против 11 собранием признано считать выборы правильными и инцидент исчерпанным.

Председатель. Слово предоставляется т. Тупикову, который делает доклад о необходимости контроля в лице комиссаров на судах в Рижском заливе. Оратор указывает, что некоторые командиры судов считают таковой контроль недопустимым на основании приказа минмора и Керенского, команды же протестуют и требуют оставления комиссаров на местах. В заключение оратор заявляет, что комиссары должны быть и контроль необходим [1]...

Предложение о посылке делегации большинством против двух при четырех воздержавшихся — принимается. Далее собранием принимается предложение т. Сутырина [принять] постановление ЦКБФ по данному вопросу.

Постановление: «ЦКБФ, заслушав доклад о положении выборных от команды комиссаров на местах, постановил: в связи с приказом Временного правительства об упразднении всякого контроля над оперативной частью флота довести до сведения комфлота и совместно с комиссаром ЦКБФ выработать текст обращения к Временному правительству с предложением вновь разрешить и утвердить комиссаров при приемке всех оперативных сведений на местах, мотивируя все создавшимся положением на почве недоверия к оглашаемым сведениям и малоосведомленности о происходящих событиях на отдельных судах во время нахождения в открытом море».

Предложение т. Суркова о назначении комиссии в Рижский залив большинством собрания при 8 воздержавшихся принимается и по предложению т. Федянина большинством 28 голосов передается в следственную секцию ЦКБФ.

Число делегатов, едущих в Центрофлот и к Временному правительству, определяется цифрой 2; избранными оказались тт. Сурков, получивший 39 голосов, и Кузьмин — 26 голосов.

Заседание закрывается в 17 часов 55 минут.

Председатель Баранов
Секретарь Петрушев

ЦГАВМФ, ф. р-95, д. 7, лл. 88—91.

Протокол № 67

5 сентября 1917 г.

Заседание открывается в 14 часов 15 минут.

Председателем оглашается и собранием утверждается следующий порядок дня:

1. Доклад продовольственной комиссии рабочих Свеаборгского порта.
2. Доклад тов. Мохова о поездке в Севастополь.
3. Доклад культурно-просветительной секции (о командировании в Россию ораторов для распространения социалистических идей).
4. Текущие дела.

По пункту 1-му порядка дня... [2].

По пункту 2-му порядка дня тов. Мохов заявляет, что он 18 августа был уполномочен вместе с представителями 1-й бригады линейных кора-

[1] Далее опускаются прения по вопросу о выборных комиссарах.
[2] Прения и резолюция по этому вопросу опускаются.

блей поехать в Севастополь для выяснения вопроса о жалованье. Недоезжая до Севастополя (ст. Бахчисарай), у нас спросили мандаты и, взяв их, сказали, что мы должны быть задержаны, так как Севастополь — крепость и мы не можем пропустить вас так просто, мы следим за шпионами. Обещали навести справку в Севастополе. Вскоре был получен ответ, что могут ехать только 3 человека, имеющие мандаты от ЦК. Я отправился вместе с товарищем с корабля «Полтава», причем мандаты у нас взяли и выдали только в комиссариате Севастополя, откуда нас отправили в ИК [15], причем за нами следили. Таким отношением, как выяснилось, мы были обязаны ЦФ, который послал нас в Севастополь, [но] при нашем отъезде [дал] телеграмму, что едут агитаторы, которых надо остерегаться. Дежурный член ИК направил нас в морскую секцию, где нам предложили квартиру на «Трех святителях». Мы говорили, что нам нужна не квартира, а собрание для выяснения вопросов о жалованье. Нам отказали. Придя в ИК, я увидел, что из 20 членов было 7 офицеров, из которых один председательствовал. После оглашения на заседании наших мандатов, нам стали бросать упреки. Председатель остановил этих ораторов и дал нам возможность сделать доклад. После него нас стали упрекать, будто предыдущая делегация показала, что балтийцы только носят большевистские течения. Мы объяснили, что прибыли только по вопросам о жалованье, а не учить чему-либо. На корабли нас не пустили, а предложили работать в морской секции, но я не согласился, не имея на то полномочий. В то же время морская секция вынесла протест, что нас не допускают на суда. Члены ИК потом нам объявили, что у них имеется постановление не пускать на корабли лиц для устройства митингов. Мы отправились в обратный путь и в Бахчисарае по предложению одного матроса написали письмо-протест. Матрос обещал возбудить на судовых митингах вопрос о смещении ИК. В Центрофлоте по возвращении из Севастополя нас спросили, что мы наделали в Севастополе, там поднялся шум с нашим приездом. Хлеба на юге много, но он гниет за недостатком рабочих рук... [1].

Т у п и к о в вносит предложение послать для ознакомления с делами трех человек в моря Черное, Каспийское и Белое. Предложение принимается, и после голосования намеченных кандидатов избранными оказываются: Тупиков, Мохов и Иконников. Назначаются: Мохов — в Черное море, Иконников — в Каспийское и Тупиков — в Белое море. Делегаты должны пробыть неделю на местах, кроме дороги... [2].

По пункту 3-му порядка дня выступает тов. Н о с о в. Окончивших матросский университет необходимо командировать в Россию для агитационной цели. Нужно запросить судовые комитеты, сколько может быть командировано для этой цели. Следует указать, чтобы командировка не была только отпуском, мандаты должны быть выданы из ЦКБФ, и после поездки агитаторы должны дать отчет о своей деятельности.

В прениях по этому вопросу участвуют: В о й ц е ш, Т у п и к о в, К о н и н, Т о р н и н, М о р е й к о и С о л о н с к и й. Последний вносит резолюцию, которая с поправками принимается 31 голосом против 1 при 5 воздержавшихся в следующем виде:

«Выслушав доклад культурно-просветительной секции, ЦКБФ постановил послать лиц, окончивших матросский университет, агитационные классы [16] или хорошо знакомых с политическими вопросами, на места для агитации, предварительно поставив на вид судовым комитетам, чтобы такая посылка не нарушала боевой деятельности кораблей.

---

[1] Далее опускаются прения по докладу тов. Мохова.

[2] Опускаются прения о посылке протеста Центрофлоту; протест не был принят собранием.

Посылка должна быть произведена через ЦКБФ с последующим отчетом агитаторов о деятельности их.

Примечание. Едущие агитаторы получают командировочные от своих частей»... [1].

В 18 часов 35 минут заседание закрывается.

Председатель Аверичкин
Секретарь Солонский

ЦГАВМФ, ф. р-95, д. 7, лл. 96—97.

Протокол № 70

7 сентября 1917 г.

Заседание открывается в 14 час. 5 мин. в присутствии 39 членов. Оглашается и собранием утверждается порядок дня:

1. Доклад тов. Балыкина.
2. Доклад интендантской секции.
3. Резолюция о красном флаге.
4. Доклад делегата комитета Ботники.

...По пункту 3-му [2] порядка дня заслушана резолюция 19 кораблей с требованием поднять завтра боевые флаги как протест против объявления Российской республики, а не демократической.

Баранов указывает, что надо считаться с разумным движением, вопрос не в флаге, а что может принести флаг. Надо защищать принцип объединения и доверия. На заявление следует обратить внимание.

Старший лейтенант Демчинский (представитель штаба) указывает на то, что решать этот вопрос не можем, так как вопрос о том, какая должна быть республика, принадлежит Учредительному собранию. Флаг не должен служить протестом. Расцвечивание флагами есть радость, это видно из того, что, когда Финляндия получила свободу, она подняла красный флаг, но не протестовала флагами, когда разогнали сейм. Резолюция представлена от 19 кораблей, где же остальные? Их или не спросили, или они против. Никто из нас не виноват, что плавает на маленьком корабле, надо считаться с числом комитетов. Возможно, что суда, стоящие в Рижском заливе, скажут, что они желают подождать совещания 12 сентября, которое создаст парламент с соответствующим строем демократической республики. Раньше при подъеме красного флага было постановлено при выходе в море носить только андреевский флаг, будут ли носить корабли красные флаги теперь в море, где это означает стрельбу. Теоретически необходимо стоять на том, что флаг нельзя поднимать. В таком духе резолюцию необходимо отправить в ЦФ, а судам, вынесшим требование, надо предложить подождать до решения вопроса в ЦФ.

Савоськин. Красный флаг не опрокинет корабля. ЦК, если пойдет за «Петропавловском», то должен завтра в 8 часов утра поднять флаг. Если мы не присоединимся к резолюции, то «Петропавловск» завтра все равно поднимет флаг. Полное доверие к правительству уже лопнуло. Объявленная республика не наша, демократическая, а буржуазная. Со всей солидарностью поддерживаю резолюцию о флаге.

Кабанов не согласен с тов. Савоськиным, нельзя говорить правительству, что если... [3], а кто его может дать. Мы пришли сюда не играть на слабых струнках толпы. Флаг необходимо поднять.

---

[1] Далее опускается обсуждение текущих дел.
[2] Пункты 1 и 2 опущены.
[3] Далее три слова написаны неразборчиво.

Измайлов. На днях мы устранили конфликт, в настоящее время демократия увидела, что правительство не наше, на него надеяться нельзя. Местные органы не знают, что делается в Петрограде. Где та демократия, на которую надеется правительство? Когда вспыхнуло восстание Корнилова, оно обратилось к нам за помощью. Кронштадт первый пришлет сочувствие 19 кораблям.

Ершов. Поднятие флага должно означать протест, пока требование не будет удовлетворено. Если бы мы подняли 3 флага, то масса, конечно, была бы довольна, но если не пойдем за ней, то она будет протестовать. Команда «Петропавловска» обманула своего представителя, обещав обеспечение безопасности арестованным офицерам, и тем не выполнила доверие. Надо запросить о флаге ЦФ, а массе предложить ждать ответа.

Романдин. Флаги будут подняты, несмотря на наше постановление, надо просить только, чтобы корабли в море были в обычном виде.

Красноперов. Что мы ни делали, все приходим к разговорам о флаге то для ЦК, то на судах. Суть не в словах, а в деле. Надо указать на то, чтобы предъявители требований знали, что мы в силах исполнить.

Хайминов (представитель [с «Петропавловска»]). Мы являемся инициаторами поднятия флага. Здесь праздновали объявление республики, а мы на другой день подняли флаги и отпраздновали полгодовщину революции, теперь мы решили поднять флаг, чтобы ни один контрреволюционер не посмел поднять восстания на флоте, он будет висеть, пока нам не будут удовлетворены требования настоящей демократической республики. Не имеет смысла давать доверие Временному правительству, так как нам не дали земли и ничего подобного. Мы по первому зову пойдем за вами, смелее действуйте. Когда выносили доверие Временному правительству, нас заставляли это делать комитеты. Красные флаги не должны означать празднование, а как что[-то] другое. У нас ультиматум только людям, которые против демократической республики.

Председатель. Меня не удивляет и не страшит, что флаги будут подняты: в ночь, когда была объявлена республика, с «Петропавловска» было предложено всем судам поднять флаги с красной лентой. Мы тогда устраивали собрание в комитете, и было принято решение поднять флаг. Эта мера была принята для устранения разрозненности на кораблях. Дело было по инициативе «Петропавловска», и мы присоединились. Теперь мы ничего не знаем, почему надо поднять флаг, к нам принесли только требование присоединиться.

Верно, они нас поддержат в решении, если мы не будем выносить собственные решения. Пока демократия нас заставляет присоединиться, это плохая поддержка. Мы можем поднять флаг только на рейдах, но не в море.

Баранов. Я смущен незнанием, какая была объявлена республика. Так как нет законов социальных, то это — сомнительная республика.

Хайминов. Хотя бы и на самом деле была провозглашена республика, то ведь сразу же после этого объявлен приказ Керенского о прекращении политической жизни в армии [17], это не может быть в демократической республике, мы требуем на деле демократической республики.

Выносится т. Кабановым резолюция, которая с поправками т. Щука «федеративная республика» принимается 30 голосами против 5, при 5 воздержавшихся и 1 не[голосовавшем] в следующем виде:

«Центральный комитет Балтийского флота в заседании своем от 7 сентября, обсудив резолюцию, вынесенную 19 крупными кораблями, постановил:

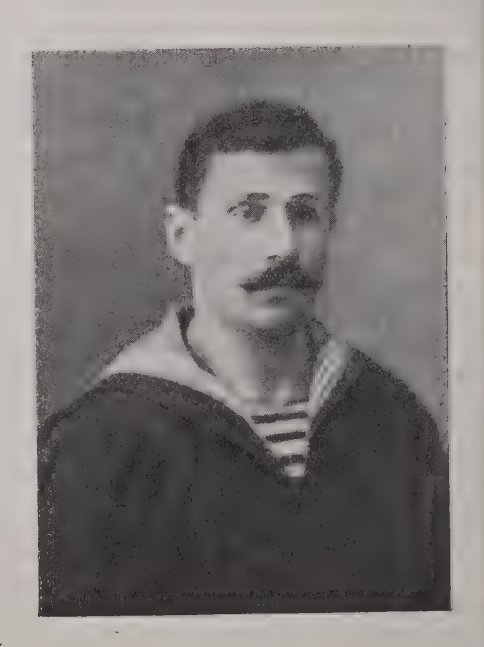
Принимая во внимание, что декретом Временного правительства объявлена Российская республика, а не демократическая, в знак протеста

против недоговоренности и откладывания введения республиканских учреждений на неопределенное время, в 8 часов утра 8 сентября поднять на стеньгах всех судов Балтийского флота, а также в береговых частях, красные флаги и не спускать таковые до установления федеративной демократической республики.

Примечание. Суда, получившие приказание выйти в море, должны спускать красные флаги».

Голосуют за резолюцию: Веселков, Кабанов, Козлов, Свиридов, Баранов, Машкевич, де-Бальмен, Андреев, Измайлов, Журавлев, Романдин,

Н. Ф. Измайлов П. Д. Мальков

Члены Центрального комитета Балтийского флота

Богачев, Гнелин, Савоськин, Войцеш, Донченко, Белугин, Кошелев, Губанов, Блохин, Зубов, Бойцев, Григорьев, Байшев, Балыкин, Меркулов, Щука, Ховрин, Гринев и Мальков. Против: Красноперов, Семенов, Воскресенский, Носов, Васянин, Солонский. Воздержавшиеся: Иконников, Марюшкин, Аверичкин, Ефимо-Ершов и Скальберг. Не голосует Морейко.

Заседание в 19 часов 35 минут прерывается для ужина.

В 20 часов 5 минут заседание открывается при 37 членах...[1].

21 час. 40 мин. заседание закрывается.

Председатель Аверичкин
Секретарь Солонский

ЦГАВМФ, ф. р-95, д. 7, лл. 106—107.

Протокол № 71

8 сентября 1917 г.

Заседание открывается в 14 часов 25 минут.

Оглашается и собранием утверждается нижеследующий порядок дня:

1. Утверждение протоколов ЦКБФ за №№ 62, 63 и 65.
2. Заявление 25 членов ЦКБФ.

[1] Текущие дела опускаются.

По пункту 1-му порядка дня оглашены и утверждены протоколы заседаний ЦКБФ за №№ 62, 63 и 65.

По пункту 2-му порядка дня председатель оглашает заявление 25 членов ЦКБФ.

Заявление: «Постановлением ЦКБФ от 5 сентября с. г. избраны 3 делегата на совещание демократических организаций, имеющее быть в Петрограде 12 сего сентября, причем избранными оказались только представители большинства, заранее определившего исход выборов, чем безусловно нарушен демократический принцип справедливости пропорционального представительства, тем более, что группа меньшинства составляет около половины общего числа членов ЦК, а потому мы, нижеподписавшиеся, предлагаем общему собранию ЦКБФ во имя справедливости пересмотреть свое постановление о выборах и предоставить одно место избранному меньшинством кандидату взамен делегата, получившего при выборах наименьшее число голосов. Иконников, Жабский, Петрушев, Щука, Васянин, Торнин, Гржибовский, Семенов, Рожков, Марюшкин, Ершов, Федянин, Скальберг, Солонский, Романдин, Гребенщиков, Носов, де-Бальмен, Жадик, Басалаев, Макеев, Баишев, Магнитский, Воскресенский, Талапин».

Предоставляется слово докладчику тов. Носову, который указывает, что посылка трех делегатов от одной фракции неправильно будет освещать на Демократическом совещании настроение масс во флоте. Кроме того, сам процесс выборов был неправилен, ибо фракционный раздел шел вразрез с постановлением ЦКБФ. Предвыборная агитация председателя была не только неуместна, но и незаконна. Если собрание не соглашается с заявлением 25 членов, то последние вынуждены будут настаивать на том, чтобы от них был один представитель на Демократическом совещании.

Ховрин считает неблагоразумным обременять собрание неуместным заявлением. Оратор находит, что протестующие сами же голосовали за избрание делегатов, еще нечего опасаться левых представителей флота. Рассматривая заявление 25 членов как ультиматум, оратор говорит, что здесь страдает не дело, а самолюбие. От лица фракции тов. Ховрин говорит, что если это заявление будет обсуждаться на данном собрании, то они покинут зал заседания и будут протестовать против всех постановлений ЦКБФ. Сейчас же мы предлагаем прекратить прения.

Против прекращения говорит тов. Гребенщиков, который находит, что собрание должно считаться с заявлением 25 членов, решить его и дать окончательный результат, будет ли предоставлено одно место меньшинству. За прекращение прений говорит тов. Ховрин, который указывает, что пересмотр вопроса о выборах недопустим, так как тогда участвовали на заседании одни члены, а сейчас другие.

Председатель, в виде разъяснения, указывает собранию на возможность ошибок с той и другой стороны на почве неопытности, предлагает пойти на компромисс. Большинством 19 против 18 при 5 воздержавшихся прения решено прекратить.

Оглашается предложение тов. Гребенщикова: «Общее собрание ЦКБФ, обсудив письменное заявление 25 членов ЦКБФ по вопросу о предоставлении кандидату этой группы одного места в числе трех представителей ЦКБФ, избранных на совещание демократических организаций в Петрограде, постановило:

Предоставить кандидату меньшинства ЦКБФ одно место на совещании демократических организаций в Петрограде, взамен делегата, получившего при выборах в заседании 5 сентября с. г. наименьшее число голосов».

По мотивам голосования данного предложения высказываются ораторы. Тов. Аверичкин призывает во избежание раскола идти на компромисс. Тов. Иконников предлагает во имя справедливости и законности голосовать за предложение Гребенщикова.

Попутно возникает вопрос о незаконности подписи под заявлением 25 товарищей тов. Макеева как выбывшего из состава членов ЦКБФ. Тов. Сутырин отказывается от участия в голосовании. Происходят бурные пререкания с мест. Председатель отказывается [от] председательствования. Тов. Баранов занимает его место, водворяет порядок, обращается с речью, в которой указывает, что все, что раз уже голосовано, занесено в протокол,— вполне законно. Те, кто отказывается от вторичного голосования, вполне правы. Предъявление ультиматумов позорно и преступно. Все должны примириться с прежним решением. В заключение оратор заявляет, что он председательствовать не может. Председательское место занимает тов. Романдин, который говорит, что существующий юридический закон дает право каждому на основании тех или иных ошибок протестовать против избранных делегатов. Ошибки должны быть рассмотрены и исправлены.

Объявляется перерыв на 10 минут.

В 16 часов 40 минут заседание объявлено открытым.

Романдин предлагает собранию решить вопрос о наличии ошибок при выборе делегатов и о необходимости их исправления. Поступило письменное заявление с отказом от голосования.

Аверичкин заявляет, что он снял с себя председательствование только потому, что не находит возможным разрешить ультимативное требование 25 членов, заявление которых он считает незаконным. Как только этот инцидент будет исчерпан, он снова займет место председателя.

По предложению тов. Романдина открываются прения, в которых участвуют тт. Кабанов и Блохин, указывающие, что частные и сознательные ошибки не допускаются.

Иконников считает необходимым исправление всяких ошибок.

Щука заявляет, что ошибки были с обеих сторон, но еще больше была несправедливость со стороны крайне левых. Ошибки должны быть исправлены.

Морейко, говоря вообще о принципах выборов, заявляет, что деления по фракциям быть не должно (избранным должны быть даны директивы, конфликт нужно так или иначе разрешить).

Баранов, отвечая на слова предыдущих ораторов, говорит, что подавшие заявление неправы как с юридической, так и с практической стороны, принцип пропорциональности был отвергнут протестующими. С практической стороны они в смысле плодотворности тоже ничего не теряют, а только подвинут дело вперед, и ошибки надо исправлять не ошибками, голосовать раз уже голосованное и запротоколенное будет тоже ошибкой. Поступившие предложения о прекращении прений большинством 22 против 14 принимаются. По мотивам голосования предложения тов. Романдина вновь открываются прения, в которых участвуют тт. Щука, Баранов, Кабанов, Иконников, Богачев, Ховрин, Краснонеров и Аверичкин, результатом чего решено прекратить прения, инцидент числить нерешенным и перейти к следующему пункту порядка дня. Оглашается новое заявление 25.

Заявление: «Ввиду того что при обсуждении заявления 25 членов ЦКБФ о предоставлении им одного места в числе делегатов на совещание демократических организаций общее собрание ЦКБФ под давлением группы большинства к соглашению не пришло, мы, нижеподписавшиеся члены ЦКБФ, протестуем против насилия и заявляем, что протест этот предста-

зим президиуму Демократического совещания для оглашения. К сему рилагается заявление 25 членов ЦКБФ от 7 сентября сего года.

Скальберг, Иконников, Воскресенский, Васянин, Романдин, Носов, Горнин, Талапин, Марюшкин, Семенов, Ершов, Петрушев, Щука, Гржибовский, Гребенщиков, Солонский, Рожков, Магнитский».

Место председателя занимает тов. Аверичкин, который оглашает озограмму наштафлота по вопросу о конструировании власти. Иконников от имени 25 членов заявляет, что [в] решении политических вопросов они участвовать не могут, о чем будет подано письменное заявление. Вслед за сим возникают бурные прения, не давшие положительных результатов. В 17 часов 55 минут председатель объявляет перерыв.

В 18 часов 55 минут заседание продолжается. Заслушав телефонограмму об аварии транспорта «Земля», собрание отправило тов. Войцеша к заведующему пловучими средствами с просьбой об оказании экстренной помощи транспорту «Земля».

Огласив юзограмму наштафлота по вопросу о власти, председатель предоставил слово товарищу Баранову, который в обширной речи рисует пред собранием события с первых дней революции до настоящего момента, подчеркивая нежизнеспособность коалиционного состава правительства, продуктивность [1] работ и несоблюдение интересов трудового народа.

По мнению оратора, власть должна перейти к Советам, которые одни могут довести страну до Учредительного собрания. В заключение Баранов оглашает резолюцию ЦКБФ, каковую предлагает утвердить.

Щука от имени 25 членов заявляет, что они участвовать в прениях и решениях о власти не будут, так как права их в политическом отношении урезаны недачей им места на Демократическом совещании. Возникают бурные прения, в которых участвуют тт. Ховрин, Иконников, Меркулов, Кабанов, Гржибовский и Блохин. Одновременно поступают письменные заявления отдельных членов с отказом участвовать в голосовании.

Водворив порядок, председатель предлагает всем желающим работать, не обращая внимания ни на какие платформы, подать письменное заявление. Подано 26 заявлений, ввиду чего заседание, как неправильное, объявляется закрытым в 19 часов 55 минут.

Председатель Аверичкин
Секретарь Петрушев

ЦГАВМФ, ф. р-95, д. 7, лл. 110—111.

(*Окончание следует*)

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Центрофлот — Центральный исполнительный комитет Всероссийского военного флота при ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов был образован в июне 1917 г. на первом Всероссийском съезде Советов. В его составе преобладали меньшевики и эсеры. Центрофлот проводил соглашательскую политику; после июльских событий он поддержал Временное правительство в роспуске Центробалта. В октябрьские дни Центрофлот выступил против вооруженного восстания. Всероссийский съезд Военно-морского флота, состоявшийся в ноябре 1917 г., осудил деятельность Центрофлота, который вскоре был распущен.— 41.

2) В юзограммах Керенского и Центрофлота содержался призыв к борьбе против корниловщины. Временное правительство, опасаясь, что народные массы, поднявшиеся на борьбу против контрреволюционного мятежа, сметут и правительство, в последний момент вынуждено было отмежеваться от своего союзника.

Телеграмма Корнилова являлась ответом на телеграмму Керенского. В этой телеграмме Корнилов обвинял Керенского в провокации и клялся спасти роди-

[1] Так в тексте.

ну и вести войну до победы. Большевики, имевшие поддержку масс и революционных войск, возглавили борьбу против Корнилова, одновременно разоблачая Временное правительство. Активное участие в ликвидации мятежа приняли и моряки Балтийского флота.— 41.

3) Речь идет о факте задержания в августе 1917 г. на ст. Рихимяки «высылаемых» за границу бывших придворных — Вырубовой, доктора Бадмаева и др., которые были заключены в трюм яхты «Полярная звезда» в качестве заложников за арестованных Временным правительством большевиков.— 43.

4) Имеются в виду аресты большой группы контрреволюционного офицерства в Петрограде в гостинице «Астория», произведенные во время подавления корниловского мятежа моряками Гвардейского и 2-го Балтийского экипажей.— 44.

5) Революционный комитет был создан 28 августа в Гельсингфорсе (в составе 24 человек) на заседании Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих совместно с депутатами Финляндского областного крестьянского Совета, представителями Центробалта и судовых комитетов. Революционному комитету поручалось принять участие в организации борьбы против корниловщины.— 45.

6) Имеются в виду Исполнительный комитет Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих и Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии.— 47.

7) 28 августа председателем ВЦИКа и Центрофлотом были запрошены из Кронштадта войска для участия в подавлении корниловского мятежа. Кронштадтцы в тот же день направили в Петроград на специальных судах около 5 тысяч человек.— 48.

8) Имеется в виду арест генералов Корнилова, Лукомского, Маркова, Романовского после ликвидации корниловского мятежа.— 48.

9) В дни корниловской авантюры Центробалт постановил опросить офицеров об их согласии противодействовать Корнилову. Их решение должно было быть подтверждено подпиской.— 48.

10) В дни корниловского мятежа 3-й конный корпус генерала Крымова, куда входила так называемая «дикая дивизия», состоявшая из горских народов, получил приказание двигаться на Петроград. На пути эшелоны были остановлены. По инициативе С. М. Кирова в «дикую дивизию» была послана делегация из представителей горских народов, которая разъяснила солдатам контрреволюционный характер корниловщины. Сюда же была послана группа матросов, численностью в 100 человек, служивших в годы войны в этой дивизии в качестве пулеметчиков. Командование вначале арестовало матросов, но потом вынуждено было их освободить. «Дикая дивизия», как известно, отказалась идти на Петроград.— 48.

11) Лапвик — порт на западе от Гельсингфорса, в котором базировались русские военные корабли.— 48.

12) После известного приказа Керенского от 7 июля 1917 г. о роспуске Ценробалта, новому его составу было предложено руководствоваться проектом устава, выработанным Центрофлотом.— 49.

13) Матросский университет был организован в Петрограде для матросов всех флотов. В университете читались лекции по истории, праву, политической экономии. Управляющий морским министерством Лебедев, выступая на втором заседании Центробалта третьего созыва, рекомендовал последнему меньше заниматься политическими делами, а больше университетом и клубами.— 50.

14) Питирим — митрополит, ставленник Распутина.— 53.

15) Имеется в виду Исполнительный комитет Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов.— 63.

16) Агитационные классы или школы существовали в Кронштадте и Гельсингфорсе для подготовки агитаторов-моряков и посылки их в деревню. Центральный Комитет большевистской партии придавал школам агитаторов большое значение. Для агитаторов читались лекции по политэкономии, историческому материализму, аграрному и национальному вопросам, программе, истории партии и т. д.— 63.

17) Имеется в виду приказ Керенского от 1 сентября 1917 г., в котором он требовал прекращения политической борьбы в войсках, прекращения арестов и смещения командных лиц по решению комитетов, снятия контроля комитетов с телеграфных аппаратов и т. д.— 65.

БОРЬБА РУССКОГО И МОНГОЛЬСКОГО НАРОДОВ ПРОТИВ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ БАНД УНГЕРНА

Победа Великой Октябрьской социалистической революции в России открыла перед трудящимися Монголии реальную перспективу полного освобождения от иноземного гнета и феодальной эксплуатации, вызвала рост национального самосознания аратских масс, стимулировала их политическую активность. Но правительство богдо-гэгэна [1], проводя антинародную политику, закрыло русско-монгольскую границу, отказалось принять представителей Советского правительства, дало согласие на ввод в Монголию войск китайских милитаристов, а в ноябре 1919 г. добровольно отказалось от автономии. Монголия стала управляться китайскими наместниками. В стране установился режим военной диктатуры.

К этому времени относится зарождение революционной партии монгольского аратства, организаторами и вождями которой были Сухэ-Батор и Чойбалсан. Эта партия развернула большую работу в массах по разоблачению предательской роли ханов и князей. Сухэ-Батор и Чойбалсан приняли меры к установлению связи с Советской Россией.

К осени 1920 г. положение в Монголии осложнилось в связи с вторжением в страну белогвардейских банд барона Унгерна, выполнявшего волю японских империалистов, которые в своих агрессивных целях решили использовать остатки разбитых Красной Армией белогвардейских банд, объединить их и послать для покорения Монголии.

2 октября 1920 г. Унгерн с остатками разбитой Красной Армией конно-азиатской дивизии численностью около 800 чел. перешел границу Монголии. Он решил использовать недовольство монгольского народа китайскими милитаристами, представить себя борцом за освобождение Монголии от китайских оккупантов, за восстановление автономии и «божественных» прав богдо-гэгэна.

Демагогическими лозунгами Унгерну на первых порах удалось не только привлечь на свою сторону светских и духовных феодалов, но и обмануть некоторую часть аратства.

В борьбе с китайскими милитаристами Унгерн с помощью монгольских феодалов и богдо-гэгэна разбил китайские войска и 4 февраля 1921 г. занял Ургу. 15 февраля было создано монгольское «правительство», состав которого был подобран Унгерном. «...Фактически же правителем Монголии,— пишет Чойбалсан,— являлся барон Унгерн... Сам же Унгерн действовал по указке японской военщины» [2]. Находясь в Монголии,

---

[1] Глава ламаистской церкви и теократический правитель Монголии.

[2] Х. Чойбалсан. Краткий очерк истории Монгольской народной революции. М., 1952, стр. 34.

Унгерн объединил все русские и монгольские контрреволюционные силы и стал готовиться к нападению на Дальневосточную Республику (ДВР).

Для создания армии Унгерн с помощью «правительства» провел ряд мобилизаций и бесчисленное количество разного рода реквизиций и поборов, которые всей тяжестью легли на трудовые массы аратов. В стране был установлен кровавый режим; малейший протест вызывал жестокие расправы. Унгерн стал подлинным тираном монгольского народа.

В этой обстановке 1 марта 1921 г. в Кяхте (Троицко-Савск) собрался I съезд Монгольской народной партии, который принял решение сотрудничать с Советской Россией и бороться против Унгерна и продажных феодалов.

Тогда же было решено объединить все партизанские отряды и создать штаб Народно-Революционной армии. Сухэ-Батора назначили ее главнокомандующим, а Чойбалсана — комиссаром.

13 марта 1921 г. в Кяхте состоялся съезд представителей трудящихся пограничных районов, партизанских отрядов и парторганизаций. Он избрал Временное Народное правительство Монголии.

19 марта был обнародован манифест Временного правительства. Он оповещал население об образовании Правительства и призывал всех монголов подняться на борьбу против китайских милитаристов и русских белогвардейцев.

К апрелю 1921 г. уже были созданы одна кавалерийская дивизия и несколько отдельных полков. Но этих сил было недостаточно для разгрома Унгерна. Временное Народное правительство Монголии обратилось к правительству Советской России с просьбой о военной помощи для совместной борьбы против русских белогвардейцев. Советское правительство удовлетворило эту просьбу; в составе V армии было приступлено к формированию Красного Добровольческого партизанского отряда под командованием П. Е. Щетинкина.

Тем временем Унгерн 20 мая тремя отрядами численностью в 4—5 тыс. человек предпринял наступление на территорию ДВР, стремясь овладеть Кяхтой и Верхне-Удинском, пробиться к Байкалу и отрезать Дальний Восток от Советской России.

Для отражения набега Унгерна был образован Экспедиционный корпус в составе 5-й кавалерийской, 35-й стрелковой дивизий и Красного Добровольческого партизанского отряда П. Е. Щетинкина. Отразив наступление Унгерна, части Экспедиционного корпуса стали преследовать и добивать его на территории Монголии. В этой борьбе активное участие принимали и части Монгольской Народно-Революционной армии. П. Е. Щетинкину, как опытному военному специалисту, было поручено вместе с Чойбалсаном командовать Особой западной армией, состоящей из русских и монгольских частей.

После изгнания белогвардейцев из пределов Советского государства среди них появилось сильное недовольство вожаками движения, к которому прибавились раздоры между последними. 13 августа 1921 г. один из главарей, Казагранди, был расстрелян Унгерном, 16 августа взбунтовавшиеся оренбургские казаки убили своего главаря генерала Резухина, место которого занял Хоботов. С этого времени окончательно деморализованные белые банды разбились на две группы: Унгерн начал отходить к юго-западу и 19 августа был взят в плен партизанским отрядом П. Е. Щетинкина в районе ст. Барун-Дзасаке, а Хоботов направился к востоку, намереваясь проникнуть в Маньчжурию, но 28 августа был разбит в 120 км к северо-востоку от г. Урги. Поставленная задача — разгромить белогвардейские

войска Унгерна на территории Монголии — была выполнена. 16 сентября 1921 г. Экспедиционный корпус был расформирован [1].

Публикуемый ниже доклад начальника Красного Добровольческого партизанского отряда П. Е. Щетинкина освещает деятельность отряда по ликвидации банд Унгерна и пленению самого барона, а также помощь правительства Монголии в материальном обеспечении отряда.

За доблестные совместные действия с войсками ДВР против белых банд Унгерна главнокомандующий войсками Монголии Сухэ-Батор, помглавкома Чойбалсан, главком вооруженных сил Западной Монголии Хатам-Батор-Ван и другие приказом Революционного Военного Совета Республики № 6 от 10 января 1922 г. были награждены орденами Красного Знамени.

Документ извлечен из фонда Штаба РККА, хранящегося в Центральном государственном архиве Красной Армии СССР (ЦГАКА СССР), и подготовлен к печати совместно с научным сотрудником архива З. Ф. Павловой. Названия населенных пунктов даются в транскрипции документа.

В. В. Душенькин

Доклад начальника и военкома Красного Добровольческого партизанского отряда П. Е. Щетинкина [1)] Реввоенсовету V армии и уполномоченному Коминтерна в Дальневосточной Республике Б. З. Шумяцкому о формировании и деятельности отряда по ликвидации белогвардейских банд барона Унгерна на территории Монголии

1 сентября 1921 г.

Распоряжением РВС V армии от 20 марта с/г за № 2576 я был назначен начальником Красного Добровольческого партизанского отряда, составленного из особых отрядов 9-го и 11-го, одного взвода легартдива итальянских пушек и части, выделенной из 104-й и 105-й бригад (всего около 400 чел.). Означенный отряд целью своего формирования имел ликвидацию белобанд в пределах Монголии. Из Иркутска был должен выступить 30 марта с тем, чтобы двинуться через ст. Мысовск — дацан Гусиноозерский — Селенгинская Дума в пос. Модонкульский и пройти в пределы Монголии, занять Ван-Курен. В Иркутске пришлось задержаться до 6 апреля, ввиду задержки в отпуске огнеприпасов, фуража, продовольствия, конобоза, обмундирования и канцпринадлежностей. Получив все необходимое, отряд вместо ст. Мысовая сосредоточился на ст. Татауровой из соображений получить необходимое количество перевозочных средств в районе ст. Татауровой, как пункте, имеющем больше населения, где и продолжал стоять от 7 до 23 апреля, вследствие невозможности получить тотчас же подводы из-за начинающей разливаться р. Селенги.

Несмотря на самые энергичные меры в отношении сбора подвод, все же только к 23 апреля было получено 70 подвод, позволивших погрузить самую незначительную и необходимую часть груза, остальной груз был оставлен на ст. Татаурово впредь до открытия навигации по р. Селенге. Двигаясь самым быстрым темпом, отряд 1—2 мая достиг пос. Хамней, где, вследствие разлития р. Хамней и отсутствия переправы, отряду пришлось задержаться до моего возвращения из Маймачена, куда я еще отправился из Селенгинской Думы для переговоров с Монгольским правительством для выяснения вопроса о снабжении консоставом и перехода границы, а также и совместных с ними действиях против белобанд. Переход границы мне был открыт, что же касается снабжения отряда консоставом, то тако-

[1] См. ЦГАКА СССР, ф. 7, оп. 2, д. 111с, л. 124.

вым я был снабжен позднее, первоначально получив 47 лошадей и из отряда Иванова-Римского пришлось собрать разными путями до 60 штук. Все лошади как полученные от Монгольского правительства и отряда Иванова-Римского, из-за своего плохого состояния (побитости спин и истощенности), не удовлетворяли элементарным требованиям. 4—5 мая я возвратился из Маймачена в с. Торей и сделал распоряжение отряду перейти в поселок Хороцайское и Нарынское. Штаб и база отряда остановились в с. Торей. Сосредоточение отряда в этом районе было решено мною на основании личных переговоров с Монгольским правительством, откуда я должен был бы получить от 400 до 500 лошадей, так как активные действия отряда не могли бы иметь значительного успеха без снабжения отряда консоставом, на что особенно было указание наштарма V и ВОСО и военкома тов. Косича [2]. В момент моего сосредоточения в указанных пунктах район Джидинской долины был спокоен, но слухи о появлении мелких партий противника циркулировали.

15 мая я выехал из Торея вторично для выяснения с [Монгольским] правительством в г. Маймачен вопроса о задержке снабжения отряда консоставом, что лишало меня возможности выполнить предписание РВС V о срочном выступлении в Монголию. В г. Маймачен и в разговоре по прямому проводу с тов. Грюнштейном [3] узнал о приказе РВС V, требующем немедленного выступления отряда для выполнения поставленной задачи в том положении отряда, как его застанет приказ. Не ожидая удовлетворительных результатов от Монгольского правительства, я немедленно возвратился в с. Торей, откуда 25 мая, разделив отряд на две части, направив таковые: 1-ю — в составе 120 чел. при 1 орудии и 4 пулеметах по Убур-Хулдатской пади через Желтуринскую долину на Куро-Барун-Дзасака и 2-ю часть в составе 150 чел. при 3 пулеметах по Модонкульской пади на перевоз, что в 20 верстах восточнее г. Богадула.

Разделение отряда на две части и посылка их по двум указанным направлениям диктовалась общей задачей, решением с Монгольским правительством, как необходимость осветить разведкой левого берега р. Селенги, уничтожения мелких банд противника в этом районе, с одной стороны, и соображениями, как возможность снабжения отряда консоставом при посредстве местных жителей-монгол через представителя Монгольского правительства, с другой стороны. Отряду, двинутому на перевоз, было задано по занятии последнего присоединиться к отряду, направленному на Куро-Барун-Дзасака, который путем конной связи должен был соединиться с отрядом Монгольского правительства, одновременно высылаемого из Маймачена к устью р. Орхон, где таковой и должен был переправиться на левый берег р. Селенги и при соединении всех трех отрядов группа должна была двинуться на Ван-Курен. Отряд, высланный на Куро-Барун-Дзасака, утром 26 мая, пройдя по Убур-Хулдатской пади, встретился на р. Желтуре с дивизией Резухина численностью 1500—2000 сабель, с которой вступил в бой. В результате 9-часового боя отряд, потеряв до 35 чел. убитыми, ранеными и попавшими в плен, 1 орудие, 4 пулемета и 10 двуколок, вынужден был отойти в исходное положение, т. е. в пос. Хулдатский, откуда затем был переведен в с. Торей, где и был приведен в должный порядок, после чего выступил в пос. Модонкульский на присоединение к 2-му отряду, который был задержан вследствие неудачи первого. В пос. Модонкульском отряд был сосредоточен 3 июня и 4 июня в полном составе выступил за границу в направлении на Ван-Курен.

Следуя по падям Ирин (Иерен), Салме и через реку Эгин-Гол в середине пади Торкин, имел бой с бандой Казагранди, не выясненной численностью, в результате которого противник поспешно отступил за р. Селенгу, преследуемый нашей разведкой. По переправе через Селен-

гу отряд имел второй бой с той же бандой в полном составе, численностью до 400 чел., окончившийся неудачно для нас, ввиду несвоевременной поддержки главных сил отряда, следующих пешим порядком из-за недостачи лошадей и усталости при преследовании. После упорного боя передовому отряду, при потерях в 20 чел. и, оставив в руках противника 2 пулемета, пришлось отойти в исходное положение, т. е. к правому берегу р. Селенги. На следующий день высланной разведкой был установлен отход противника в южном направлении, а позднее направлявшийся обоз с продовольствием в группу Казагранди в количестве 150 верблюдов был нами перехвачен.

Телеграммой начдива 35 за № 9/а от 18 июня на основании директивы командарма V отряду было приказано выйти из пределов Монголии в район Чемуртаевский и Ичетуйский с тем, чтобы, приведя себя в порядок, присоединиться к 5-й кавдивизии. Во исполнение означенного приказания я отошел в указанный район. К 1 июля отряд расположился в дер. Чемуртаевский, Щекино, Ичетуйский и дацан Гегетуйский. На основании телеграммы наштакора Экспедиционного от 2 июля за № 603, выступил 3 июля в ст. Желтуринская, откуда повел разведку вверх по Желтуринской долине и разведкой связался с комбригом 105 у оз. Цаган-Нур. В таком положении находился до 15 июля, являясь правым боковым отрядом войск Экспедкорпуса. Приказом корпуса от 17 июля за № 47/оп/сек мне было предписано форсированным маршем двинуться для выполнения поставленной ранее задачи по сосредоточению отряда в Дзасак-Уртчжин (приказ войскам Экспедкорпуса от 14 июля за № 47/оп/сек), откуда 18 июля продолжать сближение с главными силами противника.

По завязке боя на участке 105-й бригады я должен был атаковать противника во фланг и тыл, дабы сбросить его в реку. При отступлении противника в западном направлении — вести параллельное преследование, преграждая пути противнику на запад. На основании этого приказа 20 июля, по восстановлении боевой связи с частями 105-й бригады, вошел в оперподчинение комбрига 105. Задачу, данную отряду приказом Экспедкорпуса за № 47/оп/сек/пол./, выполнить не удалось, вследствие непроходимости от выпавших дождей в Цежейской пади, и отряд вынужден был вернуться от границы, пройти через поселки Цежейский, Хороцайский, Желтуринскую долину и по р. Шелон на фанзу Манхадай и далее к месту расположения 105-й бригады к Куро-Ахай-Гун. Приказом 105-й бригады от 21 июля за № 095/пол./сек./ в мое подчинение придан кавполк 35 и Красномонгольский отряд тов. Давыдова для выполнения задач по обходу левого фланга противника с целью не дать ему продвинуться на север. Задача эта также выполнена не была, ввиду быстрого отхода противника в северном направлении по падям Харце, Куцен на Желтуринскую долину и в пос. Цежейский. Вместо обхода противника, пришлось преследовать его вплоть до Желтуринской долины, но приказом 105-й бригады от 24 июля за № 192/пол./ вверенной мне кавгруппе приказано присоединиться к бригаде, что и было мною выполнено того же числа в пади Харце.

Приказом 105-й бригады от 26 июля № 0101/пол. кавгруппе приказано к вечеру 26 июля выдвинуться на один переход в направлении р. Олонта и Шелон и вести глубокую боевую разведку на пос. Хамнсй и Цежейский, а также выделить одну резервпартию с задачей двигаться по р. Ромур на ст. Желтуринская и того же числа выяснить путь движения белобандитов, а также их силы. Во исполнение этого приказа всей кавгруппой, за исключением Красномонгольского отряда, двинулся на фанзу Манхадай через Желтуринскую долину до пос. Хороцай,

где и выяснил, что противник всеми силами вышел из Хороцая в пос. Торей и на Чемуртаевский. Красномонгольский отряд распоряжением комбрига 105 был оставлен в пади Харце с задачей охранять выход ее впредь до подхода 104-й бригады, которой войти в оперподчинение в предположении движения противника на ст. Желтуринская и далее на восток через тракт Кяхта — Урга. Приказом комбрига 105 от 20 июля № 0105/пол/сек. мне было приказано двигаться и занять пос. Тахойский, ведя дальнейшее преследование, но, установив по следам противника и сведениям от местных жителей, что отход его на пос. Чемуртаевский, Ичетуйский и Селенгинскую Думу и сложившаяся обстановка противоречили данной мне директиве № 0105 пол./сек/., я собственной инициативой продолжал преследование противника по его следам. Полученный в пути приказ Экспедкорпуса от 29 июля за № 63 /оп/ был аналогичен с принятыми мною действиями.

В дацане Деристуйском получено приказание комкора от 30 июля за № 1007 остановить движение и, связавшись со штакором, ожидать дальнейших распоряжений. 31 июля был вызван штакором в дер. Старые Енхоры к прямому проводу, где и получил назначение начлевбережным боевым участком и приказ резервгруппы Экспедкорпуса от 31 июля за № 21 /оп/сек./, в котором мне предписывалось главными кавсилами направиться через Убур-Билютай на Селенгинскую Думу, одним разъездом осветить дорогу на Билютай и прилегающую к ней местность по левому берегу р. Селенги. Другому разъезду осветить район от дацана Деристуйского на улус Айрик, что в 30 верстах северо-западнее дацана Ичетуйского и далее через улус Верхние Ичетуйские на Покровку, самому же немедленно выехать в Сосновку и вступить в командование левобережным боевым участком, по обстановке действовать самостоятельно, имея целью энергичное преследование противника на В.-Удинск и решительно ударить в тыл в случае попытки противника переправиться на правый берег р. Селенги.

Во исполнение этого приказа, того же числа я выдвинулся из дацана Деристуйского на Сосновку, выделив разведгруппы согласно приказу. 1 августа прибыл в Сосновку и в тот же день самостоятельно перешел в Селенгинскую Думу, где и издал приказ по левобережной группе от 1 августа за № 1/оп/сек. с задачами: кавполку 35 осветить все дороги, ведущие из Селенгинской Думы на Ново-Селенгинск, войти в огневую связь с противником и, не выпуская последнего из виду, не дать ему переправиться на правый берег р. Селенги. Контрразведке одновременно выступить с кавполком 35, держа с ним и 2-м дивизионом тесную связь, двигаться на дацан Гусиноозерский, произвести в последнем разведку. При обнаружении мелких частей банд, разбить и преследовать до улуса Загустай, достигнув таковых даже в случае, [если] противника в Гусиноозерском не окажется. В случае движения противника на восток, зайти ему в тыл. 2-му кавдивизиону переправиться одновременно с кавчастями через р. Темник, двигаться по левому ее берегу до Ново-Дмитриевки, где и связаться с разведгруппами, высланными на Покровку и улус Удунга. Произведя разведку в указанном районе, присоединиться к кавгруппе. 1-му резервному полку выдвинуть 1-й батальон по средней дороге на Ново-Селенгинск и остановить его у подошвы горы, что в 15—17 верстах западнее Ново-Селенгинска, оставаясь там до выяснения Ново-Селенгинского района. 2-й батальон оставить в пос. Хахей, что в 8—10 верстах восточнее Селенгинской Думы, считая его резервным. Батальону 232-го полка охранять переправу через р. Темник, избрав удобную позицию по обоим ее берегам, произвести оборонительную линию постройкой окопов, которую закончить к 12 часам 2 августа и ждать дальнейших распоряже-

ний. Командиру батареи легартдива, подчинив себе одно орудие вверенного мне отряда, выбрать удобную позицию на правом берегу р. Темника и быть готовым переправиться на левый берег в случае надобности. 2 августа, ввиду полученного мною донесения о нахождении противника не в Ново-Селенгинске, а в дацане Гусиноозерском, того же числа отдано приказание от 2 августа за № 1 о перегруппировке отряда, который предусматривал закрыть противнику выход на Селенгинскую Думу. Того же числа предписанием штакора командование левобережной группой принял тов. Погребов, согласно приказу которого от 2 августа за № 2/оп/сек./ я с кавдивизионом своего отряда двинулся на улус Загустай. Приказом левобережной группы от 3 августа за № 3/оп/ выступил из улуса Загустай в обратном направлении и, достигнув 4 августа южного берега Гусиного озера, соединился с остальными частями своего отряда, с которыми двинулся к переправе через р. Темник, что у Селенгинской Думы. Здесь я получил личное приказание тов. Погребова двинуться всем отрядом вместе с приданным мне в оперподчинение кавполком 29 вверх по р. Темник до переправы, что у Мысовского тракта.

В 23 часа того же числа, занимая позицию на правом берегу р. Темник, обнаружили присутствие противника, и 5 августа утром завязался с ним бой с целью выполнить задачи, т. е. достигнуть Ново-Дмитриевки, таковой продолжался до 21 часа, в результате чего противник отступил в падь севернее 6—8 верст Ново-Дмитриевки на дацан Ирейский под давлением 105-й бригады и других частей корпуса на главные силы противника. Вследствие темноты ночи отход по правой пади противника на дацан Ирейский был установлен при соединении отряда с резервной группой, находящихся в Ново-Дмитриевке, где по личному разрешению начлевгруппы тов. Погребова отрядом остановился на ночлег в Ново-Дмитриевке.

Утром 6 августа по приказу № 5 выступил на дацан Ирейский и далее на Покровку, которой достиг к 12 часам. В улусах Ирейских разведка отряда вошла в огневую связь с арьергардными частями противника, в результате коей противник, понеся потери убитыми и пленными, всеми силами отступил в падь Барун. Продолжая движение вслед за противником по пади Барун, разведка в 15 часов завязала бой с частями 5-й кавдивизии, принятыми за части противника. Огонь был открыт со стороны предполагаемого противника. Бой продолжался до 18 часов 30 минут и закончился с потерями из отряда 5 чел. ранеными. Прекращение боя последовало после взятия мною пленного, оказавшегося красноармейцем 26-го кавполка. О присутствии вблизи частей 5-й кавдивизии и вообще своих частей ни из приказов, ни из сводок мне известно не было. Кроме того, двигаясь по пятам противника, я не мог допустить мысли о возможности встречи с какими-либо частями, кроме противника. После окончания боя продолжал движение по следам противника.

Ночью с 6 на 7 августа, выйдя из пади Барун в падь Ичетуйскую, наткнулся разведкой на пост противника из 2 чел., в перестрелке один из которых был убит. Утром 7 августа преследование противника продолжалось до пади, что между станком Нарынским и пос. Кончеранским, где отряд завязал бой, результатом которого по подходе кавполка 29 противник был сбит с занимаемой им позиции и отступил в направлении на пос. Нарынский. Утром 8 августа движение продолжалось по следам противника до пос. Хороцай (Атамано-Николаевского), где в ночь на 9 августа имел перестрелку с разведчастями противника, каковая возобновлялась 4 раза. Во время перестрелки в отряде 1 ранен.

Утром 9 августа преследование продолжалось, и в 4—5 верстах [от] Атамано-Николаевского отряд вступил в бой со всеми силами противника,

продолжавшийся с 6 до 18 часов. Потерь в отряде 5 чел. раненых. Противник, понеся потери, отошел на пос. Цежейский. Дойдя до пади Улекчин, что в 13 верстах западнее Хороцая, на высотах укрепился. 9 августа, на основании приказа за № 071/оп, вверенный мне отряд перешел в подчинение комбрига 104.

Утром 10 августа совместно с 310-м полком вступил в бой всем отрядом с противником силой до 1000 чел., который укрепился на западных высотах пади Улекчин, нанес большие потери 310-му полку, но лихой атакой в конном строю отрядом противник был опрокинут и в панике бежал на дацан, что в 5 верстах западнее пос. Цежи, понеся значительные потери убитыми, ранеными и пленными. В указанном пункте противник пытался было укрепиться, но был тотчас же сбит с занимаемых высот и отступил к пос. Хамней.

Утром 11 августа движение отрядом продолжалось на пос. Хамней, который был занят без боев. Разведка отряда в 5 верстах западнее пос. Хамнея наткнулась на засады противника, который после незначительной перестрелки был выбит с занимаемых позиций и поспешно отступил за р. Хамней. После переправы противника на противоположных высотах вся прикрывающая группа, отходящие главные силы банды укрепились на таковых. Попытка отряда и 310-го полка переправиться через р. Хамней, вследствие интенсивного орудийного, пулеметного и ружейного огня противника, не удалась. С целью избежать потерь при переправе, мною был предпринят обход. Переправившись в 7 верстах севернее тракта р. Хамней к 12 часам 12 августа достиг пос. Цакирский, который уже был занят к этому времени 310-м полком. Очевидно, противник, имея сведения об обходе, ночью отступил, что и дало возможность 310-му полку переправиться и занять пос. Цакирский. В 23 часа 13 августа достиг пос. Модонкульский. Противник отступил по пади Нурта, Айник и далее в юго-западном направлении по пади Ирии на перевоз р. Эгин-Гола, что в устьях р. Ури и у горы Богадула. В дальнейшем непрерывно преследовал противника, с которым 14 августа имел перестрелку в 10—15 верстах южнее верховья р. Айник. Здесь противник пытался совершить обход, который был мною предупрежден выдвинутыми вправо и влево частями. После перестрелки противник отступил в южном направлении, оставив сильный арьергард. Ввиду малочисленности отряда, недостатка огнеприпасов, отсутствия продовольствия и крайней усталости лошадей, не говоря уже о людях, я вынужден был отряд остановить, донося об этом комбригу 104. Последний подтвердил приказом от 14 августа за № 20/5 мое решение, но также требовал выяснить точное направление движения отступающего противника.

16 августа в мое оперподчинение прибыли 124 всадника, состоящие из пешей и конной разведки и добровольцев красноармейцев, посаженных на коней, части 104-й бригады и кавполк 35 (приказ 104-й бригады от 13 августа № 073). Того же числа, согласно полученному мною приказанию комбрига от 15 августа за № 21/5 выступил для дальнейшего преследования противника по пади р. Иерен у устья р. Ури и горы Богадула на перевоз р. Эгин-Гола, которого и достиг в 19 часов 17 августа.

Переправившись на правый берег р. Эгин-Гол, принял двух перебежчиков из казаков, путем опроса коих выяснено, что ген. Резухин расстрелян своими, и труп его зарыт на берегу. По принятым мерам к розыску трупа последний был найден на указанном месте, и, после его извлечения, таковой был опознан лицами, знающими его. Кроме того, на нем оказались погоны генерала. Банда, расправившись с своим вождем Резухиным, поспешно отступила в направлении Куро-Чулгын-Суме.

18 августа отряд продолжал движение вслед за бандой. В связи с

отсутствием продовольствия, на почве голодовки численность отряда систематически убавлялась заболевавшими и к 18 августа выражалась в следующем числе: вверенный мне отряд — 130 сабель, кавполк 35 — 145 сабель, сводный эскадрон 104-й бригады — 124 сабли и прислуги при пулеметах 33 чел., оставленное прикрытие одной из падей, в коей обнаружены следы противника,— 44 чел., а всего 476 сабель.

По сведениям, полученным от захваченного разведкой пленного, банда Унгерна всеми силами, кроме банды Резухина, в количестве 1000 сабель имеет дневку в 10—15 верстах юго-западнее перекрестка Хошунной границы с трактом перевоз у горы Богадула на Куро-Чулгын-Суме. Как видно из приказания Унгерна Резухину, захваченного у пленного ординарца, Унгерн об участи Резухина не знал, а также и связи с его бандой не имел. В приказании говорилось следующее: «Ген. Резухину. С получением сего немедленно со всеми войсками присоединяйтесь ко мне. Я имею дневку и полагаю, что завтра буду стоять в пади, что в 1—2 верстах юго-западнее кумирни Буруладжи (на карте нет), скота больше не берите, я поймал связь с Батор-Ваном. Ген.-лейт. барон Унгерн». Ввиду неясности обстановки, незнания точного месторасположения банды Резухина, я вынужден был остановиться в 10—15 верстах от расположения банды Унгерна и ограничиться высылкой усиленной разведки во всех направлениях.

С рассветом 19 августа противник повел усиленную разведку в направлении моего движения. При столкновении разведки противника с моим сторожевым охранением был взят в плен офицер (завхоз одного из полков Унгерна), который ехал навстречу отряду, вероятно, будучи посланным из группы Унгерна к Резухину, оставленному Унгером на р. Эгин-Гол, не зная, что последняя [банда] после расправы с Резухиным проследовала другой падью. Из подробного опроса пленного выяснилось, что в ночь на 19 августа в лагере Унгерна было совершено нападение на последнего с целью его уничтожения, но вследствие темноты ночи по ошибке обстреляли палатку его личного адьютанта, какового и убили и с ним трех бандитов. В этом деле пленный участия не принимал, так как во время обстрела он двигался в группу Резухина. О недовольстве среди банды Унгерна он знал и даже состоял участником в организации по уничтожению Унгерна и Резухина. Подробности покушения на Унгерна, а также и результатов его он также не знал, как не знал и об убийстве Резухина. Повод недовольства среди бандитов к своим вождям вырос на почве неосуществившихся обещаний Унгерна, как он говорил, что по выходе на советскую территорию, население и войска красных будут переходить на его сторону и что они пойдут занимать Иркутск и соединятся с японцами, наступающими якобы на В.-Удинск.

Выяснив опросом точное расположение Унгерна, я всем отрядом двинулся к месту его дневки, имея целью, воспользовавшись в его банде разложением, захватить его. Двигаясь по дороге к месту его расположения, были захвачены 12 бандитов-монгол, от которых новых сведений получить не удалось. Двинувшись далее, захватили еще одного пленного унтер-офицера бурята, который показал, что Унгерн связан и отправлен с его монгольским дивизионом в штаб резухинской банды. Тем временем разведгруппа отряда в числе 17 чел., двигающаяся вперед, заметила беспорядочную группу конных человек до 30, которые, стоя на месте, были чем-то заняты. Разведчики лихим налетом атаковали группу и, захватив ее, обезоружили.

В числе захваченных пленных в этой группе оказался сам барон Унгерн. При подходе наших разведчиков последний, будучи связанным и узнав красных, подавал команду рассыпаться в цепь и отражать атаку, крича во весь голос: «Красные идут, в цепь!». Растерявшиеся монголы от не-

ожидашности парализовались, что и способствовало захвату всех без потерь. К этому моменту подоспел я с отрядом. Кратко опросив Унгерна, я тотчас же снарядил конвой в числе 20 чел. и отправил с ними пленных и Унгерна в штабриг 104 с наказом для конвойных в случае попытки со стороны бандитов произвести нападение и отбить Унгерна, расстрелять последнего, сам же продолжал движение за группой Унгерна на расстоянии 10 верст, где еще были захвачены 14 чел., при коих были две двуколки, несколько десятков винтовок, пулеметные ленты и около 2000 тыс. патронов. Пройдя затем немного далее, остановился на кормежку лошадей, здесь принял решение пойти вслед за резухинской группой, которая, как выяснилось разведкой, не пошла за Унгерном, а взяла направление по другой пади на перевоз Ямунь и кумирню Монты.

Допуская возможность движения банды по следам Унгерна, в случае удара на нее имевшего подойти к тому времени к кумирне Монты 312-го полка и Красномонгольского отряда тов. Давыдова и, учитывая опасность своего движения за группой Унгерна возможность быть окруженным обеими группами и учитывая малочисленность своего отряда, я решил изменить направление, т. е. преследовать банду Унгерна, сосредоточив внимание за бандой Резухина. Пройдя в новом направлении до 30 верст, в ночь на 20 августа обнаружил разведкой засаду противника на высотах у р. Селенги. Обстрелянная залповым огнем, разведка без выстрела отошла на 5 верст назад, оставив противника в полном неведении о значении своего появления.

В 8 часов 20 августа я всем отрядом повел наступление на занятые противником высоты. По занятии части высот выяснил, что обоз противника, гурт скота, табун лошадей с тремя орудиями переправились за Селенгу на правый берег ее. Высланный мной к расположению противника сводный эскадрон 104-й бригады был допущен до 50 шагов противником, очевидно, принявшим их за своих, как конвоирующих Унгерна. На слова со стороны красноармейцев и на выдвинутый мною красный флаг, как подтверждение слов товарищей, призывающих прекратить войну и сложить оружие, перейдя на сторону советской власти, бандиты ответили сильным пулеметным и ружейным огнем, последствием которого оказалось один раненый красноармеец и убито 2 лошади. В силу такой встречи сводный эскадрон вынужден был отступить и занять другую высоту. Противник, занимая господствующие высоты и видя нашу малочисленность, и, с другой стороны,— отсутствие у нас резервов, вывез на гору одно орудие и начал обстреливать из него прямой наводкой. Продержавшись таким образом 5 часов, я вынужден был отвести отряд в обратном направлении, так как во время следования от р. Эгин-Гола до Селенги, и не зная о месте нахождения своих частей, я отвел отряд на левый берег р. Эгин-Гола, который достиг 21 августа вечером. Отход мой к р. Эгин-Гол явился следствием очевидной невозможности для себя продолжать преследование противника в том состоянии, в каком находился мой отряд: 1) отсутствие связи и полная неизвестность местонахождения наших частей: 5-й кавдивизии, 35-й[1] дивизии, 312-го полка и отряда красномонгол; 2) малочисленность своего отряда, отсутствие поддержки в связи с значительным превосходством сил противника; 3) отсутствие возможности за недостатком людей при дальнейшем удалении от 104-й бригады быть с ней связанным и посылать к ней донесения; 4) отсутствие продовольствия и крайняя затруднительность доставки его отряду и 5) крайняя утомленность людей и лошадей.

Все это вместе взятое заставило меня оставить мысль о дальнейшем

[1] В документе ошибочно «25-й».

преследовании и отойти к р. Эгин-Гол, где и ожидать дальнейших распоряжений. Днем 22 августа двинулся дальше, сделав переход до 35 верст до кумирни, что на р. Эгин-Гол, где оставил отряд на ночлег, сам отправился в пос. Модонкульский выяснить вопрос о расположении частей, а также и вопрос об исполнении директивы штарма V и приказа дивизии 35 о расформировании вверенного мне отряда. В Модонкуле получил приказ немедленно расформировать отряд, влить таковой целиком в кавполк 35, самому же немедленно отправиться в штакор Экспедиционный.

Вернувшись 24 августа к отряду, сдал таковой согласно приказу командира кавполка 35, а сам же 26 августа отправился в с. Торей, к месту нахождения базы и штабрига 104 и далее, согласно предписанию штабрига 104, в Троицко-Савск, в распоряжение комкора Экспедиционного.

Начальник отряда, он же военком Щетинкин

ЦГАКА СССР, ф. 7, оп. 2, д. 5, лл. 205—209.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Щетинкин П. Е. (1884—1927 гг.) — известный руководитель партизанского движения в Сибири. Родился в с. Чуфимове, Неверовской волости, Касимовского уезда, Рязанской губернии. В 1906 г. П. Е. Щетинкин был мобилизован в армию, за героические подвиги во время империалистической войны произведен в офицерское звание, окончил службу в царской армии в чине штабс-капитана.

После Великой Октябрьской социалистической революции, работая начальником угрозыска в Ачинском Совете Минусинской губернии, П. Е. Щетинкин вступил в ряды Коммунистической партии. Он провел большую работу по формированию партизанских отрядов, а в декабре 1918 г. был избран руководителем штаба Ачинской Красной гвардии.

Первые успешные бои с карательными отрядами Колчака прославили имя Щетинкина в Сибири, его отряды быстро росли и достигли в марте 1919 г. 5000 чел. Весной 1919 г. партизанские отряды Щетинкина влились в Крестьянскую армию Минусинского уезда, а он сам был назначен заместителем командующего армией. В марте 1921 г. Щетинкин как опытный руководитель партизанского движения был назначен начальником и военным комиссаром Красного Добровольческого партизанского отряда.

За отличия, проявленные в боях в 1919 г в районе Минусинска и в августе 1921 г. в Монголии, приказом РВСР № 133 от 31 мая 1922 г. П. Е. Щетинкин был награжден орденом Красного Знамени, а Народное правительство Монголии присвоило ему высокое звание «Темур Батор Джань-Джунь» (железный командир — богатырь).— 73.

2) Косич Д. И.— военный комиссар штаба и заместитель члена РВС V армии.— 74.

3) Грюнштейн К. И.— член РВС V армии.— 74.

БУХЕНВАЛЬДСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Публикуемые документы открывают еще одну неисследованную страницу героической истории Великой Отечественной войны советского народа против фашизма. В общем комплексе проблем истории Отечественной войны 1941—1945 гг., ожидающих своего исследователя, бесспорно должен найти место вопрос о героизме советских людей в фашистском плену. Большое количество советских воинов по независящим от них причинам (раненые или контуженные) в ходе войны оказалось в фашистских лагерях. Их жизнь, героическая борьба с фашизмом в неимоверно трудных условиях фашистского застенка достойны внимательного изучения.

За последнее время в нашей печати появились заметки и статьи мемуарного характера, отражающие жизнь и борьбу советских военнопленных в фашистском плену. Однако документальные материалы на эту тему публикуются впервые. Документы, сохранившиеся в советских архивах, дают возможность изучить наиболее яркие страницы борьбы военнопленных против фашизма в крупных концентрационных лагерях. Один из таких лагерей — Бухенвальд — вскоре после прихода Гитлера к власти был построен на горе Эттерсберг, в 8 километрах от Веймара, на месте вырубленного леса, в котором когда-то любил проводить целые дни Гёте. В Бухенвальдский лагерь были брошены наиболее активные антифашисты; здесь томились героические коммунисты Германии, высоко несшие знамя борьбы против фашизма.

В годы второй мировой войны в Бухенвальд отправляли наиболее опасных для фашистского режима людей из всех порабощенных стран и самой Германии. Сюда же направляли наиболее активный боевой элемент советских военнопленных.

Прибывшие 18 октября 1941 г. советские военнопленные были помещены в отгороженных от всего лагеря шести бараках (№№ 1, 7, 13, 19, 25 и 30). Так возник своеобразный лагерь внутри лагеря под названием «лагерь военнопленных», так как узники его носили форму военнопленных. Несмотря на отсутствие связи между бараками, к декабрю 1941 г в каждом из них организовались первые подпольные группы во главе с Николаем Симаковым, Михаилом Левшенковым, Иваном Ногайцем, Виктором Поповым, Александром Павловым и другими. К лету 1942 г. с помощью антифашистов — чеха Квета Виццейна и немца Вальтера Бартеля эти разрозненные группы объединились. В единый центр вошли: Н. Симаков — руководитель центра, С. Бакланов — руководитель военного сектора, И. Ногаец — руководитель политического сектора, А. Павлов — руководитель сектора безопасности и М. Левшенков — редактор подпольной газеты «Правда пленных» (всего вышло 26 номеров).

С весны 1942 г. фашисты начали бросать в лагерь большие группы со-

ветских граждан, подвергая их режиму политических заключенных. Это были военнопленные, которые в других лагерях уже проявили себя как активные антифашисты, люди, неоднократно бежавшие из лагерей, а также советские люди, угнанные в рабство. Они находились в общем лагере заключенных, но в отдельных бараках, носили полосатую одежду и вместо обуви — деревянные колодки. В отличие от содержавшихся в «лагере военнопленных», у них было больше возможностей для установления связи с заключенными — представителями почти всех национальностей Европы. Здесь также зародилось ядро будущей организации (см. док. № 1).

Таким образом, в Бухенвальде возникло два параллельных подпольных центра советских военнопленных. Связным между ними был Квет Винцейн. Однако существование двух центров осложняло подпольную работу, нередко дезориентировало рядовых заключенных и могло привести к провалу. Назрела необходимость объединения этих центров, что и произошло в марте 1943 г. (см. док. № 1). Впоследствии, в связи с расширением и усложнением подпольной работы, центр реорганизовался, и с мая 1944 г. до вооруженного восстания 11 апреля 1945 г. в него входили: Н. С. Симаков — руководитель, И. И. Смирнов — командир подпольного отряда, Н. Ф. Кюнг — руководитель отдела безопасности организации, С. Д. Котов — руководитель политотдела, В. Н. Азаров — комиссар одной из подпольных бригад, С. М. Бакланов — руководитель военного сектора (организация связи, снабжение оружием и боеприпасами).

Организация русских военнопленных представляла собой секцию международной Военно-политической организации политзаключенных Бухенвальда и вела всю свою работу в братском содружестве с чешскими, польскими, немецкими, французскими и бельгийскими товарищами.

Большинство документов, характеризующих деятельность Бухенвальдской подпольной организации, сохранилось в фонде Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, и было предъявлено на Нюрнбергском процессе. В целях опубликования всего комплекса документов публикация разбита на две части; первая — публикуется в настоящем номере. В дальнейшем будет опубликована вторая часть, содержащая материалы по организации саботажа, сбору и изготовлению оружия, по истории повседневной упорной и самоотверженной борьбы с врагом, а также документы, отражающие работу организации по спасению пленных и политзаключенных.

Наряду с этим будут опубликованы документы о злодейских расправах гитлеровцев, массовом умерщвлении людей.

Кроме напечатанных в настоящем номере, в одном из последующих будет опубликована часть документов из личного архива Н. Ф. Кюнга, который в настоящее время по заданию Советского комитета ветеранов войны собирает материалы о борьбе советских людей в фашистском плену.

Большинство публикуемых документов, кроме письма С. Д. Котова, представляет собой отчеты или записки руководителей центра о подпольной работе, написанные после 11 апреля 1945 г. по решению центра. Как видно из препроводительных документов, эти материалы, а также показания некоторых узников были переданы Советским командованием Чрезвычайной государственной комиссии в августе 1945 г. Кроме них, публикуются воззвание международного центра (док. № 4), которое сохранилось в копии у Н. Ф. Кюнга, и клятва освобожденных (док. № 7), извлеченная из фонда Чрезвычайной государственной комиссии.

Тематически документы распадаются на две группы. Первая (док. №№ 1—3) отражает историю зарождения организации, ее структуру и важнейшие стороны ее деятельности; вторая (док. №№ 4—7) — восста-

ние 11 апреля 1945 г. Внутри этих групп все документы, за исключением № 7, расположены в хронологическом порядке.

Авторы публикации ограничились лишь самым необходимым комментарием: даны сведения о тех лицах, которые уже отозвались на письма Комитета ветеранов войны. Возможно, что многие участники Бухенвальдского подполья отзовутся на настоящую публикацию.

П. Ф. Кюнг, Т. А. Иллерицкая, Б. Г. Литвак

№ 1

Записка члена Центра русской секции Военно-политической организации заключенных Бухенвальда В. П. Азарова[1] о положении заключенных и зарождении подпольной организации

Не позднее мая 1945 г. [1]

1. Первые русские в Бухенвальде. Их положение

Первые русские заключенные прибыли в Бухенвальд в сентябре 1941 г. Сначала привезли военнопленных 300 человек [2], а в марте 1942 г. была привезена первая партия граждан Советского Союза, насильственно вывезенных на каторжные работы в Германию. Арестовывали русских по разным мотивам: одних — за саботаж на производстве, других — за политическую работу в лагерях военнопленных и на производствах. Большая часть была заключена за побеги из лагерей военнопленных, с фабрик, заводов и сельских хозяйств. Решаясь на такой опасный шаг, как побег, в условиях фашистского террора, люди стремились добраться до своей родины. Они дезорганизовывали тыл противника, тормозили выпуск военной продукции. Ими руководило сознание, что каждый килограмм угля, добытый руками русских, есть помощь врагу. Побеги совершались большими и малыми группами, подчас вооруженными. Только за март, апрель, май и июнь месяцы 1942 г. было заключено в Бухенвальде более 6 тысяч человек. Привозили их, как правило, изможденными и худыми, так как заключению в концлагере предшествовало тюремное заключение со всем фашистским «комфортом», с полным комплектом пыток и издевательств.

Особенно тяжелым было положение военнопленных. После партии в 300 человек прибыла еще партия в количестве 2200 из лагеря № 310 и следующая партия в 2 тысячи из 307 лагеря. Позже, еще с Украины приехало 4 тыс. изможденных людей. По дороге Веймар — Бухенвальд (7 км) погибло 417 человек. Политзаключенные немцы, чехи, французы пытались помочь военнопленным, за что весь лагерь был оштрафован и трое суток не получал пищи. Военнопленные были изолированы от всего лагеря проволокой. В феврале 1942 г. была отправлена половина на транспорт в Заксенхаузен, где погибло 4240 человек. К концу 1942 г. из 8500 товарищей осталось только 1200 человек; остальные были убиты или умерли от голода. 100 человек на 46 м блоке подверглись «медицинским» экспериментам и умерли мучительной смертью.

В лазарете, по заданию эсэсовского врача бандита Шедловского, было умерщвлено также много военнопленных путем шприцевания [2] ядами

---

[1] Дата документов установлена на основании сведений, полученных от руководителей подпольной организации.

[2] Впрыскивание.

«Карьера» всех русских военнопленных и заключенных начиналась со штайнбруха [1]. Русские должны были работать только в тяжелых командах. Устанавливались контрольные цифры, — сколько нужно убить русских в команде. Всех слабых несли на работу на носилках, убивали там и несли с работы в крематорий.

В медицинской помощи русским отказывали и на их раны и болезни не обращали внимания. Не случайно комендант лагеря Кох заявил: «в Бухенвальде не должно быть больных, есть только живые и выжившие». В бараках русских не было ни столов, ни кроватей; спали на голом полу без матрацев и одеял. Работали русские с 4 часов утра и до 8 часов вечера, т. е. 16 часов, получая 150 г хлеба и 0,75 литра супа.

Били русских эсесовцы и «зеленые» [3)] нещадно. Так, например, «зеленый» капо Schachtkommando [2], криминальный убийца по имени Рихард, убил 47 русских. Блоковой 30-го блока бандит Ганс убил русского заключенного только за то, что тот был болен желудком.

Одежда русских состояла из полосатого летнего костюма и нательного белья. Головные уборы имели далеко не все. Вместо обуви — долбленые из дерева колодки, умышленно сделанные с острыми бортами. Так что к концу работы в колодках было полно крови.

2. Зарождение подпольной организации

Ситуация в лагере была чрезвычайно тяжелой. За каждое слово, сказанное против фашистского режима, — виселица. Вешали целыми группами. В эти кошмарные дни родилась наша подпольная политическая организация. Она родилась в чрезвычайно затхлой лагерной атмосфере. Она оформилась в те дни, когда о политике можно было говорить только со своим ближайшим товарищем и то наедине. Не каждый мог тогда взяться за такое тяжелое и рискованное дело. Идти на такой риск мог только тот, кто ставил общее дело выше всяких личных опасений.

Первый политический центр организации состоял из трех человек, куда входили Василий Азаров, Адам Астахов [4)], Владимир Орлов. Сеть этого центра состояла из следующих товарищей: Сергей Найковский [5)], Владимир Голенко, Николай Соловьев, Владимир Анохин, Борис Даниленко [6)], Федор Богомолов, Николай Кусенко, Федор Косов, Иван Шляхтинский, Николай Веселов.

В процессе своей работы организация прошла несколько организационных этапов. На первых порах пришлось больше заниматься вопросами помощи товарищам, организацией питания, «шонунгов» [3], определением в команду, дабы сохранить лучших товарищей как боевую единицу в будущем. Второй актуальной задачей организация ставила: сплочение русских, поднятие советского духа у русских, разрядить тяжелую, не позволяющую работать атмосферу, крепить интернациональную дружбу народов и своим личным поведением показать лицо советского человека; правдиво рассказать иностранцам о нашей советской действительности, рассеять превратное представление о советском режиме: с этой целью был написан и доведен до сознания русских и иностранцев целый ряд теоретических работ [4].

Написать и довести в окружении гестапо и СС — дело нелегкое, но зато благородное. С этой задачей политическая организация в основном справилась. Много сделано в вопросе изучения людей, выдвижения их и

[1] Каменоломня.
[2] Начальник команды заключенных, работавших в шахте.
[3] Освобождение от работы.
[4] См. док. № 3.

устранения враждебных нам элементов. Много сделано в деле осуществления саботажа на производстве.

В мае 1943 г. центр был дополнен двумя новыми членами, куда вошли: Василий Жук и Крахмалев Григорий. В это время организация выдвинула целый ряд новых вопросов: налаживание связи с внешними командами, проведение культурно-массовой работы и работы с иностранцами. Для связи с работающими и за пределами концлагеря командами были выделены ответственные товарищи, которые с каждым транспортом посылали своих людей со специальными заданиями. Однако регулярной связи с этими командами не было установлено в этот период; отсюда работа носила эпизодический характер.

Основной формой культурно-массовой работы была организация концертов с чисто советским содержанием [7)].

Русские товарищи принимали участие в общих интернациональных концертах и организовывали русские концерты. В этом отношении наша секция имела большой успех, в результате чего значительно повысился престиж русских в лагере.

В феврале 1944 г. Василий Жук был выведен из центра и послан в город Веймар со специальным поручением. Остались четыре члена центра Азаров, Астахов, Крахмалев и Орлов. По поручению Интернационального центра непосредственную связь с нами имел чешский коммунист по имени Квет [1]. Он давал нам политическую информацию и консультировал центр по вопросам конспирации в работе, передавал решения Интернационального центра.

К этому времени наша политическая организация проделала большую работу по сплочению русских. Однако своим влиянием она еще далеко не всех охватывала политзаключенных и военнопленных — граждан Советского Союза. Отдельные члены центра Астахов, Орлов не видели основных принципиальных вопросов, подчас разменивались на мелочи, отсюда не пользовались должным авторитетом. Необходимо было обновить центр.

12 марта [2], в комнате № 6 (7-й барак) при строгой конспирации собрался актив русских, на котором решался вопрос организационного порядка и вырабатывался конкретный план работы организации на ближайший отрезок времени. Актив совещался, а в это время гестапо сбивалось с ног в поисках нитей политических фракций в лагере. На этом заседании [был] избран новый политический центр, в состав которого вошли Николай Симаков [8)], Василий Азаров, Николай Толстый, Иван Ашарин [9)], Александр Купцов. Избраны были новые люди и работа пошла по-новому.

В. Азаров

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 57—58.— Гектограф.

№ 2

Отчет руководителя отдела безопасности русской секции Военно-политической организации заключенных Бухенвальда Н. Ф. Кюнга[10)] о характере и методах работы отдела

Не позднее мая 1945 г.

На заседании военно-политического центра 4 мая 1944 г. был создан отдел по охране и безопасности организации и защите русских заключенных от посылки на тяжелые транспорты.

[1] Квет Винцейн.
[2] 1943 г.

В связи с тем, что в Бухенвальд заключали не только антифашистов — советских граждан и военнопленных, но и некоторых попавших в опалу сообщников фашизма, служащих РОА [11)], полиции, участников подавления партизанских отрядов в занятых немцами областях,— нам надо было тщательно изучать прибывших заключенных, выявлять засылаемых гестапо шпионов и провокаторов.

За короткое время была создана строго законспирированная сеть наших работников во всех блоках и командах; причем карантинные блоки были выделены в особую группу. Отдел энергично приступил к выполнению своих задач. Через товарища К. Руденко [12)], работавшего в камере хранения вещей заключенных, проверялись документы вновь прибывших. Он ухитрялся просматривать их, снимать копии и даже, если нужно было, брать с собой.

Работая в команде переводчиков, тов. Н. Иванов [13)] при заполнении анкет вновь прибывших интересовался подробностями о службе в немецкой армии, РОА, полиции, СС и т. п. Одновременно он просматривал документы и награды, выданные за прилежность на немецкой службе. Русские лагершутцы, принимая у ворот лагеря транспорт, старались беседовать с людьми, прощупывая на ходу отдельных лиц. Собранные сведения поступали в отдел. Материал суммировался, соответствующим образом обрабатывался и передавался немецкому проверенному товарищу Рихарду, который имел прочные связи с заключенными-писарями политического отделения гестапо. Там, на основании материалов ареста, обвинительных материалов и выводов гестапо, восстанавливалась полная картина идейного содержания вновь прибывшего. Ни один негодяй, служивший в СС, РОА или в органах фашистской Германии, не ускользал от нас.

Товарищи, не покорившиеся фашистской своре, выдержавшие пытки и мучения в застенках гестапо, быстро нами устраивались на лучшие блоки и в более легкие, сравнительно, команды. Многие определялись в госпиталь для подкрепления сил. Делалось это при помощи лучших немецких товарищей Отто Киппа, Эрнста Гаусманна, Гельмута [1], Вальтера [2], Вилли Сайферта и других.

Против СС и гестапо велась скрытая, но жестокая неравная борьба. Работавшие по выявлению шпионов, провокаторов и предателей товарищи рисковали каждый час головой. На Константина Крокинского два раза пытались отнести донос на браму [3] как на большевистского агента в лагере. Обе попытки благодаря нашей бдительности не увенчались успехом. Преданные русские товарищи, находясь в разное время дня и ночи на назначенных местах, неустанно хранили нашу организацию от проникновения в нее провокаторов и агентов гестапо.

Элементы, терявшие лицо советского гражданина, мерзкие пособники фашистов высылались на тяжелые транспорты под особый контроль наших уполномоченных. Мы не имели права под боком сильной международной военно-политической организации держать сомнительных субъектов, ибо горький опыт показал, что такая беспечность приводит к гибели лучших борцов-антифашистов.

Так, например, в городе Виттене (Германия) на металлургическом заводе товарищи Олохов Семен, Вовченко Николай и Ороксин Валентин сколотили подпольную организацию, куда вошли многие товарищи из лагеря граждан Советского Союза, насильно увезенных в Германию. Задача организации заключалась в проведении производственного саботажа и ан-

---

[1] Гельмут Тиеман.
[2] Вальтер Бартель.
[3] Брама — ворота лагеря. У ворот находилась канцелярия эсесовцев.

тифашистской пропаганды, в подготовке к встрече и помощи союзным СССР войскам.

Работа шла успешно. Но в середине августа один никому неизвестный человек сумел, вследствие беспечности наших людей, втереться в состав руководящей группы организации; он даже стал ее руководителем. Пользуясь доверием, провокатор собрал автобиографии членов организации, якобы для представления Советскому правительству после войны. В середине октября этот субъект вдруг исчез. А в конце месяца вся группа — 18 человек — была арестована гестапо. Во время допросов обвинителем выступал «неизвестный» и еще два типа, которые в концлагере Бухенвальд были известны под номерами 39261 и 39290. Уже после выяснилось, что эти двое негодяев первые снабдили «неизвестного» сведениями об организации. 18 человек были привезены в Бухенвальд и зверски замучены в крематории. Номера 39261 и 39290 остались, между тем, пока целыми и невредимыми. Но они не ушли от справедливого возмездия: ночью в малом лагере они были убиты.

В городе Верна, в лагере военнопленных (команда № 3361) товарищи Черных Григорий и Цыганов Алексей [14] организовали боевую группу из 19 человек. Задачи в этой группе ставились те же, что и в виттенской. Провокатор, прибывший в лагерь под номером 39339, выдал организацию гестапо. На очной ставке он уличил часть членов ее. 14 замечательных русских людей были привезены в Бухенвальд и замучены эсесовскими бандитами. Но и провокатор не избежал мести. Он был нами уничтожен.

Мы исправляли транспортные листы на каторжные работы. Однако не всегда мы могли проделывать такие исправления транспортных листов. Кто-то должен был все-таки отправляться на каторжные работы. Тех, кто уезжал на транспорт, мы не бросали на произвол судьбы. Например, лагерь «Рупо» систематически получал от нас табак и хлеб, собираемые самими заключенными от пайка. В этот же лагерь военно-политическая организация послала 150 своих функционеров с заданием проведения саботажа и срыва работ. 300 человек «капо» и старших рабочих из числа русских и польских товарищей были посланы на различные каторжные команды для облегчения условий работы наших людей.

Работа отдела безопасности сыграла первостепенную роль в борьбе с фашизмом. Только благодаря деятельности отдела военно-политическая организация не имела провала и успешно вела подпольную работу.

Горячая любовь к своей Родине вдохновляла нас на тяжелую и неравную борьбу. Помня о Родине, мы не щадили своих сил и готовы были умереть без ропота, унося с собой тайну, в которую так настойчиво старались проникнуть гитлеровские ищейки.

г. Вязьма, Рабочая ул., 54.

Н. Кюнг

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 70—72.— Гектограф.

№ 3

Из письма бывшего руководителя политотдела русской секции Военно-политической организации заключенных Бухенвальда С. Д. Котова Н. Ф. Кюнгу

7 мая 1957 г.

Уважаемый товарищ Кюнг, прежде всего извини меня, что я как старый товарищ по бухенвальдскому подполью буду обращаться к тебе на ты. В своем письме от 15/IV—57 г. ты просишь меня написать воспоми-

нания о кошмарных днях Бухенвальда. Я охотно берусь за это дело с чувством долга и ответственности перед моими товарищами, работавшими со мною в подполье.

Считаю своим долгом к работе бухенвальдской организации и к деятельности ее членов подойти серьезно, объективно, не умаляя работы товарищей и не покрывая их «ореолом незаслуженной славы». Эта задача — нелегкая. Прошло много времени, многое выветрилось из памяти, забылись даты, события, имена некоторых стойких борцов против фашизма. Я не могу в своих воспоминаниях охватить полностью не только работу всей нашей военно-политической организации, но даже политического отдела ее, которым я руководил. Но я надеюсь, что мной забытое будет восстановлено тобой, Симаковым, Смирновым, Азаровым, т. е. членами центра и другими активными работниками нашей коммунистической организации.

Я считаю, что моя деятельность в Бухенвальде есть только часть борьбы против фашизма, ее финал. Я больше года сражался на фронте и, как и ты. не сразу попал в Бухенвальд. Еще до Бухенвальда в плену я царапался с фашистами.

В воспоминаниях нельзя забыть того, что пережито и прочувствовано. Нельзя забыть унижения и издевательства, тех мук и страданий, которым мы подвергались со стороны фашистского режима и его представителей. Нельзя забыть то время, когда фашистская коричневая чума зловеще ползла на нашей родной земле, оставляя позади себя груды развалин и пепла.

Мы, коммунисты, знали, за что боролись, и верили в победу своего славного, бессмертного дела. К борьбе нас призывала Родина, вдохновляла нас на подвиги наша героическая партия. В наших сердцах были неизмеримая ненависть к врагам и жгучее пламя борьбы до последней капли крови.

Итак, я постараюсь вспомнить, что могу, и добросовестно выполнить твою просьбу... [1]

...Чтобы не допустить неточности, я не буду описывать работу всех отделов, потому что их работу я знаю в общих чертах. Я надеюсь, что это скажут другие товарищи, бывшие руководители этих отделов. Я остановлюсь только на работе центра русской секции и немного подробней на работе политического отдела.

Как тебе известно, вся подпольная работа русской секции осуществлялась нашим центром. Ни я, ни ты не имели права принять какое-либо серьезное решение, хотя целый ряд работ мы могли бы осуществить в порядке своей текущей работы. Я имею в виду следующие моменты деятельности организации: каждый из нас без согласия центра не имел права ввести в курс подпольной работы нового товарища, принять его в члены подпольной организации и включить его в сеть подпольных работников; каждый из нас не имел права самовольно положить товарища в госпиталь и сменить ему номер и фамилию; каждый из нас не имел права подвергнуть предателя наказанию. Все это делалось с [раз]решения центра, хотя некоторые из нас смогли бы провести эти работы самолично. В таких исключительно трудных условиях мы решали принципиальные вопросы на заседании Центра русской секции, а наиболее серьезные вопросы, как наказание предателей, мы доводили до международного центра. Менее важные вопросы: перевод в другую команду, предоставление диэтпитания и освобождения от работы, направление на транспорт, мы решали в своих отделах. Это и есть централизм в подпольных условиях.

Таким методом работала в свое время в подполье наша славная Ком-

---

[1] Опускается текст, содержащий сведения биографического характера.

мунистическая партия. Поэтому в труде, который готовите вы к печати, должна быть прежде всего отражена работа нашего подпольного Центра.

Задача политического отдела подпольной организации состояла в следующем:

1. В условиях концлагеря Бухенвальда привить нашим людям чувство национальной гордости, чтобы каждый советский человек гордился своей Родиной, вел себя достойно ее, не позорил чести советских людей.

2. Убедить советских людей в неизбежности нашей победы, поднять у них боевой дух, идеологически и практически подготовить массы к восстанию.

3. Держать узников Бухенвальда в курсе международных событий, разоблачать капиталистический строй, прививать людям интернациональную солидарность, любовь к борцам за свободу, готовность пожертвовать собой ради общего дела подпольной коммунистической организации.

4. Воспитывать из русских политзаключенных активных пропагандистов советского социалистического строя среди иностранных товарищей.

5. Оказывать всякую помощь русским политзаключенным в Бухенвальде, изучать их и наиболее преданных и стойких вовлекать в работу подпольной организации.

6. Руководить работой политработников подпольной организации, которые нераздельно вливались во все звенья Военно-политической организации Бухенвальда.

7. Разоблачать предателей советского народа, ставить о них в известность Центр и отдел безопасности.

«Штат» политического отдела был небольшой. Я — начальник политотдела, мой заместитель — Исаков Николай Михайлович из Люблино, Московской области, заведующий радиоприемником и информатор Левшенков Михаил Васильевич, пять секретарей-связных Любимов Владимир, Рогаль Михаил, Веселов Владимир из Исовского района Свердловской области, Грамаковский Михаил из Алексеевского района Воронежской области, Остриков Иван из Павлово-Посада Московской области, связной с госпиталем Корноухов Александр из Новосибирска, завкультотделом Руденко Константин Афанасьевич и переводчик Бакланов Степан. Вот, кажется, и весь состав политотдела. Но он располагал большой сетью политработников: комиссарами бригад, комиссарами батальонов, политруками рот, пропагандистами ударных групп, а также он тесно был связан с начальниками отделов и командным составом подпольной организации [15)].

На практике получалось так, что работа одного отдела дополнялась и переплеталась с работой другого отдела. Например, политический отдел изучал людей и следил за безопасностью организации, а отдел безопасности в своей практической работе вел агитацию и пропаганду; работники политотдела помогали изучать оружие членам организации, а работники военного отдела распространяли сводку Совинформбюро. Лично я считаю, что это не было нашей слабостью, а, наоборот, характеризовало спаянность и активность нашей работы.

Я припоминаю некоторых политработников.

Комиссар I бригады — Азаров Василий Николаевич.

Комиссар I батальона I бригады — Панич Николай из Николаева, бывший кадровый политрук Советской Армии.

Комиссар II батальона I бригады — старший политрук, фельдшер Бойко Григорий Семенович.

Комиссар II бригады — Давыдов Георгий (Давыдзе) из Баку [1].

---

[1] Ошибка С. Д. Котова: Давыдов — из Тбилиси.

Комиссар III бригады — Бердников Степан Андреевич.

Комиссар I батальона III бригады — Кирш Евгений из Москвы.

Комиссар II батальона III бригады — Григорьев Николай (Пешехонов) из Свердловска.

Комиссар III батальона III бригады — Рачковский Виктор Сигизмундович из Одессы.

Каждый батальон состоял из трех рот, в каждой роте был политрук. Следовательно, в бригаде было девять политруков, а в трех бригадах двадцать семь политруков. Двадцать семь политруков, девять комиссаров батальонов, три комиссара бригады, в каждой роте было по три пропагандиста (один на взвод или ударную группу) — восемьдесят один пропагандист — итого только в военной сети работало сто двадцать политработников. Кроме того, были комиссары отделов: диверсионного, по работе с транспортами и других.

Понятно, что всех политработников я назвать не могу, для этого надо было иметь список примерно в 140—150 человек. Помню политработниками работали Лесовик Михаил, Бардин Сергей, Сиваченко Дмитрий, Шашкин Михаил, Петров, Громаковский Владимир из 8-го барака, Борис из экспериментального института и другие, которых не могу вспомнить имена. Дело осложняется тем, что я непосредственно был связан с командирами и комиссарами бригад, с начальниками отделов и только с некоторыми комиссарами батальонов и политруками рот, и эта связь уже была нарушением порядка конспирации, и она основана (с комиссарами батальонов и политруками рот) была на личной дружбе. В то время я, конечно, знал весь политсостав по информации комиссаров бригад, но этому прошло уже 12 лет.

По заданию Центра мной лично были написаны: клятва членов организации (она хранилась у тебя), несколько воззваний, призывы к сопротивлению эвакуации в первых числах апреля 1945 г., написаны были доклады «О Советской Армии», «О героизме и фанатизме», «Об основных законах марксистско-ленинской философии» и ряд других работ; ряд докладов были написаны тобой, Бердниковым С. А. и Азаровым В. Н. Все эти доклады переписывались от руки, распространялись среди политработников, которые доводили их до сведения членов организации. Некоторые из них переводились на иностранные языки для других секций подпольной организации.

Политотдел готовил митинги, назначал и готовил людей для проведения их. Каждый день я получал от Левшенкова М. В. сводку Совинформбюро, через секретарей-связных размножал ее и посылал командирам, комиссарам бригад и начальникам отделов; те через своих товарищей спускали ее ниже, по сети подпольных работников. Надо отдать справедливость в том, что сводка Совинформбюро быстро доходила до масс. Иногда через час спустя, как я сводку передал по сети, меня товарищи уже информируют о событиях на фронте. Откуда могли знать эти товарищи, что сводка, прежде чем дошла до них, была у меня в руках?!

Я имел связь с политическими руководителями чешской, польской, югославской, французской и немецкой секций. Через них я лично связывался с их товарищами, делал им доклады по вопросам марксистско-ленинской теории и жизни народов в Советском Союзе. Они интересовались многими вопросами: развитием хозяйства в СССР, жизнью народа, системой народного образования, Советской Конституцией, биографиями Ленина, Сталина и другими актуальными вопросами. Эту работу проводил не я один: мне помогали Левшенков, Бердников, Азаров, Руденко, и ты неоднократно выступал с подобными докладами. Через комиссаров бригад и начальников отделов я выявлял людей, нуждающихся в одежде, обуви,

в питании и отдыхе. Нуждались, конечно, все, здесь речь идет об очень нуждающихся. Каждый день комиссары бригад передавали мне №№ и фамилии людей с особыми пометками: кому организовать диэтпитание, кому освобождение от работы, кому одежду и обувь, кому сменить команду, кого направить на транспорт. Освобождение от работы и диэтпитание я доставал товарищам через Корноухова Александра в госпитале. В зависимости от обстановки в госпитале, мне Корноухов ежедневно передавал освобождение от работы от 7 до 10 дней на 20—25 человек. Кроме того, через старших бараков я получал однодневные освобождения под видом необходимости дезинфекции на 100—150 человек. Так что 150—170 человек мы ежедневно освобождали от работы по линии политотдела.

Одеждой и обувью снабжали людей через Константина Руденко, который работал в санпропускнике и на складе одежды и обуви. Делалось это через моих связных. Связной принесет товарищу необходимые ему вещи, передаст и уйдет, а получивший вещи товарищ остается пока в недоумении: «кто принес подарок?».

Если человеку необходимо [было] сменить команду или направить его на транспорт, то я передавал №№ и фамилии с особыми пометками за подписью «СД» тебе, и ты уже выполнял эту работу. Я с Вилли [16] не был связан.

Ты сам неоднократно присылал ко мне с Фуршевым Иваном №№ и фамилии людей, и я передавал тебе те или иные сведения о людях. Это была очень важная часть работы. Мы честным советским людям подбирали более легкие команды, враждебно настроенных посылали на тяжелые работы или на транспорт. Часто из филиалов Бухенвальда приезжали представители нашей подпольной организации. Сахаров мне с ними организовывал встречу. Мне приходилось беседовать с ними. Я был в курсе подпольной работы в филиалах Бухенвальда, давал этим товарищам установку в работе и политическую информацию. Мы организовывали для них подарки: сухари, табак и другие продукты, которые собирали сами заключенные.

Зимой 1945 г., когда была создана аварийная команда по разбору разрушенных объектов от авиабомбежки в г. Веймаре, я через своих политработников установил связь с русскими людьми из рабочего веймарского лагеря советских граждан. Мной им было переслано несколько писем и получены были на них ответы. В первом письме я описал им ужасы в Бухенвальде.

Во втором я писал им, что советские люди должны уметь в любых условиях жить и бороться. Если вам дорога наша Родина, наша победа и свобода, то принимайте все меры к тому, чтобы подорвать фашистский порядок. Не работайте на фашистов, вредите им, организовывайтесь для открытой вооруженной борьбы! В этой борьбе вы встретите много друзей!

Призывая советских людей к активной борьбе, я, конечно, не мог написать им о существовании подпольной организации и о том, что мы готовимся освободить их и увести в Черный лес для партизанской борьбы, но по их ответным письмам можно было судить, что они пойдут на такую борьбу.

Зимой 1945 г., когда формировался «Транспорт на колесах», ко мне обратился мой товарищ Давыдов Николай Михайлович с просьбой направить его на этот транспорт: он решил бежать и в Советском Союзе рассказать о жизни и борьбе в Бухенвальде. Я по этому вопросу советовался с тобой, и мы решили удовлетворить его просьбу.

Руденко достал ему французские ботинки, белье, костюм, Грамаковский у чехов взял сухарей, и Давыдов поехал. Он бежал. Но через несколько недель был пойман где-то далеко от места побега. Он сказал, что

работал на заводе во Франции, завод разбили, и он бежит дальше от фронта в тыл Германии. Ему поверили и направили его в рабочий лагерь.

Другой организованный побег из Бухенвальда кончился трагедией. Юрий Ламакин и с ним 5 товарищей решили бежать. Я долго беседовал с Ламакиным, рассказывал ему, что в случае неудачного побега их ожидает казнь. Ламакин мне ответил: «Я попадаться им не собираюсь». И тогда мы снабдили их гражданской одеждой и питанием и послали на «Транспорт на колесах».

Вся эта группа в 6 человек бежала, но была поймана, опознана и привезена в 44-й барак.

Я спросил Юрия Ламакина: «Ты знаешь, что вас ожидает?». Он ответил: «Знаю. Но не говори моим товарищам. Вы узнаете, как я буду умирать». Мы тогда решили заменить номер Ламакину. Но нам не удалось, потому что на второй день, как их привезли, в 7 часов утра вызвали на доску № 3. Уходя на казнь, Юрий Ламакин спросил у меня нож. У Острикова был сделан в Гуслоф-верке нож, подобно складной финке. Этот нож я взял и передал Ламакину. Когда подошли фашисты и начали их строить, чтобы вести в крематорий, Ламакин одного эсесовца зарезал, второму в шею ударил ножом. Он был расстрелян на месте, остальных 5 человек повесили в крематории. Это яркий пример индивидуальной борьбы, которая не может дать больших результатов, но сам по себе пример самоотверженный и героический. Его необходимо отметить в вашем труде.

Очень жаль, что не установлена связь с Логуновым Валентином Васильевичем [1]. После войны он работал заместителем главбуха Рязанской областной конторы «Заготзерно» и выехал из Рязани летом 1950 г. Это человек огромной силы воли, безумной храбрости и непоколебимой стойкости. До концлагеря Бухенвальда он несколько раз бежал из лагерей военнопленных, последний раз бежал даже в женском костюме, но безрезультатно. Он попал в Бухенвальд.

В Бухенвальде он командовал первым русским ударным батальоном, которому было предназначено Центром взять главные ворота и комендатуру. У него на 44-м блоке в банках с цветами хранились пистолеты, патроны, гранаты; оружие хранилось и в двойной крышке стола.

11 апреля 1945 г. ударный русский батальон первый взял главные ворота, комендатуру и первую группу немецких солдат. Его работу также нельзя обойти молчанием в вашем труде.

Я надеюсь, что Логунов В. В. найдется. Он, очевидно, живет в Ростове-на-Дону, где проживают родственники его жены.

Я давно потерял связь с Кравчинским Константином Мироновичем, раньше он проживал в Куйбышеве. Его работа тоже не может быть обойдена молчанием, конкретную его деятельность ты знаешь лучше меня. Через него проходила замена номеров смертникам и другие ответственные работы. Конечно, прошло много времени и всего не упомнишь, но к тебе будут поступать письма от товарищей, по которым тебе кое-что удастся установить и вспомнить.

Я тоже послал несколько писем товарищам, думаю, что их ответы дадут мне возможность восстановить белые пятна в данном моем письме.

Дополнительные данные, которыми я буду располагать, немедленно вышлю тебе.

Кончаю письмо. Я считаю, что политическая работа в Бухенвальде была поставлена неплохо: люди были в курсе текущих событий, положения на фронтах, сплочены и глубоко верили в нашу победу, дорожили

---

[1] См. док. № 6.

честью советского гражданина, гордились своей Родиной, на практике проявляли чувства пролетарского патриотизма и интернационализма, хранили тайну подпольной организации, и в этом был успех нашей работы. В наших рядах не оказалось предателей, а в лагере они были, но не проникли в организацию благодаря правильной постановке политической работы и бдительности отдела безопасности.

От всего сердца, товарищ мой, жму тебе руку и желаю успеха в твоей плодотворной работе, надеюсь, что о ходе работы ты будешь меня информировать.

Котов

Таджикская ССР, Сталинабадский район,
Кокташ, школа им. Пушкина, Котов С. Д.

Из архива Н. Ф. Кюнга.— Автограф.

№ 4

Воззвание антифашистского подпольного Центра к политзаключенным концлагеря Бухенвальд

11 апреля 1945 г.

Товарищи!

Фашистская Германия, потрясшая мир чудовищными зверствами, под натиском Красной Армии, войск союзников и тяжестью своих преступлений рвется по частям. Вена окружена, войска Красной Армии наступают на Берлин, союзники в 40 км от Ганновера, взяты Вюттербург, Зюля, Гета, ведут борьбу за Эрфурт. Кровавый фашизм, озверенный своими поражениями, в предсмертных судорогах пытается уничтожить нас. Но час его[1] жизни сочтен. Настал момент расплаты. Военно-политическое руководство подпольной организации лагеря дало приказ в 3 часа 15 минут начать последнюю, беспощадную борьбу с фашизмом. Все, как один, на борьбу за свое освобождение! Смерть фашистским зверям! И будет проклят тот, кто, забыв свой долг, спасует в этой последней, беспощадной борьбе. Наш путь героический. В этой героической борьбе победа будет за нами. Все, как один, подчиняясь военной дисциплине, распоряжениям и приказам командиров и комиссаров, презирая смерть, горя ненавистью к врагам, вперед трудным, но боевым путем к свободе! Смерть фашистским извергам!

Да здравствует свобода!

Антифашистский подпольный центр

11 апреля 1945 г.

1 час дня по западноевропейскому времени.

Из архива Н. Ф. Кюнга.— Копия.

[1] В тексте: «их».

№ 5

Показания политзаключенного Альфреда Бунцоля[17] о провале попытки гестапо уничтожить заключенных лагеря

Не позднее мая 1945 г.

На блоке № 12 мы сообщили всем заключенным об очередном приказе СС командования лагеря.

— Никто никуда не будет эвакуироваться! — твердо заявили антифашисты. — Кто решится покинуть лагерь, тот должен знать, что он идет на верную смерть.

На своем блоке я собрал русских товарищей и изложил свое мнение в отношении эвакуации.

— Не обманут палачи, — заявили все единодушно. — Будем с оружием в руках защищаться.

Лагерь вышел из подчинения СС, и комендант, а также лагерфюреры понимали это. Но что они могли сделать сейчас? Применить оружие? На это еще надеялись верные псы Гиммлера. Но комендант, конечно, имел некоторое представление, какое противодействие могло последовать со стороны заключенных. В этом и мы не сомневались. В отношении наших запасов оружия он не знал. Кроме того, он предполагал, не без основания, что некоторая часть СС-гарнизона в целях самоспасения может перейти на сторону заключенных. Для него это была бы немедленная смерть.

Все же он решил попробовать, что выйдет. И вот 8 апреля в лагерь врываются до зубов вооруженные СС. Они пытаются выгнать людей на аппельплац. Но безуспешно. Только часть заключенных покинула блоки.

Чувствуется открытый бунт. Казалось бы, что сейчас произойдет битва. На этот раз [она] была отсрочена. СС отступили. Комендант не решился на крутые меры. Он получил предостережение и от американского командования в отношении проведения эвакуации.

И вот настал знаменательный для нас, заключенных, день 11 апреля. СС входили в лагерь и покидали его, как волки, поджав хвосты, чуя недоброе для себя. Обеденное время истекло.

13 часов дня. И вот произошло то, к чему долго готовились мы, то, чего ожидали тысячи политзаключенных Бухенвальда. Центр Военно-политической организации отдал приказ о вооруженном восстании.

Лагерь восстал. Батальоны, роты, взводы с оружием в руках бросились к браме, на прорыв колючей проволоки, устремляясь к военному городку. Спустя несколько минут к 17 блоку уже были приведены первые группы пленных СС. В прошлом горделивые и заносчивые, сейчас эти бандиты были похожи на жалких поганых псов.

А. Бунцоль.

г. Гинденбург. Верхняя Силезия.

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, л. 48.— Гектограф.

№ 6

Отчет командира батальона дружинников 44-го блока Р. В. Логунова[1] о вооруженном восстании заключенных Бухенвальда 11 апреля 1945 г.

Не позднее мая 1945 г.

Началось долгожданное наступление на Западе. Каждый заключенный с нетерпением ожидал 2 часов дня, когда обычно передавались по радио сводки Wehrmacht[2]. Наши лагерные «стратеги» предсказывали на разные лады, где, в каком направлении будет нанесен решительный удар и какая судьба нашего лагеря. Вскоре начали прибывать транспорты из команд, которые работали вблизи фронта. Много нерадостного рассказали прибывшие товарищи [о том], как эсесовцы расстреливали тех, кого не успели эвакуировать, как убивали [тех], кто был слаб и не мог идти вместе с эвакуирующейся колонной, как зверски расправлялись и травили собаками тех, кто пытался бежать.

Взята Фульда. Бои под Эйзенахом. Клин союзных войск обращен острием на Веймар. Близится развязка, и, какая бы она ни была,— мы готовы. Чувствуется, что не зря прошли долгие месяцы подпольной работы.

3 апреля комендант лагеря вызывает всех заключенных немцев Reichsdeutsch[3] в кинозал и в своем выступлении говорит:

— Я имею сведения, что иностранцы имеют оружие и собираются, во-первых, перебить всех немцев внутри лагеря, а во-вторых, поднять восстание и двинуться навстречу американским частям. Со своей стороны я гарантирую вам жизнь, если вы, немцы, поможете мне сохранить порядок в лагере до последнего дня.

Вопреки обещанному, вечером того же дня через репродуктор объявляют, что все имеющиеся в лагере евреи должны немедленно явиться со своими вещами к главным воротам. Мы понимаем, что это уже начало эвакуации, и решаем всеми мерами сорвать ее осуществление. Евреи в этот вечер не вышли. На следующий день, утром, объявляется генеральная поверка. Но мы знаем, что это делается для того, чтобы отправить евреев. Наиболее активная, лучшая часть евреев получила винкеля (значки) других национальностей, другая часть была спрятана внутри лагеря по чердакам, подвалам, шкафам, в канализационных трубах.

В этот же день (4 апреля) к воротам вызывают 46 человек наших лучших подпольных работников, имея целью обезглавить лагерь, лишить его политического руководства. Лагерь единодушно отказывается выдать их. К воротам, по радио, вызывают блоковых, на блоках которых жили эти люди. Блоковые не являются. Лагерь полностью вышел из подчинения.

Вызов брошен. Приводим себя в боевую готовность и ждем. Но там, наверху, чувствуют нашу решимость и организованность, не решаются на какие-либо крутые мероприятия.

В эти дни связь между лагерем и командованием СС осуществляет единственный человек Lagerältester I[4]. Он является как бы нашим полномочным представителем, нашим дипломатом во враждебном лагере, но дипломатом, который не обеспечивается никакими международными правами.

---

[1] См. док. № 3.
[2] Военное командование.
[3] Немцы — жители Германии.
[4] Старший по лагерю.

Комендант лагеря идет на хитрость, чтобы начать эвакуацию. Он говорит, что 6 апреля необходимо отправить транспорт в количестве 5000 человек. Чтобы выиграть время, лагерь дает официальное согласие.

6 апреля на медицинскую комиссию для отбора на транспорт направляем всех инвалидов, калек и слабых. Комиссия признает их негодными. Они по одной улице возвращаются в «малый» лагерь, а по другой опять плетутся к воротам, к комиссии. В этом круговороте проходит день. Это уже — выигрыш. Сводка говорит, что американские войска обошли Эйзенах и ведут бои под Эрфуртом, т. е. в 20—18 км от нас. Каждый час отсрочки для нас дорог.

7 апреля также саботируем эвакуацию.

8 апреля в 11 часов объявляют, что весь лагерь к 12.00 должен быть построен на аппельплацу с личными вещами, с мисками, кружками и ложками для общей эвакуации. Общелагерный политический совет 19 национальностей выносит решение: добровольно никому не выходить.

Половина первого — аппельплац пуст. Час — то же самое. Через угловые ворота в лагерь комендант вводит до 800 человек конвойных войск СС, вооруженных автоматами, гранатами, пистолетами. Большая группа отборных эсесовцев блокфюреров и командфюреров идет к блокам. Начинается поголовное избиение, стрельба по безоружной толпе, в результате чего есть убитые и раненые. Несколько блоков им удается выгнать на аппельплац. Некоторые заключенные немцы, снабженные белыми нарукавными повязками с особым штампом, оцепили выведенных людей и помогают эсесовцам производить отправку. Моментально командир мехгруппы 44-го блока тов. Щелоков [18] бежит в портняжную мастерскую и заготовляет несколько десятков белых повязок. Рогаль Михаил [1] (44-й блок) из картофеля вырезает штамп, и наши поддельные повязки ничем нельзя отличить от немецких. При помощи этих повязок, при помощи наших медиков выводим значительную часть своих людей на блоки, которые не подлежали в этот день эвакуации. Командир роты 44-го блока т. Харламов (Дроздов) самовольно одел повязку и вывел до 60 человек.

9 и 10 апреля происходит та же картина. Всеми мерами саботируем эвакуацию, всеми мерами выводим своих людей, стараясь выиграть время до приближения союзных войск.

Мало кто спал в эти дни, мало кто снимал на ночь обувь. С часа на час ждали приказа о вооруженном выступлении.

11 апреля, с утра, явственно слышна артиллерийская канонада. Эсесовцы нервничают. Ясно, что эвакуировать весь лагерь им не успеть. Они еще могут уничтожить лагерь. Но хватит ли решимости? Слишком близка расплата. Замечаем, что отдельные группы вооруженных эсесовцев с вещами скрываются в лес.

Пришел час действовать.

Получаем приказ получить оружие. Лагерь мертв. Тихо. Все затаились по блокам, только отдельные группы людей под пулеметными очередями, перебегая от угла к углу, стремятся к блоку № 7. Здесь хранилось оружие. Такими же группами, с завернутыми в одеяла винтовками, с торчащими из карманов и из-за пазухи пистолетами и ручками самодельных гранат, возвращаются назад. Наконец, дан приказ. Прорвался гнев, накопленный годами. От блока № 2 (Патология) [19] группа отборных боевиков, прямо через площадь, с винтовками наперевес, с взведенными гранатами бросилась к главным воротам. Короткая перестрелка, и ворота наши. Освобождены из карцера заключенные, взято 5 эсесовцев в плен, над воротами выброшен белый флаг.

---

[1] См. док. № 3.

В это же время батальон 44-го блока, во главе с командирами рот тт. Малышем Даниилом, Харламовым И. И., Богомоловым Федором, Паничем Николаем [20], Щелоковым Геннадием, броском первый достигает ранее намеченных мест в районе госпиталя и под пулями перепуганных эсесовцев, рвет проволочное заграждение, опрокидывает сопротивление и устремляется к военному городку эсесовцев.

Слева не менее организованно действует батальон 25-го блока, возглавляемый Василием Цацурой и Виктором Хазановым. Рвут проволоку, разбивают бревнами угловые ворота и тоже стремятся к военному городку.

Военный городок взят. Много пленных. Занят склад оружия, и буквально через полчаса все люди вооружены. Появившиеся затем танки американцев встречаем на площади военного городка. Люди построены в правильные подразделения, но дисциплине мешает радость. Радость дурманящим хмелем охватила людей. Некоторые целуются, жмут друг другу руки, кричат «Ура!».

Но это только передовые танковые части. Мы знаем, что сзади них осталась масса недобитых, разрозненных частей гитлеровцев. Мы знаем, что лагерю еще грозит опасность.

Быстро организуем оборону, высылаем боевое охранение и готовы достойно встретить врага. В эту ночь никто не спит. Все чувствуют, что ответственность за стариков, детей, инвалидов и больных, за тех, что остались в лагере, лежит на нас, имеющих в руках оружие. 12 апреля, днем отдельные трусы и паникеры, настроенные, по-видимому, вражеской рукой, пытались посеять панику, распространяя слухи, что мы окружены, что единственный выход — это на Эрфурт, что все, имеющие оружие, должны выходить туда. Командный состав батальона 44-го блока, обсудив положение, решил не оставлять обороны. И не оставил. Члены лагерного комитета, посетив 12-го вечером все подразделения, нашли в батальоне 44-го блока образцовый порядок, дисциплину и организованность.

13 и 14 апреля продолжаем быть в обороне, одновременно «прочесываем» леса, деревни. Взято много оружия, выловлено много скрывающихся, переодетых эсесовцев. Особую смелость проявили при этом ст. серж Игнатенко Алексей, ст. л-т Хазанов Виктор, кр-ц Бочаров Леонид и другие.

События прошедших дней подвели итог нашей подпольной работы. Основные кадры нашей организации до последнего дня остаются верными нашему делу и в тяжелые дни показали себя достойными сынами Родины.

Командир батальона дружинников 44-го блока В. Логунов

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 51—54.— Гектограф.

№ 7

Клятва бывших политзаключенных Бухенвальда, данная на аппельплаце после освобождения лагеря

Не позднее апреля 1945 г.

Мы, антифашисты — бывшие политзаключенные концлагеря Бухенвальд, собрались на траурный митинг, чтобы почтить память умерщвленных фашистской бестией в Бухенвальде и его командах 51 000 наших товарищей.

51 000 расстрелянных, повешенных, удушенных, заморенных голодом, отравленных, умерщвленных при помощи шприца!

51 000 отцов, мужей, братьев, сыновей приняли мучительную смерть потому, что они были борцами против фашистского режима убийц!

51 000 матерей, жен, детей вызывают к мести!

Мы, оставшиеся в живых, мы, свидетели всех гнусных дел вампиров-наци, мы еще вчера видели гибель наших товарищей. Единственной нашей мыслью было: «Когда придет день мести?».

Сегодня мы свободны. Мы благодарны доблестным армиям союзников — СССР, США, Англии, принесшим нам и всем народам жизнь и свободу.

Мы, бывшие политзаключенные Бухенвальда: русские, французы, поляки, чехи, немцы, испанцы, итальянцы, австрийцы, бельгийцы, голландцы, англичане, люксембуржцы, югославы, румыны, венгры совместно боролись против СС, против нацистской банды за наше собственное освобождение. Мы твердо были уверены: наше дело правое, победа будет за нами!

Мы, представители всех национальностей, проводили жестокую, беспощадную, обильную жертвами борьбу. И эта борьба еще не закончена! Гитлеризм еще окончательно не уничтожен на земном шаре! Еще находятся на свободе наши мучители-садисты. Поэтому мы клянемся перед всем миром, на этом аппельплаце, на этом месте ужасов, творимых фашистами, что мы прекратим борьбу только тогда, когда последний фашистский преступник предстанет перед судом Правды.

Уничтожение фашизма со всеми его корнями — наша задача! Это долг наш перед погибшими товарищами, их семьями!

Клянемся отомстить бандитам-наци за смерть 51 000 наших товарищей!

ЦГАОР, ф. 7021, оп. 115, д. 14, лл. 51—54.— Гектограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) В. Н. Азаров в настоящее время проживает в Смоленской области и работает в областном управлении сельского хозяйства.— 84.
2) 16 сентября 1941 г. было привезено 300 человек пленных офицеров Советской армии, которые в этот же день были расстреляны.— 84.
3) «Зеленые» — уголовники, носившие знак — зеленый треугольник. Среди них эсэсовцы вербовали себе в помощь палачей.— 85.
4) Адам Астахов — А. С. Васильчук. 20 июля 1945 г. в Кракове по дороге на родину случайно взорвался на мине. Перед смертью продиктовал «Памятку друзьям и 99 товарищам по жизни и работе», в которой заявил: «В борьбе с фашизмом, уничтожением человечества я, юноша, отдал всю свою смелость, умение, всю жизнь за счастье моей Родины и матери моей. Я ехал к жизни, которая меня взрастила, я покинул ад уничтожения человечества, горел желанием увидеть свою Родину, мать, отца, отдать всю кровь для возрождения любимой земли... счастьем дышала грудь, подъезжая к своей земле, к своему дому. И случай в дороге не дал мне больше жизни» (из архива Н. Ф. Кюнга).— 85.
5) Сергей Пайковский — С. М. Швецов, в настоящее время проживает в Ивановской области.— 85.
6) Б. Ф. Даниленко в настоящее время работает на Ореховском сахарном заводе Полтавской области.— 85.
7) С 1943 г. лагерное начальство организовывало концерты, имевшие целью идеологически развратить заключенных. В ответ на это подпольный комитет организовывал свои нелегальные концерты, которые проводились ночью в здании прачечной.— 86.
8) Н. С. Симаков в настоящее время проживает в г. Новосибирске.— 86.
9) И. М. Ашарин проживает под Москвой и работает мастером-лаборантом.— 86.
10) Н. Ф. Кюнг в настоящее время проживает под Москвой и работает учителем.— 86.
11) РОА — так называемая Русская освободительная армия — воинские формирования изменника Родины Власова.— 87.

12) К. А. Руденко в настоящее время работает учителем в Полтаве.— 87.

13) Н. И. Иванов в настоящее время работает учителем в Москве. Опубликовал небольшие воспоминания о Бухенвальдском подполье (см. журн. «Новое время» 1957, № 18, стр. 5).— 87.

14) А. Ф. Цыганов в настоящее время работает учителем в Калининской области.— 88

15) Подпольная организация создавала свои боевые группы по типу воинских подразделений Советской армии.— 90.

16) В связи с большими потерями на Восточном фронте гитлеровцы вынуждены были замещать некоторые лагерные должности заключенными. Это обстоятельство дало возможность немецким антифашистам попасть на работу в канцелярию по распределению рабочей силы (т. н. «арбайтсстатистик»), в больницу, на склады и т. п. Вилли Сайферт — один из руководителей международного подпольного центра,— работал в «арбайтсстатистик». Он проводил по заданию центра все операции по облегчению участи заключенных на каторжных работах. Другие узники, работавшие в центральной картотеке лагеря, заменяли номера смертникам и выполняли другие задания.— 92.

17) После окончания войны из-под фундамента виллы коменданта лагеря Коха была извлечена бутылка, в которой находилась записка: «Строили в 1937 г. заключенные Эрих Гофманн из Вупперталя и Альфред Бунцоль из Гинденбурга,— принужденные, но не сломленные» (Из архива Н. Ф. Кюнге).— 95.

18) Г. М. Щелоков в настоящее время работает шофером в г. Семенове Горьковской области. В письме к Н. Ф. Кюнгу от 8 марта 1957 г. он вспоминает: «Когда было восстание, т. е. штурм лагеря 11 апреля 1945 г., мне было дадено [задание] моей ротой прорвать проволоку между ревир и 25-м блоком, что и было выполнено в составе 14 человек, двух винтовок и одной самодельной гранаты, да еще у меня был пистолет, который я хранил с 1944 г., с августа месяца. После бомбежки Бухенвальда я его взял тогда с убитого немецкого офицера и хранил его до нужного момента в портновской мастерской, где я работал, в старых тряпках, которыми чинил одежду для заключенных» (Из архива Н. Ф. Кюнга).— 97.

19) Паталогия — специально оборудованное помещение, в котором анатомировали трупы. — 97.

20) Н. М. Панич в настоящее время работает бухгалтером в г. Кутаиси.— 98.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АМЕРИКАНСКИХ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ в 1916—1917 гг.

Характерной особенностью экономического положения России нака-уне Великой Октябрьской социалистической революции было усиление роникновения империалистов США на русский рынок.

В ходе первой мировой войны происходили существенные изменения соотношении сил между великими державами. Для американского мо-ополистического капитала эта война стала источником гигантского обо-ащения. Из-за океана в Европу непрерывным потоком шли военные грузы: ооружение, обмундирование, продовольствие. Зависимость Англии, Фран-ии и в особенности России от американских поставок использовалась ША в целях внедрения в народное хозяйство стран Антанты. Об-егчить выполнение этой цели должны были кредиты США воевавшим го-ударствам. К исходу войны государства Антанты были должны Америке 1 858 млн. долларов; за военное время США продали вооружения и раз-ичных товаров на внушительную сумму 7 077 млн. долларов[1].

США выступили как «новый гигант империализма и претендент на ировую гегемонию»[2].

Россия привлекала к себе особое внимание реакционной американской ржуазии и как гигантский рынок, богатый и, казалось, неисчерпаемый сточник огромных прибылей, и как страна, в которой возникла реальная асность прорыва фронта империализма.

Уже в 1916 г. США вышли на первое место в русском импорте (вместо етвертого, которое они занимали в 1913 г.). Тогда же, в 1916 г., морга-овский «Нейшнл Сити бэнк» возглавил специально созданную для экс-луатации русского народного хозяйства Международную компанию абрикантов и заводчиков (см. док. № 1). В том же году в Нью-Йорке от-рылась Американско-русская торговая палата, в состав которой вошла льшая группа промышленных и банковских корпораций США. При рском правительстве началось и кредитование русских империалистов стороны США.

В 1917 г. при Временном правительстве финансово-экономическое внед-ние американских монополий в русское народное хозяйство приняло обенно значительные размеры. США рассчитывали не только ликвиди-вать германских конкурентов на русском рынке, но и оттеснить

---

[1] См. Г. Фиск. Финансовое положение Европы и Америки после войны, , 1926, стр. 5, 9.

[2] Из резолюции VI съезда РСДРП(б). «КПСС в резолюциях и решениях съездов, нференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7-е, М., 1954, стр. 372.

своих военных союзников — Англию и Францию. С помощью официальных представителей в России, через специальные миссии (например, Рута и Стивенса), посредством поездок отдельных крупных предпринимателей США стремились расширить позиции американского капитала в России. Особенность русско-американских соглашений или намечавшихся сделок заключалась, как правило, в их односторонней выгодности для американской стороны, что убедительно характеризуют предлагаемые вниманию читателя материалы. Империалисты стремились превратить Россию в аграрно-сырьевой придаток к мощным индустриальным державам Запада.

Настоящая публикация имеет целью ввести в оборот историческог исследования ряд новых документов, относящихся к русско-американским финансово-экономическим взаимоотношениям в 1916—1917 гг.

Документ № 1 знакомит читателей с одним из учреждений США, практически осуществлявшим «долларовое вторжение» в Россию,— Международной компанией фабрикантов и заводчиков в Америке, созданной в 1916 г. В эту компанию в начале ее организации входили владельцы 34 заводов с основным капиталом в 400 млн. долларов, а затем число ее членов увеличилось. В опубликованных работах советских историков не упоминаний об этом учреждении, развернувшем активную деятельност на русском рынке.

Другие документы значительно дополняют наши сведения об истори создания и практической работе Русско-американского комитета, который был своего рода центром по оказанию помощи американским монополистам в получении ими больших прибылей путем эксплуатации русског рынка. Проект формирования этого учреждения обсуждался еще в феврале 1917 г. среди деятелей Совета съездов торговли и промышленност (см. док. № 3); комитет был создан в апреле 1917 г. как «особый орга по объединению правительственных и общественных усилий» (док. № 5 в расширении деловых связей между США и Россией — в то врем односторонне выгодных для американской стороны. В состав комитета входили представители всех крупных буржуазных организаций министерств Временного правительства, а также работники американ ского посольства в Петрограде и представитель Американско-русско торговой палаты в Нью-Йорке[1].

Публикуемые документы показывают с достаточной убедительность капитулянтскую позицию русской империалистической буржуазии в от ношении США. Этой стороне проблемы в советской исторической литера туре уделено мало внимания. Русская буржуазия тем стремительнее охотнее шла в 1917 г. на неравноправные соглашения с иностранными им периалистами, и особенно американскими, чем большая опасность угр жала ее дальнейшему господству со стороны революционного пролета риата.

Журнал «Промышленность и торговля» предлагал «серьезно подумать. о привлечении американских капиталов и предприимчивости». Речь шл даже не о миллиардах, а о десятках миллиардов рублей. Орган русски капиталистов выступил с конкретной программой размещения 16—18 млр руб. американских денег на русском рынке[2], и здесь на помощь долже был прийти Русско-американский комитет. Другим учреждением, созда ным в России и стремившимся осуществить широкое внедрение америка ских капиталов в промышленность, транспорт, сельское хозяйство, разр ботку естественных ресурсов нашей страны, была Русско-американска

[1] См. ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, 1917 г., д. 277, л. 5.
[2] См. «Промышленность и торговля», 1917, № 22—23, стр. 401—402.

торговая палата в Москве; ее обширные планы и некоторые стороны практической деятельности освещены в документах №№ 2 и 7.

Деятельность Американско-русской торговой палаты в Нью-Йорке как одного из американских центров по организации экспорта монополистического капитала США в Россию характеризуется в документе № 8. Как видно из публикуемого «Меморандума», руководители Палаты ставили вопрос о внедрении американских капиталов в русские предприятия на практическую почву. В их планы входило не только помещение капиталов в уже существовавшие русские предприятия, но и приобретение новых концессий в горной, лесной и других отраслях промышленности.

Документы №№ 4, 9 и 10 освещают русско-американские финансовые отношения в 1917 г.

В американском конгрессе неоднократно говорилось о тех целях, которые преследовали магнаты Уолл-Стрита, финансируя воюющие страны. Так, во время обсуждения финансовых вопросов в Палате представителей в апреле 1917 г. конгрессмен Борленд предложил использовать займы США другим государствам для того, чтобы «дать нашей стране бесповоротно и окончательно контроль над финансами всего мира»[1]. В отношении Временного правительства финансовая поддержка преследовала и другую цель: помочь контрреволюционным силам в их борьбе против сил растущей социалистической революции в России.

Имеющиеся в литературе данные об американских займах России взяты из разрозненных сообщений прессы, а также упоминаний, содержащихся в переписке американских дипломатов[2]. Публикуемая справка Министерства финансов Временного правительства (см. док. № 10) является заслуживающим доверия источником, который вносит уточнения в самое существо дела: приводимые в упомянутых выше работах цифры займов не учитывают тех 75 млн. долларов, которые были выданы США в июне 1916 г., хотя в 1917 г. по этим займам нужно было платить крупные проценты. Авторы не учли также кредит в 11 млн. долларов, полученный в апреле 1917 г. по контракту, заключенному с Синдикатом американских банков. Документ, кроме того, уточняет сумму фактически полученных денег, но этих денег русским империалистам было мало. Временное правительство стремилось усилить финансовую зависимость от западных империалистов и прежде всего от США. Особенно интересно для намерений русской контрреволюции «пожелание» получить в Америке «для начала» около 3 млрд. руб. (см. док. № 4).

Минимальная потребность в американских кредитах на вторую половину 1917 г. была определена Временным правительством в сумме 735 млн. долларов сверх тех, которые были предоставлены[3]. Но США не спешили с удовлетворением этих просьб русских империалистов; уверенность американского правительства в силе и прочности буржуазного правительства России быстро падала. Кредитор опасался, как бы доллары не попали в другие руки — в руки революционного народа.

Таким образом, публикуемые документальные материалы расширяют

---

[1] A. Noyes. The war period of American Finance. 1908—1925. N.-Y. and London, 1926, p. 170.

[2] См. напр. А. Гулыга и А. Геронимус, Крах антисоветской интервенции США (1918—1920). М., 1952, стр. 18; Г. К. Селезнев. Экспансия американского империализма в России в 1917 году. «Вопросы истории», 1954, № 3, стр. 63— 64. Отметим, что Селезнев неправильно исчисляет сумму прямых американских кредитов Временному правительству в 450 млн. долларов. К тому же он сам упоминает, что заем в 125 млн. долларов, предоставленный в ноябре, был аннулирован и, следовательно, Временным правительством не получен.

[3] См. Архив внешней политики России (АВПР), ф. II, Департамент, I—5, «Война», . 214, лл. 273—274.

и дополняют наше представление о финансово-экономическом внедрении американского империализма в Россию в 1916—1917 гг.

* * *

Публикуемые документы извлечены из фондов Центрального государственного исторического архива в Ленинграде (ЦГИАЛ): Министерства торговли и промышленности (ф. 23), Совета съездов представителей торговли и промышленности (ф. 32), Министерства финансов (ф. 560) и Главного управления по заграничному снабжению (ф. 1525).

Документы публикуются впервые. Исключение составляет документ № 2, копия с которого опубликована в приложении к Отчету о деятельности Русско-американской торговой палаты за 1916 год, М., 1917. В этой же книге, являющейся библиографической редкостью, опубликован отрывок из документа № 8, полностью воспроизводимого в данной публикации впервые.

А. Е. Иоффе

№ 1

Заявление русского отделения американской Международной компании фабрикантов и заводчиков министру торговли и промышленности царского правительства, освещающее историю организации, состав и цели компании

Не ранее января 1916 г.[1]

Заявление

Узнав из газетных публикаций об основании при Министерстве торговли и промышленности Комиссии для объединения заграничных закупок и заказов, Международная компания фабрикантов и заводчиков в Америке позволяет себе довести до сведения Вашего превосходительства о своем существовании и о целях своей организации.

Основание компании

Предварительная работа по основанию Международной компании фабрикантов и заводчиков в Америке была произведена гражданами Соединенных Штатов, долгое время жившими в России и бывшими уполномоченными заводов Соединенных Штатов Северной Америки, при помощи Департамента торговли и промышленности СШ, разных торговых палат и подобных учреждений США, путем целого ряда посещений отдельных фабрик и заводов, съездов уполномоченных таковых и другой работы, целью которой было довести до внимания коммерческого мира США, насколько желательно коммерческое сближение СШ с Россией не только путем продажи в России своих изделий, но и посредством товарообмена и сближения с русской промышленностью. Подготовительная работа начата в 1915 г., продлилась около года, и за все это время ее целью была не немедленная продажа в России, а подготовка к правильной организации, которая могла бы быть одинаково полезной для общих задач коммерческого сближения.

Особенно считаем нужным подчеркнуть тот чисто бескорыстный интерес, который был проявлен рядом лиц, выдающихся в коммерческом мире

[1] Дата документа установлена на том основании, что он составлен после учреждения компании в январе 1916 г.

СШ, правительством СШ и самим президентом при личной аудиенции с президентом нашей компании.

Члены организации

Членами организации являются заводы и фабрики, которые не конкурируют между собой и таким образом не представляют формы треста или монополии, а форму чисто кооперативную.

Считаем не лишним подчеркнуть, что крупные заводы представляют собой организацию крупной коммерческой силы, общая их капитализация достигает свыше 400 миллионов долларов, причем количество членов составляет 34 завода и новые члены прибавляются по мере того, как директора компании находят это желательным.

Также упоминаем, что членами компании состоят фабриканты и заводчики не из одного города или части США, а находятся в разных штатах, крупных коммерческих центрах; таким образом представляют собой целую сеть организаций, заинтересованных работой с Россией и готовых оказать поддержку таковой.

Членами являются фабрики и заводы, находящиеся в следующих штатах: Иллинойс, Висконсин, Мичиган, Огайо, Миннесота, Индиана, Массачусетс, Коннектикут, Айова, Нью-Йорк и Делавэр.

Члены группируются следующим образом:

Автомобильный отдел

Cadillac motor Company, Detroit, Mich. U. S. A.
Saxon motór Co. Detroit, Mich. U. S. A.
Stromberg motor device Co., Chicago, III S. U. S. A.
The avery Co., Peoria, III S. U. S. A.

Мануфактурный отдел

Lawrence and Co., Boston, Mass. U. S. A.

Отдел земледельческих орудий

J. I. Case plow works Racine, wis. U. S. A.
The avery Company, Peoria, III S., U. S. A.
Fetzer and Company, Sprinfield, III S. U. S. A.
The ann arbor machine Co,, Ann Arbor Mich. U. S. A.

Отдел дорогостроительный, железнодорожный, заводостроительный и технический

J. D. Adams and Company, Indianapolis, Ind., U. S. A.
Jeffrey mfg. Co., Columbus, Ohio, U. S. A.
American hoist and Derrick Co., St. Paul, Minn. U. S. A.
American steam gauge and valve mfg. Co. Boston, Mass., U. S. A.

Специальный отдел для оборудования разных заводов

Jeffrey mfg. Co. Columbus, Ohio, U. S. A.
Loth century machinery Co. Milwaukee, Wis. U. S. A.
I. G. Cherry Co. Cedar Rapids, Iowa, U. S. A.

Электротехнический отдел

Hart and Hegeeman mfg. Co. Hartford. Conn. U. S. A.

Отдел обуви

M. A. Packard Co., Brockton, Mass. U. S. A.
Thos. C. Plant Company, Boston, Mass. U. S. A.

Кожевенный отдел

Pfister and vogel leather Co., Milwaukee, Wis. U. S. A.
Hilliard and merrill inc., Lynn, Mass. U. S. A.
Chicago Belting Co., Chicago, III S. U. S. A.

Отдел американской имитации кожи

DU. PONT Fabrikoid Co., Wilmington, Del., U. S. A.

Отдел бумаги

Central Ohio paper Co., Columbus Ohio, U. S. A.

Отдел инструментов и скобяного товара

Peck stow and wilcox Co., Cleveland, Ohio, U. S. A.
Kelly axe manufacturing Co.
The american axe and tool Co.
New York N. Y. U. S. A.
Ames shovel and tool Co., Boston, Mass. U. S. A.
The elvria iron and steel Co., elyria, Ohio, U. S. A.
Upson Nut Co., Cleveland, Ohio, U. S. A.
Diamond chain and mfg. Co., Indianapolis, Ind., U. S. A.
Scovill mfg. Co. Waterbupy, Conn. U. S. A.

Отдел швейных машин.

The white sewing machine Co., Cleveland, Ohio, U. S. A.

Отдел резиновых изделий

New York rubber Co., New York, N. Y. U. S. A.

Отдел всевозможных насосов, цилиндров, кранов и приспособлений для водопроводов

A. Y. Mcdonald mgf. Co., Dubuque Iowa, U. S. A.

Отдел красок и всевозможных сортов толи для крыш

The national Roofing Co. Tonawanda. N. Y. U. S. A.

Отдел аптекарских, фармацевтических и косметических товаров.

United drug Company, Boston, Mass. U. S. A.

Считаем не лишним упомянуть, что некоторые из вышеназванных заводов работают на оборону союзных стран.

Цели компании

В январе с. г. компания была учреждена, согласно законам штата Иллинойс США, собранием уполномоченных вышеназванных заводов и фабрик, причем были поставлены следующие задачи:

1. Коммерческое сближение членов компании с Россией посредством открытия отделения в Москве и по мере надобности в других крупных центрах России, причем в этих отделениях должны быть сосредоточены все данные о производстве членов компании, образцы и т. д.

2. Ознакомление фабрик и заводов членов организаций с нуждами русского рынка путем докладов и посещений уполномоченными разных членов России.

3. В некоторых случаях посещение инженерами технических предприятий в России для выяснения вопроса о сближении промышленности посредством основания заводов или же сближения американских заводов с заводами русскими.

4. Основание посредством Правления в Чикаго экспорта из России таких продуктов, которые Россия желает вывозить, и ознакомление с такими продуктами крупных потребителей.

Так как, хотя деятельность Международной компании фабрикантов и заводчиков в Америке чисто коммерческая, но ее цель не заработок, и поэтому нам кажется, что путем ознакомления и сближения своих членов и заинтересованных русских коммерческих учреждений цель эта может иметь крупное значение; ввиду объединения своих сил Компания также надеется с помощью американских банков, выразивших желание сблизиться с банками русскими, разработать в удовлетворительном смысле вопрос о кредите, нужном русскому покупателю.

Теперь же, особенно во время периода более или менее неправильного коммерческого положения всего мира, Международная компания фабрикантов и заводчиков в Америке озабочена тем, чтобы облегчить задачу сближения своих членов с Россией и посредством товарообмена урегулировать вопрос доставки в Россию предметов, нужных в настоящее время, избегая ненормального повышения цен на эти предметы, повышения, которое создано целым рядом нежелательных обстоятельств и которое мы считаем возможным избежать посредством сближения и товарообмена.

Нам кажется, что задачи Компании при правильной постановке дела и при согласовании ее работы с действительными нуждами момента должны принести известную пользу, причем позволяем себе еще раз подчеркнуть то серьезное внимание, с которым члены организации взялись за этот вопрос.

Позволяем себе приложить письмо[1] от старшего директора Правления, полученное уполномоченным Компании при его отъезде из Америки, которое, хотя и частного содержания, но ясно показывает точку зрения американского фабриканта и истинное желание успешного сближения коммерческих миров обеих стран.

Желая работу в России всецело согласовать с целями русского правительства, позволяем себе довести до сведения Вашего превосходительства о готовности наших членов всецело содействовать как здесь, так и на заводах наших членов всем задачам коммерческого сближения, ставим контору нашего Правления в Чикаго и наше главное отделение здесь в распоряжение вашего превосходительства и надеемся на ваше благосклонное внимание и моральную поддержку нашим начинаниям.

Точность сообщенных данных может подтвердить посольство Соединенных Штатов Северной Америки и Русско-Американская торговая палата.

Международная компания фабрикантов и заводчиков в Америке

ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 5, 1916 г., д. 57, лл. 2—4 об.— Копия.

---

[1] Упомянутое письмо в деле не обнаружено.

№ 2

Докладная записка Русско-американской торговой палаты в Москве министру финансов царского правительства о привлечении американских капиталов в Россию

14 декабря 1916 г.

Вопрос о привлечении американских капиталов в Россию занимает руководящие органы Палаты уже не первый год.

Русская промышленность, несмотря на быстрое развитие ее за последние 10 лет, тем не менее не в силах удовлетворить громадного спроса главным образом на орудия производства, и потому ряд предприятий вынужден был ввозить их из-за границы.

До войны первенствующее место на русском рынке по ввозу машин и разного рода орудий занимала Германия.

В 1914 году и в особенности в 1915 и 1916 гг., когда фабричный инвентарь стал требовать или ремонта, или замены, а также в связи с организацией в России новых предприятий, русские промышленники обратили свои взоры на Великобританию и Америку — страны с высокоразвитой индустрией, в особенности в области машиностроения.

За время войны из этих стран ввезено в Россию на сотни миллионов рублей разных машин, станков, технических приспособлений и т. п.

Но, как было заявлено в заседании совета Палаты 8 марта 1915 года проф. Д. Н. Головниным, целый ряд изделий американской промышленности не может получить широкого распространения в силу дороговизны доставки. Эти предметы легко нашли бы широкое распространение, если бы изготовлялись в России.

И еще тогда же в палате было несколько предложений от американских фабрикантов и финансистов о желании их организовать в России заводы и финансировать существующие предприятия для расширения производства.

В заседании Совета 8 марта 1915 года было заслушано письмо фирмы Cramp Vinson Co, предложившей через Палату организовать завод смазочных масел в России. Среди членов Палаты нашлись лица, пожелавшие принять близкое участие (и материальное и личное) в этом деле.

В последние годы американцы с большой охотой ищут дел для применения своих капиталов. Но еще с большей охотой русские ищут финансистов, ищут капиталы в целях расширения предприятий или учреждения новых.

В Палату за последний год поступило несколько десятков таких заявлений. Среди них имеются заявления о привлечении американских капиталов в предприятия:

1) для эксплуатации естественных богатств Урянхайского края;

2) для разработки лесных богатств Кавказа (буковых лесов на клепку, для боченков, ранее скупавшихся Германией, которая в Гамбурге переделывала бук на клепку и переотправляла боченки в Лондон и Сибирь);

3) для разработки нефтеносной площади земли до 1000 дес. в Терской обл.;

4) для устройства подземной железной дороги в Киеве;

5) о займе для города Архангельска для эксплуатации электрического трамвая и освещения;

6) для использования наших лесных богатств Севера;

7) для использования северных луговых пространств, для осушки там болот и развития скотоводства и молочного хозяйства;

8) для разработки асбестовых месторождений на Урале и в Сибири;

9) для разработки слюдяных месторождений в Сибири;

10) есть предложения разработки сурьмяных залежей (антимоний), лесных богатств, нефтеносной земли, медных и медно-купоросных залежей, серебро-свинцовой руды, природного цементного камня, селитровых руд и т. д.;

11) имеется ряд предложений для привлечения капиталов в золотые прииски, в ряд платиновых приисков в пределах Пермской губернии.

Для добычи медной руды и вырубки лесов в имениях свыше 8000 дес. на Кавказе по Кахетинской железной дороге, для оборудования курортов, использования месторождений белой глины и ряда других.

С другой стороны, и американцы за последнее время проявляют повышенный интерес к России.

Американцы, с разрешения русского правительства, открывают отделения своих банков (National City Bank), конторы своих предприятий, посылают своих представителей для обследования различных предприятий, владений и т. п.

Но, ввиду того, что американцы недостаточно знакомы с условиями помещения своих капиталов в иностранные предприятия, они пока к реальным действиям не приступают, ожидая в то же время более подробных сведений о предприятиях, владельцы коих ищут капиталов.

Палатой в Москве получен от Американско-русской торговой палаты в Нью-Йорке подробный меморандум с изложением тех вопросов, освещение которых для американцев желательно прежде, чем они решатся на помещение своих капиталов в эти предприятия.

Правление Палаты, обсудив в последнем своем заседании вопрос о привлечении американских капиталов в Россию, признало, что наиболее ценным благом для родины было бы развитие отечественной промышленности за счет собственных внутренних капиталов.

Но, считаясь с некоторыми особенностями русского капитала и усиленным темпом развивающейся в России промышленности, удовлетворить которую отечественный капитал — даже при финансовой поддержке государства—не в состоянии, правление признало вполне целесообразным привлечение в Россию для развития и расширения промышленности — именно американских капиталов.

В какой форме целесообразнее было бы привлечь американские капиталы в Россию, в форме ли переселения капитала с его денационализацией или в виде займов (финансирование предприятий),— этот вопрос правление обсуждением отложило до выяснения взгляда представителей ведомств вообще на вопрос о привлечении иностранных капиталов в Россию.

В заседании правления 25 ноября текущего года было постановлено представить меморандум Американско-русской торговой палаты представителям русского правительства.

Вместе с тем правление нашло необходимым более детальную разработку этого вопроса в целом и по отношению к каждому отдельному случаю передать особой финансовой комиссии Палаты, председателем которой избран директор Московского промышленного банка (бывш. Юнкер) И. Г. Коган.

Препровождая вместе с сим меморандум Американско-русской торговой палаты в Нью-Йорке по вопросу об условиях привлечения американских капиталов в Россию, Правление Русско-американской торговой палаты в Москве имеет честь обратиться к Вашему высокопревосходительству с почтительнейшею просьбою не отказать в сообщении руководящих взглядов руководимого Вашим высокопревосходительством ведомства на

вопрос о желательности, возможности и условиях привлечения американских капиталов к делу развития и расширения отечественной промышленности.

Председатель Палаты
Товарищи председателя
Управляющий делами
Секретарь

Москва, 14 декабря 1916 г., № 7851.

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1914 г., д. 1230, лл. 19—22 об.— Копия.

№ 3

Из журнала заседания Совета съездов представителей торговли и промышленности

7 февраля 1917 г.

Присутствовали:

Товарищи председателя Совета: Н. Ф. фон Дитмар, Н. Н. Изнар. Члены комитета: Н. Н. Кутлер, Н. В. Монахов, Ф. А. Нововейский, С. С. Новоселов, Б. А. Эфрон.

Члены Совета: Ю. П. Гужон, А. И. Коновалов, А. А. Крыжановский.

Члены-делегаты Совета и их заместители: А. Ф. Герман, В. В. Дефур, Н. К. Клазенов, И. И. Комиссаров.

Представители действительных и совещательных членов съездов: К. А. Адамский, Л. А. Бишлягер, Э. А. Ган, Н. Б. Гинзбург, И. А. Дынин, А. В. Еропкин, П. П. Козакевич, Б. Д. Кофман, К. В. Никитин, кн. В. Ф. Оболенский, К. Т. Роост, Г. Я. Рохович, А. Ю. Руммель, И. А. Семенов, М. П. Тер-Давыдов, Э. Р. Ульман, И. И. Шпильберг, А. И. Янович.

Председательствовал Н. Н. Изнар.

Слушались вопросы по повестке: [1]...

2. Доклад проф. Б. А. Бахметева об экономическом и финансовом сближении с Америкой.

2. Проф. Б. А. Бахметев сделал доклад об экономическом и финансовом сближении с Америкой. Мировая война привела к полному крушению господствовавшей в Америке идеи политической и экономической обособленности ее и заставила Северо-Американские Соединенные Штаты активно вступить на арену международной политики и международного экономического общения. В политическом отношении Северо-Американские Соединенные Штаты были вынуждены начать напряженно работать над созданием сухопутной армии и флота. В области экономической работа американской промышленности на оборону воюющих держав привела, с одной стороны, к накоплению огромных миллиардных запасов золота в стране и, с другой— к развитию производительных сил Америки в мере, далеко превзошедшей потребности ее внутреннего рынка.

Создавшаяся конъюнктура побуждает Америку искать сбыта для своих товаров на внешних рынках, а также найти применение для скопившихся капиталов. Если первая задача американской экономической политики— усиление вывоза ее изделий в Европу — встретит значительное препятствие в конкуренции европейских товаров, то вторая задача — помещение американских капиталов в Европе — гораздо более реальная. Одним из главных европейских рынков для американского золота является Россия.

[1] Опущен текст, не имеющий отношения к теме настоящей публикации.

Интерес к России в Америке постоянно возрастает. В начале войны Северо-Американские Соединенные Штаты лишь присматривались к России, в настоящее время стремление американского капитала в Россию нашло уже свое реальное выражение и подтверждение в целом ряде фактов, как то: образование в Нью-Йорке Американско-русской торговой палаты, открытие при некоторых американских банках специальных русских отделений, при которых молодые люди обучаются русскому языку и готовятся к коммерческой деятельности в России, открытие в Петрограде отделения National City Bank, организация особой корпорации — International Corporation для финансирования предприятий за границей, с капиталом в 50 млн. долларов, снаряжение многочисленных экспедиций в Россию для обследования русского рынка и др.

Россия в развитии и укреплении финансово-экономических сношений с Америкой, очевидно, еще больше заинтересована. Громадные задачи, которые ожидают Россию после окончания войны, связанные с демобилизацией военной промышленности и развитием производительных сил страны, требуют значительного притока иностранных капиталов. Страны, финансировавшие Россию в довоенное время — Англия, Франция и Бельгия теперь сами настолько потрясены войной, что на финансовую помощь с этой стороны России, очевидно, рассчитывать не приходится. Единственным капиталистом, по крайней мере наиболее крупным, выступят Северо-Американские Соединенные Штаты.

Американский капитал особенно выгоден для России еще и потому, что он обладает некоторыми особо ценными качествами: он, во-первых, аполитичен, не связан ни с какими политическими целями, во-вторых, ввиду сходства естественных условий Америки и России последней особенно полезен приносимый вместе с американским капиталом богатый технико-административный опыт американцев. Нынешний момент является наиболее благоприятным для закрепления стремлений Америки к сближению с Россией, так как в связи с прекращением военных заказов в Америке наступающий период демобилизации американской военной промышленности заставляет американцев усиленно искать применения своему золоту и товарам за границей. Обеспечить приток американских капиталов в Россию возможно, лишь положив начало движению американского золота в Россию теперь же.

Окончание войны, огромная потребность в деньгах на восстановление Бельгии и северо-восточной Франции, возобновление товарообмена с южной и центральной Америкой создадут мощный притягательный центр для американского золота, поставив вопрос о привлечении американских капиталов в Россию в совершенно иные условия. Между тем в России для экономического сближения с Америкой почти ничего не делается. Необходимо немедленно же заняться этим вопросом и прежде всего образовать в России высший влиятельный авторитетный орган, объединяющий действия отдельных учреждений и лиц, направленные на развитие экономических отношений с Америкой в виде «Русско-американского комитета».

Доклад проф. Б. А. Бахметева вызвал оживленный обмен мнений, причем предложение об организации «Русско-американского комитета» нашло общую поддержку.

Член Совета А. И. Коновалов указал, что организацией, единственно призванной взять на себя инициативу создания такого органа, является Совет съездов представителей промышленности и торговли, который должен немедленно же вступить на путь конкретизации теоретических предположений. По мнению А. И. Коновалова, следовало бы образовать особый комитет, куда вошли бы представители министерств: торговли и промышленности, финансов, иностранных дел, зем-

леделия и путей сообщения, общественных организаций, банков и т. д. Русско-американский комитет должен был бы всячески способствовать делу привлечения американских капиталов в Россию, причем одной из его первых задач явилась бы отправка делегации в Северо-Американские Соединенные Штаты. Такую же делегацию надлежало бы послать и в союзные страны — Англию, Францию и Италию, конечно, после некоторой поправки[1] вопросов о взаимном товарообмене.

Ряд других ораторов тоже высказался за необходимость создания Русско-американского комитета. При этом, однако, указывалось на те препятствия, которые американский капитал встретил для своего проникновения в Россию. Это, во-первых, кардинальное различие русских и американских коммерческих привычек и обычаев, уже неоднократно приведшее к крушению многих вполне надежных комбинаций на почве русско-американского экономического сближения, и, во-вторых, общая неопределенная и шаткая политическая и хозяйственная конъюнктура в России, заставляющая американцев опасаться за судьбу влагаемых в русскую промышленность капиталов.

Комитет, выразив благодарность проф. Б. А. Бахметеву за сделанный доклад, единогласно постановил поручить президиуму приступить к проведению в жизнь предложения проф. Б. А. Бахметева и А. И. Коновалова о создании особого «Русско-американского комитета».

В связи с предложением А. И. Коновалова комитет постановил поручить президиуму заняться разработкой вопроса об усилении товарообмена с союзными странами и посылке туда делегации торгово-промышленных деятелей[2]...

ЦГИАЛ, ф. 32, оп. 1, 1917 г., д. 28, лл. 15—19.— Подлинник.

№ 4

Письмо начальника Главного управления по заграничному снабжению Военного министерства Н. А. Михельсона министру финансов Временного правительства М. И. Терещенко о желательности получения новых американских займов

Не позднее апреля 1917 г.

Секретно

Милостивый государь Михаил Иванович!

Товарищ министра торговли и промышленности профессор Б. А. Бахметев передал мне, что Вы ожидали меня вчера в заседание, где обсуждался вопрос об американском займе. К моему глубокому сожалению я никакого ни устного, ни письменного приглашения в заседание не получал.

По просьбе Б. А. Бахметева представляю при сем две ведомости: 1) о состоянии наших платежей в валюте по английскому кредиту вообще к 1 апреля нового стиля, т. е. когда истек срок наших финансовых соглашений с Англией, 2) справку о том, какая часть из этой валюты приходится на Америку, в долларах[3].

Из этих обеих справок, казалось, вытекают следующие положения, если действительно наши новые союзники — американцы готовы придти нам на помощь кредитом для наших заказов в Америке:

[1] Так в тексте.
[2] Опущен текст, не имеющий отношения к теме настоящей публикации.
[3] Упомянутые ведомости в деле не обнаружены.

1. По английскому кредиту у нас в отношении обязательств имеется дефицит в 850 миллионов рублей в валюте. Англия имеет для нас еще незаплаченной валюты около 1632 миллионов рублей, из этой суммы мы должны были бы заплатить в долларах около 1270 миллионов рублей.

2. Если американцы дали бы нам для начала 1,5 миллиарда долларов (или около 3 миллиардов рублей), что им сделать очень легко, то этим самым из английского кредита немедленно освободилась бы сумма в 1270 миллионов. Наш дефицит был бы сразу покрыт с остатком в 400 миллионов с лишком по английскому кредиту и переходящего из 1-го и 2-го займов на период 3-го предстоящего займа.

Из нового американского займа за покрытием принятых уже обязательств у нас оставалось бы для новых заказов свободных 1730 миллионов рублей. Этих кредитов, судя по ходу поставок на ближайшее время, т. е. текущую навигацию 1917 года, хватило бы впредь до 1 января 1918 г.

Должен оговорить, что я не принимаю во внимание интересы частной, не работающей на оборону, промышленности, ибо этот отдел промышленности из компетенции моего суждения выходит, тем не менее позволяю себе сделать предположение, что эта промышленность, ввиду ограниченности мирового тоннажа, тоже в этих кредитах поместится.

Таким образом, казалось бы, что для ближайшего периода войны нам надо просить у американцев кредит в 1,5 миллиарда долларов, выговоря себе право перенести на него все платежи по когда бы то ни было заключенным обязательствам в Америке.

Прошу Вас, милостивый государь, принять уверение в глубоком моем уважении и искренней преданности.

Н. А. Михельсон

ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, 1916 г., д. 681, лл. 106—107.— Копия.

№ 5

Письмо председателя Русско-американского комитета содействия экономическому сближению России и США Н. Н. Покровского и. о. министра торговли и промышленности с просьбой оказать финансовую поддержку комитету

3 июня 1917 г.

Огромное накопление золота в стране, явившееся результатом военных заказов, и развитие производительных сил в мере, далеко превзошедшей потребности внутреннего рынка, побуждают Северо-Американские Соединенные Штаты к самому активному развитию внешних экономических отношений как путем расширения вывоза, так и путем финансирования заграничных предприятий.

В таковых стремлениях Соединенные Штаты Америки прежде всего обратили свои взоры на Россию как в силу сходства естественных условий обеих стран, так и по соображениям и симпатиям чисто политическим. Стремление пойти на торгово-промышленное сближение с Россией находит деятельное признание и поддержку со стороны правительства Штатов, и объединение правительственных и общественных усилий привело к образованию в Америке известного центра, планомерно и энергично направляющего работу по сближению Америки с Россией.

Настоящий момент в силу целого ряда причин является особенно благоприятным для закрепления стремлений Америки к сближению с Россией в формах, всего более обеспечивающих целесоответственное направ-

ление в интересах России русско-американских отношений в будущем. Для успеха сближения со стороны России должна быть обеспечена определенная и доброжелательная политика содействия конкретным стремлениям Америки завязать и усилить экономические отношения с Россией, исходящая из некоторых прочно установленных и планомерно проведенных начал, а также принятие мер для пробуждения интереса и симпатии к Америке в русском общественном сознании.

В этих видах, по мысли и инициативе заместителя председателя Центрального военно-промышленного комитета — бывшего министра торговли и промышленности А. И. Коновалова и главноуполномоченного того же комитета в Америке — ныне нашего посла в Северо-Американских Соединых Штатах Б. А. Бахметева, в Петрограде в конце апреля месяца с. г. образовался особый орган по объединению правительственных и общественных усилий в деле русско-американского сближения. В его состав вошли как представители ведомств, так и делегаты и видные деятели главнейших общественных, промышленных и торговых организаций, представители учреждений, ставящих непосредственной своей задачей сближение с Америкой, и, наконец, представители американских официальных и промышленных сфер.

Ближайшими задачами этого учреждения, получившего название «Русско-американский комитет» (Руссамко), являются: установление и развитие товарообмена между обеими странами, всемерное содействие конкретным стремлениям Америки завязать и усилить экономические отношения с Россией, разработка вопросов русско-американского сближения — духовного и экономического и объединение деятельности всех организаций, работающих на этой почве.

Для успешного приступа к работам согласно намеченной программе Русско-американский комитет нуждается в средствах на проведение организации дела. Принимая во внимание государственные цели, преследуемые деятельностью Комитета, последний позволяет себе обратиться ко Временному правительству, ходатайствуя перед Вами, г. министр, об отпуске правительством специального кредита в 25 000 рублей на содержание и организационные расходы Русско-американского комитета в течение 1917 года.

О последующем по сему ходатайству решении Русско-американский комитет просит не оставить его уведомлением.

К сему Комитет считает долгом присовокупить, что одновременно он обращается с однородной просьбой к министру финансов.

Председатель Комитета Покровский
Заведывающий делами Комитета К. Клопотов

ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, 1917 г., д. 277, лл. 16 и об., 21.— Копия.

№ 6

Программа заседания бюро Русско-американского комитета

20 июля 1917 г.

На бюро 20-го июля 1917 г.

1) Доклад об открытии бюро печати при Русско-американском комитете для распространения сведений американской прессы в России.

2) Об открытии записи для желающих поехать в Америку. Призыв к организациям техническим и промышленным о посылке от себя лиц в Америку.

3) Проект объявления в газеты о записи в члены.

4) Проект объявления об открытии действий Комитета.

5) Проект извещения по всем городам об открытии действия Комитета и его задачах, открытии отделений в Архангельске и Владивостоке.

6) Доклад о положении дела с получением субсидии.

7) Доклад о предпринятых работах по изданию описания кустарных центров России и главнейших отраслей кустарных производств.

8) Доклад о предпринятом Руссамко обследовании вопроса об использовании американского рынка русской электротехнической промышленностью.

9) Вопрос об издании краткой популярной брошюры об Америке, по образцу изданных National City Bank'ом о России, ввиду скудости печатных материалов на русском языке.

10) Вопрос о дне пленарных заседаний для выслушания сообщения ряда лиц об Америке.

11) О характере взаимоотношений с отделением Русско-американской торговой палаты в Петрограде.

12) Об участии Русско-американского комитета в общем протесте против высоких ставок обложения, препятствующих притоку иностранных капиталов.

ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, 1917 г., д. 277, л. 26.— Копия.

№ 7

Докладная записка председателя Русско-американской торговой палаты в Москве министру финансов Временного правительства о деятельности палаты и ее финансовых затруднениях

24 июля 1917 г.

В июне прошлого года Русско-американской торговой палатой в Москве было возбуждено перед правительством ходатайство о выдаче пособия на покрытие дефицита Палаты, составлявшего по смете к 1 января 1918 г. сумму в 76 331 руб.

В поданной по этому вопросу докладной записке указывалось, что подъем экономической мощи страны обусловливается развитием ее производительных сил и всего народного хозяйства в целом, причем отмечалось, что это развитие невозможно без самого энергичного, широкого и обильного притока капиталов.

Небогатая собственным капиталом Россия вынуждена была и в еще большей мере вынуждена будет по окончании войны обращаться к содействию капитала иностранного, и в данном отношении на первый план всем ходом мировых событий выдвигается капитал американский, чуждый какой бы то ни было сокровенной политической цели. Ныне и после войны Соединенные Штаты располагают и будут располагать колоссальными свободными средствами. Многие европейские страны уже теперь соревнуются в стремлении получить возможно большую долю этих свободных средств. Задача России уже теперь, не теряя ни минуты, подготовить почву для глубокого искреннего русско-американского финансово-экономического сближения.

Образованная в 1913 г. Русско-американская торговая палата в Москве неуклонно стремится к воплощению в жизнь идеи этого сближения.

Располагая самыми скромными средствами, составившимися из нескольких пожертвований, членских взносов, а впоследствии и весьма не-

большой правительственной субсидии, Палата, в сознании важности лежащих на ней задач, развила постепенно широкую деятельность, и о достигнутых уже ею результатах свидетельствуют прилагаемые при сем отчеты Палаты за 1915 и 1916 гг.

Палатою создана в Нью-Йорке Американско-русская торговая палата, организация, которая работает в теснейшем единении с Московской палатой, в состав Совета которой вошли пользующиеся доверием и уважением наиболее выдающиеся представители торгово-промышленного и финансового мира Соединенных Штатов Америки.

Интерес к России в Америке растет, но этот все возрастающий интерес и взаимное тяготение двух великих стран друг к другу налагают на нас большие обязанности и создают в деятельности Палаты немалые затруднения: она в прежних своих рамках уже не в состоянии справиться с той грудой всевозможных запросов, предложений, образцов, каталогов, материалов и справок, которыми ее положительно забрасывают как русские, так и американские торгово-промышленные круги.

Между тем из-за недостатка средств небольшой штат постоянных работников с 1 июля т. г. пришлось сократить. Реорганизацию и расширение периодического органа Палаты пришлось отложить из-за того же недостатка средств, и на очередь поставлен вопрос о прекращении издания.

Неотложное дело издания бюллетеней об условиях русской экономической жизни для широкого распространения правильных сведений о России в Америке через посредство Американско-русской торговой палаты в Нью-Йорке вследствие недостатка средств тормозится, так же как и создание справочного и статистического бюро и т. д.

Помимо центрального органа в Москве, Палатой открыты уже два отделения: в Киеве, Ташкенте и агентство в Петрограде. На очереди стоит открытие отделений в Харькове, Одессе и других крупных центрах, в особенности в Сибири, на чем усиленно настаивают члены Палаты в этих центрах.

Число членов Палаты постоянно увеличивается и в настоящий момент доходит до 900.

Кроме членов, среди которых имеются земские и городские самоуправления, Всероссийский земский союз, ряд крупнейших кооперативов, сельскохозяйственных обществ и правительственных учреждений, как, например, отдел зернохранилищ Государственного банка, в Палату поступает масса запросов и со стороны военно-промышленных комитетов, военного и интендантского ведомства, организаций, ведающих делом продовольствия и т. д.

Имея своих представителей в целом ряде правительственных учреждений, как-то: в комиссии по ввозу при Министерстве торговли и промышленности, в Междуведомственном совещании Департамента таможенных сборов по вывозу товаров из России, в Главном управлении по заграничному снабжению, Палата участвовала и участвует в разного рода съездах и совещаниях, связанных по тем или иным вопросам с Америкой.

Государственное значение Палаты, оказавшей немалое влияние на американские финансовые круги своей постоянной агитацией в Америке в пользу России и тем содействовавшей открытию в России National City банка и приезду в Россию многих представителей других американских банков, признавалось как прежним правительством, так и Временным правительством. Палатою велись постоянные сношения с министрами финансов, торговли и промышленности, военным и др., с бывшим министром торговли и промышленности в составе Временного правительства А. И. Коноваловым. Палатою были успешно закончены переговоры об образова-

нии Русско-американского комитета, об участии Палаты в миссии проф. Б. А. Бахметева. находящейся ныне в Америке и работающей в тесном контакте с нашей организацией в Нью-Йорке — Американско-русской торговой палатой.

В начале текущего года Палатой был командирован, по соглашению с Министерством иностранных дел, в качестве представителя палаты приват-доцент Б. Е. Шацкий со специальной целью информировать американские деловые круги о положении дел в России, дабы противодействовать антирусской агитации германцев в Америке.

Таким образом, громадная работа, общественно и государственно важная, которую совершает Палата, требует соответственных средств, которыми Палата в настоящее время не располагает. Членские взносы и пожертвования частных лиц, как главный фонд, на который Палата до сих пор опиралась, быстро тают, и Палата, переживая тяжелый кризис,— накануне ликвидации своих дел, если правительство не придет ей на помощь.

Сознавая тяжелое финансовое положение страны и недостаток средств, находящихся в распоряжении правительства, Палата в текущем году приняла все меры к тому, чтобы привлечь частную инициативу и частные пожертвования, но, к сожалению, это удалось не в полной мере и на днях Палате пришлось сделать заем в 10 000 руб. для того, чтобы не прекратить своей деятельности сейчас же.

Министерство торговли и промышленности, признающее полезность работы Палаты, ассигновало на 1917 г. 5000 руб., но эта сумма далеко не достаточна для покрытия расходов Палаты по ее текущей работе.

Принимая во внимание, что угрожающее финансовое положение Русско-американской торговой палаты с общим дефицитом в 1917 г. в сумме 50 000 р. вызывает серьезные опасения полного прекращения деятельности нашей организации, настоящим прошу Вас, господин министр, выдать в покрытие означенного дефицита субсидию в размере по Вашему усмотрению.

Председатель Палаты

Москва, августа... дня, 1917 года.

ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, 1917 г., д. 397, лл. 24—25 об.— Копия.

№ 8

Письмо Американско-русской торговой палаты из Нью-Йорка Русско-американской торговой палате в Москве по вопросу о помещении американских капиталов в промышленные предприятия России

Не ранее 8 сентября 1917 г.

Нью-Йорк.

Мы получили ваше письмо от 8 сентября[1], затрагивающее вопрос о возможности помещения американского капитала в русских предприятиях. Пользуемся случаем снова привлечь ваше внимание к поднятому вами вопросу.

[1] Упомянутое письмо не публикуется.

Мы уверены, что помещение американского капитала в русских предприятиях в связи с развитием тесной торговли между обеими странами является очень важным, и полагаем, что обе палаты могут оказать серьезную услугу торговым интересам обеих сторон, систематически прилагая усилия привести в соприкосновение американский капитал с выгодными русскими предприятиями, требующими добавочного финансирования.

Мы предлагаем вам распространить циркулярное письмо среди ваших членов, обращая их внимание, что Американско-русская торговая палата в Нью-Йорке в контакте с вами ждет ознакомиться со всеми заслуживающими внимания предложениями, в которых представляется возможность выгодно поместить американский капитал, и подчеркнуть в этих циркулярах, что мы будем очень рады представить эти предложения заинтересованным группам американских финансистов.

Присылая эти предложения, необходимо иметь в виду, что американские вкладчики и капиталисты недостаточно знакомы с помещением капиталов иностранных предприятий в иностранных владениях.

Чтобы поднять интерес американских капиталистов, необходимо такие предложения представить с подробнейшими сведениями. Сообщая эти предложения только в общих чертах, нельзя ожидать успешных результатов, и поэтому необходим тщательный анализ каждого предложения в отдельности. Мы предлагаем меморандум, указывающий главные пункты, на которые необходимо ответить, чтобы иметь возможность представить такие предложения на рассмотрение американским вкладчикам.

Составляя этот меморандум, мы исходили из факта существования двух главных классов, заинтересованных в помещении американских капиталов в иностранных предприятиях:

1) возможность помещения капитала в уже существующих русских предприятиях, как, например, промышленных, которые в течение долгого или короткого периода заняты производством продуктов для внутреннего рынка России, показывающие возможность прибыли, но требующие добавочного капитала для развития наиболее высокой производительности;

2) предложение поместить капитал в горнопромышленных предприятиях, лесных угодьях и других аналогичных концессиях, которые еще не действовали, но имеют возможность развиться при внесении добавочного капитала.

Если наши предложения будут вами одобрены, мы уверены, что в ближайшем будущем получим от вас многочисленные предложения, которые мы сможем передать для ознакомления американским вкладчикам, заинтересованным в помещении американского капитала в русских предприятиях.

Выражая уверенность в успешном выполнении этой работы к взаимной пользе обеих сторон, остаемся с совершенным почтением.

МЕМОРАНДУМ, КАСАЮЩИЙСЯ ПОМЕЩЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛА В РУССКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Класс I

Возможность помещения американского капитала в русских промышленных предприятиях

1. Общий доклад о характере производства, о размере предприятия и работало ли предприятие на основе правительственных привилегий или как акционерная компания.

2. Доклад о размере капитала, вложенного до настоящего времени в предприятие. Размер задолженности компании, если таковая имеется. Средний годовой оборот помещенного капитала.

3. Рынок для произведенных товаров. A. Доклад об общем количестве производимых товаров того же характера в России. B. Указание местоположения главных рынков для сбыта этого товара в России. C. Доклад о местоположении существующего предприятия в связи со стоимостью транспортирования товаров на главном рынке и вложения добавочных денежных средств на снабжение и оборудование машинами и пр.

4. Местоположение предприятия в связи с получением рабочих рук и, если возможно, цифры, касающиеся стоимости труда в этом производстве и в непосредственно лежащих окрестных предприятиях.

5. Сумма требуемого капитала для расширения и исполнения проектов предприятий и требования владельцев компаний относительно контроля акций и управления предприятием.

Класс II

Возможность помещения в русской горной промышленности, в лесных угодьях и других однородных концессиях

1. Общий доклад, касающийся местоположения и размера владения, и, если возможно, отчет инженера по указанным пунктам.

2. Снабдило ли русское правительство владельцев концессий льготами или какими-либо другими формами правительственной субсидии для развития предприятия и какова продолжительность действия этой льготы или привилегии. Существуют ли особые права или привилегии, связанные с такою льготою.

3. Доклад о местоположении предприятия в связи с главными рынками сбыта продуктов, удобства и стоимости транспортирования материалов для снабжения предприятия и для распространения продуктов.

4. Указать общее производство продуктов этого рода в России и смету ежегодного потребления как в стране вообще, так и по отдельным рынкам в частности.

5. Сумма требуемого капитала и проект русских владельцев в связи с контролем владения американскими вкладчиками и управление владением.

ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 11, 1917 г., д. 277, л. 2 и об.— Копия.

№ 9

Письмо директора Особенной канцелярии по кредитной части Главного управления по заграничному снабжению Военного министерства помощнику военного министра А. А. Маниковскому о получении новых кредитов в США

6 октября 1917 г.

Милостивый государь Александр Александрович,

Согласно телеграмме представителя Министерства финансов в Вашингтоне, выписка коей при сем прилагается[1], правительство Соединенных Штатов не идет в должной мере навстречу нашим пожеланиям относительно открытия новых кредитов. Так, например, в счет испрашиваемого нами кредита до 1 января 1918 г. в сумме 235 млн. долл., будет по всей вероятности, получено лишь 50 млн. долл. Между тем, предположенные заказы на земледельческие орудия, сапоги и кожу для подошв, срочное изготовление коих является настоятельно необходимым, уже превышают последнюю сумму.

Некоторые затруднения при ведении финансовых переговоров в Соединенных Штатах объясняются нашими представителями также и тем обстоятельством, что посольство Соединенных Штатов в Петрограде, по-видимому, не в достаточной степени поддерживает наши пожелания.

Сообщая об изложенном и принимая во внимание, что из беседы с советником американского посольства Mr. Butlervright я вынес впечатление, что в вопросе об открытии кредитов в Америке для оплаты наших заказов весьма желательно было бы заручиться поддержкой генерала V. V. Ledson, я позволяю себе обратиться к Вам с просьбою не отказать переговорить по изложенному делу с генералом Ledson и просить его оказать нам свое содействие как здесь в посольстве, так и в Вашингтоне.

Пользуясь случаем, прошу Вас принять уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

ЦГИАЛ, ф. 1525, оп. 1, д. 681, 1916 г., л. 112 и об.— Копия.

---

[1] Упомянутая выписка в деле не обнаружена.

№ 10

Справка Министерства финансов Временного правительства о кредитных операциях России в США в 1916—1917 гг.

20 октября 1917 г.

Кредитные операции в Америке

Контракт	Условия	Сумма кредита (доллары)	Сумма использования (доллары)	Всего с 1 окт. 1917 г. по 1 окт. 1918 г. на оплату проц. и погашение (доллары)
По контракту, заключенному в апреле 1917 г. с Синдикатом американских банков	Выпуск 5% годовых обязательств Государственного казначейства, по курсу 97, сроком на 1 год	11 000 000	11 000 000	11 550 000
По контракту 15/28 июня 1916 года	Репортная операция сроком на три года, под обеспечение кредита в Государственном банке в 150 млн. рублей из $6^1/_2$% годовых и $^1/_4$ комиссии	50 000 000	50 000 000	3 750 000
По тому же контракту	Выпуск $5^1/_2$% пятилетних обязательств Государственного казначейства, учитываемых по курсу $94^3/_4 — 4^1/_2$% комиссии = $90^1/_4$ при оплате купонов $^1/_8$% комиссии	25 000 000	25 000 000	1 437 500
На основании билля 24 апреля 1917 г. об оказании Америкой помощи союзникам	1-й аванс 5/18 мая 1917 г.[1] 2-й аванс 5/18 авг. 1917 г.[1] 3-й аванс 5/18 авг. 1917 г.[2] 4-й аванс 5/18 окт. 1917 г.[1] % по кредиту предположен в $4^1/_4$	100 000 000 100 000 000 75 000 000 50 000 000	100 000 000 54 700 000 50 000 000	8 699 750
	Итого. . .	411 000 000[3]	290 700 000	25 437 250

[1] Для платежей по заказам и закупкам военного снаряжения и на платежи по прежним кредитным операциям в Америке.— *Примечание документа.*

[2] По особому кредиту для приобретения финляндской валюты.— *Примечание документа.*

[3] В том числе 325 000 000 долл. после вступления Америки [в войну].— *Примечание документа.*

ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, 1910 г., д. 865, л. 218. — Копия.

ТРЕБОВАНИЯ ДВОРЯНСТВА И ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1880—1890-х ГОДАХ

Экономическая политика царского правительства 1880— начала 1890-х гг. несет на себе печать наступления помещичьей реакции и углубления аграрного кризиса. Наряду с продолжавшимся покровительством крупному капиталу, значительно усилилась «поддержка» помещиков. Рост протекционизма, выкуп частных железных дорог на крайне выгодных для их хозяев условиях, крупные казенные заказы металлургическим и машиностроительным заводам и т. п. характеризуют первую сторону правительственной политики. Менее изучена вторая сторона, о которой В. И. Ленин писал в 1901 г.: «Подачки благородным дворянам-помещикам давно уже делает наше правительство: оно устроило для них дворянский банк, дало тысячи льгот по выдаче им ссуд и отсрочек недоимок, оно помогло им устроить стачку миллионеров-сахарозаводчиков для повышения цен и увеличения прибыли, оно позаботилось о местечках земских начальников для промотавшихся дворянских сынков, оно устраивает теперь благородным винокуренным заводчикам выгодный сбыт водки в казну» [1]. Но как ни велики были «подачки», они все же казались недостаточными той наиболее реакционной части помещиков, которая не могла приспособиться к новым условиям капиталистического ведения хозяйства. Одним из характерных документов, в котором были сформулированы экономические и «сословные» требования поместного дворянства, является записка 27 представителей дворянства, съехавшихся на коронацию Николая второго в 1896 г.

Основные положения записки, выражающей претензии помещиков на ничем не ограниченное субсидирование их из государственных средств, воспроизведены в публикуемых ниже «Замечаниях» на эту записку министра финансов С. Ю. Витте.

Витте стоит на одинаковых с ее авторами классовых позициях. Он вынужден был считаться также с тем обстоятельством, что вожделения дворянства встречают поддержку царя и его ближайшего окружения. Но в отличие от них, Витте отчетливо понимал, что сохранение власти крепостников-помещиков требует активного содействия росту капитализма и что неограниченное субсидирование дворянства приведет помещичью монархию к финансовой и экономической катастрофе. Этим объясняется та полемическая острота и редкая для подобных документов откровенность, которые делают публикуемые «Замечания» крайне интересными в двух отношениях.

Первое. Записка предводителей дворянства обыгрывает излюбленный мотив официальной и дворянской литературы: при реформе 1861 г. «благородное» сословие «добровольно» пошло на «жертвы». В записке реформа и недостаточная поддержка кредитом помещиков в первые десятилетия после реформы объявляются главной причиной разорения и сплошного «оскудения» поместного дворянства. В «Замечаниях» подробно, хорошо аргументированно опровергается эта насквозь лживая версия, которой «пострадавшие» помещики «обосновывали» свое фактическое и «моральное» право на неограниченную материальную поддержку правительства.

Витте показывает «предводителям», что при реформе крестьян заставили выкупать не только свою землю, но и свою личность (крепостные повинности), что

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 78.

самый порядок и сроки проведения реформы полностью отвечали интересам помещиков и, в частности, создавали условия для кабальной аренды. С полным знанием дела он доказывает, что и финансовая сторона выкупной операции была исключительно выгодна для помещиков и не могла помочь только тем из них, которые разорились еще до реформы. Все было сделано правительством для того, чтобы дворянство осталось после реформы «экономически сильным сословием» — таков вывод первого раздела «Замечаний».

Разумеется, Витте меньше всего интересует ограбление крестьян помещиками, он даже считает, что «от упразднения обязательного труда» нанесен дворянству «прямой ущерб» и сочувствует «моральным переживаниям» крепостников (падение их «авторитета» в деревне, потеря крепостной челяди).

Однако вслед за тем он убедительно показывает, что развитие капитализма после 1861 г. принесло большие выгоды помещикам, в особенности выиграли они от огромного роста цен на землю. В «Замечаниях» разбивается главный довод о разорении поместного дворянства — сильное уменьшение его землевладения за 35 лет после реформы. Земельный фонд поместного дворянства в 79 млн. десятин в 1861 г. стоил $1^1/_4$ млрд. руб., а тот же фонд, уменьшившийся к 1895 г. до 55,5 млн. десятин стоил по выросшим ценам $2^1/_2$ млрд. руб. Сверх удвоения стоимости земли, помещики еще реализовали свыше 20 млн. десятин по ценам, значительно более высоким, чем в 1861 г.

Далее подробно рассматривается состояние помещичьего землевладения по районам страны и его задолженность ипотечным банкам. Главная убыль дворянских земель падает на те районы, где помещики и до реформы не вели своего хозяйства (нечерноземные), или где рост цен на землю был особенно велик и продажа земли была крайне выгодна помещикам. Столь же различна ипотечная задолженность поместного дворянства. Лишь ничтожная доля их земель переобременена долгами, а почти 60% всей площади дворянских имений свободны от долгов земельным банкам. Наряду с убылью дворянского землевладения идет процесс внутридворянского перераспределения земель: за 1892—1895 гг. дворяне ежегодно в среднем покупали земли на 43 млн. руб. (больше одного млн. десятин).

В итоге в «Замечаниях» полностью разбивается основное положение записки предводителей дворянства о якобы повсеместном разорении и сплошном «оскудении» дворянства. Разоряются те помещики, которые не ведут или запустили свое хозяйство и паразитическое потребление которых намного превышает их доходы. В совсем ином положении находятся те помещики, которые сумели использовать создаваемые для них исключительно благоприятные условия — «предприимчивые, деятельные крепкие хозяева».

Витте не договаривает, что к числу «благоденствующих хозяев» относятся также многие из владельцев полукрепостнических латифундий в центральных районах России, сдающие бóльшую часть земель в аренду, а на меньшей ведущие собственное «рациональное» хозяйство.

Второе. Выступая против неумеренных аппетитов помещиков, «Замечания министра финансов» довольно подробно вскрывают те стороны финансово-экономической политики царского правительства, которые были непосредственно направлены на удовлетворение интересов и поддержку всего класса помещиков.

В разделе о сельскохозяйственном винокурении показываются те выгоды, которые извлекают помещики (по мнению предводителей дворянства все еще недостаточные) из винокурения при акцизной системе обложения и ожидающие их еще большие выгоды от вводимой в те годы казенной винной монополии. Как известно, в этом вопросе Витте выполнил свое обещание. Отказавшись от торгов при закупке спирта и введя крайне выгодную для помещиков систему разверстки, казенная винная монополия оплачивала за ведро в 1896 г.— 59 коп., а к концу министерства Витте (1904 г.) уже 75 коп.

В «Замечаниях» подробно характеризуется весьма слабо освещенный в нашей литературе вопрос о направленности железнодорожной тарифной политики в инте-

ресах помещиков. Низкие тарифы на перевозку хлеба, особенно в экспортных направлениях, являлись одной из основных причин убытков русской железнодорожной сети, покрытых из государственного бюджета за 1880—1894 гг. в размере 640 млн. руб. Дифференциальные железнодорожные тарифы не только способствовали вывозу хлеба из дальних районов в западные порты России, но и были направлены на то, чтобы сохранить богатые внутренние хлебные рынки центральной России за «коренными» помещиками этого района в ущерб «недворянским» заволжским и северо-кавказским губерниям. Вместе с тем в «Замечаниях» дается отпор претензиям помещиков на дальнейшее снижение вдвое железнодорожных тарифов на перевозку хлеба, что потребовало бы еще 30 млн. руб. расходов из бюджета для покрытия убытков железных дорог. Как видно из более поздних записок Министерства финансов по вопросам хлебной торговли, оно также опасалось резкого падения хлебных цен в портах, в случае дальнейшего снижения железнодорожных тарифов.

«Замечания» не вскрывают всей роли тарифной политики в поддержке помещиков [1].

Как видно из большой «весьма секретной» записки министра финансов, относящейся к 1893 г. [2], «поддержка» сельского хозяйства через посредство железных дорог рассматривалась Витте как один из главных способов «воспособления» помещикам. В этой записке объясняется подробно, что произведенный в бытность Витте директором железнодорожного департамента Министерства финансов пересмотр тарифов на перевозку хлеба дал «сельскому хозяйству» 1,7 млн. руб. в год. В 1893 г. тарифы были еще раз пересмотрены, что дало снижение еще на 3 млн. руб. Помимо тарифов, в записке излагаются различные другие формы «воспособления через посредство железных дорог».

Наконец, в «Замечаниях» полностью отвергаются претензии на неограниченное кредитование помещиков Государственным банком, на превращение этого кредита в долгосрочный из убыточного для Банка процента. При этом разоблачается дутая версия помещиков, что в России земельная рента много ниже дохода на капитал.

Вместе с тем в «Замечаниях» показывается, что помещичьи хозяйства, ведущиеся на капиталистический лад, довольно широко и на льготных условиях пользуются кредитом в Государственном банке.

В «Замечаниях» не договаривается, что широкое развитие с 1893—1894 гг. ссуд под хлеб давало возможность помещикам придерживать осенью реализацию хлеба и выжидать повышения цен до зимы и даже до весны. В то же время приуроченное к осени взыскание налогов с крестьян заставляло их выбрасывать на рынок свой хлеб по самым низким сезонным ценам.

Разумеется, в «Замечаниях» умалчивается и о том; что налоговое обложение крестьян является для них совершенно непосильным, тогда как первенствующее сословие платит ничтожные налоги, которые при Витте были еще понижены.

В «Замечаниях» ничего не сказано еще об одной важной стороне поддержки помещиков-дворян мерами финансово-экономической политики — через ипотечный кредит и Дворянский и Крестьянский банки, в особенности. Между тем претензии помещиков в этой области неизменно росли, сколько бы новых льгот ни вводило правительство [3]. Немало было сделано и самим Витте в первые же годы его управления Министерством финансов.

Тем не менее, к маю 1897 г. Витте подготовил закон о новых льготах помещикам по Дворянскому банку, из которых главная заключалась в снижении ссудного про-

[1] Делая упор на интересы помещиков, «Замечания» также проходят мимо того, что в форсировании хлебного экспорта, как источника притока иностранной валюты, были заинтересованы и буржуазия и правительство.

[2] «Соображения министра финансов о воспособлении сельскохозяйственной промышленности через посредство железных дорог», стр. 173. Экземпляр этой ведомственной записки имеется в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина.

[3] В записке предводителей дворянства и еще больше в записках дворянских обществ отдельных губерний выдвигались требования многолетних отсрочек платежей по ссудам, создания условий, делавших почти невозможным продажу имений неисправных заемщиков и передачи Дворянского банка из ведения министра финансов в более «отзывчивое» к дворянству ведомство — земледелия или внутренних дел.

цента до 3.5, т. е. ниже, чем по государственным займам, и ниже, чем платил сам Дворянский банк по своим закладным листам, т. е. новые льготы были даны за счет дальнейших убытков банка и в конечном счете казны.

Решительно отклоняя все покушения на отмену и даже ослабление таможенного покровительства промышленности (единственная уступка — это снижение пошлин на сельскохозяйственные машины), Витте не развертывает всей аргументации, которая содержится в других его записках царю[1] «Государственная» точка зрения, которую он противопоставляет «потребительской» точке зрения предводителей дворянства была глубоко противоречивым стремлением совместить в экономической политике царского правительства интересы крепостников-помещиков с неумолимыми потребностями капиталистического развития страны.

И. Ф. Гиндин, М. Я. Гефтер

Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения[1]

1897 г.

Суждения записки о первоначальных причинах, породивших затруднительное положение дворян-землевладельцев

Во вступительной главе составители записки остановились прежде всего на выяснении первоначальных причин, породивших затруднительное положение дворян-землевладельцев. «Затруднительное положение дворян-землевладельцев,— говорится в записке,— возникло не за последние годы. Оно было вызвано последовавшими при совершенном отсутствии рационального кредита упразднением обязательного труда, заменой его вольнонаемным и одновременным обзаведением полным сельскохозяйственным инвентарем. При такой нужде в оборотном капитале никаких государственных кредитных установлений взамен отмененного в 1859 г. учреждено не было и искусственно создана была необходимость для дворян прибегать к разорительному кредиту у частных лиц. Выкупная ссуда не могла служить помещикам оборотным капиталом потому, что была выдана значительно позднее фактического освобождения и, кроме того, рядом несправедливых мероприятий была уменьшена слишком значительно. Она выдавалась не деньгами, а выкупными свидетельствами, падавшими на бирже до 70 руб. за 100, вследствие единовременного предложения и малого развития выкупных средств. Кроме того, по имениям, заложенным в Сохранной казне, из приходящегося владельцу выкупа вычиталась вся сумма долга единовременно; таким образом, по долгосрочной ссуде, договору двустороннему, одна из сторон, изменив условия займа, обязала другую произвести внезапную уплату капитального долга, рассчитанного на постепенное погашение. В силу необходимости заключенные чуть не на ростовщических условиях сделки с частными лицами пришлось позднее ликвидировать ссудами из Общества взаимного поземельного кредита[2]). А эти ссуды выдавались по 83 кредитных за 100 золотых рублей при обязательстве расчета процентов на золото, что составляло, вследствие понижения курса, до 10 и более процентов в год».

Освобождение крестьян представляется в настоящее время событием, уже достаточно отошедшим в область истории, чтобы можно было считать не выясненными те меры, которые при отмене крепостного права были приняты в ограждение интересов той и другой стороны. Посему не лишним будет прежде всего указать на некоторые фактические обстоятельства дела, не вполне соответствующие приведенным указаниям записки.

а. При прекращении крепостных отношений прежние крестьянские наделы были во многих местностях значительно уменьшены. Так, по 13 губерниям почти исключительно черноземной полосы с чисто земледельческим складом крестьянского быта

[1] См. опубликованный в № 2—3 журнала «Историк-марксист» за 1935 г. «Всеподданнейший доклад министра финансов о положении нашей промышленности» (февраль 1900 г.).

наделы были сокращены более чем на 1/5 часть: на 21,6% по Воронежской и Черниговской губерниям, на 32% по Симбирской, на 41,8% по Самарской и еще более по Оренбургской. Но и отошедшие к крестьянам земли оценены были не по одной лишь доходности их, а и по соображению с теми повинностями, кои несло крепостное население в пользу помещиков за пользование предоставленными им землями. Вследствие такой высокой оценки оказалось необходимым по истечении 20 лет понизить выкупные платежи, а затем с истекшего года вновь допустить уменьшение этих платежей посредством рассрочки как недоимок, так и самых окладов. И в прежнее время правительство неоднократно вынуждаемо было слагать со счетов накоплявшиеся недоимки по выкупным платежам. И хотя самое образование этих недоимок в большинстве случаев свидетельствовало о несоразмерно высокой оценке отошедших к крестьянам земель, особенно в нечерноземных местностях, тем не менее первоначально установленный размер вознаграждения помещиков не подвергался именно в великорусских губерниях ни малейшему изменению в ущерб их интересам — ни при сложении со счетов недоимок, ни при снижении самых окладов. Все убытки, и убытки весьма значительные, всецело отнесены были на счет казны, и даже вся выкупная операция включена была в общегосударственный бюджет, который и принял на себя обязательство платы полностью процентов и погашения по выкупному долгу независимо от размеров и исправности поступления выкупных платежей.

б. Вместе с высокою оценкой отходивших к крестьянам земель существенною гарантией интересов помещиков служило предоставленное им, а не крестьянам, право не только определять, по соображению с хозяйственными условиями имения, время прекращения обязательного для крестьян платежа оброка или отбывания работ, но избирать и самый вид окончательного прекращения этих отношений: допускать выкуп одной усадебной земли или же требовать выкупа также и полевого надела. И только через 20 лет, по закону 1881 г., было сделано обязательным для помещиков прекратить барщинные или оброчные отношения крестьян и продать им наделы, с содействием казны [1]. Таким образом, в течение первых 20 лет после реформы не потребностью или желанием крестьян, а усмотрением самих помещиков, их хозяйственным удобством определялся переход кретьян на выкуп или оставление их при временно-обязанных отношениях.

в. Вместе с тем заботливо были приняты законом меры к тому, чтобы помещичья земля не оставалась без обработки в случае, если бы помещик не признал возможным извлекать доход из нее посредством отдачи в наем или обработки ее крестьянами же из доли урожая, не неся ни в том, ни в другом случае расходов по обработке земли. Положения 1861 г. обеспечивали помещикам издельную повинность бывших крепостных крестьян или же предоставляли им денежные средства на ведение хозяйства — в случае перехода крестьян на выкуп [2].

Только в двух случаях забота законодателя о поддержании помещичьего хозяйства денежными средствами при прекращении временно-обязанных отношений крестьян отступала перед соображениями иного рода, главным образом финансовыми: 1) когда помещики многоземельных степных и лесных местностей предъявляли требования выкупа наделов крестьянами, еще находившимися на барщине (а не на оброке), и 2) когда на имении состоял долг казне по государственным кредитным установлениям.

---

[1] Исключение составляют 9 западных губерний, где ввиду политических условий края, был установлен еще в 1862 г. обязательный для обеих сторон выкуп; но именно в большинстве этих губерний положение дворян-землевладельцев оказывается ныне лучшим, нежели в губерниях великорусских.— *Примечание документа.*

[2] В имениях, состоявших на издельной повинности, крестьяне имели право переходить на оброк, с предварением о том помещика за год; но и при этом помещик не оставался без средств для ведения хозяйства, ибо в том случае, если бы получение оброков не соответствовало его видам, он имел право тотчас же перевести крестьян на выкуп. Притом именно в барщинных местностях — в губерниях черноземных — ко времени установления обязательного выкупа (с 1883 г.) оставалось наиболее имений при временно-обязанных отношениях.— *Примечание документа.*

1. По отношению к барщинным имениям тех многоземельных лесных и степных губерний, где высший размер надела составлял $4^1/_2$ дес. и более, Положения 1861 г. допускали отказ крестьян от выкупа надела с тем, чтобы получить $^1/_4$ часть высшего надела без вознаграждения помещика[1]. Правительство не признавало в то время возможным принять на себя риск выкупной ссуды по таким имениям, ввиду тогдашней малоценности и малодоходности этих земель. С своей стороны помещики степных губерний, как и других черноземных местностей, часто охотно соглашались уступать крестьянам без вознаграждения небольшую часть надела, так как этим обеспечивались хорошие наемные цены за остальную землю, необходимую тем же крестьянам для посева и выгона. Потому такие сделки, хотя и не давали новых денежных средств помещикам, однако представляли для них существенные выгоды, обеспечивая им спрос на землю и устраняя необходимость самостоятельного ведения полевого хозяйства.

2. Второе отступление было сделано по отношению к тем населенным имениям, на коих лежал долг казне по государственным кредитным установлениям. Долга этого числилось ко времени освобождения крестьян около 425 млн. руб. — преимущественно в губерниях черноземных (56%). Заложена была земля вместе с приписанною к ней рабочею силою (душами). Но, несмотря на то, что с освобождением крестьян существенно уменьшалось залоговое обеспечение этих ссуд, Положения 1861 г. не вносили никаких изменений в кредитные обязательства помещиков, пока к правительству не обращались за новым кредитом по выкупной операции. Если же помещики, отнюдь не понуждаемые законом к выкупной операции, приступали к таковой, то из выкупной ссуды, следуемой за отходившую к крестьянам землю, подлежал удержанию долг помещика кредитным установлениям. Правительство опасалось допускать перевод ипотечного долга со всего имения на ту часть его, которая оставалась в распоряжении помещика за наделом крестьян: ввиду крупной задолженности владельцев населенных имений во многих губерниях остававшаяся за наделом крестьян земля могла бы оказаться недостаточным обеспечением ипотечного долга. Если же долг превышал выкупную ссуду, то недостающая сумма переводилась на занадельную землю, с правом рассрочки долга вновь на 37 лет. Однако правило об удержании долгов отнюдь не противоречило желаниям и самих помещиков: губернские комитеты об улучшении быта помещичьих крестьян, состоявшие из дворян, почти единогласно требовали, чтобы при выкупе банковые долги переводились на крестьян, дабы тем освободить от залога остальную часть имения. Впрочем, по отношению к большей половине помещичьих имений правило о вычете долгов применения не имело,— долги были удержаны только по $^2/_5$ общего числа выкупных ссуд. Если задолженность имения была невелика, то, при высокой вообще оценке наделов, помещику причиталась, за удержанием долга, достаточная сумма для устройства хозяйства на началах вольнонаемного труда. Но если задолженность была велика, то случалось, что удерживалась вся выкупная ссуда или выдавалась помещику лишь небольшая часть ее. Выкупных сделок, по которым удержана была вся выкупная ссуда, было сравнительно немного: например, около $^1/_{12}$ части общего числа выкупных сделок по Воронежской и Курской губерниям, $^1/_9$ часть по Симбирской и Пензенской, около $^1/_{17}$ части по Тульской, Рязанской и Полтавской и только $^1/_{22}$ часть по Орловской губернии.

Однако самое главное обстоятельство, которое должно иметь в виду при оценке хозяйственного значения правила об удержании помещичьих долгов, заключается в том, что с последствиями этой меры приходилось считаться лишь тем помещикам, хозяйственным планам коих именно и соответствовало погашение прежнего долга и получение на руки разницы между выкупною ссудою и ипотечным долгом. Кроме этого источника, у таких помещиков имелись еще и иные средства для обработки

[1] Уменьшение надела до предоставляемой крестьянам в дар четвертой части высшего надела допускалось законом во всех губерниях великорусских, малорусских и белорусских при первоначальном отводе надела, но не иначе, как по соглашению помещиков с крестьянами.— *Примечание документа.*

занадельной земли: они выговаривали себе при выкупе, по полюбовному соглашению с крестьянами, или дополнительный платеж в размере ¼ части выкупной ссуды, или же отбывание этого платежа работою в течение 6—12 лет и более. Всем же прочим помещикам, для которых погашение долга являлось почему-либо невыгодным, предоставлена была полная возможность совершенно не приступать к выкупу, каковым правом в действительности многие помещики и воспользовались. Когда же с 1883 г. выкуп наделов сделан был обязательным, то вместе с тем, вполне последовательно, отменено было и правило об обязательном удержании ипотечных долгов из выкупных ссуд, причем долг мог быть переводим на занадельную землю. Следует отметить, однако, что с 1883 по 1896 г. поступило всего только *одно*[1] ходатайство о переводе долга. По всем остальным ссудам помещики не ходатайствовали об оставлении долгов на занадельных землях, и долги были удержаны по 1992 ссудам. При установлении обязательного выкупа помещикам предоставлены были еще и иные крупные выгоды, из коих главнейшая заключалась в том, что вознаграждение помещиков за крестьянский надел было еще увеличено на 1/12 часть выкупной ссуды против исчисления ее по Положению 1861 г.

г. Содействие правительства кредитом в разрешении крепостных отношений крестьян к помещикам предполагалось первоначально в размере до 1 млрд. руб. (в действительности потребовался кредит в 850 млн. руб.). Кредит был открыт главным образом в форме государственных процентных бумаг. Правительство не признавало возможным удовлетворять помещиков по выкупным ссудам наличными деньгами, так как увеличение денежных знаков в таком громадном количестве, вызванное не усилением производительности страны, а лишь потребностью выкупной операции, уронило бы ценность самих денежных знаков и, независимо от общего денежного кризиса, причинило бы вред самим помещикам, понизив покупательную силу выплачиваемых им денежных капиталов. Тем не менее, правительство предоставило владельцам оброчных имений, на случай необходимости располагать некоторой денежной суммой, возможность отклонить от себя риск по реализации выкупной ссуды,— в той части ее, которая выдавалась банковыми билетами. В сих видах законом 19 февраля 1861 г. постановлено было выдавать помещикам, заявившим о том при представлении своем выкупной сделке, наличные деньги по нарицательной стоимости банковых билетов, причем убытки от продажи билетов ниже нарицательной цены подлежали отнесению на запасный капитал выкупной операции. Таковая выдача наличных денег была прекращена только в 1874 г., когда биржевой курс билетов был высок и устойчив. Требований наличных денег взамен банковых билетов было предъявлено на сумму 28 млн. руб. Вообще же правительство предполагало, что наибольшая часть крупного вознаграждения, причитавшегося за крестьянские наделы помещикам, которые признали бы своевременным перевести крестьян на выкуп, не будет немедленно израсходована, а останется у них в форме процентных бумаг одним из источников дохода. В действительности помещики не удержали процентных бумаг. Весьма скоро они начали выбрасывать их на рынок в таком избытке, что в течение свыше 10 лет биржевой курс бумаг держался значительно ниже номинальной стоимости их. Помещики, несомненно, терпели при этом ущерб на реализации бумаг; однако эта потеря в значительной мере возмещалась увеличенным размером выкупных ссуд вследствие вышеуказанной высокой оценки отходивших к крестьянам земель.

д. Поспешный сбыт процентных бумаг объясняется в записке недостатком кредита для помещиков за время с прекращения операций в государственных кредитных установлениях до учреждения земельных банков (в 1864 г. был учрежден Херсонский земельный банк и в 1866 г. Общество взаимного поземельного кредита).

Кредитные операции правительственных учреждений, как известно, были прекращены вследствие безусловной и неотложной необходимости переустроить наши ипотечные банковые порядки, грозившие несостоятельностью этих учреждений. Правительство имело основание рассчитывать, что выкупная операция, освобождая поме-

[1] Здесь и далее курсив документа.

щиков от обязательных платежей по прежним ипотечным долгам и, сверх того, предоставляя большинству из них значительные суммы выкупными ссудами, надолго устранит необходимость в наложении помещиками на себя нового бремени ипотечных долгов. Прибегать к ипотечному кредиту для получения оборотных средств на ведение хозяйства не представлялось надобности также и всем тем помещикам, которые оставались при дореформенных способах получения дохода, т. е. при обработке земли натуральною повинностью крестьян, или при получении оброков (а таких имений было немало даже в 1881 г., через 20 лет после освобождения крестьян); не нужен был кредит и тем помещикам, которые, предоставив крестьянам в дар четвертую часть надела, этим обеспечили себе сдачу остальной земли в наем тем же крестьянам.

Что недостаток ипотечного кредита в первые годы не был ощутителен для большинства помещиков, при изложенных выше условиях прекращения крепостных отношений, видно, между прочим, из сравнительно небольшого числа совершенных в те годы купчих крепостей и закладных. В первые пять лет с 1861 г. поступление крепостных пошлин не только не повысилось, но даже уменьшилось против предыдущего пятилетия — с 2975 тыс. руб. до 2300 тыс. руб., в среднем за каждое пятилетие; затем поступление стало подниматься, однако увеличение сбора за пять лет до 1870 г. (на 40%) не достигло размера увеличения этого поступления в пятилетие, предшествовавшее реформе 1861 г. (48%) [3]. Также не видно, чтобы в ближайшие к освобождению крестьян годы помещики вынуждаемы были, за прекращением деятельности опекунских советов и приказов общественного призрения, обращаться к обременительному кредиту у частных лиц. Напротив того, в те шесть лет, за которые имеются сведения о сумме долгов по частным закладным (1865—1871), этот вид кредита был слабо использован: так, в 1865 г. было совершено закладных вообще на недвижимые имущества на сумму 31 млн. руб., в последующие годы — на 27, 11, 18, 27 и 37 млн. руб.

Все вышеизложенное дает основание думать, что обстоятельства, сопровождавшие крестьянскую реформу и непосредственно следовавшие за нею, едва ли могли послужить первоначальною причиной экономического упадка поместного дворянства. Конечно, не подлежит ни малейшему сомнению, что самый факт «упразднения обязательного труда» нанес прямой ущерб материальным интересам дворянства, но на эту жертву русское дворянство шло добровольно. «Самому дворянству,— говорится в знаменательном Манифесте 19 февраля 1861 г.,— предоставили мы, по собственному вызову его, составить предположения о новом устройстве быта крестьян, причем дворянам предлежало ограничить свои права на крестьян и подъять трудности преобразования, не без уменьшения своих выгод. И доверие наше оправдалось. В губернских комитетах, в лице членов их, облеченных доверием всего дворянского общества каждой губернии, дворянство добровольно отказалось от права на личность крепостных людей». Деяние это составляет, конечно, приснопамятную заслугу российского дворянства: «Россия не забудет, что оно добровольно, побуждаясь только уважением к достоинству человека и христианскою любовью к ближним, отказалось от упраздняемого ныне крепостного права и положило основание новой хозяйственной будущности крестьян».

Но правительством приняты были все доступные меры, чтобы эта жертва не повела к разорению дворян. Помещикам коренных русских губерний предоставлены были все возможные средства остаться экономически сильным сословием. Правительство не могло, конечно, поставить себе задачею связать с крестьянской реформой улучшение имущественного положения тех помещиков, которые уже тогда находились в безвыходном положении, главным образом под тяжестью долгов. Эти разоренные дворяне, вероятно, не остались бы в рядах поместного дворянства, если бы и не подошло время крестьянского освобождения. Оскудение отдельных дворянских семей наблюдалось у нас еще задолго до события 1861 г. Достаточно припомнить слова именного указа императрицы Елизаветы, данного 13 мая 1754 г. при учреждении Государственного заемного банка: «Многие подданные, а более из дворянства, приходят от долгов в убожество и разорение». Полстолетия спустя на то же самое

явление указывает и император Павел в Манифесте от 18 декабря 1797 г. об учреждении Государственного вспомогательного банка для дворянства: «С крайним прискорбием видим, что многие роды дворянские, стеная под бременем долгов, из рода в род с наследством влекущихся или небережливостью нажитых, немногие из них воспользовались сложением с себя сего бремени способами, в государственных банках отверзтыми, но большая часть усугубляли свои долги».

Если и можно говорить о реформе 1861 г., как о «первом ударе, нанесенном дворянскому землевладению», то лишь в смысле затруднений, кои неизбежно должны были проистечь от столь коренного переустройства бытовых условий помещичьего хозяйства, с нарушением вековых привычек сословия. Отмена вотчинной власти над крестьянами — той власти, которая признавалась коренным условием личной безопасности и сохранности помещичьего имущества, умаление престижа помещика в своем околодке, лишение привычной прислуги из дворовых людей,— вот те бытовые причины, которые, независимо от всякой экономической необходимости, могли на первых порах порождать стремление дворян покидать деревни на руки наемных управителей, или даже, в редких, впрочем, случаях, совершенно ликвидировать хозяйство. И, по справедливости, во многих случаях — нельзя было за это обвинять помещиков: требовалось много выдержки, любви к родному гнезду, даже, пожалуй, известного самоотвержения, чтобы бодро идти навстречу изменившимся условиям жизни. Ничего нет удивительного, если некоторые из помещиков, глубоко сросшиеся с традициями прошлого, не могли осилить этой задачи.

Долг беспристрастия налагает, однако, на министра финансов обязанность коснуться и тех, не указываемых в рассматриваемой записке последствий реформы 19 февраля 1861 г., которые отразились самым благотворным образом на всех сторонах общественной и хозяйственной жизни страны и, в частности, принесли огромную пользу интересам самого поместного дворянства. Не принадлежа к числу безусловных сторонников освободительной реформы во всех, быть может, даже крупных деталях ее осуществления, министр финансов, тем не менее, не может не признавать всей грандиозности культурно-общественных и экономических последствий этого великого исторического деяния, ознаменованного необыкновенным подъемом духа и доблестным самоотвержением русского дворянства.

Освободительная реформа справедливо почитается исходным пунктом того широкого обновления общественной жизни, которое открыло России возможность вступить в семью культурных европейских стран, и сделало ее, по истечении всего 35 лет, совершенно неузнаваемою в политическом, общественном и экономическом отношениях. Распространяя свое гнетущее действие на все стороны государственного быта, крепостное право служило в дореформенной России коренной причиной безуспешности благих начинаний правительства по всем отраслям управления. Только с освобождением человеческой личности открылась возможность осуществления всех последующих реформ, имевших целью устранить произвол, установить законность, укрепить охрану личной неприкосновенности и имущественных прав каждого, предоставить всем свободный выбор занятий и профессий, вызвать развитие общественной самодеятельности в области местных хозяйственных интересов и проч. Создав твердое обеспечение имущественному обороту, реформы эти открыли всем классам населения возможность безбоязненной затраты материальных средств и личных усилий по всем отраслям производительного труда. И, действительно, экономическая жизнь страны не замедлила ощутить на себе все благодетельные последствия произведенных преобразований. Натуральное хозяйство, обусловливавшее патриархальный склад всей производительной деятельности страны, начало постепенно сменяться хозяйством денежным, открывшим возможность широкого развития самостоятельной промышленной отрасли народного труда. Усиленное производство товаров привлекло новые силы и капиталы к торговому посредничеству и обнаружило всю настоятельность развития кредитного дела и усовершенствования средств сообщения: началось распространение банковых учреждений и широкое железнодорожное строительство. Все это, знаменуя огромный внутренний экономический рост

страны, вместе с тем открыло России более широкое участие в международном торговом обмене.

Само собою разумеется, что наше сельское хозяйство, представляя собой главнейшую статью народной производительности, не могло остаться в стороне от благотворного действия всех этих улучшений хозяйственной жизни. Достаточно указать уже на огромные последствия усовершенствования средств сообщения. Только с проложением железнодорожных путей сделалось возможным широкое развитие сбыта громоздких и сравнительно малоценных сельскохозяйственных продуктов. Прорезав страну во всех направлениях, железные дороги открыли хлебородным местностям возможность усиленного снабжения внутренних потребительских рынков, как в малоплодородных местностях, так и в быстро развивавшихся и вновь возникавших городских и промышленных центрах. Вместе с тем для сельскохозяйственного производства открылся самый широкий сбыт хлебов на заграничные рынки. Не превышая 9,5 млн. четвертей в год в пятилетие, предшествовавшее освобождению крестьян, вывоз хлебов поднялся в 60-х годах до 12,3 млн., в 70-х — до 27 млн., в 80-х — до 40,8 млн., в 90-х — до 50,7 млн. четвертей в год. Вообще вся производительность сельского хозяйства сделала со времени освобождения крестьян огромные успехи.

Быстрый экономический рост страны с особенною явственностью отразился, в частности, и на интересах поместного землевладения. С отмены крепостного права до сравнительно недавнего времени почти повсеместно наблюдался быстро прогрессирующий рост ценности земель, значительно опережавший прирост населения, как это видно из следующих имеющихся по этому предмету данных [1].

Губернии	Средняя цена 1 десятины					Процентное увеличение в 1894 г. против 60-х годов	
	в 60-х годах	в 70-х годах	в 1883 г.	в 1889 г.	в 1894 г.	земельных цен	населения
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	%	%
Центральные	38	75	94	83	90	137	63
Восточные и юго-восточные	22	35	51	52	68	209	92
Южные	26	42	69	91	111	327	104
Юго-западные	41	63	106	114	127	210	92
Северо-западные	25	36	52	47	50	100	92

Еще более разительным представляется рост земельных цен за 35 лет с освобождения крестьян по отдельным губерниям: земельная ценность возросла свыше 1100% в Таврической губернии, свыше 700% — в Новгородской, свыше 400% — в Костромской, свыше 300% — в Екатеринославской, Бессарабской, Херсонской, Полтавской, Могилевской, Тверской, Минской и Смоленской, свыше 250% — в Петербургской и Владимирской, свыше 200% — в Черниговской, Симбирской, Киевской, Уфимской, Московской и Псковской, свыше 150% — в Подольской, Тамбовской, Витебской, Калужской и Ярославской, свыше 100% — в Саратовской, Курской, Казанской, Волынской, Харьковской, Пензенской, Тульской и Самарской, свыше 75% — в Воронежской Орловской, Рязанской, Гродненской, Нижегородской и Ковенской.

[1] Сведения о земельных ценах по 1889 г. взяты из издания Департамента земледелия и сельской промышленности (Сел.-хоз. и статистич. сведения, вып. IV, 1891); за 1894 г. взяты сведения Государственного дворянского банка. В предисловии к изданию Департамента земледелия указывается на недостаточность добытых данных для точных выводов о ценности земель: «собранный материал гораздо более пригоден для суждения об общем направлении движения цен на землю — о характере изменения их во времени, чем для определения действительной стоимости земель в том или другом районе».— *Примечание документа.*

Благодаря такому повышению капитальной стоимости земель, в руках поместного дворянства оказывается ныне земельный капитал вдвое больше того, каким располагало оно при освобождении крестьян (за выделом крестьянских наделов). Несмотря на то, что с того времени дворянское землевладение уменьшилось с 79 до $55^1/_2$ млн. дес., ценность дворянских земель возросла с $1^1/_4$ до $2^1/_2$ млрд. руб. (не считая стоимости построек и инвентаря). Таким образом, оказывается, что со времени освобождения крестьян наше поместное дворянство:

а) получило денежную стоимость одной четверти своих земель (свыше 20 млн. десятин), отчужденных в руки прочих сословий по ценам, значительно возросшим против начала 60-х годов;

б) из оставшихся за сим в распоряжении дворянства трех четвертей прежнего земельного фонда ($55^1/_2$ млн. дес.) выбрало, путем залога двух пятых (42%) площади своих земель, денежную сумму (около 650 млн. руб.), весьма значительно превышающую прежнюю стоимость заложенных земель (по средней оценке — около 375 млн. руб.);

в) в настоящее время владеет в заложенных имениях значительною капитальною разницей между нынешней стоимостью этих земель и выданными под них ссудами;

г) наконец, в остальных трех пятых (58%) своего нынешнего земельного фонда, свободных вовсе от залога, владеет полностью всею возросшею капитальною стоимостью земель.

Этот прирост капитальной стоимости дворянских имений, несомненно, явился последствием общего подъема экономических сил страны, исходным пунктом которого послужила освободительная реформа 19 февраля 1861 г. И если последняя, как указывают составители записки, породила затруднительное положение дворянского землевладения, то она же, таким образом, послужила и коренной причиной увеличения капитальной стоимости дворянских поместий. Обстоятельство это не следовало бы упускать из виду при оценке всех последствий крестьянской реформы.

Представляется ли затруднительное положение дворян-землевладельцев всеобщим, повсеместным явлением?

Усматривая причины нынешнего затруднительного положения поместного дворянства в правительственных мероприятиях, сопровождавших освобождение крестьян, засим во всей финансово-экономической политике, усвоенной правительством в последующее время, и, наконец, в явлении мирового характера, каковым представляется падение хлебных цен,— составители записки вовсе не останавливаются на доказательствах самого факта повсеместности и всеобщности «затруднительного положения дворян-землевладельцев». Представляется вполне понятным, что действие столь общих причин, распространявших свое влияние на всю сферу экономических интересов нашего поместного класса, неминуемо должно было породить повсюду однообразную картину экономического упадка поместного дворянства. Соответственно с сим во вступительной главе составители записки говорят об «ударе, нанесенном дворянскому землевладению и в корень его пошатнувшем», о «причинах, придавивших своею совокупною тяжестью сельское хозяйство и расшатавших пошатнувшееся землевладение», о переходе «затруднительного положения в нестерпимое» и о появлении «на близком уже расстоянии разорения среднего и крупного землевладения», о прогрессировании «разорительного процесса,... увеличивающего земельную задолженность,... делающего всех неоплатными должниками перед государством», о «ежеминутной борьбе и извлекании всякого рубля в доходе, недостающем для покрытия расходов», о «необеспеченности средств для покрытия срочных банковских платежей», об «угнетении сельского хозяйства и проистекающем отсюда расстройстве и убыли землевладения» и т. д.,— словом, по-видимому, для составителей записки повсеместно однообразно тяжкое, почти безысходное положение поместного дворянства представляется не подлежащим сомнению.

Однако при ближайшем рассмотрении некоторых признаков хозяйственного поло-

жения дворянского землевладения обнаруживаются факты, дающие основание усумниться в точности вышеприведенной характеристики, по крайней мере в столь общей ее форме.

а. Останавливаясь, прежде всего, на явлении *мобилизации дворянской недвижимости,* нельзя не усмотреть уже в самой пестроте картины этого процесса значительного несоответствия с предположениями записки об однородности и всеобщности причин, породивших дворянское оскудение. В действительности процесс убыли дворянского землевладения, за 35 лет с освобождения крестьян, совершался весьма неравномерно по различным областям и даже губерниям — под влиянием разнородности местных бытовых и хозяйственных условий.

Быстро исчезают дворянские имения в местности, бывшей некогда средоточием дворянских вотчин и поместий — в губерниях: Московской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Калужской, а также в четырех лесных губерниях: Новгородской, Псковской, Олонецкой и Вологодской. Дворянское землевладение сократилось за последние 35 лет почти наполовину (48%) в примосковских губерниях, на 60% — в лесных губерниях Новгородской и Псковской, и еще более в Вологодской и Олонецкой: в первой отчуждено дворянами 71%, а в Олонецкой — 84% земель, принадлежавших им при освобождении крестьян (за вычетом крестьянских наделов).

Быстрое сокращение площади дворянского землевладения в примосковских губерниях началось вслед за освобождением крестьян главным образом потому, что в крепостное время большинство помещиков этих губерний мало занималось сельским хозяйством, ограничиваясь получением оброков от крепостных крестьян. С переходом крестьян на выкуп, помещикам приходилось или заводить самостоятельное хозяйство на землях, оставшихся в их распоряжении за наделом крестьян,— к чему нередко не оказывалось у помещиков достаточной подготовленности,— или же сдавать землю в наем крестьянам, среди которых в первые 12—15 лет было немного охотников арендовать малоплодородные земли этих губерний. Еще менее оказалось с руки помещикам вести лесное хозяйство в Новгородской, Псковской, Олонецкой и Вологодской губерниях, и лесопромышленники стали быстро заменять прежних владельцев оброчных душ. В настоящее время принадлежит потомственным дворянам в примосковских губерниях около $^1/_6$ части всей площади каждой из них, а в губерниях Вологодской, Олонецкой и Вятской, где дворянских имений и прежде было немного, теперь дворянское землевладение дошло до совершенно ничтожных размеров: оно составляет 0,5% площади Олонецкой губернии и около 1% площади Вологодской и Вятской губерний.

Почти с такою же быстротою уменьшается дворянское землевладение в некоторых губерниях черноземного Поволжья (губернии Казанская и Самарская) и в Новороссийском крае (губернии Екатеринославская, Таврическая и Херсонская).

В Казанской губернии дворянам принадлежало в 1861 г., за наделом крестьян, 13% всей площади, теперь же осталось лишь около 7%.

Слабость дворянского землевладения в этой губернии объясняется главным образом крайнею задолженностью его как при освобождении крестьян, так и теперь: в 1861 г. состояло в залоге 85% помещичьих крестьян, а к 1895 г. было заложено 70% площади дворянских имений губернии. Вообще и тогда и теперь дворянство Казанской губернии было обременено долгами в кредитных установлениях более, чем в какой-либо из остальных губерний.

В Самарской губернии значительная часть дворянского землевладения состояла из земель, высочайше пожалованных в средине настоящего века в воздаяние государственных заслуг. Правильное хозяйство не было устроено новыми владельцами на пожалованных участках, и под влиянием неурожаев 70-х годов большинство владельцев, не успев войти в состав поместного дворянства, реализовало ценность земель. Теперь в Самарской губернии имения дворян занимают только десятую часть площади губернии.

В Новороссийском крае общий спекулятивный ход местной экономической

жизни коснулся и дворянского землевладения. Постоянный, местами поразительный рост цен на землю, иногда вовсе не оправдываемый величиною дохода, получаемого владельцами, был вполне достаточным поводом к продаже ими земель, особенно ввиду крупных прибылей, доставляемых местною, быстро развивающеюся промышленностью. В результате землевладение дворян в трех губерниях, составляющих Новороссийский край, уменьшилось за 35 лет почти наполовину [1].

Более устойчивым оказывается дворянское землевладение в восьми черноземных губерниях средней части России — в губерниях Полтавской, Курской, Орловской Тульской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Здесь дворянские земли занимают теперь третью часть площади в Полтавской и Тульской губерниях и около четвертой части в остальных. Убыль идет сравнительно медленно: в среднем за 35 лет убывало дворянских земель от 0,5% по Воронежской, Полтавской и Тульской губерниям до 0,7% — по Орловской и Симбирской губерниям [2].

В западных губерниях поместное дворянство с преобладающей польской национальностью владело при освобождении крестьян и владеет ныне гораздо большею площадью земель, нежели в какой-либо из великорусских губерний: дворянам принадлежит более половины площади Минской губернии (52%), почти столько же в Ковенской (48%), более $^2/_5$ площади в Могилевской, Виленской, Волынской и более трети в Гродненской, Витебской, Киевской и Подольской губерниях (от 36 до 39%) [3]. Убыль дворянских земель совершается в большинстве губерний Западного края медленнее, нежели в великорусских губерниях, сходных по почвенным условиям, например в Витебской и Могилевской губерниях медленнее, нежели в Смоленской, в Киевской медленнее, нежели в Черниговской и Полтавской. Однако во всех лесистых местностях края (в Пинском полесье и в губерниях Витебской и Могилевской) много дворянских имений перешло и продолжает переходить к лицам других сословий, как и в остальных лесистых губерниях Европейской России; в среднем за 35 лет здесь убывало ежегодно около 1% дворянских земель. Наиболее устойчиво дворянское землевладение в губерниях литовских — Ковенской и Виленской, и в двух юго-западных — Киевской и Подольской: за весь 35-летний период дворянское сословие утратило здесь от 9% площади (в Ковенской губернии) до 14,5% (в Виленской).

Вообще в Западном крае дворянское землевладение, несмотря на большую задолженность, держится более крепко, вероятно, благодаря следующим особенностям. В поместном дворянстве этого края нет привычки, укоренившейся в значительной части великорусского дворянства за первую половину текущего столетия, оставлять хозяйство в течение большей части года на попечение наемных управителей или надсмотрщиков; помещики польского происхождения менее отвлекаются государственной и общественной службой от своего хозяйства, к которому относятся с большим вниманием и нередко с большим умением. Отчасти вследствие этого выработался в крае не существующий в великорусских губерниях тип толковых должностных лиц при экономиях, начиная с управляющих, десятников и кончая дисциплинированными рабочими. Затем, в этом крае развита, взамен истощающей почву системы погодной сдачи земель, обычной в великорусских губерниях, система долгосрочной аренды более или менее крупных участков, с обязательным удобрением земли арендатором. Наконец, многие имения Западного края представляют разнообразные источники дохода, а не ограничиваются одним лишь полевым хозяйством. Там уже давно местное дворянство нашло возможным перейти к некоторым отраслям промышленной деятельности, позволяющим ставить на рынок не сырые произведения, а лучше оплачиваемые продукты заводского или фабричного производств: винокурен, паровых

---

[1] Однако и теперь дворянское землевладение составляет все еще 17% площади Таврической губернии и 26% Екатеринославской губернии.— *Примечание документа.*

[2] За последние 20 лет убыль несколько ускорялась, однако она нигде не превысила 1% в год.— *Примечание документа.*

[3] Несколько подходят к этой относительной величине дворянского землевладения только губернии Тульская и Полтавская (около $^1/_3$ площади губернии).— *Примечание документа.*

мельниц, лесопилок, сыроварен, в Гродненской губернии даже суконных фабрик, в юго-западных губерниях свекло-сахарных заводов. Крупным источником дохода служат также во многих местностях лесные угодья, дающие хотя и медленный, но более верный доход, нежели поля. Совокупностью этих условий, нужно думать, и обеспечивается сравнительная устойчивость дворянского землевладения в Западном крае.

б. Обращаясь к вопросу о *задолженности дворянского землевладения*, надлежит прежде всего указать на то чрезвычайно важное обстоятельство, что *в настоящее время около 3/5 (58%) площади всех дворянских земель Европейской России свободно от всякого долга ипотечным учреждениям*[1], *тогда как в 1861 г. состояло в залоге 70% общего числа крепостных крестьян.* Но эта незаложенная часть дворянского землевладения распределяется весьма неодинаково по различным местностям.

Во всей северной части России (начиная от Пермской губернии до Минской), а также в губерниях Черниговской, Таврической и Астраханской свободно от залога более 3/5 площади дворянских земель (свыше 61%).

Около половины дворянских земель не обременено ипотечными долгами в семи черноземных губерниях (Самарской, Воронежской, Волынской, Полтавской, Курской, Рязанской и Нижегородской), а также в Гродненской, Смоленской и С.-Петербургской.

Из остальных 15 губерний, почти исключительно черноземных, в 12 губерниях свободные от долгов дворянские земли составляют все еще от 37 до 45% общей площади дворянских земель, и только в трех восточных губерниях — Саратовской, Пензенской и Казанской осталось свободною от долгов не более третьей части дворянских земель, а именно: в Саратовской — 33%, в Пензенской — 30%, в Казанской же только 10% площади дворянских земель.

Таким образом, повсеместно оказывается значительная часть дворянского землевладения, совершенно не подпавшая под бремя ипотечной задолженности. Едва ли эта часть поместного дворянства находится в том затруднительном положении, о котором говорят составители записки.

в. Однако было бы весьма ошибочно признавать и всю задолженную часть дворянского землевладения одинаково маломощною хозяйственною группою, ибо *степень использования ипотечного кредита оказывается далеко не одинаковой.*

Из общего числа имений, заложенных в Государственном дворянском банке к 1 ноября 1896 г. (12 865 имений без Донской области и Бессарабии), более третьей части (4532 имения) заложено по нормальной оценке, т. е. в размере, в большинстве случаев едва ли обременительном для владельцев этих имений. Остальные 8333 имения заложены по оценке специальной, т. е. в общем более высокой. Однако из них только 373 имения, т. е. только 2,8% общего числа заложенных имений, несомненно, подавлены ипотечным долгом, так как задолженность их превышает 75% оценки имения.

По нормальной оценке заложено всего более имений в местностях черноземных — около 2/5 всего числа заложенных имений в этих губерниях. В некоторых из этих губерний даже более половины владельцев заложенных имений не пошли далее ссуды по нормальной оценке: это губернии Тамбовская, Воронежская, Пензенская и Рязанская (от 58 до 63% имений). Затем в губерниях Орловской, Курской и Тульской все еще много имений, заложенных по нормальной оценке (в Орловской — 48%, Курской — 43%, Тульской — 42%). Все это преимущественно имения среднего размера.

В губерниях промышленных и северо-западных ссуды по нормальным оценкам редки: они составляют здесь в среднем не более 15% всех ссуд.

---

[1] О частных закладных по имениям, свободным от долгов ипотечным кредитным учреждениям, сведений не имеется. Если такие долги и существуют, то разве на ничтожную сумму, ввиду возможности всегда воспользоваться более дешевым кредитом из ипотечных учреждений.— *Примечание документа.*

Наконец, вовсе не было ссуд по нормальной оценке в губерниях северных-лесных и приуральских.

Переходя к тем 373 имениям, задолженность которых превышает 75% оценки, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что почти половина их (именно 174 имения) находится в тех же губерниях, где много имений заложено по нормальной оценке. В Тамбовской губернии имеется 30 владельцев с задолженностью свыше 75% оценки, в Курской — 39, в Казанской — 28; в губерниях Воронежской, Пензенской, Орловской, Тульской и Рязанской по 20—22 имения в каждой; в губерниях Харьковской, Полтавской, Саратовской, Симбирской и Волынской по 13—18 имений. В остальных губерниях число имений с такою задолженностью невелико, а в Ярославской, Смоленской и Виленской их вовсе нет.

Таким образом, рядом с владельцами, для которых потребовался чрезвычайный кредит (средний размер этих имений 1500 десятин), большинство владельцев могло ограничиться весьма умеренными ссудами.

г. Засим и рассмотрение *недоимочности дворянского землевладения по ипотечному долгу* отнюдь не обнаруживает всеобщности указываемого в записке явления «необеспеченности средств для покрытия срочных банковских платежей». По данным о недоимочности заемщиков Государственного дворянского банка, за всеми льготами и отсрочками, коими они уже воспользовались, оказывается, что, при средней недоимочности около годового оклада платежа (101%), разница в размере недоимок весьма значительна по различным местностям. Не превышая 39% оклада в Киевской губернии (54% по всем трем юго-западным губерниям), недоимка быстро увеличивается особенно в северо-восточном направлении. Между центральными и восточными губерниями черноземной полосы, начиная с Курской, нет ни одной, где недоимка была бы ниже годового оклада: наименьшая в Тульской губернии — 103%, в Курской — 164%, в Симбирской — 180%, в Казанской — 185%, в Пензенской — 217%, и, наконец, в Пермской (где, впрочем, состоит в залоге незначительное число имений) — пять годовых платежей (506%). Во многих из этих губерний накопление огромных недоимок едва ли можно объяснить местными хозяйственными условиями, а скорее должно быть отнесено на счет причин более частного характера. Оказывается, например, что при недоимке более чем в два годовых платежа по Пензенской губернии, в смежной и однородной в хозяйственном отношении губернии Саратовской недоимка почти вдвое меньше (132%) [1]; в Курской недоимка 164%, тогда как в Харьковской только 76%.

Значительно менее накопилось недоимок в северо-западном крае, что объясняется вышеуказанными особенностями хозяйственного склада тамошнего дворянского землевладения; по группе северо-западных губерний недоимка составляет в среднем около половины годового платежа.

В остальных нечерноземных губерниях недоимка нигде не достигает размера годового платежа [2].

д. Наконец, надлежит отметить еще одно явление, весьма резко расходящееся с исходной мыслью записки о всеобщем обеднении поместного дворянства. Это именно факт *регулярного приобретения земель лицами дворянского сословия.*

Наряду с дворянами, продающими землю, постоянно оказывается значительная часть дворян, покупающих землю и тем восполняющих в той или иной степени убыль дворянского землевладения. По данным исследования о движении поземельной собственности в России за 1892—1895 гг. оказывается, что за этот период времени в 44 губерниях Европейской России дворянством было совершено покупок земли на 172 898 000 руб., т. е. ежегодно покупалось на сумму около 43 млн. руб., что даже превышает сумму ежегодных процентов по ипотечной задолженности дворянского

---

[1] Быть может, в зависимости от различия нормальных оценок в этих губерниях.— *Примечание документа.*

[2] К 1 ноября 1896 г. всего состояло в недоимке по Государственному дворянскому банку 20 279 000 руб., из которых около 16 млн. руб. на губерниях черноземных.— *Примечание документа.*

землевладения. Но и покупки эти распределяются не одинаково по отдельным местностям, как это видно из следующей таблицы:

Куплено земли	На сумму ежегодно	Количество десятин	Сколько % убыли дворянской земли возмещалось этою покупкою
В юго-западных губерниях	8180 тыс. руб.	127 тыс.	70%
» северо-западных »	6039 » »	289 »	61%
» центр.-черноземных »	5783 » »	58 »	59%
» черноземн.-степных »	3995 » »	67 »	59%
» приуральских »	859 » »	112 »	66%
» малороссийских »	5449 » »	66 »	50%
» губ. среднего Поволжья	1239 » »	30 »	49%
» северн. озерных губерниях	1584 » »	79 »	49%
» новороссийских »	3628 » »	52 »	47%
» центр. промышл. »	4233 » »	121 »	41%
» северн. лесных »	74 » »	11 »	35%

Если и допустить, что немалая часть имений покупалась с переводом банковского долга на покупщика, т. е. не на наличные деньги полностью, то, тем не менее, из самого факта столь значительных покупок земли дворянами весьма явственно обнаруживается то отрадное явление, что в среде дворянства имеется немало людей, для которых владение землею при настоящих экономических условиях не составляет бремени и которые умеют извлекать из нее достаточный доход. Нужно думать, что эта наиболее жизнедеятельная группа выступает преимущественно из среды тех лиц, которые или совсем не прибегали к ипотечному кредиту, или воспользовались им в умеренной степени, или же, наконец, при высокой задолженности дали ипотечным ссудам производительное назначение в своем хозяйстве и тем существенно повысили доходность своих имений. Здесь происходит, следовательно, весьма естественный процесс внутрисословного перераспределения дворянских земель, перехода их из слабых, неумелых рук в руки сильных, знающих и предприимчивых хозяев, являющихся наиболее ревностными представителями русского передового сельскохозяйственного сословия.

Все вышеизложенное дает основание думать, что нынешнее положение дворянского землевладения представляет далеко не однообразную картину по всей территории Европейской России. Неравномерно по различным областям и даже губерниям идет убыль дворянских земель — переход их в руки других сословий; далеко не одинакова и по объему и по интенсивности степень использования ипотечного кредита; сильно различествует недоимочность по банковым платежам; наконец, наряду с дворянами, отчуждающими землю, выступает хозяйственно-сильная группа дворян, приобретающих ее.

Но если такова в действительности картина, обнаруживаемая при беспристрастном выяснении современного состояния дворянского землевладения, то едва ли ее можно объяснить всецело действием тех общих причин, о которых говорят составители записки. Конечно, и эти причины оказали свое влияние. Крестьянская реформа, лишив дворянство дарового крепостного труда, не могла не пошатнуть старинных устоев помещичьего быта, поставив прежних владельцев в необходимость переходить к новым хозяйственным формам, или даже совершенно вновь заводить хозяйство, если таковое раньше ограничивалось лишь получением оброков. И покровительственная таможенная политика также, конечно, потребовала известных жертв от населения, в том числе и от землевладельцев-дворян, в пользу юной, едва зарождавшейся промышленности. Наконец, и мировое падение цен на хлеб должно было значительно сократить доходы от земли, в особенности если все хозяйство землевладельца ограничивалось одним полеводством. Все эти явления действовали одинаково по всей

территории страны, более или менее равномерно понижая доходность сельскохозяйственного промысла. Но получившееся в результате разнообразие хозяйственного положения поместного дворянства с очевидностью указывает на действие иных, не столь общих, но, быть может, более сильных факторов, обусловливающих судьбы дворянского землевладения.

Если всмотреться попристальнее в географическое распределение убыли дворянских земель, их задолженности, степени использования кредита, недоимочности по платежам, наконец, новых земельных покупок, если ближе всмотреться в эти районы и принять во внимание бытовые и хозяйственные особенности каждого, то нельзя не прийти к весьма существенным выводам по обсуждаемому вопросу.

В худших условиях оказывается дворянское землевладение преимущественно в северной и восточной части России (губернии промышленные, поволжские, северные озерные и северные лесные). Все это губернии в большинстве с малоплодородною почвою, где дворянство до крестьянской реформы жило главным образом оброками, а после реформы устремилось на службу, оставив свои имения на руки управителей, словом, имения, где правильного сельского хозяйства не было и до реформы, и где поэтому в поместном классе не оказалось ни опыта, ни достаточного уменья и знаний для успешного хозяйничанья при новых условиях — более сложных, более напряженных. Напротив, в более благоприятном положении оказываются губернии северо- и юго-западные. Это — или черноземные губернии, или, из нечерноземных, такие, в которых хозяйство достигло сравнительно большей интенсивности. Здесь хозяйство переходило от отца к сыну, была преемственность в передаче опытов и наблюдений; здесь владельцы крепко держались за свою землю, сами вели свое хозяйство и продолжали вести его и после реформы. В некоторых губерниях, рядом с интенсивностью полевой культуры, развилась и подсобная к сельскому хозяйству обрабатывающая промышленность: хозяева получили возможность сбывать сырой, а частью уже обработанный продукт, что не только увеличило их доход, но и сделало для них менее чувствительным обнаружившееся, под влиянием условий мирового хозяйства, повсеместное падение цен на хлеб.

Из сопоставления этих двух противоположных картин выясняются некоторые, быть может, довольно существенные факторы, обусловливающие затруднительное положение дворян-землевладельцев. Быть может, здесь приходится считаться с неприспособленностью тех или иных землевладельцев к сельскому хозяйству; с недостаточным уменьем вести дело, находить новые источники дохода,— главное — с непрочностью связи владельца с землей, отсутствием преемственности в передаче от поколения к поколению постепенно накопляемого опыта и знаний. В некоторых случаях эти причины усугубляются недостатками еще более личного характера: привычкой к широкой жизни, неумением приноровиться к более скромным доходам, словом, всем тем, что заставляет человека жить сверх средств, должать все более и более, рискуя действительно сделаться неоплатным должником или даже вовсе лишиться своего поместья. Напротив, когда обнаруживается поколениями нажитый опыт, хозяйственная выдержка, унаследованная любовь к своему делу, расчетливая предприимчивость, словом, все те качества, которые отличают деятельного, крепкого земле хозяина, тогда действие общих неблагоприятных причин ощущается несравненно слабее, тогда часто не только не отказываются от земли, но покупают ее и находят выгодным и возможным продолжать производительную работу в своих поместьях.

О вредных последствиях акцизной системы для сельскохозяйственного винокурения [4]

Вторая часть вступительной главы записки заключает в себе целый ряд общих суждений по разного рода финансово-экономическим вопросам, более подробно развитым в дальнейших главах записки. Посему касаться их здесь было бы преждевременно. Лишь один вопрос, именно о вредных последствиях акцизной системы для

сельскохозяйственного винокурения, остался незатронутым в дальнейшем изложении записки, и потому на суждениях составителей записки по этому предмету надлежит остановиться. «Акцизная система,— говорится в записке,— явно покровительствовала крупному коммерческому винокурению перед сельскохозяйственным. Правительство понуждало в эпоху дорогого кредита всех кредитоспособных заводчиков перестраивать свои заводы, мелкие же сельскохозяйственные поневоле уступили свою деятельность крупным, купеческим заводам, устроенным в значительном количестве случаев по городам и имеющим мало общего с сельским хозяйством».

При обсуждении этого предмета нельзя, прежде всего, упускать из виду, что установление акцизной системы, заменившей собою действовавшую до 1863 г. откупную систему, логически вытекало из общего направления законодательства, обнаружившегося в начале 60-х годов. Наряду с освобождением крестьян от крепостной зависимости, предоставлением земствам и городам прав самоуправления, введением нового порядка судопроизводства и прочими реформами того времени, было бы непоследовательно оставлять неприкосновенной систему взимания питейных сборов в форме откупа, растлевающее влияние коего на все классы населения было признаваемо всеми как факт, не подлежащий сомнению.

В непосредственной связи с отменою откупной системы законодательство начала 60-х годов, озабочиваясь устранением всякого рода стеснений к развитию отечественной промышленности, изъяло винокуренную промышленность из сферы сословных привилегий дворянства, предоставив возможность заниматься винокурением всем лицам, приобревшим право на заводскую и фабричную деятельность. В видах же развития винокуренной промышленности акцизная система задалась целью предоставить некоторые льготы винокурению, основанному на началах наилучшей утилизации припасов. Так, весь перекур, т. е. излишек спирта против определенной в законе нормы выхода спирта, был предоставлен в даровое пользование заводчику, и потому последний был прямо заинтересован в устройстве лучшего перегонного аппарата и в найме опытного винокура для получения возможно больших выходов спирта.

Можно было ожидать, что в начале действия акцизной системы дворянство, имевшее уже за собою продолжительный опыт винокурения при откупах и располагавшее в то время некоторыми средствами в виде выкупных ссуд, воспользуется возможностью поставить помещичье винокурение на рациональные основания и тем оградить винокуренную промышленность от вторжения в нее лиц других сословий, до тех пор вполне чуждых этому виду промышленности. К сожалению, ожиданиям этим не суждено было вполне оправдаться. Помещичье винокурение, стоявшее при откупах на самой низкой ступени развития, довольствовавшееся самым примитивным техническим устройством при даровом труде крепостных, обеспеченное сбытом спирта в казну для надобностей откупа, при введении акцизной системы не успело примениться к требованиям нового порядка вещей. Коммерческое же винокурение, оценив выгоды технических усовершенствований, приложило все усилия к улучшению технической стороны дела и, пользуясь вследствие того большими перекурами, действительно угнетало местное помещичье винокурение, приступившее к переустройству своих заводов уже в то время, когда выкупные ссуды были израсходованы на другие надобности и приходилось обращаться к «дорогому кредиту». Участь помещичьего винокурения не представляет, однако, особенно существенных отличий от судьбы многих других промышленных статей дореформенного помещичьего хозяйства. Свечные и салотопенные заводы, суконные и ковровые фабрики и тому подобные заведения, существовавшие в дворянских поместьях при крепостном праве, точно так же в своей хозяйственной основе покоились на даровом труде рабочих, возмещавшем невыгоды технической отсталости производств, и точно так же не применились к новым хозяйственным условиям и к более деятельной конкуренции со стороны нарождавшегося промышленного класса населения.

Переходя засим к ближайшему рассмотрению вопроса об угнетении мелких сельскохозяйственных заводов крупными коммерческими, необходимо пояснить, что

в этом отношении различные местности империи представляли не одинаковую картину. До введения акцизной системы «мелкое» сельскохозяйственное винокурение существовало лишь в губерниях так называемых привилегированных, т. е. в белорусских, малороссийских, новороссийских и южных, где откупов, за исключением больших городов, не существовало. В этих губерниях, при существовавшей там свободной торговле вином, небольшом акцизном обложении и почти полном отсутствии надзора за производством винокурения, это последнее развилось до чрезвычайных размеров: в редком из имений не существовало мелкого винокуренного завода (броварни), перекуривавшего на аппарате самого примитивного устройства свой запас хлебов и картофеля. Эти заводики, число коих достигало в названных губерниях в 1860 г. цифры 4437, являлись, несомненно, важным подспорьем для земледелия. Скудость почвы, особенно в губерниях северо-западных и прибалтийских, не давала возможности вести хозяйство без обильного удобрения, т. е. без содержания большого количества скота. Винокуренный завод и получаемая с него барда являлись единственным средством пропитания как своего, так и чужого откармливаемого бардою скота.

Тот же характер, но в гораздо более скромных размерах, представляло помещичье винокурение в губерниях великороссийских со скудною почвою, а именно в губерниях С.-Петербургской, Псковской, Новгородской, Смоленской, Тверской и других, где винокуренные заводы, будучи далеко не столь многочисленными, как в губерниях бывших привилегированных, тем не менее являлись важным средством для содержания скота, т. е. удобрения почвы.

В губерниях же центральных, где именно было развито помещичье винокурение в крупных размерах, заводы не имели большой связи с сельским хозяйством, ибо при плодородии черноземной почвы не встречалось надобности в каких-либо землеудобрительных туках.

Таким образом, если в губерниях бывших привилегированных и тех из великороссийских, где скудная почва требует удобрения, уменьшение числа мелких винокуренных заводов действительно могло нанести ущерб сельскому хозяйству, то в губерниях черноземной полосы, где винокурение производилось на заводах крупных и тесной связи с сельским хозяйством не имевших, сокращение числа этих заводов не могло оказать существенного влияния на состояние земледельческой промышленности.

Обращаясь затем к выяснению причин, вызвавших сокращение числа мелких винокуренных заводов при действии акцизной системы, нельзя не признать, что если система эта и была ближайшей причиной закрытия множества мелких винокуренных заводов, то это могло иметь место исключительно в губерниях бывших привилегированных. Как выше сказано, винокурение в этих губерниях развивалось на почве полной бесконтрольности производства в связи с свободною торговлею хлебным вином. Само собою разумеется, что введение акцизной системы с высоким акцизом, строгою регламентацией производства и неослабным надзором со стороны акцизного ведомства, повлияло на сокращение числа мелких заводов,— особенно с того времени, когда путем постоянного преследования злоупотреблений, практиковавшихся на заводах, состоявших в негласной аренде у евреев, акцизному надзору удалось устранить от винокуренной промышленности многочисленный класс лиц, промышлявших арендою винокуренных заводов почти исключительно для производства на них злоупотреблений по утайке спирта от оплаты акцизом. И так как в губерниях западных, малороссийских и южных винокурение до введения акцизной системы всегда производилось при участии евреев, в руках коих была сосредоточена вся питейная торговля, то по устранению их от негласной аренды заводов, винокурение сохранилось лишь на тех относительно немногих заводах, где владельцы решались курить спирт за свой риск и страх. Число таких заводов в губерниях бывших привилегированных впоследствии стало возрастать и в некоторых губерниях, например в Минской, достигло весьма значительной цифры.

Совершенно в ином виде представляется ход винокуренной промышленности в

губерниях великороссийских, которые преимущественно и имеются в виду составителями записки. Как объяснено выше, мелкое сельскохозяйственное винокурение существовало здесь лишь в тех губерниях, в которых скудость почвы требовала усиленного содержания скота. Но и в этих губерниях число винокуренных заводов при откупной системе не было особенно значительно, не превышая 20—30 заводов на губернию [1], тогда как в западных губерниях число мелких броварен было значительно больше, в Ковенской, например, губернии более 400. В губерниях же черноземного района винокуренных заводов было больше, и винокурение на них достигало весьма внушительных размеров, но имело мало непосредственной связи с сельским хозяйством. Так, в губернии Пензенской, занимавшей первое место по винокурению при откупной системе, из 70 действовавших в 1860 г. заводов 54 выкуривали более 100 тысяч ведер на каждом; в губернии Саратовской из 67 заводов 33 принадлежали к числу крупных; в Воронежской губернии из 66 заводов 34 также выкуривали каждый более 100 тысяч ведер в год. В губерниях Тамбовской (42 завода), Орловской (33 завода) и Рязанской (30 заводов) большая половина заводов принадлежала к категории крупных, выкуривающих более 100 тысяч ведер в год. Вообще в девяти губерниях средней черноземной полосы, выкуривавших во время откупов более половины всей выкурки по всем 26 великороссийским губерниям, винокурение отнюдь не имело характера сельскохозяйственного. Со введением акцизной системы винокуренная промышленность в великороссийских губерниях начала быстро развиваться. Так, вместо 702 заводов, действовавших в винокуренный период 1862—63 гг., в следующем же периоде 1863—64 гг. было уже 1019 заводов. Но затем число заводов стало сокращаться и к 1890—91 гг. опустилось до 463; обнаружилось стремление к концентрации производства на более крупных заводах.

Концентрация винокурения, помимо системы безакцизных перекуров, влиявших на большую прибыльность крупных, хорошо оборудованных в техническом отношении заводов, явилась последствием стремления к концентрации, наблюдаемого во всех вообще отраслях промышленности. Могущественное влияние капитала, дающего возможность предпринимателю путем приобретения лучших технических приспособлений и более выгодной закупки материала крупными партиями, удешевить производство и тем отнять у более слабого капиталом конкурента рынок сбыта, отразилось на винокуренной промышленности, быть может, еще в меньшей степени, нежели на остальных производствах. Если из поместной среды и раздаются сетования на вторжение купеческого элемента в винокуренную промышленность, то давление этого элемента обнаруживается, главным образом, не в конкуренции собственно по винокурению, а в том угнетении, какое торговое сословие, по всей вероятности, оказывает на заводчиков в качестве посреднического элемента между производителями спирта и его потребителями. Вся торговля хлебным вином, как оптовая, так, главным образом, и раздробительная, до введения в немногих пока еще губерниях казенной продажи питей, находилась в руках купцов, которые, являясь единственными скупщиками спирта, держали цены на него в своих руках и, вероятно, угнетали иногда производителей спирта. Хотя в статистике по винокурению не имеется сведений о принадлежности винокуренных заводчиков к тому или иному сословию, но сведения о том, сколько заводов пользуются безакцизным сельскохозяйственным отчислением (в 1895 г. 1888 заводов), показывают, что в губерниях Европейской России с лишком 90% всех винокуренных заводов находятся в имениях и имеют непосредственную связь с сельским хозяйством. Следовательно, не в этой стороне дела обнаруживается утеснительное действие купеческого элемента.

Что касается, наконец, нареканий на акцизную систему, давшую, будто бы, повод к перенесению заводов из имений в города, то к нареканиям этим едва ли имеется достаточное основание. По сведениям 1888 г. в Европейской России существовало

---

[1] Только в двух губерниях — С.-Петербургской и Смоленской, ввиду близости привилегированных губерний, число мелких заводов было больше, а именно: в первой — 39 и во второй — 53.— *Примечание документа.*

104 завода, устроенных в городах. Но если исключить из этой цифры 12 дрожжево-винокуренных заводов, устроенных в больших торговых центрах вроде Москвы, Риги, Ревеля, Курска, Киева и др., то из числа остальных 92 заводов 7 приходятся на губернии северные и 18 на губернии восточные, где помещичьего винокурения, за полным почти отсутствием там дворянского землевладения, вовсе не существовало. Затем 42 городских завода действуют в губерниях еврейской оседлости, и возникновение их объясняется воспрещением евреям покупать и арендовать недвижимую собственность вне городов, т. е. мероприятием, не имеющим ничего общего с акцизною системою. Тем не менее во внимание к интересам сельского хозяйства уже с 1890 г. открытие вновь винокуренных заводов в городах воспрещено, равно как воспрещено и образование акционерных компаний для учреждения винокуренных заводов.

Вообще в настоящее время сетования на искусственное угнетение мелкого винокурения в пользу крупного скорее должны быть отнесены к области преданий. Безакцизный перекур, дававший неистощимый материал для жалоб на привилегированное положение крупного винокурения, отменен уже законом 4 июня 1890 г., и поощрение винокуренной промышленности выразилось в этом законе в форме безакцизного отчисления в пользу заводов, имеющих непосредственную связь с сельским хозяйством, причем отчисление установлено в размерах, обратно пропорциональных объему производства. Заводы же промышленные, не стоящие в связи с земледелием, отчислением по выкурке вовсе теперь не пользуются. Изменение в системе безакцизных отчислений дало сильный толчок к открытию новых винокуренных заводов, но случившийся в 1890 и 1891 гг. недород хлебов и вздорожание вследствие того материалов винокурения, а также распространившиеся вслед за сим слухи о введении казенной продажи питей удержали многих помещиков от постройки заводов. Ныне, при низких ценах на хлебные припасы и по ознакомлении общества с основаниями предпринятой реформы продажи питей, обнаруживается весьма сильное стремление помещиков к устройству новых заводов: приходится даже умерять эти стремления из опасения перепроизводства, уже обнаружившегося в возрастании ежегодных остатков спирта...[1].

О железнодорожных тарифах на хлебные грузы

Вопросу о железнодорожных тарифах посвящена часть вступительной главы записки и, кроме того, особая специальная глава. Приводимые в записке возражения против действующей системы тарифов сводятся к указанию, во-первых, на их чрезмерную высоту и, во-вторых, на слишком далекое проведение принципа дифференциации (уменьшение тарифной ставки по мере удлинения пробега).

а. Первое возражение составителей записки сводится к следующим основным положениям. Вследствие дороговизны постройки первых наших железных дорог, сооруженных по концессионной системе, тарифы, по необходимости, установлены были в высоком размере, что не могло быть благоприятно для сельского хозяйства. Но и вмешательство Министерства финансов в тарифное дело также не принесло пользы земледелию: и нынешние тарифы должны быть признаны высокими, а в годы низких цен на хлеб — даже убыточными. Эта высота тарифных ставок зависит от роли, которую играют железнодорожные тарифы в государственном бюджете, составляя для него крупную статью дохода. По мнению составителей записки, было бы целесообразнее, в интересах нашего сельского хозяйства, на преуспевании которого зиждутся и интересы казны, рассматривать хлебные тарифы не как доходный источник, а как самое могущественное в руках правительства орудие борьбы на международном

---

[1] Далее в «Замечаниях» следует раздел «О низких ценах на хлеб». Ему в записке предводителей дворянства соответствовала глава, содержавшая «критический разбор воззрений министра финансов по этому предмету». Этот «разбор» Витте рассматривает как «ряд прискорбных недоразумений». Давая разъяснения по этому поводу, «Замечания» не содержат никакого анализа на движение хлебных цен и причины изменения их, ни влияния их на помещичьи хозяйства. Поэтому раздел в публикации не приводится.

хлебном рынке, и в этом смысле,— как самый сильный и действительный регулятор основной производительности и экономического благосостояния русского народа.

Обращаясь к рассмотрению приведенных соображений, следует прежде всего признать, что постройка первоначальной сети наших железных дорог действительно обошлась гораздо дороже того, во что обходятся железные дороги в настоящее время. Причины этого заключались в новизне дела, в незначительном в то время развитии технических усовершенствований, в недостатке опытных и дешевых техников, отчасти же, быть может, и в самом способе постройки железных дорог при посредстве концессий и подрядов. Несомненно, что если бы все наши железные дороги были построены в последние годы, то они стоили бы гораздо дешевле; однако едва ли можно ставить это обстоятельство кому-либо в вину. Что же касается до мнения, будто вследствие дороговизны постройки первых железных дорог наши железнодорожные тарифы с самого начала установились в чрезвычайно высоком размере, то таковое заключение совершенно не соответствует действительным фактам.

Правительство с самого начала сооружения железных дорог принимало меры к тому, чтобы провозные платы не устанавливались в произвольно высоких размерах. С этой целью во всех уставах дорог были указываемы предельные тарифы, переходить кои дорога не имела права. Эти предельные тарифы устанавливаемы были в размерах, соответствовавших нормам, существовавшим тогда в западноевропейских странах. И нормы эти были гораздо ниже стоимости гужевой перевозки, т. е. тех издержек, какие приходилось нести всем, а в том числе и землевладельцам, до постройки у нас железных дорог. При дальнейшем развитии сети приходилось считаться с конкуренцией водных путей сообщения, что заставляло значительно понижать платы за провоз по железным дорогам. Наконец, взаимная конкуренция между отдельными железнодорожными линиями и стремление развить перевозки посредством удешевления провоза повлекли за собой целый ряд новых понижений тарифов, причем особенному понижению подверглись тарифы по перевозке дешевейших грузов, в том числе и хлебных, которые всегда играли первенствующую роль в нашем железнодорожном грузовом движении. Таковы были в действительности условия, определявшие у нас уровень железнодорожных тарифов. Если бы тарифы эти устанавливались в прямой зависимости от стоимости сооружения железных дорог, то они должны были бы окупать эксплуатационные расходы и покрывать проценты на затраченный капитал. Между тем, в действительности по громадному большинству наших железнодорожных линий требовались постоянные доплаты от правительства. Так, приплаты казны по капиталам казенных и частных железных дорог составляли:

	В тыс. руб. кредитных
За 1880 г. без казенных дорог	56 500
» 1881 » » » »	49 300
» 1882 » » » »	42 300
» 1883 » » » »	38 700
» 1884 » » » »	37 400
» 1885 » » » »	49 500
» 1886 » » » »	67 700
» 1887 » » » »	52 200
» 1888 г. » » »	42 000
» 1889 » » » »	33 100
» 1890 » » » »	31 600
» 1891 » » » »	33 400
» 1892 » » » »	48 200
» 1893 » » » »	32 800
» 1894 » » » »	26 000
За 15 лет	640 700

Таким образом, за 15 лет правительству пришлось затратить 640 млн. руб. на покрытие недоборов железных дорог; это значит, что 640 млн., собранных общебюджетным порядком со всего населения, было израсходовано на пользу тех лиц, коим

служили в это время железные дороги. На обстоятельство это обращают слишком мало внимания, когда ходатайствуют о понижении железнодорожных тарифов; весьма часто упускают из виду, что дальнейшее понижение тарифных ставок должно повести к новой недовыручке по эксплуатации дорог, а следовательно, и к новым жертвам со стороны той части населения, которая не пользуется железными дорогами. И такие жертвы являются тем более ощутительными, что уже самый факт сооружения той или иной железной дороги ставит данную местность в привилегированное положение по сравнению с другими, остающимися при прежних несовершенных и значительно более дорогих средствах сообщения.

Таким образом, результаты эксплуатации наших железных дорог показывают, что едва ли прежние тарифы можно считать высокими вообще, а в частности, и даже в особенности по отношению к главным грузам — хлебным, на развитие перевозки которых железные дороги всегда обращали особое внимание. И в настоящее время, при средней пудоверстной ставке в $^{1}/_{48}$ коп., тарифы эти отнюдь не могут быть признаны высокими. Это подтверждается, с одной стороны, тем, что при существующих тарифах хлебные перевозки не только не оказываются стесненными, но развиваются более или менее равномерно на всех протяжениях [1], а с другой стороны, это обнаруживатся и по сравнению с тарифами, действующими за границей: не только почти везде в Европе, но и в Северной Америке хлебные тарифы в общем не ниже наших.

Если бы произвести понижение хлебных тарифов до $^{1}/_{100}$ коп. с пуда и версты, о чем ходатайствовал собиравшийся в декабре 1895 г. Всероссийский съезд сельских хозяев, то выручка железных дорог понизилась бы на сумму до 40 млн. руб., из коих 35 млн. упали бы новою тягостью на государственный бюджет. Даже при полной уверенности в полезности такого понижения тарифных ставок, на подобную меру можно было бы решиться не иначе, как по приискании источника для возмещения государственному бюджету столь значительного недобора.

Разделяя взгляд составителей записки на важное значение железных дорог и признавая последние одним из самых могущественных двигателей хозяйственного развития страны, министр финансов всемерно оказывает содействие сооружению новых линий и улучшению существующих. Однако, дабы железнодорожная сеть могла свободно развиваться, необходимо, чтобы доходы железных дорог покрывали расходы по их эксплуатации и платежи по затраченным капиталам. Если же тарифы железных дорог будут устанавливаться в размере для этого недостаточном, то постройка новых дорог неизбежно должна будет прекратиться, ибо каждая новая линия будет возлагать на государственное казначейство все новые и новые тягости. От прекращения же постройки новых путей пострадает само же сельское хозяйство в лице массы хозяев и вообще населения тех районов, которые еще вовсе лишены железных дорог и где приходится подвозить продукты на десятки и даже сотни верст по грунтовым, часто едва проездным дорогам.

б. Второе возражение против действующей системы железнодорожных тарифов составители записки основывают на следующих соображениях:

Принцип дифференциации, т. е. уменьшения тарифной ставки по мере удлинения пробега, выгоден для железных дорог и справедлив по отношению к удаленным от рынков местностям. Но при проведении его должно быть сохраняемо полное соответствие местностей по их ранее существовавшим условиям урожайности, ценности земли, стоимости производства и т. п. Тот же принцип, применяемый далее намеченной цели, создает, путем чрезмерного понижения ставки на дальних расстояниях, внезапные преимущества для отдаленных местностей, вызывает новые предприятия, где их не было, подавляя соперничеством уже давно установившиеся, словом, является «сугубо несправедливым». Такой характер, по мнению совещания, и получил дифференциальный тариф 1893 г., который будто бы нанес всей центральной

[1] Например, одна только перевозка пшеницы для сбыта за границу возросла с 1883 по 1895 г. со 140 до 233 млн. пудов, т. е. на большее количество, чем дает Аргентина.— *Примечание документа.*

России прямой и сильный ущерб, обложив ее новым налогом — ради замены на окраинах исконного скотоводства искусственным земледелием.

По поводу приведенных соображений надлежит прежде всего указать, что вообще ни тариф 1889 г., ни тариф 1893 г., выработанные при деятельном участии представителей сельского хозяйства, не произвели никакой коренной ломки в действовавшей на наших железных дорогах системе хлебных тарифов. Оба тарифа одинаково задавались целью лишь упорядочения и упрощения сложной системы действовавших у нас специальных хлебных тарифов, а последний тариф 1893 г. имел также в виду облегчить сбыт хлебов именно из центральных губерний России. Самый же принцип дифференциации ставок находил у нас применение уже много лет раньше, чем правительство приступило к регулированию тарифного дела. При постройке, например, таких линий, как Моршанско-Сызранская, Оренбургская, Козлово-Ростовская, Саратовская, Царицынская, Орловско-Грязская и прочие линии восточной части России, с самого начала возможно было рассчитывать на привлечение хлебных грузов лишь при условии понижения тарифных ставок до ближайших портов и главнейших внутренних рынков. Если бы не было допущено понижения хлебных тарифов для дальних пробегов, то сооружение целого ряда железных дорог оказалось бы невозможным, и развитие нашей сети могло бы, пожалуй, ограничиться лишь соединением столиц и нескольких важнейших городов, проведением ряда коротких линий в пограничных и портовых областях и, наконец, постройкой некоторых специальных линий для военных и фабрично-промышленных целей. Таким образом, с развитием нашей железнодорожной сети сама собой устанавливалась у нас система дифференциальных тарифов, проводившая принцип понижения ставок с увеличением пробега груза хотя и не везде равномерно и однообразно, но вполне явственно, по крайней мере, для массовых грузов и в особенности для хлебных. При этом следует, однако, указать, что в Европейской России железные дороги никогда не проводились, подобно американским, в мало населенные пустыни с специальною целью замены там бродячего скотоводства более оседлой земледельческой культурой. Если же такая замена с годами постепенно осуществляется и у нас, то происходит она на всех окраинах, как прорезанных железными дорогами, так и обойденных ими.

Тем не менее тариф 1893 г. не предоставил окраинам каких-либо особых льгот в ущерб центральной России; напротив, именно последняя и получила значительные преимущества по сбыту хлебов, в особенности на внутренние потребительные рынки. Чтобы обеспечить внутренние рынки хлебом из центральных местностей, в тарифе 1893 г. были сделаны, по сравнению с тарифом 1889 г., значительные понижения провозных плат для расстояний до 300 верст (вместо 25 коп. с вагона и версты — 18 коп.) и менее значительные для расстояний в 1000, 1500 верст. Благодаря этому новым тарифом существенно облегчен центральному району сбыт хлебов на ближайшие потребительные рынки Орловской, Тульской, Рязанской, Московской, Калужской и Смоленской губерний; а если бы и засим в этом районе оказались излишки, то понижение тарифа для расстояний в 1000—1500 верст открывало для них привислянский рынок.

Что касается окраинных губерний — заволжских и кавказских, то по отношению к ним тариф 1893 г. был построен так, чтобы весь почти хлеб этих губерний искал себе выхода за границу, не угнетая внутренних рынков. Провозные платы от Челябинска и других пунктов восточной окраины исчислены были таким образом, что при средних ценах хлеба на местных рынках и средней цене его в Москве хозяевам окраинных губерний не представлялось никакого расчета отправлять свои продукты на внутренние рынки[1]. Наконец, и по отношению к вывозу хлеба за границу через

[1] Провоз одного пуда хлеба до Москвы стоит, например, от Челябинска $7^1/_2$ коп., а от Моршанска только 13 коп.; от Самары — 19,61 коп., а от Козлова —),40 коп. При средней цене хлеба в Уфимской и Оренбургской губ. около 40 коп. пуд. средней цене в Москве — 70 коп., челябинский хлеб может появляться на московском рынке, очевидно, лишь в случаях исключительного урожая на востоке.— *Примечание документа.*

порты Балтийского моря центральные губернии не были угнетены новым тарифом. Среднее расстояние центральных губерний до балтийских портов составляет 1 200—1 300 верст, а от Заволжья 2 100—2 200 верст. По действующему тарифу плата в первом случае составляет 21,5 коп. с пуда, а во втором — 28,5 коп.; следовательно, разница в 7 коп. ограждает интересы центральных губерний от конкуренции окраин на балтийских портовых рынках.

Статистические данные о перевозках в 1893 и 1894 гг. показывают, что соображения и расчеты, положенные в основание действующих тарифных формул для хлебных грузов, оправдались на практике вполне удовлетворительно. Около двух третей, именно 63% всех перевозок во внутренних сообщениях, приходится на короткие расстояния до 400 верст, т. е. на доставки хлебов к рынкам из ближайших к ним земледельческих районов, тогда как из местностей отдаленных, расположенных на расстоянии 1500 и более верст, перевозится всего 2—3% всех перевозок (от 3 до 6 млн. пудов). В вывозных сообщениях распределение перевозок несколько иное, на расстояния до 1300 верст (т. е. из центральных губерний) приходится 40,5%, а на расстояния до 2200 верст (т. е. из Заволжья) — 7,1% всех перевозок. Из этих данных явствует, что как в отношении сбыта хлебных продуктов на ближайшие внутренние рынки, так и в отношении вывоза к балтийским портам и к западной сухопутной границе за последние годы не обнаруживается какого-либо угнетения центральных губерний окраинами Заволжья и Северного Кавказа.

Таким образом, едва ли можно признать основательными те возражения, которые приводятся составителями записки против действующей ныне системы хлебных тарифов. Тем не менее, министр финансов далек от мысли считать действующие тарифы совершенными и не подлежащими ни в каком случае изменению. Развивающаяся экономическая жизнь, создавая новые условия и новые потребности, несомненно, должна вызывать необходимость периодических пересмотров железнодорожных тарифов. С целью такового пересмотра в октябре истекшего 1896 г. и было созвано при Департаменте железнодорожных дел Особое совещание, в которое были приглашены: все губернские предводители дворянства, с предоставлением им [права] от себя пригласить к участию в совещании до 4 сельских хозяев своей губернии; указанные министром земледелия выдающиеся сельские хозяева всех районов, представители хлебной торговли, мукомольной промышленности, железных дорог, а равно представители подлежащих ведомств и тарифных учреждений. В заседаниях приняло участие 169 лиц, из коих 84 явились представителями сельского хозяйства. Впрочем, интересы различных районов, вследствие неприбытия многих из числа приглашенных предводителей и сельских хозяев, были в нем представлены далеко неравномерно. Так, например, губернии Уфимская, Оренбургская, Пермская, Западная Сибирь и Северный Кавказ вовсе не имели своих представителей, что должно было, конечно, привести к известной односторонности решения, ибо в отношении железнодорожных тарифов интересы сельского хозяйства различных районов не только не совпадают, но очень часто являются даже прямо противоположными.

Большинство участвовавших в Совещании представителей сельского хозяйства остановилось на следующих главных основаниях, которые должны быть приняты для выработки новых хлебных тарифов:

1) должно быть установлено различие между тарифами для вывоза за границу и тарифами для внутреннего передвижения хлеба; с этой целью надлежит действующие вывозные тарифы понизить на 5 коп. с пуда для расстояний в 1000 верст и более; внутренние же тарифы на коротких расстояниях несколько понизить, на более же длинных — повысить;

2) тарифы на муку должны быть установлены в высшем размере, чем на зерно;

3) должны быть понижены взимаемые железными дорогами сверх тарифа дополнительные сборы.

Эти положения, одобренные большинством представителей сельского хозяйства, приняты были, однако, далеко не единогласно, и потому, во всяком случае, не могут почитаться выражением пожеланий всего нашего сельского хозяйства в его целом

Представители же других интересов — торговли, мукомолья, железных дорог — большей частью высказались за сохранение действующих тарифов без всяких существенных в них изменений. Такое же разногласие мнений произошло и в Тарифном комитете, куда был внесен на рассмотрение журнал Совещания, причем большинство членов Комитета признало двойственность тарифов и особенно понижение их для экспорта мерой, не только неспособной достигнуть желаемой цели облегчения сельского хозяйства, но даже до известной степени опасной. Засим дело перенесено было на рассмотрение Совета по тарифным делам, где точно так же не состоялось единогласного решения. В настоящее время, ввиду важности возбужденных вопросов, глубоко затрагивающих экономическую жизнь страны и ввиду происшедших при разрешении их разногласий, вопрос об основаниях, кои должны быть приняты для выработки нового тарифа, согласно высочайшему на сие соизволению, вносится на разрешение Соединенного присутствия Комитета министров и Департамента государственной экономии Государственного совета...[1].

Об удешевлении краткосрочного кредита для сельских хозяев[5])

Глава, посвященная вопросу об удешевлении краткосрочного кредита для сельских хозяев, заключает в себе:

а) общие соображения об условиях, коим должен удовлетворить правильно организованный краткосрочный сельскохозяйственный кредит;

б) критические замечания на принятую у нас систему сельскохозяйственного кредита — соло-вексельного и под залог хлеба, и

в) указания мер, потребных для правильной, с точки зрения Совещания, постановки сельскохозяйственного краткосрочного кредита.

а. Общие соображения об условиях, коим должен удовлетворять правильно организованный краткосрочный сельскохозяйственный кредит, формулированы в записке следующим образом: «Сельскохозяйственный, как и всякий другой кредит, должен — как размерами роста, так и временем оборота — соответствовать условиям того предприятия, которое призван поддерживать. На этом основании сельскохозяйственный кредит должен быть самый дешевый (так как нормальная земельная рента всегда ниже процентов с капитала), и оборот его должен быть рассчитан не менее как на 15 месяцев».

Высказанное в такой форме общее суждение об условиях, коим должна удовлетворять организация всякого вообще кредита, едва ли правильно в самом своем существе. Ни одно кредитное учреждение не может организовать своих ссудных операций по соображению единственно с потребностью в кредите тех или иных категорий заемщиков, но должно, прежде всего, соображаться с имеющимся у него запасом наличных средств, ибо только в том случае, если бы средства сии были безграничны, можно было бы произвольно доставлять всем желающим широкий и дешевый кредит. Останавливаясь, в частности, на суждениях о размере роста, нельзя не заметить, что высказанное в записке пожелание можно было бы признать безусловно уважительным в том единственном случае, если бы речь шла об организации кредита не на общих коммерческих основаниях, а на условиях одностороннего удовлетворения потребности тех или иных групп в льготном кредите. Коммерческий ссудный капитал требует себе оплаты средним рыночным процентом, не входя в рассмотрение

[1] Далее следует раздел «О хлебной инспекции и об элеваторах», который представляет собой небольшие, в значительной мере технические стороны двух вопросов — об отсталости русской хлебной торговли и слабости ее позиций на внешних рынках и о противоречиях между помещиками и торговым капиталом, занятым в хлебной торговле. Поскольку и записка предводителей дворянства и «Замечания» рассматривают лишь эти второстепенные стороны вопроса, раздел в публикации опущен.

стесненности хозяйственного положения лиц, нуждающихся в кредите. Посему и банковое учреждение, оперирующее частными капиталами,— следственно на общих коммерческих основаниях,— едва ли может распределять кредит иначе, как на условиях, обеспечивающих ему возможность оплаты частных вкладов средним рыночным процентом.

Трудно согласиться и с положением, что «нормальная земельная рента всегда ниже процентов с капитала». Если записка имеет здесь в виду капитал ссудный, то положение это следует признать безусловно ошибочным, иначе нельзя было бы себе объяснить, из каких средств оплачивается рост по огромному долгосрочному и краткосрочному ссудному капиталу, помещенному в сельское хозяйство. Ошибочное утверждение это, по всей вероятности, коренится в весьма распространенном, но неправильном способе исчисления земельной ренты: если считать земельной рентой чистый остаток за оплатою роста и погашения по ипотечным и всяким иным ссудам, то действительно можно прийти к заключению, что земельная рента ниже процента на капитал. И особенно разительное несоответствие должно получаться в тех именно случаях, когда обеспеченные землею ссуды не получили производительного назначения в сельском хозяйстве.

Наконец, и срочность кредитов не может быть односторонне регулируема в интересах кредитующихся, поскольку банковое учреждение оперирует частными средствами, доверенными ему на заранее выговоренных условиях срочности возврата. Помещение на долгие сроки сумм, принятых в краткосрочные вклады, представляется коренным нарушением основ банкового дела, подрывающим все гарантии банковой состоятельности. И Государственный банк не представляет в сем отношении какого-либо исключения, так как, помимо сравнительно незначительных собственных капиталов, он не располагает никакими иными средствами, кроме вкладов, по большей части краткосрочных. Так, общая сумма вкладов на 16 марта с. г. составляла 615 млн. руб., в том числе срочных вкладов на разные сроки всего 31 млн. руб.; остальные вклады — до востребования (бессрочные и на текущий счет). При таких условиях само собою понятно, что Государственный банк, оставаясь на почве банкового ведения дела, не может допускать 15-месячного кредитования в сколько-нибудь значительных размерах.

б. Переходя к критическим замечаниям на принятую у нас систему краткосрочного сельскохозяйственного кредита, записка указывает, что дешевый сельскохозяйственный кредит, созданный по повелению в бозе почившего государя императора Александра III, первоначально как размером процентов, так и по общим условиям пользования, отвечал интересам землевладельческого класса, но что затем были произведены резкие изменения в основаниях операции, крайне затруднившие пользование кредитом, и, наконец, что стеснительность этого кредита с особенною явственностью выступает по сравнению с крайне льготными условиями пользования торговым кредитом, получившим у нас широкое развитие.

По поводу приведенных соображений надлежит прежде всего заметить, что указание на намерение правительства организовать в 1884 г. соло-вексельный кредит на каких-либо особо льготных основаниях не соответствует фактическим обстоятельствам дела. При первоначальной разработке в 1883 г. правил для соло-вексельной операции предполагалось открывать этого рода кредиты на пятилетние сроки, с предоставлением заемщикам права обменивать соло-векселя с частичным погашением долга. Но мысль эта была отвергнута бывшим министром финансов Н. Х. Бунге, который находил, что назначение срока кредита до 5 лет, с ежегодным погашением долга, превратило бы его в долгосрочный, что совершенно не соответствует условиям действия Банка; равным образом было отвергнуто правило о замене векселей, так как признавалось необходимым, «чтобы все лица, кредитующиеся в Банке, соблюдали срочность уплаты и платили долги наличными деньгами, а не векселями». Предположенные Министерством финансов основания для выдачи ссуд под соло-векселя были одобрены Государственным советом и удостоились высочайшего утверждения, после чего с 1884 г. началась выдача этих ссуд. В последующее время изда

ные в развитие закона правила для этой операции неоднократно изменялись [1], но при всех дальнейших изменениях оставалось неприкосновенным главное, коренное основание операции, что соло-вексельный кредит есть кредит краткосрочный, открываемый исключительно для восполнения недостатка в оборотных средствах, с обязательным пополнением сделанных позаимствований при реализации продуктов хозяйства. К сожалению, эта точка зрения не была усвоена заемщиками, которые смотрели на полученные ими ссуды как на долгосрочные, дополнительные к обременяющим имения ипотечным долгам, вследствие чего переписка векселей, в принципе отвергнутая при издании закона о соло-вексельном кредите, сделалась явлением почти общим, и выданные деньги в Банк не возвращались. Между тем затраты на операцию росли: начавшись в 1884 г. с 0,8 млн. руб., они достигли в 1896 г. 26,8 млн. руб. [2] Очевидно, что Банк краткосрочного кредита не может допускать иммобилизации столь значительной суммы, превышающей половину его капитала, в долгосрочную и неудобореализуемую затрату. Ввиду сего Банку пришлось держаться следующей политики: ни в чем не стесняя заемщиков, правильно пользующихся кредитом, постепенно регулировать те ссуды, которые, вопреки первоначальному главному основанию операции, обратились в долгосрочные; при невозможности же достигнуть сего, приступать к постепенной ликвидации этих ссуд. Никаких при этом резких мер, однако, принимаемо не было. Не было ни внезапных требований погашения выданных ссуд, ни принудительной продажи заложенных Банку имуществ. В отношении к прежним, привыкшим к неисправности, клиентам Банк ограничивался лишь тем, что, не отвергая замены срочных векселей новыми, стал при этом настаивать с большей энергией на частичном погашении долгов, довольствуясь уплатою хотя бы 10%, с соответствующим сокращением кредитов. Требование это не было чем-либо новым: оно прямо вытекало из намеченных в 1883 г. оснований операции. Но указанные ограничения, как сказано, нисколько не касались заемщиков, по кредитам коих действительно велся краткосрочный оборот. Уже в наказе по соло-вексельной операции 1894 г. проведено различие между правильным и неправильным пользованием кредитами, с установлением обязательного сокращения кредитов лишь в сем последнем случае. В этом направлении шли и все последующие распоряжения Банка, и окончательно оно формулировано в наказе 19 сентября 1896 г., причем сокращение кредитов при правильном краткосрочном пользовании ссудами предусмотрено лишь для совершенно исключительных случаев стесненного состояния банковых средств.

Столь же ошибочным представляется и указание записки на намерение правительства создать для землевладельцев особый «дешевый» кредит. Размер роста при введении операции соло-вексельного кредита в 1884 г. был установлен в 6% годовых; в период с 1884 г. по 1890 г. он колебался между 5 и 6% и только в 1891 г. понижен был до $4^1/_2$%. В 1895 г. быстрый ход развития операции и резкое падение кассовой наличности Банка вызвали необходимость повысить процент по всем вообще учетно-ссудным операциям, в том числе и по соло-векселям, причем по сим последним процент постепенно достиг $6^1/_2$, а затем, по миновании наиболее острого периода стеснения кассы, понижен до 6%, в каковом размере и взимался до последнего времени. С 1-го же марта сего года установлено взимание 6% по соло-векселям на срок свыше 6 месяцев, на сроки же менее 6 месяцев процент понижен до $5^1/_2$ годовых, причем этот же размер процента ($5^1/_2$) распространен и на всех клиентов этой категории, пользующихся кредитом в форме текущего счета, как представляющего наибольшие удобства для лиц, не обращающих соло-вексельные кредиты в постоянную, неподвижную задолженность, но прибегающих к кредиту лишь по мере хозяйственной надобности, с периодическим возвратом позаимствований. По соображению с состоянием своей кассы, Банк лишен возможности идти далее в удешевлении платы за

[1] Правила 10 февраля 1884 г., 16 июня 1892 г., 2 июня 1893 г. 22 июля 1894 г. и 19 сентября 1896 г.— *Примечание документа.*

[2] К 1 января 1884 г.— 0,8 млн.; к 1888 г.— 6,7 млн. руб.; к 1891 г.— 8,6 млн. руб.; к 1893 г.— 9,2 млн. руб.; к 1894 г.— 12,0 млн. руб.; к 1895 г.— 17,8 млн. руб.; к 1896 г. — 26,8 млн. руб.— *Примечание документа.*

пользование отдаваемыми в ссуду капиталами, ввиду чего взимаемые по соло-векселям проценты не могут быть более понижены. Впрочем, как уже указано, проценты эти не только не превышают размера роста, существовавшего при установлении соло-вексельного кредита в 1884 г., но даже — для соло-векселей на срок до 6 месяцев — ниже тогдашнего роста на $^1/_2$%.

В заключение сказанного о соло-вексельной операции должно отметить еще одно ошибочное указание, будто кредит для торгово-промышленного класса организован в Государственном банке на значительно более льготных основаниях.

Прежде всего, при сравнении затрат Банка на торговый учет и на соло-вексельный кредит, необходимо иметь в виду, что торговым учетом в значительной части пользуются те же землевладельцы (вместо соло-вексельного кредита, а нередко и наряду с сим последним). Засим, торговым учетом весьма значительно пользуются такие отрасли торговли, которые имеют непосредственное отношение к земледельческой промышленности (торговля хлебом, мукой, шерстью, молочными продуктами и т. п.), причем Банк, открывая кредиты посредникам в этих отраслях торговли, несомненно способствует сбыту соответственных продуктов и тем оказывает значительную помощь сельскому хозяйству. С другой стороны, нельзя забывать вышеуказанного факта, что среди землевладельцев наблюдается стремление обращать полученные ими соло-вексельные ссуды в долгосрочные, вследствие чего для Государственного банка, как учреждения кредита краткосрочного, то действительно представляется совершенно невозможным обращать на соловексельную операцию такие же капиталы, какие он может помещать в краткосрочный торговый учет. Указанными обстоятельствами и объясняется разница в затратах на оба вида кредита, но ни о каком особенном сочувствии Государственого банка к торговому классу, как таковому, само собою разумеется, здесь не может быть и речи. Что касается до утверждения, будто бы для торгового учета рост составляет всего 4$^1/_2$%, а для соло-векселей 6$^1/_2$%, то здесь мы имеем дело с очевидным недоразумением: по торговым векселям % взимается в зависимости от их сроков,— 4$^1/_2$% с векселей 3-месячных, 5$^1/_2$% с векселей от 3 до 6 месяцев, 7% от 6 до 9 месяцев и 7$^1/_2$ от 9 до 12 месяцев; с соло-векселей же до 1 марта сего года взималось 6% независимо от их срока[1]. Но так как соло-векселя пишутся в преобладающем большинстве случаев на 12 месяцев, то оказывается, что рост по ним и ранее был и ныне остается на 1$^1/_2$% годовых льготнее, чем по векселям торговым на сроки свыше 9 месяцев.

Переходя засим к ссудам под хлеб, должно заметить, что операция эта была разрешена Банку на новых основаниях осенью 1893 г., во время таможенной войны с Германией, дабы облегчить созданное этим осложнением временное стеснение хлебной торговли. Затем эта операция была обращена в постоянную, дабы тем дать производителям хлеба возможность не прибегать осенью к спешным реализациям, угнетающе действующим на хлебные цены, но реализовать свои запасы постепенно, чем достигалось бы более равномерное предложение хлеба на местных рынках в разные периоды одной хлебной кампании. При организации хлебных ссуд отнюдь, однако, не имелось в виду облегчить производителям хлеба возможность выжидать более благоприятных условий мировой хлебной торговли, которые могут наступить значительно позднее, но могут и вовсе не наступить. Задача была гораздо скромнее: смягчать колебания цен в пределах той же хлебной кампании в зависимости от предложения местного хлеба. Согласно с сим, предельный срок ссуд был назначен 9-месячный, причем Банку было предоставлено лишь в особо уважительных случаях давать отсрочки не более 3 и на срок не долее 3 месяцев каждая,— каковые отсрочки считались Банком мерою исключительной. К сожалению, пользование хлебными ссудами, так же как и соло-вексельными кредитами получило совершенно нежелательное направление. Заемщики стали преследовать цель выжидания лучших условий мировой хлебной торговли,— отсюда стремление затягивать ссуды и превращать их в долгосрочные. Данное же Банку полномочие разрешать в особо уважи-

[1] С 1 марта сего года, как выше указано, для векселей до 6 месяцев процент понижен до 5$^1/_2$.— *Примечание документа.*

тельных случаях отсрочки было истолковано в смысле права заемщиков во всех случаях пользоваться отсрочками, т. е., другими словами — получать ссуду на $1^1/_2$-годовой срок. Но значительное число заемщиков, не удовлетворяясь и этим сроком, настаивало на дальнейших отсрочках, так что хлебные ссуды стали далеко переходить за начало новой хлебной кампании. Вместе с тем обнаружилось еще одно весьма прискорбное обстоятельство: Банк выдавал ссуды с оставлением залогов на хранении у заемщиков, основываясь на благонадежности их и личном к ним доверии. К сожалению, доверие это оправдывалось не всегда, и случаи растраты залогов повторялись нередко.

Между тем затраты Банка на операцию быстро возрастали[1], достигнув к 1 января 1896 г. 41,8 млн. руб. При этом к началу каждой следующей хлебной кампании оставалось огромное количество заложенного хлеба от предшествующего года, что, с одной стороны, не соответствовало основной цели операции, а с другой — не отвечало положению Банка, который должен был приступить к выдаче новых ссуд, не освободив своих средств, помещенных в прежние ссуды. Обстоятельство это послужило одной из причин крайнего стеснения кассы Банка в 1895 г., сократившейся до небывалого минимума 18 млн. руб. Ввиду сего Банк вынужден был более настойчиво требовать соблюдения основного правила операции, согласно коему хлебные ссуды должны быть краткосрочными, ликвидируемыми в пределах данной кампании[2]. Но и при этом Банк воздерживался от сколько-нибудь резких мер, отодвигая предельные сроки отсрочек с летних месяцев на зимние и вообще всячески устраняя необходимость прибегать к принудительной реализации залогов; вместе с тем было разрешено выдавать ссуды под новый урожай, не требуя предварительного погашения прежних ссуд. И даже к случаям растрат Банк относился весьма снисходительно, ограничиваясь требованием погашения ссуды и исключением виновного из числа своих клиентов; привлечение же заемщиков к уголовной ответственности имело место лишь в совершенно исключительных случаях. Что касается размеров роста по этим ссудам, то таковой взимался сообразно с расходами самого Банка по выдаче ссуд,— колеблясь в пределах от $4^1/_2$% до 6% годовых; в последнем размере он взимается и в настоящее время.

в. Наконец, последняя часть рассматриваемой главы записки заключает в себе указания мер, потребных для правильной, с точки зрения совещания, постановки сельскохозяйственного краткосрочного кредита.

1. Здесь прежде всего высказывается пожелание, чтобы кредиты соло-вексельный и под залог хлеба «действовали постоянно, не завися от состояния государственного казначейства, ни денежного рынка». Что касается до сумм государственного казначейства, коими оперирует Государственный банк, то само собою очевидно, что размеры казначейской наличности, остающейся в распоряжении Банка, в каждый данный момент зависят от хода бюджетного хозяйства. Последнее, конечно, не может быть стесняемо в своих собственных потребностях ради каких-либо посторонних целей, коим бюджетное хозяйство может оказывать воспособление лишь постольку, поскольку оно располагает денежными суммами, не поглощаемыми текущими платежами по расходному бюджету. Столь же неисполнимым представляется пожелание постоянного действия кредитов с игнорированием состояния денежного рынка. Именно последним и обусловливаются размеры свободных капиталов в стране, а следственно,— и размеры прилива в Государственный банк частных вкладов. Банк, очевидно, не может произвольно увеличивать свою наличность, так как опыт показывает, что даже уплата более высокого процента по вкладам, при недостаточности свободных капиталов, т. е. стесненности денежного рынка, мало способствует привлечению вкладов. А раз средства Банка ограничены, то он по необходимости вынужден сооб-

[1] К 1 января 1894 г.— 19,9 млн. руб.; к 1 августа — 11,7 млн. руб.; к 1 января 1895 г.— 30,6 млн. руб.; к 1 августа — 22,2 млн. руб.; к 1 января 1896 г.— 41,8 млн. руб.— *Примечание документа.*

[2] Положение это точно формулировано в ст. 2 и 23 наказа 2 августа 1896 г.— *Примечание документа.*

ражать свои затраты на операции с размерами наличности и, при сокращении таковой, соответственно стеснять пользование банковыми кредитами.

2. Далее, по мнению составителей записки, желательно, «чтобы проценты по кредитам были не выше процентов, уплачиваемых по вновь конвертированным процентным бумагам». Настоящее пожелание, очевидно, вытекает из мысли о возможности организации сельскохозяйственного кредита на условиях, отвечающих интересам одной лишь кредитующейся стороны. Выше было уже разъяснено, что таковая организация могла бы получить осуществление единственно в кредите, построенном не на коммерческих, а на каких-либо иных основаниях, допускающих игнорирование существующего в стране размера роста по краткосрочным ссудным капиталам. В частности же, надлежит заметить, что разница между процентом, взимаемым ныне по сельскохозяйственным кредитам, и процентом, уплачиваемым правительством по облигационным займам, отнюдь не представляется столь значительной.

3. Высказанное в записке пожелание, «чтобы лицам, кредитующимся под соловекселя, кредит не был сокращаем, ежели эти лица не нарушают правил, установленных для этого кредита», вполне удовлетворяется действующим наказом, который делает сокращение кредитов обязательным лишь при неисправном пользовании оными. Но и в этих случаях, когда ликвидация кредитов оказывается необходимою, Банк всячески избегает сколько-нибудь крутых мер, допуская рассрочки долгов на возможно продолжительные сроки (обыкновенно до 5 лет).

4. Наконец, последнее пожелание, «чтобы ссуды под хлеб отсрочивались, если они достаточно обеспечены этим хлебом, в противном случае Банк имел бы право требовать уплаты только той части ссуды, которая была бы необходима для ее обеспечения», не может быть удовлетворено, ибо предоставление неограниченного числа отсрочек, как подробно объяснено было выше, не отвечало бы ни целям операции, ни положению Банка, как учреждения краткосрочного кредита.

О покровительственных таможенных тарифах

Отрицательное отношение записки к действующей у нас покровительственной системе вполне естественно вытекает из потребительской точки зрения, на которую стали составители записки в этом вопросе самого широкого государственного значения. Уже в течение 20-летнего периода правительство твердо стоит на почве покровительства отечественной промышленности, и результаты, достигнутые за это время по многим отраслям производства, вполне оправдывают усвоенную нами покровительственную систему. Конечно, до окончательного достижения цели предстоит еще пройти значительный путь и потому еще в продолжении долгого периода времени можно ожидать периодического возобновления разного рода сетований на невыгоды, порождаемые покровительственной системою для тех или иных частнохозяйственных интересов, для тех или иных потребительских групп. Однако предначинание столь широкого общегосударственного значения, каковым является покровительственная система, едва ли вообще и может рассчитывать на правильную оценку со стороны таких частнохозяйственных и потребительских интересов и даже вообще с точки зрения интересов наличного поколения. Не подлежит сомнению, что если бы исходным пунктом государственных предначинаний служил лишь интерес наличного поколения, то покровительственная система, как, впрочем, и многие другие благодетельнейшие мероприятия государственной власти, не могли бы получить практического осуществления. Предприятия широкого государственного значения почти всегда связываются с пожертвованием интересов настоящего на пользу будущего. Прогрессивное развитие и укрепление государства немыслимо без известных затрат «впрок», естественно вытекающих из права использования результатов таковых же затрат предшествовавших поколений. И с того момента, как государство отрешилось бы от такого рода пожертвований, оно неминуемо стало бы клониться к упадку,— хотя полное удовлетворение интересов наличного поколения, быть может, некоторое время и прикрашивало бы картину.

В существе дела и система свободной торговли, и система протекционная преследуют одну и ту же цель — обильное снабжение страны всем потребными товарами по дешевым ценам. Вся разница заключается лишь в способах достижения этой цели. Тогда как в первом случае цель эта достигается на началах полной хозяйственной зависимости от международного обмена, во втором случае — она достигается путем образования самодовлеющей хозяйственной единицы. Огромное преимущество второго положения, с общегосударственной точки зрения, представляется министру финансов вполне очевидным. Но столь же очевидны, конечно, и частнохозяйственные невыгоды, порождаемые этой системой в течение периода подготовления предначенного результата. Поэтому при постановке впервые вопроса о выборе между системой свободной торговли и протекционизмом разномыслие вполне допустимо, подобно тому, как допустимо разномыслие по вопросу о том, следут ли ныне же приступать к постройке какого-либо железнодорожного пути, который должен принести несомненную пользу будущему и столь же несомненную тягость настоящему.

Однако положение вопроса существенно изменяется в том случае, когда решительный выбор уже сделан, и в течение продолжительного периода времени все хозяйственное развитие страны направлялось соответственно сделанному выбору. В настоящее время Россия уже не может быть признаваема тою исключительно земледельческою страной, которая, производя свободный международный обмен, ничем не жертвует из своего прошлого, но лишь не заботится о будущем. В народной экономии произошли уже столь значительные перемены, что вопрос о ликвидации их, о переустройстве вновь по типу исключительно сельскохозяйственной страны, получил бы характер самой несправедливой и самой опасной ломки сложившихся хозяйственных условий. Образование огромной промышленной статьи народной производительности уже породило соответственное перераспределение экономических сил страны. Привлечены и обучены рабочие силы, затрачены огромные капиталы, для оборота произведений промышленности образовался особый посреднический класс населения с соответственными торговыми капиталами, самое земледелие во многих отношениях переустроилось соответственно возникновению внутренних потребительных рынков. Все это надлежало бы ликвидировать, т. е. произвести такую катастрофу, подобную которой едва ли можно отыскать в хозяйственной истории. Нечего говорить уже, что при этом все жертвы, понесенные населением в целях создания и укрепления отечественной промышленности, должны бы были получить значение бесплодного ущерба. С такой перспективой, конечно, нельзя помириться, если сколько-нибудь отрешиться от потребительской точки зрения и посмотреть на дело с точки зрения государственной.

Но есть еще одна сторона дела, весьма часто упускаемая из виду при обсуждении вопроса о свободной торговле и протекционизме. В настоящее время уже не существует прежних условий международного обмена, при которых сельскохозяйственная страна могла бы производить свою международную торговлю на началах совершенно свободного ввоза и вывоза. С появлением в большинстве промышленных стран особого сельскохозяйственного протекционизма, и притом в весьма резких формах, для земледельческой страны создалось положение, исключающее возможность равноправного обмена на почве свободной торговли. В прежнее время, когда промышленные страны предоставляли земледельческим полную возможность использования своих преимуществ по сельскохозяйственному производству, свободный международный обмен мог совершаться на условиях, по крайней мере принципиально равноправных. В существе дела, конечно, и тогда промышленные страны имели огромное преимущество над земледельческими, но во всяком случае обе стороны действительно предоставляли друг другу полную свободу развивать свою специальность и взаимно загромождать друг друга своими дешевыми товарами. Но в настоящее время условий этих не существует и восстановить их ни одна страна в отдельности не может. Посему в настоящее время земледельческая страна, которая пожелала бы оставить покровительственную систему, тем самым выразила бы согласие

вести свой международный обмен на условиях вполне очевидной, неприкрытой эксплуатации своих сил. С таким положением могут поневоле примиряться полунезависимые колонии, новооткрытые земли, нарождающиеся мелкие государства, но великая мировая держава не может согласиться на такое унизительное положение экономической данницы.

Не решаясь рекомендовать полную отмену покровительственной системы, некоторые останавливаются на мысли о полезности понижения ставок таможенного тарифа. Однако такое срединное решение вопроса может оказаться или совершенно безрезультатным для интересов потребителей, или же вредным для целей, кои преследуются покровительственною политикой. Если данная отрасль отечественной промышленности уже развилась до того, что под влиянием внутренней конкуренции произошло понижение цен, и таковые различествуют от заграничных уже не на всю ставку таможенного тарифа, то соответственное понижение этой ставки не может получить никакого практического значения. Если же промышленность еще не окрепла и нуждается в приливе новых предпринимательских сил и капиталов, то понижение тарифа должно повести к ослаблению или даже прекращению этого прилива, и, следовательно, к замедлению или даже к совершенной невозможности наступления окончательного результата покровительственной системы. Здесь более, чем где бы то ни было, нужно иметь мужество решительно идти к намеченной цели и не соблазняться компромиссом, который может превратить тариф действительно покровительственный лишь в излишне обременительное фискальное обложение привозных товаров, недостаточное, однако, для насаждения и укрепления отечественной промышленности. Это мужественное решение было принято в бозе почившим императором Александром III, и отказаться от него — это значило бы посягнуть на одно из приснопамятнейших деяний этого царствования.

Что касается, в частности, пошлин на сельскохозяйственные орудия и машины, то эта статья тарифа, не имея в системе таможенного покровительства особенно важного значения, но в то же время представляя значительный интерес для сельскохозяйственной промышленности, может быть, заслуживает некоторого исключительного к себе отношения. Вопрос этот обсуждался на Всероссийском торгово-промышленном съезде в Нижнем-Новгороде и в настоящее время рассматривается с участием заинтересованных сторон при Департаменте торговли и мануфактур в особом Совещании, которое должно составить предположения о возможных по этой статье облегчениях иностранного ввоза, без существенного, однако, подрыва нарождающегося у нас производства сельскохозяйственных орудий и машин.

Представляя, во исполнение высочайшего повеления, замечания на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения, министр финансов считает своим долгом присовокупить, что при рассмотрении означенной записки, им отнюдь не руководило предвзятое намерение оспаривать суждения записки, тем более, что некоторые из них министр финансов, с своей стороны, вполне разделяет. И если таковая сходственность взглядов по некоторым предметам не была отмечена выше, то объясняется это тем, что относящиеся сюда вопросы или выходят из пределов ведомства Министерства финансов [6]), или же касаются предметов, по коим министр финансов имеет войти с особыми представлениями. Отмечая вкравшиеся в записку неточности и односторонние суждения, министр финансов побуждался при этом единственно важностью возбужденных в записке вопросов и серьезностью затрагиваемых ими интересов государственного и народного хозяйства. Однако министр финансов отнюдь не склонен придавать этим промахам преувеличенное значение. Односторонность или ошибочность некоторых выводов, к которым пришло Совещание, в полной мере объясняется не совсем благоприятными условиями, при которых происходили его работы. Краткость времени, которым располагало Совещание для обсуждения столь многочисленных и разнообразных вопросов первостепенной важности, включенных в программу занятий; отсутствие потребных материалов,

далеко не всегда доступных даже и для правительственных учреждений; наконец, быть может, и некоторая случайность состава Совещания, не обеспечивавшая однородности мнений всех членов его — все это такие условия, при которых, конечно, ни одно совещание не могло бы избегнуть некоторых погрешностей.

ЦГИАМ, ф. 586, фонд В. К. Плеве, оп. 1, д. 140, лл. 1—29.— Типографский экз.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Импровизированное» совещание 27 предводителей дворянства, на котором была составлена «записка», явилось поводом для организации в 1897 г. «Особого совещания по делам дворянского сословия» (о составе и задачах совещания см. ЦГИАМ, ф. 586, д. 138). Особое совещание просуществовало до 1902 г. и разработало ряд реакционнейших экономических и чисто «сословных» проектов. Один из них стал законом «об отводе частным лицам казенных земель в Сибири» 8 июня 1901 г. (см. о нем у В. И. Ленина, Соч., т. 5, стр. 78—83).— 125.

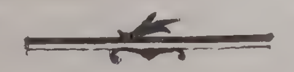
2) Общество взаимного поземельного кредита — крупнейший ипотечный банк, учрежденный в 1866 г. Закладные листы его были выпущены в металлических рублях и размещены за границей. С падением валютного курса рубля платежи заемщиков, составлявшие 6%, повысились фактически до 9%. Правительство оказало банку ряд льгот-субсидий, а в 1890 г. влило его в Дворянский банк в качестве Особого отдела и снизило платежи заемщиков.—125.

3) Здесь еще не указано, что с 1866 г. стали возникать частные ипотечные банки. Погасив за счет выкупных ссуд свою задолженность дореформенным казенным банкам, помещики получили с 1866 по 1880 г. 475 млн. руб. долгосрочных ссуд в новых банках.— 129.

4) Введенная после отмены винных откупов акцизная система, являясь крупнейшей доходной статьей госбюджета, вместе с тем субсидировала заводчиков. Обложение было построено на нормальном выходе спирта и т. н. безакцизных отчислениях в пользу заводчика за больший против нормы выход спирта — перекур. Такой порядок принес несомненные выгоды помещикам, но еще большие барыши лучше оборудованным крупным «городским» заводам. Это и обыгрывается в записке предводителей дворянства, хотя еще законом 4 июля 1890 г. безакцизное отчисление было отменено для крупных заводов, но сохранено для мелких и средних, т. е. помещичьих заводов, особым поощрением владельцев крупных имений. Этот порядок был сохранен и после введения казенной винной монополии, которая стала забирать у средних и мелких заводов весь производившийся ими спирт, притом по ценам, повышавшимся из года в год.— 138.

5) Организацией Дворянского банка и все новыми льготами его заемникам была создана система полублаготворительного ипотечного кредита. Помещики добивались аналогичных порядков по т. н. соло-вексельным кредитам в Государственном банке: искусственно-заниженного процента и превращения в долгосрочный кредит. Витте же и его преемники осторожно, но настойчиво добивались, чтобы соло-вексельный кредит носил характер ежегодно погашаемого и вновь возобновляемого кредитования оборотных средств и чтобы общая сумма этих кредитов не достигала значительного процента ко всем операциям Банка. Много шире Банк кредитовал помещиков, ведших свое хозяйство, под залог хлеба и под их авансовые и неторговые векселя.— 147.

6) Судя по его запискам более позднего времени, Витте здесь по чисто тактическим соображениям уклоняется от высказывания своего мнения по «сословным» требованиям предводителей дворянства.— 154.

ЖУРНАЛЫ 60-х ГОДОВ XIX в. В ОЦЕНКЕ III ОТДЕЛЕНИЯ

В связи с нарастанием революционной ситуации и ростом освободительного движения в стране журнально-литературная жизнь в 60-е годы настолько оживилась, что проводимые ею революционные идеи не на шутку напугали охранительные органы царизма. Растерявшаяся вскоре после краха николаевского режима реакция затем быстро оправилась и повела борьбу против революционно-демократического и радикального лагеря. Однако в пылу гнева и растерянности она так перегнула палку, что зачислила в лагерь революции (см. док. № 1) и вовсе не врагов своих, взяв под обстрел и умеренно-либеральные «Отечественные записки». Основной же удар реакции был направлен против двух периодических органов того времени — «Современника» и «Русского слова».

«Современник», руководимый вождями революционной демократии Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым и их единомышленниками Н. А. Некрасовым и другими, действительно был боевым органом, разрушавшим основы реакционного политического строя и ниспровергавшим косные устои общественно-политической жизни.

«Русское слово» в глазах деятелей цензурного ведомства явилось «продолжением и завершением «Колокола» Герцена и «Современника». Еще в 1861 г. цензор А. В. Никитенко в своей «Записке» о направлении журнала «Русское слово» обращал внимание правительства на «Русское слово» и «Современник», как на журналы, пропагандировавшие материализм, революционные идеи и будившие общественную мысль. В качестве необходимой меры А. В. Никитенко предлагал дать журналу «последнее строгое предостережение», а затем поставить вопрос о прекращении «Современника» и «Русского слова» [1].

Подобное убеждение разделяет и автор публикуемых «записок». Он напуган силой печатного слова, его бесит сплоченное выступление передовой журналистики против правительства. «Нигилисты наши составили такую плотную и самовластную корпорацию,— пишет он,— что действуют в литературном мире совершенно деспотически» (док. № 2).

Несмотря на то, что правительство бросило в казематы Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, сослало в Сибирь М. Л. Михайлова и готовило ссылку для многих других, автор публикуемых «записок» объят страхом за нерушимость существующего строя. В записке, датированной 7 февраля 1863 г., он пишет о появлении «возмутительного» воззвания «Молодая Россия», о намеках в журналах, что «нынешние усиленные действия высшей полиции (III отделения) суть предсмертные судороги, доказывающие что существование этой полиции скоро... кончится (док. № 1).

Его возмущает, что в обществе распространилось убеждение о продажности прессы, защищающей правительство: «Как только „Отечественные записки"... начали помещать статьи в правительственном духе, тотчас... в публике разнеслась молва,

---

[1] См. «Русский архив», 1895, № 2, стр. 225—226.

будто бы Краевский получает вознаграждение от правительства. Теперь не верят уже, чтобы в пользу правительства можно было писать по собственному убеждению» (док. № 2).

Во второй записке (1864 г.) много внимания уделено нигилизму, вопросу, в тот момент ставшему злободневным, остро-политическим и приковывавшим к себе внимание самых широких кругов общественности. Вопрос о нигилистах и нигилизме, т. е. о деятелях молодой революционной России и их идеологии, в записке освещен, конечно, далеко неполно, поверхностно, тенденциозно, с явным искажением и извращением взглядов некоторых из публицистов и критиков 60-х годов. Так, передавая содержание рецензии В. А. Зайцева на книгу Диего-Сориа «Всеобщая история Италии», автор записки утверждал, что Зайцев «как бы с любовью распространяется о всех итальянских революциях».

На самом деле эта рецензия имеет более серьезный смысл. В. А. Зайцев выражал неверие в разумность народных масс и переоценивал роль «умственного пролетариата»: «Народ груб, туп и вследствие этого пассивен... Поэтому благоразумие требует, не смущаясь величественным пьедесталом, на который демократы возвели народ, действовать энергетически против него, потому что народ в таком состоянии, как в Италии, не может по неразвитию поступать сообразно с своими выгодами» [1]. Зайцев развил здесь свою точку зрения на неудачу итальянской революции 1848 г. и вызвал тем самым резкую отповедь М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Современнике». Этот спор в лагере демократов 60-х годов освещен в статье Б. П. Козьмина [2].

Автор второй записки неясно представлял себе настоящий смысл идейных споров среди тогдашней передовой демократической журналистики, в частности, начавшуюся как раз в это время из-за фельетона М. Е. Салтыков-Щедрина «Наша общественная жизнь» («Современник», 1864 г., январь) и длившуюся более двух лет полемику между «Современником» и «Русским словом». Автор записки изображает дело так, будто Салтыков-Щедрин «напечатал в „Современнике" несколько строк в обличение студенческих беспорядков, происходивших в С.-Петербургском университете». На самом деле Салтыков-Щедрин в январском фельетоне затронул совсем другие вопросы. Он писал о «понижении тона», т. е. об ослаблении революционных настроений подверг критике лозунг служения науке, как решающему фактору улучшения жизни, осудил сектантский характер того направления мысли, которое отстаивала группа критиков «Русского слова», назвав его «зайцевской» хлыстовщиной и «утверждал, что нигилисты суть не что иное, как титулярные советники в нераскаянном виде, а титулярные советники суть раскаявшиеся нигилисты» [3].

Фельетон Салтыкова-Щедрина послужил началом полемики между «Современником» и «Русским словом». В. Зайцев ответил ему своим фельетоном «Глуповцы, попавшие в «Современник» («Русское слово», 1864, февраль). В полемике приняли участие от «Русского слова» Д. И. Писарев, Г. Е. Благосветлов и Н. В. Соколов; от «Современника» преимущественно М. А. Антонович.

Кто же автор публикуемых записок? Это — человек, хорошо знавший писателей, литературу, журналы, внимательно следивший за текущей политической и литературной жизнью; по убеждениям — реакционер, охранитель «основ» самодержавно-политического строя.

Два деятеля того времени, тесно связанные с III Отделением, возможны как авторы этих записок. Один — П. К. Щебальский (1810—1886) — историк и публицист, гвардейский офицер, затем московский полицеймейстер и чиновник особых поручений при Главном управлении цензуры. С конца 1860 г. он составлял для царя «литературные обозрения». Щебальский был сотрудником «Русского вестника» и «Московских ведомостей». Другой — И. А. Арсеньев — тоже литератор и журналист, издатель

[1] В. А. Зайцев. Избр. сочинения в двух томах под ред. Б. П. Козьмина, т. 1, М., 1934, стр. 96.

[2] См. в сборнике его статей «От 19 февраля до марта» (М., 1933) статью «Раскол в нигилистах».

[3] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. VI, М., 1941, стр. 248.

журнала «Заноза» (1864—1865), газет «Петербургский листок» (1865—1866) и «Петербургская газета» (1865—1871) известен был близостью к III Отделению. Он был, возможно, также составителем ежегодных отчетов III Отделения, представлявшихся царю [1].

Подлинники публикуемых записок хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ).

Член-корр. АН СССР *Н. Ф. Бельчиков*

№ 1—2

Записки III Отделения собственной е. и. в. канцелярии с оценкой журналов 60-х годов XIX в.

№ 1

7 февраля 1863 г.

Литература наша, затрагивавшая прежде чиновничьи злоупотребления и разные ведомства, ныне начала судить о государственных преступлениях и III Отделении. Последнее не именуется, но прикрывается словами высшая полиция, административная власть и тому подобными, а из государственных преступлений прямо говорится о «Молодой России» [1)] и о других возмутительных воззваниях.

Примером этого может служить «Современная хроника России», помещенная в первой книге «Отечественных записок» 1863 г. (стр. 6, 18, 34—38).

Составитель этой хроники, между прочим, говорит о борьбе старого чиновничества (высшего правительства) с новым поколением и доказывает, что первое не совсем справедливо нападает на второе и что юноши наши и даже виновные в распространении прокламации «Молодая Россия» не так злонамеренны и дурны в душе своей, как их представляет правительство, что на их проступки надобно смотреть как на кипение молодой крови, которое само собой утишится, что рассылка на родину и в разные отдаленные места бывших студентов С.-Петербургского университета и других молодых людей [2)] поведет скорее к повреждению, нежели к исправлению их нравственности; что таким же образом всякая высылка из столицы по каким бы то ни было причинам никогда не приносит пользы; что молодых людей, которые впадают в мечтательные утопии и которых правительство опасается, было бы лучше определять в должности, близкие к народу, например: в мировые посредники, судебные следователи, волостные писаря и прочее, ибо в этих должностях, сближаясь с народом, они тотчас увидели бы ложность своих утопий и убедились бы в справедливости и необходимости мер, принимаемых правительством. Далее, ссылаясь на проект нового судоустройства и особенно на тот §, в котором сказано, что «предварительное следствие по преступлениям государственным производится одним из членов судебной палаты, при личном присутствии ее прокурора», хроникер не скрывает радости, что наконец не будут у нас,— как случалось прежде, а было недавно,— ни арестовывать и заключать в крепость, ни производить следствие и суд тайно (при этом как бы намекается на комиссию князя Голицына [3)]), что нынешние усиленные действия высшей полиции (III отделения) суть предсмертные судороги, доказывающие, что существование этой полиции скоро (по введении нового судопроизводства) кончится, и что деятельность ее тогда будет ограничиваться одними наблюдениями.

Выраженные в этой статье мысли не принадлежат лично хроникеру, но они слышны при разговорах с глазу на глаз во многих кружках и между всеми образованными людьми нового поколения. Допускать такие статьи в печати, кажется, было бы можно, тем более, что в них нет ничего возмутительного, между тем высшее правительство будет видеть из них, какие тайные разговоры ведутся и в чем состоит общественное мнение о производстве дел по государственным преступлениям, о III отделении и вообще о высших административных властях. Что касается до мнения об

---

[1] См. об этом в нашей публикации «Литература 60-х годов по отчетам III Отделения», журн. «Красный архив», 1925, т. VIII, стр 134—138.

определении подозрительных и других лиц в должности, близкие к народу, то хотя мнение это едва ли вполне может быть принято, ибо мера эта подходит под пословицу «пустить козла в огород», но во всяком случае то, что вредно высылать виновных лиц в отдаленные места, не давая им занятий и средств к существованию, заслуживает внимания.

7 февраля 1863 г.

ЦГИАМ, ф. III отделения, 1-я экспедиция, 1863 г., д. 23, ч. 295, лл. 1—4.

№ 2

8 мая 1864 г.

Тургенев в повести своей «Отцы и дети» первый назвал нигилистами (от слова nihil) молодых ученых, которые поверяют свои познания практическими опытами, и отвергают все, что не подтверждается этими опытами. Как нигилист Тургенева Базаров изображен человеком, не знающим светских приличий, не уважающим старости и не преклоняющимся ни перед чем, что у благонравных людей считается за святое, то название нигилиста придают ныне тем писателям и вообще молодым людям, которые все отвергают и выдаются вперед по беспорядочности своих мыслей и по растрепанной наружности. Основание этого направления заимствовано нашими нигилистами от Запада. Там ученые, отвергнув прежний теоретический метод, приняли во всех науках и даже в философии метод практический.

В этом реальном направлении есть своя хорошая сторона, потому что прежде ученые, производя исследования по одним умозрениям, строили мечтательные системы и впадали в ошибки. Напротив того, нынешние ученые, подвергая всякую мысль практическим опытам, дошли до многих несомненных и действительно полезных открытий. Но ученые из этих практических опытов начали делать выводы о мире духовном. Отсюда произошел материализм, который отвергает все, что в наших понятиях о душе человеческой, о духовном мире и даже, что в христианском учении не согласно со сведениями, извлеченными из опытов. Таким образом, по их учению, видимый мир образовался в течение многих сотен тысяч лет, все произведения минерального, растительного и животного царств произошли от клеточек, продолжая развиваться и существовать по собственным силам, заключающимся в этих клеточках; способности души человеческой суть не что иное, как разные явления, происходящие от устройства мозга, головного черепа, нервов и от влияния на них внешних сил. Тут нет места ни творчеству и промыслу божию, ни бессмертию души человеческой. Иностранные материалисты Бюхнер, Фейербах, Фохт, Льюис, Молешотт и другие, из сочинений которых выходят эти выводы, сделали, кроме того, многие важные и полезные открытия.

Наши нигилисты, не делая никаких полезных изобретений, схватывают у иностранцев одни верхушки и проявляют материализм свой только тем, что подрывают в простодушных читателях веру в ветхозаветные сказания и в христианское учение. Не только «Современник» и другие толстые журналы наши, имеющие свое некоторое достоинство, но даже «Искра» [4] и подобные ей мелкие газеты между ничтожнейшими литературными статейками туда же выказывают претензию на материализм и безверие.

Издатель «Домашней беседы» Аскоченский [5] поставил себе исключительной задачей противоборствовать нашим нигилистам, в некоторых московских журналах появлялись статьи против распространяющегося у нас материализма, а профессор Московского университета Юркевич [6] читал в Москве публичные лекции в опровержение системы Бюхнера; но прочие журналисты наши, особенно петербургские, сделали Аскоченского и Юркевича предметом общих насмешек, выставляя их на позор, как нарядных шутов, и закидали грязью всех других защитников религиозной нравственности.

Политическое направление нигилистов наших состоит в том, что они не довольствуются монархическим устройством нашего государства. Прямо выражать в печати свои мысли по этому предмету они не имеют возможности, потому что цензоры наши, при всей своей неосмотрительности и недогадливости, не пропускают, однако же, противоправительственных и возмутительных сочинений.

Каковы задушевные политические убеждения нашей ученой и пишущей молодежи, можно судить по «Колоколу» и другим заграничным русским листкам, а также по печатным и рукописным произведениям нашей подпольной литературы. Эти задушевные убеждения в нашей печати или читаются между строками, или являются прямо при рассуждениях о правительствах, лицах и событиях иностранных. Здесь нигилисты наши явно высказывают предпочтение не только конституционному, но даже демократическому и анархическому правлениям, восхваляют революции и революционных деятелей, осуждают тех, которые ниспровергают политические крамолы, говорят о слиянии сословий и равенстве всех граждан, об уничтожении частной собственности и разделе имущества поровну и т. д. Это общий дух нынешней русской журналистики: им пропитаны почти все наши периодические издания, особенно петербургские. Редактор «Русского слова» [7], разбирая книгу Милля «О представительном правлении», доказывает, что самое лучшее правление в государстве есть народное, в котором голоса подаются не депутатами, выбранными от сословий, но всем народом, и в котором изглажено различие сословий и по возможности уравнены богатства («Русское слово», 1863, кн. 9, «Литературное обозрение», стр. 1—20). Зайцев [8], говоря о книге Диего-Сориа «Всеобщая история Италии» [9], с излишней подробностью и как бы с любовью распространяется о всех итальянских революциях, описанных в книге Сориа, и осуждает императора Александра I за то, что он старался подавить эти революции австрийскими штыками («Русское слово», 1863 г., кн. 7, библиографич. листок, стр. 32—38). Тот же Зайцев в статье «Белинский и Добролюбов» отдает преимущество Гарибальди, Гобеспьеру и Дантону перед мирными государственными деятелями («Русское слово», 1864 г., кн. 1, «Литературное обозрение», стр. 1). Опять тот же Зайцев в разборе книги Юлиана Шмидта [10] «История французской литературы» смеется над французскими писателями XIX века, которые описывали в ужасающих красках старую французскую революцию (90-х годов) и называют Робеспиера, Дантона и других деятелей того времени злодеями и разбойниками; Зайцев считает этих писателей тупыми, а старую французскую революцию великой эпохой («Русское слово», 1864 г., кн. 3, библиографич. листок, стр. 60—62).

Эти противоправительственные мысли, так же как и религиозный материализм, заимствуются нашими нигилистами из сочинений иностранных писателей, особенно Бокля, Теккерея, Шлоссера и других. Сочинения этих писателей в последние годы переведены на русский язык. Хотя содержание этих книг относится до событий и лиц иностранных, но тем не менее возмутительные мысли передаются русской публике. Сверх того, в вышеозначенных переводах и в наших сочинениях, заимствуемых из этих книг, иностранные события иногда так излагаются, что они могут быть отнесены к России, и стоит только переменить название мест и лиц, чтобы событие из иностранного превратилось в русское.

В прежнее время писатели наши восхваляли русских государей, знаменитые дела своих соотечественников и сочиняли целые трактаты о преимуществах монархического правления, о любви к родине и вообще патриотизм свой изливали в восторженных похвалах. И теперь нигилисты наши не осмеливаются восставать против этого, но они холодно проходят молчанием все, чем прежде восторгались их предшественники. Ныне царствующего государя императора они еще прославляют за то только, что в преобразованиях его они видят либеральные направления. Обо всем прочем они так упорно умалчивают, что имя государя встречается разве только в официальных известиях. Журналисты наши не принимают статей и стихов, в которых прославляются русские государи и правительство. Писателей, которые хоть раз напечатали сочинение в подобном духе, они считают шпионами и предателями.

Еще во время Крымской войны Бенедиктов [11]), Майков [12]) и некоторые другие стихотворцы наши, воспламеняясь русским патриотизмом, хвалили мужество наших войск, твердость русского народа и вообще воспевали русскую славу; обличители наши развенчали этих поэтов и теперь еще, при всяком удобном случае, указывают на них, как на людей бездарных и отсталых. Майков считался прежде либеральным писателем, но после Крымской войны и он впал в презрение у нигилистов. Не далее, как в нынешнем году, при разборе книги Горского [13]) «Сатирические очерки и рассказы» (в «Русском слове», 1864 г. кн. I, стр. 4) сказано, что Майков в сочинениях своих переменил венок либерального певца на трехугольную поярковую шляпу. Как только «Отечественные записки» изменили прежний тон и начали помещать статьи в правительственном духе, тотчас появились в журналах намеки, а в публике разнеслась молва, будто бы Краевский получает вознаграждение от правительства. Теперь не верят уже, чтобы в пользу правительства можно было писать по собственному убеждению.

Мысли о равенстве писатели наши проводят в печати под видом рассуждений о сближении с народом и о любви к меньшей братии. При этом они выводят наружу слабость и низкие поступки высшего сословия, стараясь не только понизить его до уровня простолюдинов, но даже показать, что низшее сословие заслуживает большего внимания и уважения, чем сословие высшее. Выставляя заботливость свою о меньшей братии, нигилисты наши не хотят и слышать о недостатках простолюдинов, а везде, где только столкнутся низший с высшим, они с величайшей нежностью защищают первого и с ожесточением нападают на последнего. Какой-то доктор не дал извозчику за проезд столько, сколько требовал этот извозчик, хотя требование его было самое бессовестное, и все газетчики наши, не видя в поступке извозчика ничего дурного, несколько месяцев осыпали доктора ругательствами.

Стихотворец Фет [14]), переселившись в свое поместье, напечатал статью о своевольстве и обманах крестьян; за это журналисты наши уже более года не только осыпают Фета оскорбительными насмешками, но уничтожают литературную славу его и доказывают, что он самый плохой поэт, тогда как прежде они восхищались его сочинениями.

Посредники, становые и другие начальствующие лица, равно как и землевладельцы, всегда виноваты перед литературой нашей, если они подвергают крестьян преследованию, хотя бы преследование это было вполне справедливо и законно. «В Русском слове», 1864 г., кн. 2, стр. 159—160, напечатано стихотворение Тениссона [15]), перевод Плещеева [16]), «Леди Клара Вер-де-Вер»; эта леди изображена в самых черных красках: она имела двадцать приятелей-графов и не стыдилась завлекать в свои сети даже простолюдинов. Один из обманутых ею поселян, изливая в стихотворении жалобы свои на леди, говорит с презрением о титлах, гербах и других атрибутах высшего сословия. Седьмой куплет этой пьесы заканчивается стихами:

Поверьте, тот лишь благороден,
Чья не запятнана душа,
А ваши графские короны
Не стоят медного гроша.

Такую же нежную любовь молодое поколение наших писателей питает ко всем молодым людям. Вычитав в Бокле, что великие люди сделали знаменитые открытия и совершили важнейшие дела свои в молодости и что даже те старики, которые в успехах разума следуют за своим веком, большей частью уже не совершают никаких замечательных дел, нигилисты наши на этом основании считают себя и все молодое поколение главными двигателями общественной и государственной жизни. Вследствие этого они в среде своей защищают не только полезных деятелей, но даже шалунов, и нападают на каждого, кто осуждает молодое поколение и нынешнюю литературу.

Уже несколько лет прошло после того, как на юбилее князя Вяземского [17]) высказаны были этим заслуженным писателем и графом Соллогубом [18]) мысли против

новой литературы нашей, но журналисты наши до сих пор не перестали при всяком удобном случае нападать на князя Вяземского и графа Соллогуба.

Щедрин (Салтыков), родоначальник нашей обличительной литературы, был всегда одним из любимцев читающей публики, но как только он напечатал в «Современнике» несколько строк в обличение студенческих беспорядков, происходивших в С.-Петербургском университете, тотчас (в «Русском слове», 1864 г., кн. 2, «Литературное обозрение», стр. 1—42) появились статьи Писарева [19] и Зайцева [20], которые напали на Щедрина и доказывают, что этот писатель не произвел ничего замечательного и что сочинения его не заслуживают ни малейшего уважения.

К числу мыслей, распространяемых нашими нигилистами, принадлежит еще учение об эмансипации женщин. Мысли об этом, как и все другие мысли наших писателей, заимствованы ими также у иностранцев. Там учение это началось с романов г-жи Жорж Занд и распространено Форстером, Миллем, Молешоттом и другими мыслителями. У нас оно началось с романов «Подводный камень» [21] и «Что делать?» [22] и подхвачено многими петербургскими журналами.

И за границей, и у нас учение это не пошло дальше теории, потому что сама природа женщины ограничивает круг ее деятельности. Главное назначение женщин составляют заботы о своем семействе: потом исключительно им принадлежат должности при женских воспитательных заведениях, должности гувернанток и учительниц в частных домах, повивальных бабок, экономок и т. п. Кроме того никто не препятствует им, если они чувствуют призвание к другим родам деятельности, быть писательницами, издавать журналы и газеты и даже поступать на службу. Княгиня Дашкова [23] была президентом Академии наук; Бунина [24], графиня Растопчина [25], Павлова [26], Маркович [27] и многие другие занимались и занимаются литературой; графиня Сальяс [28], Ишимова [29] и г-жа Мей [30] издавали журналы и газеты; девица Дурова (Александров) [31] служила в войсках в Отечественную войну 1812 года, и не далее, как в прошлом году, одной уральской казачке разрешено поступить в военную службу.

Словом, не воспрещается никакое занятие тем редким женщинам, которые показывают способности и побуждаются собственным внутренним влечением в какой-либо деятельности, хотя бы эта деятельность выходила из круга женских занятий. Это случаи исключительные. Но требовать, чтобы все женщины были воспитываемы и допускаемы к должностям наравне с мужчинами,— эта мысль всегда останется в одной теории и будет только сбивать женщин с истинного пути. Нельзя себе представить, что произошло бы, если бы полки, министерские департаменты, судебные палаты или городские полиции были составлены из одних женщин или пополам из женщин и мужчин.

Впрочем, учение об этом нигилистов не опасно, потому что оно никогда не перейдет в практику. Несравненно опаснее то, что, по их учению, женщинам и в нравственных поступках надобно извинять все, что извиняется мужчинам. Следуя этому учению, назад тому несколько лет, в Перми, статская советница Токарева читала в публичном собрании стихотворение Пушкина «Египетские ночи», и притом читала с такой выразительностью, с такими жестами, что бывшие в том собрании дамы краснели от стыда. Пермская публика была оскорблена г-жей Токаревой [32]. Один из петербургских журналистов, Вейнберг [33], напечатал в своей газете только известие об этом из Перми, но другие журналисты осыпали его бранью, как оскорбителя благородной дамы, и до сих пор попрекают Вейнберга в отсталости его от современных понятий.

Еще вреднее распространяемые нигилистами мысли о свободе брачных отношений. Нагляднее всего учение их об этом развито в романе Чернышевского «Что делать»?. В этом романе Рахметов внушает Вере Павловне Лопуховой, что половая ревность есть чувство ложное и что женщина может жить в согласии с мужем и любовником в одно время. Лопуховы вполне последуют этому совету. О новых людях, которым принадлежит это учение, Чернышевский в том же романе говорит: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы. Мало их,

е они дают всем людям дышать; без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало, но они в ней как теин в чаю, букет в благородном вине, от них ее и сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли» («Современник», 1863 г., кн. 4, стр. 517 и 518 и кн. 5, стр. 27).

Последователи этого учения отзываются о романе Чернышевского восторженно. Писарев в своей статье «Мотивы русской драмы» говорит: «Сколько минут чистейшего счастия пережил Лопухов в то время, когда, отрываясь от любимой женщины, он собственноручно устраивал ей счастие с другим человеком. Тут была обаятельная смесь тихой грусти и самого высокого наслаждения, но наслаждение далеко перевешивало грусть, так что это время напряженной работы ума и чувства, наверное, оставило после себя в жизни Лопухова неизгладимую полосу самого яркого света» («Руссское слово», 1864 г., кн. 3, «Литературное обозрение», стр. 19—20). Какое произошло бы смешение дел и отношений, если бы общество наше начало руководствоваться правилами нигилистов об эмансипации женщин!

С такими понятиями о женской нравственности у наших нигилистов идут вровень грязные и безнравственные картины и описания. Успенский, один из замечательных нынешних писателей, напечатал рассказ «Ночью. Мирные картины московской жизни» («Русское слово», 1864 г., книга 1, стр. 153—172). В этих мирных картинах изображены развратные женщины самого низшего разряда и между ними одна крестьянская девушка, недавно павшая, но уже превзошедшая в разврате всех московских камелий. Все эти картины не мирные, но до того грязные и бесстыдные, что совестно читать даже мужчине. В другом рассказе сочинения Воронова [34] «Московские норы и трущобы» («Русское слово», кн. 1, стр. 125—151, и кн. 2, стр. 31—...) описаны жизнь и поступки воров и разного рода мошенников. Этот рассказ, весьма живой и рельефный, мог быть помещен в журнале только в таком случае, если бы журнал предназначался исключительно для чтения воров и мошенников. В рассказе «Ловля жениха» соч. Утина [35] (там же, кн. 3, стр. 181—188) изображен пожилой чиновник, который ищет женихов для своих дочерей и который уже завлек было одного молодого человека в женихи своей старшей дочери, но жених шепнул на ухо старику такие слова, что свадьба не состоялась. По ходу повести ясно видно, что шепнутые на ухо слова заключают в себе такой неблагопристойный смысл, что вся повесть делается неблагопристойностью величайшей.

Обличительная литература, встречающаяся во всех наших периодических изданиях, но преимущественно напоминающая «Искру», «Занозу» [36], «Осу» [37] и другие сатирические листки, сверх преследования мелких чиновничьих злоупотреблений и общественных недостатков, преисполнена также двусмысленностями и неблагопристойностями. Писатели наши называют такое направление литературы реальным, с гордостью утверждая, что только такая литература, извлекаемая из действительной жизни и приносящая практическую пользу, есть истинная литература и что литература прежнего времени, витавшая в облаках, была одним бесплодным препровождением времени праздных людей. Весьма сомнительно, чтобы такая литература приносила пользу: учить людей нравственности грязными примерами есть то же, что учителю напиваться пьяным до отвращения для того, чтобы поселить в детях отвращение к пьянству. Если злоупотребление в чиновничьем мире и общественные недостатки уменьшаются, то происходит это скорее от правительственных преобразований и от времени, нежели от наших «свистунов». Эти «свистуны» только оскорбляют многих частных лиц и скорее могут понизить, нежели возвысить уровень общественной нравственности.

Между тем нигилисты наши составили такую плотную и самовластную корпорацию, что действуют в литературном мире совершенно деспотически. Выше объяснено, с какой яростью нападают они на всякого писателя, который не следует их направлению. Кто бы ни решился защищать религиозные верования, старые политические убеждения, общественный строй, знаменитых деятелей прежнего времени на поприще науки и литературы, кто бы ни вздумал высказать истину самим ниги-

листам, они роем, как шмели, нападают на своего противника, забывают все заслуги его и с злопамятством преследуют его в продолжении не только нескольких месяцев, но и нескольких лет.

У нас нет еще общественного мнения, потому что в обществе никто не отворачивается от взяточников или от людей, ведущих беспутную жизнь, но все им кланяются и жмут руку, как и честным людям, но у нас образовалось уже грозное журнальное мнение. Гнет его, прежде всего, чувствуется нашими писателями, особенно молодыми. Никто из них не смеет писать и даже говорить в ученых обществах не в духе нынешнего времени. Потом этот гнет чувствуют на себе цензоры. Находясь под двумя страхами — потерять место за пропуск недозволенной статьи, или подвергнуться гонению журналистов за отказ в ее пропуске, они не знают, что делать, и нередко первый страх поборается последним.

Либерализм столько проник даже в наших служащих чиновниках, что некоторые из них скорее решатся потерять должность, чем прослыть людьми ретроградными. Эта эпидемия коснулась и высших чиновников: от нее потерял место тайный советник Цеэ [38]). Перемены в цензурном управлении в этом случае не принесли никакой пользы, много раз подвергали взысканиям и увольняли от службы цензоров. Главное управление цензуры перенесли из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел, на место Цеэ назначали действительного статского советника Турунова [39]), но дело осталось в прежнем виде, верх до сих пор удерживается писателями, а не правительством.

Между тем у нас существует предварительная цензура и, следовательно, виновны во всем цензоры. Не пропусти цензор, не явилось бы в печати статьи или книги, не было бы и преступления. Поэтому справедливость требовала бы за проступки против закона о печати подвергать взысканию не писателей и не журналистов, а одних цензоров. С тем вместе и цензоров надобно бы поставить в такое неприступное положение, чтобы они не могли подвергаться деспотизму писателей и журналистики. Русские писатели рассуждают об этом иначе, они желали бы полной отмены цензуры. Надежды их по этому предмету усилились в последнее время от того, что в Финляндии предположено уничтожить цензуру. Мнения по этому предмету «Дня» [40]) «Московских ведомостей» [41]) и «Отечественных записок» приведем собственными их словами.

«В финляндский сейм внесен проект нового закона о печати. По этому проекту печать в Финляндии освобождается не только от предварительной цензуры, но и от административного контроля, и подчиняется единственно суду, то есть освобождается вполне. Нам приятно вспомнить при этом, что освобождение печати не будет новой привилегией Финляндии: подобную же реформу правительство давно уже предположило и для русской печати. Как слышно, новый проект об том будет внесен для обсуждения в Государственный совет. Наше правительство, очевидно, желает дать эту льготу равномерно всем подданным русской державы и никак не устранять от нее тех, на ком основана вся сила и значение русской державы. Закон, определяющий свободу печати, не может быть разным в разных частях одного и того же государства. Печать не есть чисто местный интерес: она объемлет собой все интересы. Закон о печати есть один из основных элементов государственного права. Если в одной части государства он будет действовать так, а в другой части того же государства иначе, то неизбежным последствием такого разногласия в столь существенном пункте непременно произойдут самые серьезные замешательства. Нам кажется, что значение льготы не изменилось бы от того, если бы она произошла для Финляндии из одного источника и одним путем с остальной Россией.

Теперь нельзя предвидеть, какие основания примет наше правительство для закона о печати в целой России; но, по всему вероятию, основания нового закона о печати будут для всей России не менее удовлетворительны, чем для отдельной Финляндии. Что может удовлетворить Россию, то, конечно, может удовлетворить и Финляндию. Что безопасно для государственного интереса в Финляндии, то в тысячу раз безопаснее в России.

Нельзя, однако, не отдать справедливости истинно либеральному духу, который выразился в проекте, вышедшем из рук финляндской администрации. Только в одном пункте финляндский закон оказывается крайне нелиберальным. Он дает свободу финляндскому уроженцу высказываться только на шведском и еще на финском языке, но для русского языка он не допускает свободы ни в какой степени, ни в какой мере. В Финляндии есть люди русские; в Выборгской губернии их много; но если бы кто-нибудь из них захотел издавать газету или журнал по-русски, то посреди полной, почти безусловной свободы, которая предоставляется шведской и финской печати, русский человек со своим русским языком остается под цензурой, остается единственно потому, что он русский и желает говорить по-русски. Он остается несовершеннолетним и неполноправным. Чтобы стать существом самостоятельным и свободным, он должен обратиться или в шведа, или в финна. Вот какая выходит странность: звание русского в пределах русского государства становится символом гражданской неполноправности!..

Дай бог дождаться поскорее желанного простора мысли и слова для большего успеха реформы и благих желаний правительства. Таковы, вероятно, молитвы каждого истинного патриота в настоящую минуту» («Отечественные записки», 1864, кн. 2, современная хроника, стр. 243—244).

8 мая 1864 года.

ЦГИАМ, ф. III, отделения, 1-я экспедиция, 1863 г., д. 23, ч. 295, лл. 41—53.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Воззвание «Молодая Россия» — прокламация; изданная в Москве в мае 1862 г. революционным кружком Заичневского и Аргиропуло (см. М. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов, изд. 2-е, ГИЗ, 1923, стр. 508—518.

2) Так правительство наказывало студентов, участвовавших в волнениях 1860—1861 гг., заключая большое число студентов предварительно, до ссылки, в казематы Петропавловской крепости.— 158.

3) Князь А. Ф. Голицын (1796—1864) как председатель следственной комиссии по расследованию государственных преступлений в 1862 г. принимал участие в расследовании революционной деятельности Н. Г. Чернышевского. За свою жестокость он получил в кругах революционной молодежи прозвище «инквизитор».—158.

4) «Искра» (1859—1873) — сатирический журнал, в котором принимал участие Н. А. Добролюбов. Редактировали журнал художник Н. А. Степанов (1807—1877) и поэт В. С. Курочкин (1831—1875).— 159.

5) Аскоченский В. И. (1830—1879) — ярый реакционер и мракобес. В своей газете «Домашняя беседа» резко и грубо нападал на прогрессивную и революционно-демократическую журналистику.— 159.

6) Юркевич П. Д. (1827—1874) — философ, реакционер, противник материализма, выступал против Н. Г. Чернышевского.— 159.

7) Благосветлов Г. Е. (1824—1880) — редактор журнала «Русское слово».— 160.

8) Зайцев В. А. (1842—1882) — критик, публицист и переводчик, сторонник вульгарного материализма и деятельный сотрудник «Русского слова», соратник Писарева, придерживался радикальных взглядов.— 160.

9) Диего-Сориа — итальянский историк, профессор публичного права. Разбору его книги, которую Зайцев называет «прекрасным сочинением», посвящена еще одна статья Зайцева в № 1 «Русского слова» за 1864 г.— 160.

10) Шмидт Юлиан (1818—1886) — немецкий историк литературы, критик умеренно-либерального направления.— 160.

11) Бенедиктов В. Г. (1807—1873) — написал стихотворение «К России» в правительственно-либеральном духе (см. В. Бенедиктов. «Стихотворения», т. II, 1884, стр. 222).— 161.

12) Майков А. Н. (1821—1897). Его стихотворение «Коляска» (март 1854 г.), посвященное восхвалению Николая I, долгое время являлось мишенью для насмешек и сатирических намеков.— 161.

13) Горский П. В.— писатель 40—60-х годов, печатался в журналах «Русское слово», «Библиотека для чтения» и др.— 161.

14) Фет (псевдоним) — Шеншин А. А. (1820—1892) — поэт «чистого искусства». Статья его о своевольстве и обманах крестьян под названием «Из деревни» напечатана в «Русском слове», 1863, кн. 1 и 3. Жалобы Фета на нерадивость своего работника Семена широко обсуждались и высмеивались в передовой публицистике того времени. В частности, о работнике Семене и Фете писал Писарев (см. его статью «Реалисты», «Русское слово», 1864, № 9 и 10.— 161.

15) Теннисон Альфред (1809—1892) — популярный в 60-е годы английский поэт. Его переводили Д. Минаев, М. Михайлов, А. Барыкова и др.— 161.

16) Плещеев А. Н. (1825—1892) — поэт, член кружка петрашевцев, был приговорен к четырем годам каторги, которые были заменены военной службой в рядовых Оренбургского линейного батальона. После ссылки работал в журналах как поэт и переводчик.— 161.

17) Юбилей престарелого князя П. А. Вяземского (1792—1878) — отмечался 2 марта 1861 г. Вяземский — друг А. С. Пушкина, в молодости либерал, «декабрист без декабря», а впоследствии консерватор и товарищ министра просвещения, преследовавший стихи Н. А. Некрасова.— 161.

18) Соллогуб В. А. (1814—1882) — писатель умеренно-либерального лагеря; автор повести «Тарантас» и обличительной драмы «Чиновник».— 161.

19) Очевидно, имеется в виду статья Д. И. Писарева (1840—1868) «Цветы невинного юмора» («Русское слово», 1864, кн. 1), в которой Писарев, недооценивая сатиру Салтыкова-Щедрина, советовал придать ей более острый политический характер.— 162.

20) Имеется в виду статья В. Зайцева «Глуповцы, попавшие в „Современник“» («Русское слово», 1864, февраль), в которой он указывает на кажущуюся ему слабость общественных тенденций в сатире Салтыкова.— 162.

21) Роман «Подводный камень», напечатанный в журнале «Современник», 1860, № 10—11, принадлежал М. В. Авдееву (1821—1876), писателю умеренно-либерального образа мыслей.— 162.

22) «Что делать?» — Известный роман Н. Г. Чернышевского.— 162.

23) Дашкова Е. Р. (1743—1810) — придворная дама при Екатерине II, писала статьи, стихи и оставила интересные мемуары.— 162.

24) Бунина А. П. (1774—1828) — поэтесса, перевела «Правила поэзии» Батте. —162.

25) Растопчина Е. П. (1811—1858) — поэтесса.— 161.

26) Павлова К. К. (1810—1894) — поэтесса и переводчица.— 162.
тельница демократического направления, писала на русском и украинском язы-

27) Маркович М. А. (псевдоним Марко Вовчок (1834—1907) — популярная писаках, печаталась в «Современнике» и «Русском слове».— 162.

28) Сальяс — графиня Е. В. Салиас де Турнемир (1815—1892), (псевдоним Евг. Тур) выступала как беллетрист и критик в журналах «Современник» и «Русский вестник»; в 1861 г. организовала свой журнал «Русская речь», в котором вела отдел критики.— 162.

29) Ишимова А. О. (1806—1881) — детская писательница; ее «Историю в рассказах для детей» высоко оценил Пушкин.— 162.

30) Мей С. Г. издавала в 1862—1881 гг., журнал «Модный магазин».— 162.

31) Дурова Н. А. (1783—1866) — участница Отечественной войны 1812 г.— выпустила ряд повестей и интересных воспоминаний под псевдонимом А. Александров.— 162.

32) Автор ошибся: в действительности этот эпизод произошел с Е. Э. Толмачевой, женой председателя Пермской казенной палаты и директрисой женской пермской тюрьмы.— 162.

33) Вейнберг П. И. (1830—1908) — поэт, переводчик и журналист умеренно-либерального направления. Вызвал бурю негодования и горячую полемику среди журналов («Современник», «Время», «Отечественные записки») своим фельетоном в журнале «Век» под псевдонимом «Камень Виногоров» о выступлении Е. Э. Толмачевой. Журналы много писали о «безобразном поступке „Века“» (см. подробно: П. Вейнберг. Безобразный поступок «Века».— «Историч. вестник», 1900, май; Н. В. Шелгунов. Воспоминания. Пгр. 1923, стр. 105 и др.).— 162.

34) Воронов М. А. (1840—1873) — писатель-демократ.— 163.

35) Утин Л. И. (1823—1890) — писатель.— 163.

36) «Заноза» — юмористический журнал, выходивший в 1863—1865 гг. в Петербурге сначала под редакцией М. Розенгейма, а с середины 1864 г. под его же редакцией вместе с И. А. Арсеньевым.— 163.

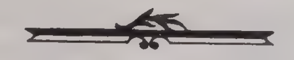
37) «Оса» (1863—1865) — еженедельный сатирический журнал, выходил в С.-Петербурге под редакцией А. Григорьева.— 163.

38) Цеэ В. А.— в 1862 г. председатель С.-Петербургского цензурного комитета, действительно покинул место, испугавшись ответственности.— 164.

39) Турунов М. Н. в 1863—1864 гг. член совета министра внутренних дел, затем председатель цензурного комитета.— 164.

40) «День» — славянофильская газета, выходившая в 1861—1865 гг. в Москве под редакцией И. С. Аксакова.— 164.

41) «Московские ведомости» (1756—1917) — газета М. Н. Каткова, в 60-е годы занявшая реакционную позицию; в 50-е годы Катков вел ее в либеральном духе. После польского восстания 1863 г. Катков стал обскурантом и воинствующим националистом.— 164.

Дневники Воспоминания

«ОКОПНАЯ ПРАВДА»

Д. И. ГРАЗКИН

Весной 1916 г. я попал по мобилизации на Северный фронт, в 436-й Новоладожский полк. Мы, большевики, находившиеся в армии, усиленно вели агитацию среди солдат против империалистической войны и звали народ к свержению царизма. Вначале мне пришлось действовать в одиночку, но уже летом 1916 г. в Новоладожском полку, стоявшем за Ригой, организовалась нелегальная группа социал-демократов большевиков. Первое время в нее входили три человека: А. Г. Васильев, Р. Ф. Сиверс и я. Васильев был писарем в штабе полка, Сиверс — зауряд-прапорщиком, я — рядовым солдатом.

Февральская революция застигла врасплох большинство солдатской массы. Сначала солдаты растерялись, они не знали, что делать, тем более, что армия в своем большинстве состояла из крестьян, не имевших ни революционных, ни организационных навыков. Этим воспользовались социал-соглашатели и примкнувшая к ним часть офицерства. Оглушая солдат пустой трескотней о «свободе», «демократии», «народовластии» и т. п., они втирались к ним в доверие, пытаясь прибрать армию к своим рукам и подчинить ее реакционной буржуазной политике.

Чтобы отстоять свободу для народа, нужно было немедленно и в самом широком масштабе охватить солдатскую массу организационно и идейно. Тех подпольных форм работы в массах, к которым мы привыкли, было явно недостаточно. Сил у нас, большевиков, в то время было очень мало. Широкая волна массового движения захлестывала нас. Необходимы были — и много — агитаторы, пропагандисты, организаторы, вожаки, но их не было. Перед нами стояла задача из сырой солдатской массы в ходе борьбы выковывать нужные кадры.

В то время нам очень пригодилось указание В. И. Ленина об организационной и пропагандистской роли газеты, о чем он писал в своих работах «Что делать?» и «С чего начать?». Вот почему мы так страстно стремились к изданию солдатской газеты «Окопной правды», как мы ее назвали.

Но для издания своей газеты необходимы были прежде всего деньги, а денег-то как раз у нас и не было. Мы обращались в разные организации, пробовали устраивать спектакли, но результаты были ничтожны. Однако наши мечты о газете, постоянные разговоры о ее необходимости передались и солдатам, и солдатская масса включилась в организацию газеты.

Непосредственным толчком к этому послужил корпусный митинг, на котором командование и лжесоциалисты хотели навязать солдатам оборонческий «символ веры». Своей цели, они, конечно, не достигли, но все же некоторые солдаты были сбиты ими с толку. Это особенно возмутило солдат нашего полка, которые уже в большой мере находились под влиянием большевистской пропаганды. По окончании митинга солдаты окружили меня и стали с жаром обсуждать его результаты. После горячего

обмена мнениями единодушно пришли к заключению, что нужна своя, солдатская газета, которая выражала бы думы и чаяния солдат-фронтовиков. На этом импровизированном собрании и решено было пойти по ротам и приступить к сбору денег на издание газеты.

Когда солдатская масса сама занялась вопросом о средствах на газету, выяснилось, что в полковых суммах имеются порционные деньги, оставшиеся от выбывших солдат, что-то около семи тысяч рублей; вот и решено было потребовать эти деньги для раздачи солдатам, но фактически на руки их не получать, а отдать на издание газеты.

Впоследствии солдат нашего полка тов. Байков писал об этом в «Правду»: «При всех общих наших солдатских силах у нас сорганизовались весьма хорошо, и солдаты, с общего согласия, решили издавать свою полковую газетку... Для издания ее мы на первый номер отчислили все целиком деньги, приходящиеся нам получить за недополученные хлеб и сахар, а потом устраивали спектакли...» [1].

Д. И. Гразкин — член редакционной коллегии «Окопной правды»

Наряду с этими деньгами мы собрали еще две тысячи рублей по подписным листам среди солдат других полков и частей 109-й пехотной дивизии, в которую входил Новоладожский полк. Таким образом, к концу апреля 1917 г. мы имели уже около девяти тысяч рублей и с этим приступили к изданию газеты. Первый номер «Окопной правды» вышел 30 апреля 1917 г. Само название газеты, выбранное нами по аналогии с органом ЦК РСДРП «Правдой», свидетельствовало о ее большевистской направленности.

На заседании полкового комитета была разработана структура газеты; намечалось иметь в газете пять разделов: в первом разделе — печатать статьи по общеполитическим вопросам; во втором — освещать деятельность солдатских комитетов с большевистских позиций, или, как мы тогда говорили, с позиций Новоладожского полка; в третьем разделе предполагалось печатать солдатские письма по образцу рабочих писем, печатавшихся в «Правде» в 1912—1914 гг.; в четвертом — телеграммы, русскую и иностранную хронику; в пятом — обзор солдатских писем, карикатуры, политическую сатиру и т. п.

В практической работе в большинстве случаев эти разделы не соблюдались, а пятый раздел вообще не существовал. Обычно тематику газеты определяли политические события, и соответственно им подбирался материал для печати.

Трудности издания газеты были огромны. Не было типографии, которая могла бы ее печатать (все типографии в Риге были захвачены или штабом армии, или оборонцами), не было бумаги, не было достаточно средств, не было типографских рабочих, не было литературных сил, не было и опыта в постановке газеты. Приходилось все начинать на пустом месте и с голыми руками. Но мы — большевики; раз дело партии требует — нужно делать во что бы то ни стало, и мы делали.

Полковой комитет выделил комиссию по организации газеты в составе А. Г. Ва-

[1] «Правда» № 78, 10 июня 1917 г.

сильева, Р. Ф. Сиверса, Ф. П. Хаустова [1] и меня. Эта комиссия в дальнейшем и стала редакционной коллегией «Окопной правды».

Примерно 10 марта было дано задание Хаустову подыскать типографию для печатания газеты. После усиленных поисков удалось найти бездействующую типографию, оборудованную весьма примитивно. До войны в ней печатались фирменные бланки, торговые счета, рекламные объявления и т. п. Владелец типографии согласился отдать ее в аренду с оплатой по 25 руб. за выпуск каждого номера. У него же была приобретена и первая партия бумаги. Бумага была не только белая — газетная, но и других цветов: розовая, синяя и т. п., оставшаяся от реклам, поэтому некоторые номера «Окопной правды» печатались на цветной бумаге.

Контракт об аренде типографии подписал Хаустов; в контракте было оговорено, что он, Хаустов, берет на себя перед властями ответственность за выпускаемую печатную продукцию. Заключение контракта Хаустовым лично от себя, а не от имени полкового комитета, делало Хаустова как бы частным издателем газеты, что вскоре привело, как видно будет из последующего, к неприятным последствиям.

Полковой комитет Новоладожского полка отыскал среди солдат четырех наборщиков и двух печатников и добился от командира полка освобождения их от несения строевой службы, а также получения ими довольствия в сухом виде.

Первое время редколлегия делала все сама. Сами писали статьи, сами правили солдатские письма и заметки, сами корректировали и сами же верстали газету. Опыта в этом деле у нас не было никакого. Приходилось идти ощупью и учиться в процессе работы. Лишь постепенно мы упорядочили работу в редакции.

Чтобы понять, в каких условиях мы работали, нужно мысленно перенестись в ту обстановку, какая создалась в первое время после Февральской революции. 700-тысячная XII армия бурлила, как растревоженный улей. Собрания, митинги следовали беспрерывно. Нам приходилось в день раз по пять и больше выступать в разных воинских частях, нередко отстоящих друг от друга на расстоянии нескольких километров. Кроме того, надо было вести и организационную партийную работу. Всю же работу в редакции мы выполняли почью, а утром опять — митинги, собрания и т. п.

Мы физически не могли справиться со всем этим и стали искать выхода. Правку солдатских писем было решено возложить на более грамотных солдат из команды связи Новоладожского полка: тт. Иванова, Кириллова, и кажется, Тимофеева. Вначале мы с ними вместе делали эту работу. Потом, увидав, что они основательно наловчились, переложили на них всю техническую работу по редакции. Впоследствии, когда военная организация большевиков XII армии была подчинена Рижскому комитету, нам стали присылать в помощь интеллигентов для правки солдатских писем и заметок. Некоторые из них работали неделю — две, а другие и месяц.

Редколлегия намечала тематический план предстоящего номера в зависимости от политической обстановки. Консультанты отбирали из редакционной почты материалы, подходившие к тематике номера газеты, затем с санкции редколлегии или кого-либо из ее членов приступали к редакционной правке. Впоследствии консультанты делали все это сами. Редколлегия только рассматривала подготовленный ими материал и либо возвращала на доработку консультантам, либо давала санкцию на печатание. Позднее, когда мы уже достаточно освоились с редакционными делами и когда были очень заняты партийной работой, то в некоторых случаях мы не собирали редколлегию, а каждый из ее членов просматривал материал и, если был согласен, ставил свою подпись. В исключительных случаях приходилось знакомиться с основным материалом по телефону. Обычно, как правило, с начала выхода «Окопной правды» — 30 апреля 1917 г. и до прекращения ее издания 16 февраля 1918 г.— работа в редакции велась коллегиально.

---

[1] Хаустов был эсером-максималистом, он активно работал с большевиками, а затем стал членом РСДРП(б).

Непомерно трудной была для нас журналистская деятельность. Никто из нас никогда ею не занимался, но обстоятельства вынудили нас стать журналистами, ибо первое время, кроме нас, писать в большевистском духе было некому. Вначале не очень-то гладко получалось, можно сказать, коряво получалось. Мы это понимали, но выхода не было. Наши враги, ругая нас, называли «Окопную правду» анархическим безграмотным листком. Кстати сказать, они и «Правду» называли анархическим листком. На них мы не обращали внимания, но иной раз нам попадало и от наших руководящих товарищей.

Р. Ф. Сиверс А. Г. Васильев

Члены редакционной коллегии «Окопной правды»

Однажды в начале июня 1917 г. я приехал в Петроград. Мне нужно было побеседовать с В. И. Лениным, но так как все, со всех концов России стремились к Ленину, то ясно, что он не имел физической возможности встретиться со всеми желающими. Мне удалось повидать Я. М. Свердлова во дворце Кшесинской, в маленькой комнатушке, очевидно предназначенной ранее для прислуги. Комнатка была забита народом. Я с трудом протиснулся к столу. В это время Яков Михайлович, схватив кепку со стола, стремительно повернулся к выходу. Я бросился к нему наперерез, схватил за рукав и скороговоркой выпалил:

— Я из «Окопной правды».

Тогда он сделал полуоборот ко мне и, поблескивая стеклами пенсне, сердито проговорил:

— Что вы там местничаете? Все номера заполняете местным материалом.

Я, оправдываясь, ответил:

— Яков Михайлович! Мы пишем и общее.

— Пишете, да недостаточно. Надо местные вопросы сочетать с общеполитическими задачами.

Он вытащил из кармана сводку Петроградского телеграфного агентства и, подавая мне, сказал:

— Вот здесь материал об английском после Бьюкенене. Обработайте применительно к вашим условиям, но не ругайтесь, как извозчики, поищите какого-нибудь писучего человека. А то у вас язык-то суконный.

— Яков Михайлович! Мы стараемся поглаже. Но ведь газета-то солдатская и язык солдатский, это политически важно.

Он примирительно проговорил:

— Ладно, ладно, как умеете, так и пишите. Только, чтобы в нужную точку били.

И, дружески похлопав меня по плечу, добавил:

— Мы знаем ваши силы — в общем неплохо получается — работайте! А это,— сказал он, указывая на переданный мне материал,— это надо подработать.

Вскоре в «Окопной правде» появилась статья «Царь Бьюкенен первый». Эта статья была весьма важной в политическом отношении. При русском верховном командовании существовал союзнический военный совет, возглавлявшийся английским послом в России Бьюкененом. При этом совете была громадная свита контролеров, английских и французских генералов и офицеров, американских финансовых советников и т. п. Они задавали тон всей политике. В то время их политической целью было послать армию в наступление и тем самым подчинить ее политике империализма. Вот это-то и требовалось разоблачить в газете.

В первых номерах «Окопной правды» статьи общеполитического характера мы писали коллективно, потом стал писать кто-либо один из членов редколлегии, а впоследствии мы уже заказывали такие статьи пишущему товарищу. Такого рода статьи предварительно, перед печатанием, всегда обсуждались редколлегией.

Что касается солдатских писем и заметок, то их прием и получение в разное время были разными. Первое время при посещении солдатами редакции «Окопной правды» мы вели с ними беседы, в процессе которых старались натолкнуть их на правильное понимание вопросов, а затем просили их эти мысли записать на бумагу. Получалась заметка, но в ней была выражена мысль отдельного солдата, а мы стремились вовлечь в политику массы и научить их мыслить политически. Для этой цели мы рекомендовали солдатам обсуждать написанные ими заметки со своими товарищами. В результате получались коллективные письма или заметки, нередко обсуждавшиеся целым взводом или командой. При этом случались любопытные эпизоды.

Однажды в мое дежурство в редакцию вошло двое солдат, они вели себя неуверенно, чувствовалось, что они впервые в редакции. Одного из них звали Иваном, другого Семеном. Тон задавал Семен. Он вытащил из-за обшлага шинели свернутую восьмушку бумаги, исписанную каракулями, тщательно расправил передо мной на столе, помолчал, а затем с усилием выдавил:

— Вот это того, надо в газету.

Я прочел лежащий передо мной листок, в котором было написано: «В роте есть выборный депутат «О», который нехорошо защищает, кто его выбирал, все в сторону начальства тянет. Солдат «У».

Я спросил его:

— А почему у вас такой шифр — «О», «У»?

Семен замялся и, заикаясь, начал объяснять:

— «У» — это я, значит, Устинов, а «О» — это ефрейтор Орлов.

Иван, вмешавшись в разговор, пояснил:

— Они, значит, земляки — Семен-то с Орловым, и ему, значит, не совсем ладно его топить. Может, очухается, если мы ему через газету по уху двинем. До выборов-то он был солдат как солдат. Председатель-то полкового комитета прапорщик из искосоловских [1], вот он всем там им голову и дурит.

Указывая на заметку, я сказал:

— У вас тут написано — «нехорошо защищает». Как это понять? Плохо защищает или творит там всякие грязные дела?

— Нет, зачем грязные,— возразил Семен,— отбился он от своих, вот что. На «Окопную правду», говорит, не надо подписываться. «Рижский фронт» [2] читайте! Его,

---

[1] Искосол — так называли Исполнительный комитет солдатских депутатов XII армии, меньшевистско-эсеровский по своему политическому направлению.

[2] «Рижский фронт» — орган Искосола.

дескать, и офицеры читают, а кто, значит, не шибко грамотен, говорит, не выбирайте, пусть поучится, станет прапорщиком.

Я заметил:

— А вы об этом не пишете.

Иван ответил:

— Да мы поначалу написали, но нескладно получилось, ну и похерили.

Я сказал:

— А вот сейчас-то вы складно рассказывали, так бы и написали.

— Ишь ты,— удивленно проговорил Семен,— а мы-то думали, что надо как поученее. Постольку-поскольку. (В то время эти слова были ходячими, и солдаты их часто употребляли иной раз к делу, а другой раз и без дела). А что, если вместо «нехорошо защищает» написать: «не столько защищает».

Я ответил:

— «Не столько» — слово хорошее, и если изменить и другие слова, то получится неплохо.

И они общими силами, при моей помощи, составили заметку, в которой говорилось: «В роте есть выборный депутат «О», который не столько, как увидите из его деятельности, защищает интересы избирателей, сколько интересы начальства». И дальше — коротко о деятельности Орлова. Семен, подписав заметку, торжествующе посмотрел на нас с Иваном и с восторгом проговорил:

— А здорово это не столько, а!

Мы с Иваном согласились с ним, что это здорово. И он, удовлетворенный, вышел из редакции.

Теперь я был в полной уверенности, что Семен будет защищать «Окопную правду» и все, что в ней написано. Мы приобрели верного помощника и страстного пропагандиста и, что важно,— разбудили в нем творческую мысль.

Экспедицией газеты занимались вначале те же солдаты из команды связи Новоладожского полка, о которых говорилось выше. В воинские части, где были большевистские полковые комитеты, газета доставлялась через посредство нарочных этих комитетов. В тех же частях, где полковые комитеты были оборонческие, «Окопная правда» распространялась через большевистские группы или через солдат-добровольцев. А таковых у нас было немало. Некоторые из них были энтузиастами этого дела. Они доставляли «Окопную правду» в самые отдаленные части фронта.

Нередко были случаи, когда этих добровольцев арестовывали за распространение «Окопной правды», а после ее закрытия — «Окопного набата». Так, например, некий поручик Петрушев, комендант 743-го Тирумского полка, задержал за продажу «Окопного набата» солдата пулеметной команды Трофима Шестакова и под конвоем отправил его вместе с кипой «Окопного набата» к коменданту 186-й дивизии. Там этот солдат попал в оборонческий дивизионный комитет, где сидели такие же «петрушевы». Дивизионный комитет отправил солдата к комиссару армии для ареста [1]. Такие случаи были нередким явлением.

Газета распространялась и через некоторые газетные киоски, но не все они соглашались продавать «Окопную правду», так как опасались потерпеть убыток: довольно часты были случаи, когда реакционное офицерство и солдаты-оборонцы отбирали «Окопную правду» у газетчиков и тут же уничтожали ее.

Мы особенно стремились завербовать газетчиков на железнодорожных станциях. Солдаты, проезжавшие по железной дороге, закупали «Окопную правду» и развозили ее по всему фронту. Но и здесь нам чинили препятствия. 11 июня 1917 г. главнокомандующий Северным фронтом отдал распоряжение начальнику военных сообщений запретить продажу на железнодорожных станциях газет: «Правда», «Солдатская правда» и «Окопная правда». В нем говорилось: «В случае нарушения этого распоряжения указанные газеты конфисковывать и сжигать» [2]. Некоторые коменданты стан-

[1] ЦГВИА, ф. 2486, оп. 1, д. 6, л. 183.
[2] Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 113, л. 140.

ций исполняли это распоряжение довольно ретиво. Так, на ст. Ромоцкое комендант запретил газетчику инвалиду Васлейко продавать большевистские газеты, а имевшиеся 50 экз. «Окопного набата» отобрал и разорвал. Тогда солдаты, стоявшие близ станции, организовали вооруженную охрану газетчика.

Социал-предатели, засевшие в Искосоле, не отставали от реакционного командования. Они объявили бойкот «Окопной правде». Издаваемая командованием газета «Солдатское слово» 28 мая 1917 г. писала: «Советом солдатских депутатов XII армии вынесено постановление — бойкотировать большевистскую газету «Окопная правда» во всех районах армии». Искосол в своей экспедиции не принимал на нее подписку, а также запрещал принимать ее полковым, дивизионным и корпусным комитетам.

Но не так-то просто было отгородить солдат от своей газеты. Солдатская масса энергично добивалась подписки на «Окопную правду». Так, 20 мая солдаты 1-го батальона Сибирского стрелкового полка потребовали от оборонческого полкового комитета выписать для каждой роты по одному экземпляру «Окопной правды», и полковой комитет вынужден был это сделать [1]. Конечно, такие требования удовлетворялись не везде. Например, в Григорьевопольском полку поручик Долгушев подал командиру полка рапорт, в котором просил выписать ему «Окопную правду». На этом рапорте черносотенный зубр полковник Бахтин в такой форме излил свою ненависть к большевистской газете, он наложил резолюцию: «Как ошибочно засланное, обратитесь в германский генеральный штаб» [2].

Несмотря на всевозможные препятствия, мы находили способ доводить «Окопную правду» до солдат. Так, мы воспользовались правом солдат бесплатно посылать письма и рекомендовали своим читателям по прочтении газеты отсылать ее своим землякам, находившимся в других армиях. Зная, что штат военных цензоров невелик и что они просматривали не все солдатские письма, а выборочно, мы советовали писать адрес на конверте каракулями и вкладывать газету в самодельный конверт. Подобного рода письма зачастую не подвергались просмотру, очевидно, цензоры полагали, что такой «грамотей» ничего крамольного не напишет. Так распространялась «Окопная правда», попадая и на другие фронты. В сводке о настроении частей 9-го армейского корпуса II армии Западного фронта говорилось: «Начинают распространяться газеты «Звезда» и «Окопный набат», попадающие на фронт контрабандным путем, установить который пока не является возможным» [3].

Наша редакция довольно часто получала письма и даже корреспонденции с других фронтов. Приведу одно из таких писем с турецкого фронта, за несколько тысяч километров от Риги, из-под Эрзерума. В нем говорилось: «Товарищи! Сегодня мне пришлось читать вашу газету «Окопную правду», о которой мы, товарищи солдаты, много слышали, которая защищает интересы всего революционного народа, революционной армии и пролетариата... Товарищи! Как я, так и все мои товарищи разделяем взгляды газеты «Окопной правды». Журавов» [4].

Выпуск первых номеров «Окопной правды» был сопряжен с большими трудностями. Много затруднений пришлось нам испытать по вине Хаустова, который, воспользовавшись своим договором с владельцем типографии, сделал попытку выпустить газету, не считаясь ни с решением полкового комитета, ни с мнением редколлегии. По настоянию Хаустова в первых двух номерах газеты красовался эсеровский лозунг наряду с социал-демократическим. Только после приезда тов. Сиверса из Петрограда мы перезаключили договор с владельцем типографии, но и после этого Хаустов пытался протаскивать в газете статьи с эсеровским душком. Так, в номере втором он ухитрился втиснуть в статью о крестьянских съездах слова: «Вся трудовая Россия стоит за социализацию земли». Даже при правке солдатских писем он пытался вставлять словечки, отдававшие эсеровщиной. На этой почве с ним происходили

[1] См. «Окопная правда» № 10, 24 мая 1917 г.
[2] «Солдатская правда» № 55, 28 июня 1917 г.
[3] ЦГВИА, ф. 2048, оп. 1, д. 24, л. 293.
[4] «Окопная правда» № 29, 12 июля 1917 г.

частые недоразумения. Крупная размолвка Хаустова с редколлегией произошла в связи с его статьей о войне, написанной в буржуазно-пацифистском духе. Редколлегия отказалась напечатать эту статью. Он обиделся и перестал бывать в редакции.

Сепаратизм Хаустова разлагающе действовал и на других членов редколлегии. Так, пока тов. Сиверс находился в Петрограде, а я возился с провокационной затеей отправки дивизии на передовые позиции, тов. Васильев в одном из первых номеров без согласования со мною напечатал статью за своей подписью, в которой меньшевиков Чхеидзе и Церетели называл вождями революционного Петрограда и всей России.

Лишь после самоустранения Хаустова «Окопная правда» приобрела свое настоящее лицо, стала более принципиально выдержанной, да и редколлегия стала дружнее работать.

Остановлюсь коротко на вопросе о языке и стиле газеты. Мы стремились насыщать каждое письмо, каждую заметку, каждую статью великой правдой классовой борьбы, преподнося ее читателям газеты на доступном им языке.

Мы не допускали такой правки солдатской корреспонденции, при которой пропадал бы авторский язык. Нам было важно сохранить его, ибо, говоря со знанием дела о солдатской жизни, выражая мысли солдат о войне и мире, о земле, о справедливости и т. д. на простом солдатском языке, газета делала эти мысли более доходчивыми, более понятными солдатской массе. Следует учесть, что «Окопная правда» печатала много писем и заметок солдат, а также целых воинских коллективов, и мы были заинтересованы в том, чтобы солдаты, читая свою заметку или письмо, напечатанное в газете, видели в этом выражение своих мыслей и узнавали бы свое авторство, чтобы они верили и в остальной, напечатанный в газете материал, так, как если бы он был написан ими самими. Отшлифовать такую заметку ученым языком, чтобы потом авторы ее не узнали, и после этого приписать им авторство — значило подорвать доверие к газете среди солдат. Кроме того, посылая свои письма и заметки в газету, солдаты брали на себя моральную ответственность за написанное, а это заставляло их серьезно продумывать политические вопросы и таким образом становиться сознательными борцами за народное дело.

Учитывая наш контингент читателей, людей, не привыкших к чтению, мало читающих, мы стремились помещать статьи как можно более короткие, излагающие одну какую-нибудь мысль; это концентрировало внимание читателей на ней и облегчало им восприятие сложных политических вопросов. Другой вопрос таким же образом — коротко — излагался в другой заметке. Из таких коротких заметок, писем и коротких статей и состояла вся газета. Проводившиеся в газете идеи и политические взгляды большевиков становились благодаря этому более доступными для понимания широкой солдатской массы, с которой редакция была тесно связана. Потому «Окопная правда» и была так любима и популярна в солдатской среде. С выходом газеты мы приобрели мощного и незаменимого помощника в борьбе за распространение большевистских идей в армии.

Вначале «Окопная правда» была органом Исполнительного комитета Новоладожского полка. Затем через ее посредство удалось собрать членов большевистской партии из других частей XII армии[1]. С выходом газеты эти товарищи стали заходить в редакцию и группироваться около нее. Бывали в редакции и товарищи, хотя и не партийные, но близкие к большевикам. В начале мая мы собрали большевиков из частей XII армии и образовали инициативную группу социал-демократов, после чего «Окопная правда» с четвертого номера стала органом инициативной группы социал-демократов большевиков XII армии.

Наши агитационные поездки по фронту показывали, что среди солдат имеются товарищи, тяготеющие к большевикам. Было решено создать общеармейскую орга-

---

[1] В 1916 г. царское правительство стало брать в армию политически неблагонадежных и политических ссыльных, вследствие чего последнее пополнение в армию накануне Февральской революции прибыло с большевиками.

низацию большевиков, а в частях — полковые и дивизионные организации. В пятом номере «Окопной правды» 10 мая 1917 г. было помещено объявление следующего содержания: «Товарищи! Сочувствующие нашей газете и ее политическому направлению, записывайтесь в члены партии и приходите на общее собрание». В следующем номере газета вторично обращалась к солдатам с тем же призывом.

Наряду с инициативной группой и ее органом «Окопной правдой» в Риге существовала социал демократическая партийная организация, при которой была русская секция, находившаяся в руках меньшевиков. Из большевиков в нее входил один только тов. Григорьев. 4 мая было созвано собрание русской секции. Основательно подготовившись, мы решили пойти туда. На этом собрании Рижский комитет поставил доклад о Петербургской армейской конференции большевиков, после чего большинство собрания приняло резолюцию в духе Апрельской большевистской конференции. Тогда меньшевики ушли из русской секции; мы завладели ею и организовали бюро русской секции. «Окопная правда» с седьмого номера стала органом военной организации русской секции при Рижском комитете социал-демократов большевиков.

В целях создания партийных организаций в воинских частях в 15-м номере была помещена заметка, в которой говорилось: «Для скорейшего создания такой организации необходимо имеющимся членам военной организации объединиться в полках, ротах и т. п. по группам, привлекая к этим группам новых товарищей. Таким путем создастся идейно сплоченный кружок (коллектив), который посылает от себя представителя для совместной работы в центральный орган, объединяющий все кружки». Нам удалось сорганизовать во многих воинских частях большевистские группы, после чего была созвана общеармейская конференция большевиков, на которой была создана военная организация большевиков XII армии, числившаяся при Рижском комитете социал-демократов Латышского края. С 10-го номера «Окопная правда» стала органом этой организации. Таким образом, газета сыграла большую роль в создании большевистских организаций в воинских частях XII армии и общеармейской организации большевиков.

В первое время после Февральской революции, когда среди солдатской массы царил разброд, было особенно важно подсказать солдату, как организовываться и во имя чего. В первом номере «Окопной правды» была опубликована «Основная программа», принятая 14 марта на митинге Новоладожского полка. Пункты 4—12 были взяты из программы-минимум РСДРП, остальные относились к текущему моменту. В основном «программа» Новоладожского полка была революционной. В ней говорилось о стремлении «к организации солдат и офицеров для противодействия попыткам старой власти вернуться к старому режиму или захвату буржуазией части завоеванных свобод». В «программе» ставилась задача доведения революции до конца и выдвигалось требование «теперь же приступить к мирным переговорам между всеми воюющими странами».

Однако надо сказать, что не все пункты этой программы были четкими и большевистски ортодоксальными. Она, несомненно, отражала известные колебания и неуверенность в решении важнейших вопросов революции, имевшие место в нашей партии до возвращения В. И. Ленина в Петроград. Так, в пункте 14 говорилось: «Считаем нужным и необходимым контроль Совета рабочих и солдатских депутатов над Временным правительством с целью доведения революции до конца». В пункте втором было сказано об «активной обороне».

Эти ошибочные формулировки были внесены в подготовленный нами проект «программы» тов. Васильевым. Он приехал из Петрограда прямо на полковой митинг, на котором обсуждался этот проект. В Питере Васильев встречался с Шляпниковым и Каменевым, последний-то и внушил ему мысль об «активной обороне» и «контроле Советов над правительством». Вначале мы с Сиверсом возражали против предложения Васильева, но когда он нам заявил, что это якобы точка зрения ЦК, мы больше не настаивали на прежних формулировках.

«Основная программа» новоладожцев была опубликована в «Правде» 21 марта

а затем 22 и 23 марта в «Известиях» Петроградского Совета и в других органах печати. К ней присоединились 23 воинские части XII армии.

Оборонцы из Искосола послали своему председателю Ромму, находившемуся в то время в Петрограде, следующую телеграмму: «...«Известия» Совета рабочих и солдатских депутатов в номере от 22 и 23 марта в «Петроградских известиях» дважды напечатали программу злосчастной 109-й дивизии. Это налагает печать к санкции Петроградского Совета. Необходимо путем заявления от редакции «Известий» лишить программу дивизии авторитетности. С дивизией много хлопот» [1].

«Окопная правда» систематически помещала на своих страницах призывы к солдатской массе о необходимости организации подлинно солдатских комитетов. Газета писала: «Теперь, товарищи, во главе полков и других частей стоят не полковники и соответствующие им чины, не офицерские комитеты, не офицерские и солдатские комитеты, а единственно только *солдатские комитеты*. Товарищи! Вся сила теперь на вашей стороне. Отнеситесь сознательно к выборам лиц в солдатские комитеты, выбирайте туда только настоящих защитников народных интересов, лиц, развитых и стойких, которых не могла бы обмануть буржуазия, оставьте у себя право *постоянного переизбрания* членов солдатского комитета,— и если вы все это сделаете, то этим вы создадите народную армию» [2].

В борьбе за создание чисто солдатских, большевистских комитетов в воинских частях газета активно выступала против меньшевистско-эсеровского Исполнительного комитета XII армии. В результате усиленной агитации «Окопной правды», разоблачавшей предательскую политику Искосола, воинские части начали выносить требования о его переизбрании. Солдаты Сибирского стрелкового полка вынесли постановление: «Немедленно переизбрать весь Искосол» [3]. Солдаты маршевого батальона писали: «Требуем немедленного переизбрания Искосола, защищающего интересы буржуазии. Наш армейский центральный орган должен состоять не из буржуев, а из нас, солдат, крестьян и рабочих. Только они могут защищать наши интересы» [4].

«Окопная правда» вела упорную борьбу за высвобождение солдатской массы из-под влияния меньшевиков и эсеров. Разоблачая их предательство, газета не ограничивалась вопросами войны, она приковывала внимание солдат и к другим животрепещущим вопросам — земельному, национальному и к вопросу о форме правления.

Влияние большевиков и «Окопной правды» в армии росло с каждым днем. Оборонцы и командование, почувствовав, что почва под ними колеблется, стали спешно принимать контрмеры. В штабах и офицерских комитетах началась мобилизация реакционных сил. На страницах офицерских «Известий» появилось заявление группы офицеров и «солдат», предлагавших правительству призвать их для борьбы с «внутренним врагом».

Меньшевики и эсеры яростно обрушились на «Окопную правду», называя ее «дезорганизатором армии», «анархическим, безграмотным листком» и т. п. С наибольшим остервенением нападали офицерские «Известия». Эта черносотенная газетка клеветнически заявляла, что «Окопная правда» — шпионская газета, издающаяся на немецкие деньги, и призывала покончить с ее руководителями.

Однако эффект от этой разнузданной наглой клеветы получился обратный. Солдаты, сами принимавшие участие в создании большевистской газеты, сами собиравшие деньги на ее издание, с негодованием прочли грязную статейку черносотенцев о своей любимой газете. Велико было возмущение всей армии. Через день офицерские «Известия» вынуждены были оправдываться, говоря, что авторы имели в виду шпионство не в буквальном смысле слова, а лишь в том, что «Окопная правда» якобы объективно служила немцам.

На эту кампанию клеветы и лжи редакция ответила призывом к перевыборам Искосола как организации, фактически не выбранной армией и враждебной солдат-

[1] ЦГВИА, ф. 94, оп. 1, д. 4, л. 150.
[2] «Окопная правда» № 1, 30 апреля 1917 г.
[3] Там же № 12, 28 мая 1917 г.
[4] Там же № 21, 21 июня 1917 г

ским массам; газета одновременно призывала распустить офицерские комитеты как черносотенные организации.

Кампания, поднятая «Окопной правдой» за роспуск офицерских комитетов, имела громадный успех среди солдат. Во всех частях вражда не только к офицерским комитетам, но и к самим офицерам приняла острые формы. Тогда командный состав и искосольцы учинили слияние офицерского комитета с Искосолом, причем вся головка Исполнительного комитета офицерских депутатов (Искомофа) была кооптирована в состав президиума Искосола.

В середине мая 1917 г. борьба между большевиками и соглашательскими партиями все обострялась. К концу мая оборонцы потеряли свое преимущественное положение, которое они имели ранее в солдатских комитетах. Началась большевизация солдатских комитетов, влияние оборонцев на солдат стало падать. 25 мая командующий XII армией писал начальнику штаба Северного фронта: «Влияние солдатских (читай: оборонческих.— *Д. Г.*) комитетов в смысле оздоровления и вообще авторитета их в пехотных частях слабеет. Были случаи переизбрания комитетов, причем в новые попали ленинцы» [1].

В этих условиях усилилась организующая роль «Окопной правды». В номере 15 от 7 июня она опубликовала резолюцию бюро военной организации о создании партийных организаций в воинских частях, в которой партийным организациям указывалось на необходимость проводить своих представителей в ротные, полковые и вышестоящие общесолдатские комитеты. А несколько ранее газета разъясняла депутатам-солдатам, что подчинение их по службе офицерам не должно распространяться на работу в выборных организациях, что при разрешении политических вопросов депутат свободен. «Прямое и открытое отстаивание своих требований — вот долг всякого солдатского депутата, где бы то ни было, в каком бы то ни было собрании — солдатском, офицерском или генеральском» [2].

Оборонцы из Искосола и реакционное командование, чувствуя, что они теряют влияние в армии, решительно настаивали на строгих мерах и на активных действиях армии, то есть на наступлении. Газета сосредоточила основное внимание на разоблачении империалистической политики буржуазии и особенно предательства меньшевиков и эсеров. «Окопная правда» в №№ 5 и 6 поместила статьи с критикой воззвания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов к армии, звавшего солдат в наступление.

Вся буржуазная и социал-шовинистическая печать обрушилась на «Правду» и «Окопную правду», занявших решительную позицию против продолжения империалистической бойни. Однако реакционная пресса добилась лишь того, что солдаты перестали ее читать. Так, солдаты 1-го батальона Сибирского полка приняли резолюцию, в которой требовали от полкового комитета «прекратить дальнейшее расходование наших денег на покупку буржуазных газет..., которые лишь затемняют нам глаза» [3]. Солдаты не хотели читать реакционные газеты. Несмотря на приказ командира 2-го Сибирского корпуса, обязывавший офицеров читать солдатам «большие газеты», в которых, по его словам, «работают большие силы, государственные умы», выполнить этот приказ было невозможно. Командир 80-го Сибирского полка доносил начдиву: «Офицерами полка солдатам читаются газеты, но солдаты требуют, чтобы офицеры читали только газеты «Окопную правду», «Солдатскую правду» и другие того же направления; все прочие газеты солдаты называют буржуазными и требуют не читать» [4].

Солдатская масса хорошо видела и понимала, что «Окопная правда» разоблачает союз меньшевиков и эсеров с империалистической буржуазией против народа. Солдаты Тираспольского полка писали: «Она («Окопная правда».— *Д. Г.*) наталкивает нас на много хороших мыслей и дает нам возможность понять, что для нас, трудящихся

---

[1] ЦГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 27, л. 21.
[2] «Окопная правда» № 2, 3 мая 1917 г.
[3] Там же № 10, 24 мая 1917 г.
[4] ЦГВИА, ф. 2229, оп. 1, д. 606, л. 24.

людей, хорошо и что плохо»[1]. Вот потому-то солдатская масса и любила эту газету. Маршевый батальон Сибирского полка, посылая пожертвования «Окопной правде», писал: «На усиление организации глубокочтимой и с жадностью читаемой солдатами»[2]. Газета в широкой солдатской среде была действительно «глубокочтимой», ибо она выражала мысли и чаяния солдат. 26 мая 1917 г. командир 433-го пехотного полка доносил начдиву: «Пропаганда «Окопной правды» вербует ежедневно все более и более приверженцев. В полку не проходит дня, чтобы та или другая рота или команда не жертвовала на поддержку „любимой газеты"»[3].

Такое отношение к «Окопной правде» было в подавляющем числе воинских частей XII армии. В течение мая — августа 1917 г. в редакцию поступило 278 групповых пожертвований на сумму 7809 руб. и 77 индивидуальных на сумму 377 руб., причем особенно ценным было то, что эти пожертвования составлялись из солдатских грошей.

Реакционное командование придавало важное значение 700-тысячной XII армии как в стратегическом, так и в политическом отношении. Командующий XII армией Радко-Дмитриев заявил: «Северный фронт, как лежащий на путях к столице, самый важный из всех фронтов, и войска его должны быть особенно сильны и сплочены»[4]. Вот почему реакцию выводило из себя огромное влияние «Окопной правды» на солдат. Не имея ничего реального противопоставить пропаганде большевиков, командование при поддержке соглашателей прибегло к насилию. На улицах Риги в конце мая участились аресты наших товарищей, солдат и рабочих. Аресты производились на митингах с одобрения и прямого содействия Искосола.

В тех случаях, когда люди, подлежавшие аресту, были особо популярны среди солдатской массы, их арестовывали тайком, секретно, чаще всего выманивая из армии. Тов. Сиверса, например, заманили во Псков, якобы для получения награды за рождественские бои, и там арестовали; тов. Хаустов был арестован во время отпуска на ст. Дебальцево и т. п. Практиковалось изъятие из армии неугодных командованию людей путем «откомандирования». Так были изъяты из армии капитан Сабецкий 11-го особого полка, врач 70-го Сибирского полка Глейзер и др.

Но мы уже не были маленькой горсткой людей как в первые дни революции. Большевистская организация XII армии при содействии «Окопной правды» выросла в многочисленную мощную организацию, да и вся солдатская масса была уже не та, и аресты отдельных большевиков не вызывали той «дезорганизации» «Окопной правды», на которую так надеялись командование и лжесоциалисты. Революционизирование солдат в результате роста репрессий не только не ослабилось, а наоборот, усилилось. Солдатская масса была озлоблена этими арестами и реагировала на них остро и нетерпимо; влияние и авторитет командования и Искосола катастрофически падали.

После Всероссийской конференции военных организаций РСДРП(б), в 20-х числах июня мы созвали свою армейскую расширенную конференцию. Присутствовало около 400 делегатов. Конференция проходила в здании городской управы в Риге, в период открытого перехода в наступление сил контрреволюции против революции. Керенский издал приказ о наступлении. Поэтому, помимо обсуждения на конференции общеполитического положения, мы перестраивали свои ряды на случай наскока реакции.

Были созданы два комитета военной организации: один легальный, председателем которого был избран я, второй — подпольный, председателем которого был избран тов. Римша; он же был послан делегатом и на шестой съезд партии[5].

Такая же перестройка была произведена и в крупных партийных организациях

[1] «Окопная правда» № 32, 18 июля 1917 г.
[2] Там же № 10, 24 мая 1917 г.
[3] ЦГВИА, ф. 2424, оп. 1, д. 250, л. 43.
[4] «Солдатское слово» № 53, 14 мая 1917 г.
[5] После VI съезда партии тов. Римша больше у нас не работал; он стал председателем Юрьевского комитета большевиков.

отдельных частей армии. На армейской конференции мы инструктировали товарищей о конспиративных методах работы и предложили всем организациям уничтожить именные списки, протоколы и тому подобные документы.

В редакции «Окопной правды» по существу все оставалось по-прежнему, но в организации работы произошли некоторые изменения. Как уже говорилось выше, в самом начале выхода газеты были допущены некоторые промахи. Вышестоящие организации опасались, что, если организационно не упорядочить дело, то и впредь мы не гарантированы от подобных фактов. Поэтому после упомянутой выше конференции бюро военной организации и бюро Рижского комитета были приглашены на заседание ЦК Социал-демократии Латышского края [1], на котором в связи с обострившейся политической обстановкой обсуждались вопросы тактики. Наряду с этим был поднят вопрос о лице, персонально отвечающем за идейное содержание «Окопной правды» или, вернее, о редакторе.

Мы были противниками единоличного редакторства и рьяно отстаивали коллегиальную работу и ответственность редколлегии в целом. Особенно упорным в этом отношении был я. Тогда-то и было рекомендовано возложить ответственность в смысле редакторства на меня [2]. Таким образом я и стал ответственным редактором «Окопной правды». Однако принцип работы редколлегии остался прежним.

Правда, поскольку я персонально отвечал перед партийной организацией за газету, я более придирчиво по-редакторски относился к печатаемому материалу, но не было случая, чтобы я единолично решал вопрос о печатании той или иной статьи и вообще ставил бы себя над редколлегией. Я старался втянуть в работу всех членов редколлегии.

В то время, наряду с пропагандой наших идей и разоблачением соглашателей, мы главное внимание сосредоточивали на сохранении нашей организации, поддержании в ней боевого духа и уверенности в неизбежной победе революции. Для этого нам и нужно было, чтобы известные всей армии большевики личным примером, оставаясь на руководящих постах, показывали членам партии и солдатам нашу веру в победу. Эту тактику нам пришлось особенно усилить после закрытия «Окопной правды».

Бешеная злоба империалистической буржуазии против большевиков, мешавших ей подчинить своей политике армию, чтобы использовать ее в завоевательных целях, способствовала открытому вмешательству англо-франко-американского империализма в политическую жизнь России. «Союзники» требовали перехода русской армии к активным действиям, но для этого нужно было предварительно расправиться с большевиками. В числе репрессивных мер по отношению к большевистской партии значительное место занимало также преследование большевистских газет. 7 июля Керенский дал телеграфный приказ привлекать к ответственности, как за государственную измену, за неисполнение всех законов правительства и распоряжения военных властей о запрещении распространения большевистских газет среди солдат и о прекращении издания «Правды», «Солдатской правды» и «Окопной правды». После этого 12 июля последовало соответствующее постановление Временного правительства.

15 июля Керенский снова дает приказ, в котором, приводя постановление Временного правительства, продолжает: «...объявляя об этом, приказываю: 1) газеты «Правда», орган Центрального комитета и Петербургского комитета РСДРП; 2) «Окопная правда», орган военной организации при Рижском комитете социал-демократов Латвийского края, на основании вышеприведенного постановления Временного правительства закрыть» [3].

Приказ Керенского от 7 июля и вторичный приказ от 15 июля пока повисли в воздухе. Как только в армии узнали о телеграмме Керенского, посыпались массовые

[1] По решению ЦК РСДРП наша военная организация была подчинена ЦК Латвии.
[2] Сейчас трудно припомнить точную формулировку этого решения. Я три раза писал в ЦК Компартии Латвии, просил их поручить кому-нибудь порыться в архивах и поискать это решение, но ответа не получил.
[3] ЦГВИА, ф. 94, оп. 1, д. 12, л. 272.

протесты солдат. Вот выписки из нескольких резолюций. Из резолюции солдат Сестрорецкого полка: «Глубоко возмущены приказом о запрещении распространения наших газет «Правды», «Окопной правды», «Солдатской правды». Из резолюции солдат Поневежского полка: «Протестуем против политики Временного правительства и телеграммы военного министра Керенского, посягающих на свободу слова и печати». Пулеметчики-сибиряки писали: «Приказ Керенского — это возврат к режиму царизма — этого не должно быть!» [1]. Огромное количество таких резолюций получала редакция «Окопной правды».

Искосол и командование, видя массовое возмущение солдат, медлили с закрытием «Окопной правды» и, только тщательно подготовившись, решились на этот шаг. Для проведения операции прибыл правительственный комиссар фронта Станкевич. 21 июля в 23 часа весь квартал, где помещались типография и редакция, был оцеплен войсками и казачьими патрулями. Сильный отряд казаков во главе с товарищем прокурора Рижского окружного суда Чайковским и комиссаром 6-го района города Риги Верба заняли дом, где помещалась редакция «Окопной правды». В редакции, типографии и экспедиции был произведен тщательный обыск со взломом закрытых ящиков, столов и шкафов. При обыске были изъяты чековые книжки и все денежные документы, номера газет, письма, материалы архива редакции. На другой день «Рижский фронт», захлебываясь от радости, сообщил: «Редактор и сотрудники будут привлечены к ответственности по 108 статье Уголовного уложения».

В царское время, в 1909—1910 гг., я привлекался по 102 статье Уголовного уложения. При Керенском я получил прибавку на шесть статей. При царе мне грозила ссылка, а при Керенском — каторга или даже смертная казнь. При царе я судился по делу тайной типографии, а при социал-предателях должен был предстать перед судом по делу легальной газеты.

Однако нас, большевиков-ленинцев, не испугала угроза судебной ответственности, мы продолжали дело, доверенное нам партией. Через день, 23 июля, вместо «Окопной правды» мы стали выпускать «Окопный набат».

С выходом «Окопного набата» в лагере контрреволюции всполошились. Командующий Северным фронтом Клембовский из Пскова запрашивал комиссара Северного фронта Станкевича, находившегося в Риге: «Судя по «Вечернему времени» от 24 июля, издание «Окопной правды» продолжается. Настоятельно прошу выяснить верно ли это и в утвердительном случае принять решительные меры для прекращения выхода ее» [2].

В то же время ставка Верховного главнокомандующего запрашивает начальника штаба Северного фронта: «Имеются сведения, что, вопреки постановлению Временного правительства, издаваемая в районе XII армии газета «Окопная правда» продолжает выходить под новым названием «Окопный набат». Установлено, что последний сохраняет дух и направление и программу первой. Главковерх приказал доложить, возбуждается ли вопрос о закрытии «Окопного набата», если он является повторением «Окопной правды» [3]. Военный министр из ставки телеграммой от 7 августа категорически приказал прекратить издание на фронте всех газет большевистского направления.

Протест против закрытия «Окопной правды» вынесли 23 полка, не считая артиллерийских и других воинских частей. Возбуждение солдат было настолько сильным, что назревали самочинные выступления, но обстановка была не такова, чтобы идти на выступления. Для успокоения масс ЦК с.-д. Латышского края и Рижский Совет рабочих депутатов выпустили специальное обращение к армии, в котором говорилось: «Ни одна воинская часть не должна без приказа Исполнительного комитета Совета или ЦК с.-д. Латышского края самостоятельно выступать..., если дело революции потребует, Совет немедленно даст свой приказ армии».

На этот раз нам также удалось сдержать армию от преждевременного выступ-

---

[1] «Окопная правда» №№ 31 и 32, 16 и 18 июля 1917 г.
[2] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 113, л. 156.
[3] Там же, л. 158.

ления, хотя солдаты рвались к активным действиям и могли бы выступить. Это понимали и командование, и Искосол. Потому-то, несмотря на грозные запросы сверху, они не решились сразу закрыть «Окопный набат». Так, комиссар Северного фронта Станкевич, сообщая военному министру о выходе «Окопного набата», писал, что он рассчитывает воздействовать на «наиболее благоразумные» элементы социал-демократии Латвии, которые подписали воззвание, составленное в шовинистическом духе [1]. Бюро военной организации выступило в ЦК с.-д. Латвии с протестом против этого воззвания, и вскоре ЦК Латвии, признав ошибочность своей подписи под воззванием, снял ее. Сняли подписи также и Исполнительный комитет Латвийских стрелков и Рижский Совет, после чего за подписью этих организаций было выпущено воззвание, составленное в большевистском духе [2].

Протест против закрытия «Окопной правды» вынесли не только воинские части, но и петербургские рабочие. В газете «Рабочий и солдат», в №№ 1—7, были опубликованы протесты заводов «Нобель», Ново-Барановского, т-ва Тиглей и Морган, Шейн и К° и др.

В бессильной злобе на революционный народ реакционное командование пошло на прямую измену Родине. Предатели решили сдать Ригу немцам, поставить под разгром и дезорганизацию всю 700-тысячную XII армию и таким образом открыть немцам свободный путь на столицу и сдать революционный Петроград — сердце и мозг революции — врагу. Кроме того, командование рассчитывало возложить всю вину за дезорганизацию армии на большевиков и тем дискредитировать их.

Очистив предмостные укрепления, сняв артиллерийское прикрытие, оставив против немцев почти безоружную дивизию, изменники 21 августа сдали Ригу немцам. И если им не удалось отрезать армию за Ригой и дезорганизовать ее, то этому помешали большевики, благодаря которым немцы были сдержаны за Ригой. Героизм большевистских частей вынуждены были признать и сами меньшевики; председатель Искосола Кучин телеграфировал во ВЦИК, что стойкость войск такая, какой не было никогда. Узнав о прорыве немцев, солдатская масса была возмущена до крайности. Повсюду говорили об измене. Командир 18-го Сибирского полка сообщал командиру 5-й Сибирской дивизии: «По сведениям, некоторые части 18-го полка не исполнили приказа об отходе и на указание, что пора оставить позиции, ответили, что считают это изменой» [3].

После сдачи Риги военная организация большевиков обосновалась в гор. Вендене. Первым делом мы принялись за восстановление связей между партийными организациями, прерванных во время отступления. Когда связь была восстановлена, перед нами встал вопрос о возобновлении издания «Окопного набата», выпуск которого приостановился в связи со сдачей Риги. В сентябре была созвана армейская конференция большевиков, на которой обсуждались общеполитические и организационные вопросы, в том числе и вопрос об издании своей газеты. Дело упиралось в деньги. Если на издание «Окопной правды» солдаты отдали свои порционные деньги то теперь этого источника не было.

ЦК РСДРП и лично Я. М. Свердлов оказали нам содействие в получении 3800 руб. от членов ЦК с.-д. Латвии. Был у нас резерв бумаги — 120 пудов, пожертвованной рабочими писчебумажной фабрики гор. Ревеля еще на «Окопную правду». Кроме того, мы получили, согласно указанию ЦК РСДРП, имущество газеты «Отклики правды» (органа Венденского комитета партии) и тысячу руб. непосредственно от ЦК партии, а также несколько сот рублей, собранных на 15 заводах петроградскими рабочими. Трудно сказать, стал бы выходить «Окопный набат» после оставления Риги или нет, если бы не Центральный Комитет партии, который был очень заинтересован в издании нашей газеты. Я. М. Свердлов писал Венденскому комитету партии 20 сентября 1917 г.:

---

[1] См. ЦГВИА, ф. 366, оп. 1, д. 205, л. 68.
[2] См. «Окопный набат» № 7, 6 августа 1917 г.
[3] ЦГВИА, ф. 2517, оп. 1, д. 442, л. 235.

«Уважаемый товарищ. Одновременно с Вашим письмом нам пришлось вести разговор с товарищами из ЦК Латвии. Поскольку удалось выяснить, было бы более желательно издание в Вендене «Окопного набата», который в свое время уже приобрел местную популярность в рядах широких солдатских масс. «Отклики правды» можете превратить в популярный еженедельник. О всей правильной работе предлагаем сговориться с тов. из ЦК Латвии. Крайне нежелателен какой-либо конфликт с ними. Помимо того, отсюда едет еще и т. Нахимсон, работавший здесь долгое время с нами. Во всяком случае, желательна единая организация. Надеемся, что Вам удастся договориться и наладить работу как следует. Желаем всяческих успехов» [1].

Опасения Якова Михайловича относительно конфликта были не напрасны. Как тов. Гранас, так и мы были подпольщиками и привыкли указания ЦК выполнять беспрекословно, но Васильев был несколько самолюбив, и направление к нам Центральным Комитетом Нахимсона почему-то обидело его. Он на бюро предлагал не принимать Нахимсона, но его никто не поддержал. Однако это все-таки привело к некоторой «организационной дипломатии». Гранас и Нахимсон были введены в бюро и в редколлегию «Окопного набата», но, поскольку Нахимсон претендовал на редакторство, было решено сделать так: я оставался ответственным редактором, а в подзаголовке газеты писалось, что выходит под редакцией Нахимсона, Васильева и др.

Перед нами в армии, находившейся на охране подступов к революционному сердцу страны, стояла сложная задача — сделать эти подступы недоступными как для немецкого империализма, так и для русской контрреволюции и в то же самое время готовить солдатские массы к пролетарской революции. В этом духе и вел работу «Окопный набат». И солдатская масса, ведомая большевистскими партийными организациями и «Окопным набатом»,— продолжателем «Окопной правды», шла за большевиками.

В сводке штаба фронта по XII армии накануне Октября надежных частей считалось 4, вызывающих сомнение — 44, ненадежных — 18 [2]. За список большевиков во время выборов в Учредительное собрание голосовало 53,5%, т. е. больше половины солдат. Вместе с тем мы знали, что, когда наступит момент решающих боев, и та часть солдат, которая голосовала за другие партии, пойдет за большевиками, что впоследствии и подтвердилось. Большевиками был организован армейский военно-революционный комитет, и мы вели уже непосредственную подготовку к революции.

В первые дни Октябрьской революции — 25—27 октября Искосол проявил бешеную активность, пытаясь отправить войска Керенскому. Но, убедившись, что армия идет за военно-революционным комитетом, который привел свои войска в действие (занял 27 октября Венден, 28 октября Вольмар и Стакельн и двинул свои части на Валк),— социал-предатели завопили о «нейтралитете армии». «Окопный набат» разоблачил их иезуитскую политику, опубликовав телеграмму Керенского, Авксентьева и прочих о помощи. Газета призвала солдат не верить телеграммам Комитета спасения родины и дала указание войскам не делать никаких выступлений без распоряжения военно-революционного комитета.

По призыву «Окопного набата» солдаты заняли ставку XII армии и тем самым подчинили всю эту армию большевистскому военно-революционному комитету.

После совершения Октябрьской революции в армии военная организация восстановила прежнее название газеты — «Окопная правда», сыгравшей громадную революционную роль в воспитании, организации и руководстве солдатской массой.

[1] «Исторический архив», 1955, № 5, стр. 10.
[2] ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 37, лл. 668, 671.

О РАБОТЕ СУЩЕВСКО-МАРЬИНСКОЙ РАЙОННОЙ ДУМЫ В МОСКВЕ В 1917 г.

И. Г. БАТЫШЕВ

Деятельность районных дум Москвы, избранных 24 сентября 1917 г., не получила до настоящего времени освещения в исторической литературе; между тем эти организации сыграли немалую роль в мобилизации масс для завоевания диктатуры пролетариата и заслуживают внимательного изучения.

В. И. Ленин придавал огромное значение выборам в районные думы в Москве и Петрограде и в ряде своих выступлений особо подчеркивал значение московских выборов, показавших, что народные массы перешли на сторону большевиков. В статье «Кризис назрел» В. И. Ленин писал: «Это голосование на выборах в районные думы в Москве является вообще одним из наиболее поразительных симптомов глубочайшего поворота в общенациональном настроении» [1].

Мне пришлось принимать активное участие в борьбе большевиков за овладение Сущевско-Марьинской районной думой в сентябре 1917 г., а также в ее практической работе и хотелось бы поделиться воспоминаниями об этом [2].

Но прежде чем перейти к вопросу о работе в районной думе, следует коротко рассказать о том, как началась моя работа в Сущевско-Марьинском районе.

Во время империалистической войны я работал слесарем-лекальщиком на Военно-промышленном заводе (бывш. Вейхальта, недалеко от Курского вокзала), где еще в 1915 г. была создана крупная большевистская организация. Затем был арестован, сослан и вернулся в Москву в марте 1917 г.

По возвращении явился в Московский комитет партии, чтобы посоветоваться, куда пойти работать. Было решено направить меня на Военно-артиллерийский завод (Всеобщей компании электричества), один из крупнейших заводов Москвы (около пяти тысяч рабочих) [3], где было меньшевистское засилье.

На заводе партийная организация не была еще крепко спаяна; существовала тенденция строить партийную организацию по национальному признаку: латыши пытались сохранить свою национальную организацию. В результате такой разобщенности большевикам не удалось провести свою линию, и меньшевики и эсеры захватили все рабочие организации завода в свои руки. Больших трудов стоило нам создать единую, монолитную партийную организацию на заводе. В апреле 1917 г. мы

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 58.

[2] Сущевско-Марьинский район г. Москвы занимал территорию: от Триумфально-Садовой площади (ныне площади Маяковского) до Мещанских улиц по Садовому кольцу; от кольца Садовой до Белорусского и Савеловского вокзалов, включая Марьину Рощу.

В настоящее время на территории бывшего Сущевско-Марьинского района разместились районы: бо́льшая часть Дзержинского, Коминтерновского, Свердловского, Советского и частично Ленинградский и Октябрьский.

[3] Военно-артиллерийский завод (ныне Тормозной) был эвакуирован во время войны из Риги.

ачали атаку на меньшевистский заводской комитет, разъясняя рабочим, что меньшевики ведут неправильную линию, что они ничего для рабочих не сделали и не делают.

Вскоре наша парторганизация провела по всем мастерским перевыборы членов овета уполномоченных цехов [1] и в его состав прошло подавляющее большинство ольшевиков. Рабочие выбрали меня председателем заводского исполкома; одновреенно я был избран председателем фракции большевиков исполкома.

У нас был очень хороший крепкий коллектив, причем все рабочие, в него вхоившие, заслуживают внимания. Это — В. М. Горбанский, вместе с которым мы проодили всю работу в период Октябрьской революции и вели массу в бой; В. Я. Щуин — рабочий-слесарь, который работал на многих заводах и принимал участие во ногих забастовках. После Февральской революции он вступил в партию большевиов; совсем неграмотный, он был исключительным оратором. Рабочие его очень люби и избрали в члены Московского Совета; он был членом исполкома Моссовета. . Я. Аболь — твердый, настойчивый в своей деятельности, его также избрали чле ом Московского Совета. Тов. Цыганов — талантливый, выдержанный и устойчивый аботник. В 1919 г. он был послан на фронт, заразился сыпным тифом и умер. . М. Битте вначале был секретарем партийной организации. Во время гражданской ойны он погиб на Южном фронте. Техническим секретарем исполнительного комиета был П. Я. Доман. Мы с ним дни и ночи проводили на заводе, ходили по мастерким, агитировали рабочих и работниц. Были еще и другие товарищи, которые ктивно участвовали во всей нашей партийной и профсоюзной работе.

Начали мы с того, что повысили заработную плату всем работницам, в первую чередь тем, которые получали зарплату меньше, чем мужчины на такой же работе. т имени заводского исполкома мы предъявили требование повысить зарплату работицам, а также малооплачиваемым рабочим и заставили администрацию это сдеать. Добились и отмены обысков рабочих. Был положен также конец надругательтву мастеров над женщинами, которых они принуждали к сожительству; несколько астеров было уволено.

Проведение заводским комитетом этих мероприятий значительно укрепило наш вторитет среди рабочих. Подавляющее большинство работниц встало на нашу торону.

Мы заставили администрацию освободить от работы всех 22 членов исполкома оплачивать им по средней зарплате. Это дало нам возможность широко развернуть артийную и профсоюзную работу. Был создан ряд комиссий: расценочная, конликтная, культурно-просветительная, продовольственная, контрольная (для контро я над производством) и др.

8 июля 1917 г. Московский союз металлистов объявил в Москве всеобщую забаговку с требованием установления прожиточного минимума для рабочих-металлиов. Я был членом правления этого союза. От руки размножив обращение, призыавшее рабочих нашего завода начать забастовку, я рано утром расклеил его по сем мастерским. Меньшевики и эсеры, прочитав обращение, ворвались в помещение авкома, находившееся на пятом этаже, схватили меня и пытались выбросить из кна с криками: «Мы тебе покажем, как бастовать». В это время подоспели рабочиеольшевики и стали выгонять меньшевиков и эсеров из завкома.

Рабочие забастовали, чем вынудили директора завода ввести установленный оюзом металлистов прожиточный минимум заработной платы. Мы одержали крупую победу.

Тяжело было работать. Мы вели напряженную борьбу против меньшевиков и серов, особенно в июньские и июльские дни, когда они всячески старались оклевеать В. И. Ленина и большевиков.

Еще большие трудности приходилось преодолевать в связи с тем, что на нашем

[1] Совет уполномоченных цехов или пленум завкома избирался в количестве 00 чел.; Совет уполномоченных выбирал исполком из 22 чел.

заводе работало до 400 человек чуждого элемента[1]. Среди них агент охранного отделения, приехавший из Рязани; Мишин — крупный торговец, имевший магазин на Мясницкой улице; Подкопаев — рыбопромышленник; Денисов — владелец кондитерской фабрики и другие. Они числились на заводе, приходили на собрания, дебоширили.

Мы создали специальную комиссию, привлекли туда представителей рабочих от разных мастерских, поставили во главе члена исполкома и поручили немедленно выявить все контрреволюционные элементы. До 350 человек мы выгнали с завода. После этого работать стало легче.

В конце июня 1917 г. происходили выборы в Московскую городскую думу по системе пропорциональных выборов с заранее опубликованными списками кандидатов. Большевистский список под № 5 был объявлен как список социал-демократов интернационалистов. Большевики выставили своих кандидатов и поставили задачу завоевать городскую думу. Однако значительная часть трудящихся еще не отделалась в то время от эсеровско-меньшевистского влияния, и в городскую думу прошли в большинстве эсеры, меньшевики и кадеты[2].

Московская буржуазия старалась провести в городскую думу своих представителей путем обмана и различных выборных трюков. Так, кадетская газета «Русские ведомости» сообщала, что кадеты включили в число своих кандидатов в гласные так же представителей торговых служащих. Большевики разоблачили этот обман, опубликовав заявление Совета рабочих депутатов и Московского союза торгово-промышленных служащих о том, что они не выдвигали кандидатов в список кадетов и рекомендуют подать голоса за большевистский список.

Октябрьская газета, издаваемая банкиром Рябушинским, «Утро России» в день выборов напечатала гнусную клевету о том, что в большевистском списке якобы имеется разоблаченный провокатор Комаров. На самом деле этот провокатор значился не в большевистском списке, а в списке меньшевиков-объединенцев.

Московские большевики выпускали листовки с призывом: «Голосуйте за список социал-демократов интернационалистов № 5». В них разъяснялось массам, за что борются большевики, против кого они борются и почему московские трудящиеся должны голосовать за список № 5.

За большевистский список в Московскую городскую думу было подано 75 409 голосов, или 11% общей суммы голосов. Эсеры получили в Думе больше половины голосов, а вместе с меньшевиками — 70%. За кадетов голосовало 17% избирателей.

С июня по сентябрь 1917 г. московские большевики провели большую разъяснительную работу среди рабочих и трудящегося населения, разоблачая предательскую роль меньшевиков и эсеров и контрреволюционную сущность Временного правительства. Подъем революции нарастал.

Сентябрь был переломным месяцем в развитии русской революции. После разгрома корниловского контрреволюционного мятежа рабочие всюду стали переизбирать депутатов в Московский и районные Советы, лишая депутатских мандатов меньшевиков и эсеров и выбирая в Советы большевиков. Петроградский и Московский Советы высказались за политику большевиков и перешли на их сторону. В это время Московский комитет партии организовал муниципальную комиссию, возглавляемую М. Ф. Владимирским, которая вместе с районными комитетами партии развернула большую работу по выборам в районные думы.

Выборы были назначены на 24 сентября 1917 г. Меньшевики и эсеры объединились в предвыборной кампании в один контрреволюционный блок. Буржуазия наступала сплошным фронтом, объявляла один локаут за другим, проводила саботаж, пыталась закрыть заводы, распустить рабочих и этим нанести смертельный удар революции. Партийные фракции большевиков, возглавлявшие фабрично-заводские

---

[1] В годы империалистической войны на военные заводы старались устраивать торговцы, фабриканты и т. п., чтобы избежать мобилизации в армию.

[2] Из 200 гласных Московской городской думы эсеров и меньшевиков было 1[illegible], кадетов — 34, большевиков — 23.

комитеты, вели решительную борьбу против эсеров, меньшевиков, анархистов и других контрреволюционеров. Комитеты брали в свои руки контроль над производством, организовали заводскую милицию из рабочих по охране заводского хозяйства.

Фабрично-заводские комитеты создали мощную заводскую Красную гвардию, готовя ее к решающим боям за власть Советов. Фракция большевиков исполкома рабочих одного лишь Военно-артиллерийского завода организовала к октябрьским дням Красную гвардию, численностью до 600 человек. Партийная организация завода насчитывала к этому времени до 500 членов партии и до 200 сочувствующих.

К моменту выборов в районные думы рабочие и трудящиеся Москвы в подавляющем большинстве перешли на сторону большевиков. Это произошло в результате ожесточенной борьбы большевиков с меньшевиками и эсерами во всех организациях и особенно в фабрично-заводских комитетах. В этой кипучей борьбе принимали горячее участие и беспартийные рабочие, в особенности женщины.

Фракция большевиков исполкома Военно-артиллерийского завода сотнями направляла рабочих и работниц по окончании работы агитировать на улицах. Они ходили группами, так как меньшевики, эсеры и кадеты во время выступлений большевистских агитаторов, не полагаясь на силу своих слов, пускали в ход кулаки и, если видели на своей стороне перевес, силой тащили рабочих-агитаторов в милицейские участки.

Рабочие и работницы являлись лучшими агитаторами при проведении разных политических кампаний, в частности, во время выборов в думы Сущевско-Марьинского, Бутырского и Петровского районов, которые принесли серьезную победу большевикам.

Передовые рабочие нашего завода были избраны гласными в эти думы. В Сущевско-Марьинскую думу было избрано десять рабочих Военно-артиллерийского завода из числа 26 избранных в думу большевиков. Несколько большевиков нашего завода было избрано в Бутырскую и Петровскую думы.

Результаты выборов в районные думы были полной неожиданностью для эсеров: из 700 мест в районных думах Москвы большевики получили 350 мест, эсеры — 104 и меньшевики — 31. Буржуазные элементы отошли от эсеров к кадетам, получившим 184 места, остальные мандаты распределились среди беспартийных, кандидатов от мелких партийных групп и др. Из 17 районных дум Москвы в 11 большевики получили абсолютное большинство; в пяти думах из социалистических фракций большевистская была самой крупной; только в одной Тверской думе продолжали хозяйничать кадеты.

Таким образом, в Москве при выборах в районные думы голоса, поданные за эсеров и меньшевиков, с 70% в июне падают до 18% в сентябре. Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции. Кадеты увеличили число мандатов с 17 до 30% за счет голосов мелкой буржуазии, поддерживавшей в июне эсеров и меньшевиков. По данным газеты «Русские ведомости», число голосов, поданных за большевиков, возросло с 34 тыс. в июне до 82 тыс. в сентябре; следует учесть, что эти цифры значительно преуменьшены.

Московский пролетариат выдержал экзамен на политическую зрелость.

В Сущевско-Марьинской думе большевики по списку № 5 получили при выборах 26 мест, или 52%. Мы могли бы получить и больше, но не рассчитали и выставили мало кандидатов — всего 26 человек.

Партия кадетов по списку № 1 получила 14 мест, или 28%. Трудовая народно-социалистическая партия и социал-демократическая организация «Единство» по списку № 2 получили одно место, или 2%. Партия правых социалистов-революционеров по списку № 3 получила всего 6 мест, или 12%. В списке же они выставили 50 человек, претендуя на большое число мест. Московская организация меньшевиков по списку № 4 получила лишь два места, или 4%, а меньшевистская объединенная организация по списку № 8 — только одно место, или 2%.

Первое заседание гласных Сущевско-Марьинской районной думы состоялось в актовом зале Промышленного училища (ныне Технологического института

им. Менделеева) на Миусской площади. Заседание открыл заместитель московского городского головы эсер С. А. Студенецкий. По приведении гласных к присяге он обратился к ним с приветствием, после чего предложил приступить к избранию председателя думы. Закрытой баллотировкой большинством 28 избирательных против 12 неизбирательных, при одном воздержавшемся, председателем думы избрали меня.

После моего избрания я произнес речь, которая предварительно была обсуждена на заседании нашей большевистской фракции. В своей речи я благодарил за избрание меня на столь ответственный пост председателя думы в переживаемое страной революционное время и отметил, что на представителей районных дум ложится непочатый край работы по разрешению насущных нужд трудящихся в вопросах жилищном, продовольственном, охраны труда, просвещения, врачебной помощи и др., что эти больные вопросы требуют от нас революционных ответов. В заключение я призвал членов думы к плодотворной работе, опираясь на волю и поддержку избирателей [1].

Затем выступали с декларациями представители партийных фракций.

С приветствиями к новой думе обратились представители прежних районных дум, 1-й, 2-й, 3-й Сущевских [2], и представитель Сущевско-Марьинского Совета рабочих и солдатских депутатов тов. Щербаков.

По заслушании деклараций и внеочередных заявлений дума перешла к разрешению организационных вопросов.

Председателем районной управы был избран большевик М. В. Комаринец, а секретарем думы и управы — большевик П. И. Врона. Были созданы думские комиссии по топливу, культурно-просветительная, продовольственная, жилищная, здравоохранения, труда, призрения, финансовая и ревизионная.

Ответственность за ведение всего хозяйства в районе по положению была возложена на управу. Комиссии должны были знакомиться с проектами и предположениями управы и направлением ее деятельности в той или иной области, им поручалась также самостоятельная разработка определенного круга вопросов и несение известных исполнительных функций. При выполнении первой задачи комиссии являлись органами думы, при выполнении второй — органами управы.

В состав комиссий, кроме членов думы, приглашались с правом решающего голоса по два представителя соответствующих секций Совета рабочих и солдатских депутатов или исполкома районного Совета по данной отрасли труда, например: от профсоюза пекарей — в продовольственную комиссию, от медицинских работников — в комиссию здравоохранения, от организации учащихся — в культурно-просветительную комиссию и т. д. В каждую комиссию входили также представители управы. Заключения комиссий сообщались думе председателем комиссии.

Что касается постановлений комиссий исполнительного характера, то они являлись окончательными, если против них не возражала районная управа, в противном случае возникшее разногласие между комиссией и управой разрешалось на ближайшем заседании думы. Финансовая и ревизионная комиссии, куда посылались представители партийных фракций думы, состояли исключительно из гласных думы, никаких исполнительных функций не несли, и даже управа не имела в них права голоса. Эти комиссии являлись думскими в чистом виде, первая подготовительной, вторая — контролирующей.

Заседания Сущевско-Марьинской районной думы проходили очень бурно. Кадеты, эсеры и меньшевики пускали в ход всю свою изобретательность, пытаясь срывать работу думы, тормозили бесконечно ее работу разными внеочередными заявлениями, запросами и т. д. Он изыскивали всякую клевету, чтобы как-нибудь очернить Советы, большевистскую управу, пытались приписать большевикам разруху,

[1] Содержание данной речи и ряд других выступлений на заседаниях Сущевско-Марьинской районной думы привожу по протоколам, сохранившимся в моем личном архиве.

[2] 1-я, 2-я и 3-я Сущевские думы, созданные после Февральской революции, были меньшевистско-эсеровскими по своему составу и политическому направлению.

недостаток продовольствия, антисанитарное состояние Москвы, а в особенности трущоб на окраинах.

Желая дискредитировать большевистскую думу, гласные эсеры и кадеты пытались отвергать все вносимые нами предложения. Они заявляли, что районная дума не правомочна решать даже такие мелкие вопросы, как, например, установление окладов председателю, секретарю и членам управы, ссылаясь при этом на статью Временных правил городского самоуправления, и т. д.

В своем выступлении по этому поводу я отметил, что нельзя с первых же шагов лишать районную думу самостоятельности, нельзя отнимать у нее права, присущие всякой жизнедеятельной организации, право обсуждать вопросы, касающиеся интересов и жизни самой думы. Большинством голосов дума разрешила этот вопрос в утвердительном смысле.

Дума вынесла решение об организации в районе примирительной жилищной камеры, которая должна была заниматься разрешением конфликтов, возникавших между домовладельцами и квартиронанимателями. В примирительную камеру были избраны по два представителя от курий домовладельцев, квартиронанимателей и комнатных жильцов.

Из представителей районных дум был организован Совет районных дум, большевистский по своему составу. Таким образом, в городском самоуправлении Москвы образовалось две власти: эсеровская городская дума, с одной стороны, и Совет районных дум и районные большевистские думы — с другой.

Городская эсеровская дума обладала большими средствами, но отказывалась отпускать их Совету районных дум и всячески тормозила предоставление кредитов для развертывания работы районных дум, не давала помещения для собраний председателей районных дум и т. д.

Несмотря на все эти трудности, районные думы взяли в свои руки все отрасли городского хозяйства, народное образование, здравоохранение, милицию, городские предприятия, жилищное и топливное дело, благоустройство, социальное обеспечение. Организацией снабжения продовольствием в городе руководил продовольственный комитет, созданный городской думой, а в районах продовольственным вопросом ведали соответствующие отделы районных дум.

В дни октябрьских боев члены Сущевско-Марьинской думы (большевики) и члены управы принимали активное участие в семидневной борьбе с юнкерами. Было созвано специальное совещание с председателем управы М. В. Комаринцем и с заведующим продовольственным отделом Г. П. Успенским, на котором управа взяла на себя обязательство обеспечить питанием Красную гвардию и солдат Сущевско-Марьинского ревкома, а также обеспечить бесперебойную торговлю в магазинах района во время боев.

Фракцией большевиков исполкома Военно-артиллерийского завода была выделена группа женщин-добровольцев во главе с членом большевистской партии — пожилой работницей Ушаковой для налаживания приготовления пищи для красногвардейцев и солдат. В эту группу вошли также работницы и с других предприятий района. Женщины реквизировали во время боев походную кухню и стали готовить в ней горячую пищу.

Члены думы участвовали в борьбе против юнкеров в отрядах Красной гвардии, а некоторые — В. Я. Щукин и Л. А. Качалин даже руководили красногвардейскими отрядами: первый — в Сущевско-Марьинском, Пресненском и Городском районах, второй — в Бутырском и Городском районах по заданиям Московского ревкома.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции 16 ноября 1917 г. на экстренном заседании думы был заслушан доклад председателя управы М. В. Комаринца по текущему моменту. Он обрисовал коренные изменения, происшедшие в России после 25 октября 1917 г., и отметил, что над страной нависла угроза гражданской войны. Сообщение между отдельными местностями почти прервано, отдельные области живут совершенно обособленной жизнью. В обеих столицах враждебные новому правительству и военно-революционным комитетам элементы

группируются вокруг городских дум, которые, как, например, в Москве, отказываются признать факт своего роспуска. Высшие служащие государственных и общественных учреждений отказываются от работы и саботируют, что вызывает крайне тяжелые последствия, мешающие налаживанию нормальной жизни. Между тем экономическое положение страны настолько тяжело, кризис железнодорожный настолько обострился, что требуются решительные меры для его устранения. Все острее обстоит дело и с продовольствием.

В докладе было подчеркнуто, что необходимы крупные социальные реформы для остановки дальнейшего развала страны, ее промышленности, торговли и транспорта, что положить конец разрухе может образование коалиционного социалистического правительства. Необходимым условием образования такого правительства является принятие им в основу своей деятельности постановлений II съезда Советов; в этом правительстве значительная роль должна принадлежать большевикам как самой влиятельной и сильной социалистической партии.

Организация центральной правительственной власти должна вызвать также соответствующие изменения и в организации власти на местах, в частности, в Москве. Необходимо,— сказал докладчик,— теперь же, не дожидаясь Учредительного собрания, реорганизовать власть. Управа передает на рассмотрение районной думы следующий проект постановления:

«1. Центральная власть должна быть организована на коалиционных началах.

2. В состав коалиции должны войти партии, стоящие на интернационалистической платформе.

3. Большинство в коалиции должно быть предоставлено фракции большевиков РСДРП.

4. Основу для соглашения между коалиционными партиями составит постановление II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов о необходимости борьбы за мир, контроль над производством, передачу земли земельным комитетам.

5. Организация власти на местах производится на началах, установленных для центральной власти».

Гласный Александров (эсер) заявил, что резолюция, предложенная управой, стремится объединить социалистов на той же платформе, которая их разъединила, поэтому фракция социалистов-революционеров не поддержит ни одного ее пункта.

Член думы Щукин от фракции большевиков высказался в защиту предложенной резолюции. Он напомнил эсерам, как они зажимали большевикам рот, таскали их по тюрьмам и расстреливали в угоду Корнилову. В Москве в пролитии крови,— сказал он,— повинны эсеровская дума и Комитет безопасности. В обстреле Кремля и церквей виноваты не те, кто стрелял, а те, кто прятался за стены святынь. Не большевики — террористы, а социалисты-революционеры проповедывали и проводили террор. Они восемь месяцев обманывали крестьян, обещая им землю и волю, и в то же время занимались усмирением крестьян, жаждавших этой земли и воли.

На заседании развернулись горячие прения, в ходе которых кадеты поддержали выдвинутые эсерами контрреволюционные предложения о том, чтобы признать существование Военно-революционного комитета «пагубным для дела революции», а постановление Военно-революционного комитета о разгоне Московской городской думы признать «вопиющим нарушением идеи народоправства». Эсеры предлагали «признать Московскую думу существующей и единственной властью для населения г. Москвы».

Гласный Алексеев (кадет) возмущался тем, что большевики, сами требовавшие отмены смертной казни, объявили вне закона саботирующих служащих, угрожают кадетам. Он называл большевиков наивными в их намерении произвести социальный переворот.

Алексееву вторил член думы Шипулинский от фракции меньшевиков, пытавшийся утверждать, что массы, идущие за большевиками, не прониклись идеями социализма, не говоря уже о крестьянах. «Не все рабочие,— сказал он,— выкристаллизо-

ались окончательно в рабочий класс». Он заявил, что принимает пункт первый резолюции управы, но со вторым и третим пунктами не согласен.

Гласный А. И. Бочаров (большевик) в ответ на упреки в насилии по адресу большевиков напомнил о репрессиях эсера Керенского. «Может быть,— сказал он,— большевикам придется употребить репрессии по отношению к защитникам буржуазных классов».

Председатель управы М. В. Комаринец в заключительном слове подвел итоги рениям и сказал, что история знает много случаев коалиций, но обычно эти коалиции не доживали до конца и разваливались. Причина этого в том, что они не отстаивали интересов народа. «Изменой будет,— сказал он,— отстаивание чужих интересов, интересов иностранных капиталов. Если бы мир был заключен в марте или апреле 1917 г., русскому народу не пришлось бы переживать новое тяжелое время. Вы довели его до этого, затягивая войну.

Кадеты, эсеры и меньшевики пугают нас угрозами со стороны союзников, главным образом, Японии. Хороши союзники, которые угрозами заставляют нас быть на их стороне. Наших интересов в войне нет. Союзники заставляют нас воевать за их интересы».

В отношении тайных договоров Комаринец заявил, что они должны быть известны всем. «Вы говорите,— сказал он,— что русская масса темна и большевики опираются на темную массу, но что это за государственные деятели, которые не считаются с массой? Они строят карточные домики на песке».

Говоря об отношении большевиков к Московской городской думе и ее председателю Рудневу, Комаринец отметил, что Руднева выбирали как социалиста, но, когда обнаружилось, что он, возглавляя думу, вошел в соглашение с буржуазными элементами, массы отошли от него. Руднев возглавил белогвардейский Комитет общественной безопасности, деятельность которого была направлена против масс. Отношение масс сказалось не в пользу эсеров уже на выборах в районные думы.

Комаринец говорил, что эсеры сваливают с больной головы на здоровую, обвиняя во всем большевиков. Между тем большевики собрали в Петрограде 15 июня 1917 г. при выборах в Петроградскую думу 25% и 25 июня в Москве 11% голосов при выборах в Московскую городскую думу. «Вы там господствовали,— сказал он.— Что же вы сделали для масс?— Ничего. «Русские ведомости» приписывают большевикам выдачу 1/4 фунта хлеба, но неужели вам и «Русским ведомостям» не известно, что дело продовольствия находится в руках городского продовольственного комитета, а не большевиков. Неурядица вызвана не нами.

Мы считаем своей задачей борьбу с неурядицей, а вы с ней не боролись».

В заключение тов. Комаринец подчеркнул, что борьба за мир определяет все политические и общественные отношения в России. В правительстве нынешней России нет места тем, кто не борется за мир.

За предложенный управой проект резолюции проголосовало большинство членов думы. Резолюция, предложенная эсерами, была отклонена. Недовольные результатами голосования, эсеры и часть кадетов демонстративно поднялись с мест и стремительно направились к выходу. Член управы большевик Филлер сказал им вдогонку: «Вы здесь много говорили о том, что нужно дело делать, а когда мы сейчас подошли к делу,— уходите».

На заседании думы 18 января 1918 г. развернулись большие прения в связи с разгоном контрреволюционного Учредительного собрания. Гласный И. А. Миртов от имени фракции большевиков, отвечая на речи кадетов и эсеров, говорил: «Здесь, справа, раздался голос о насилии над правами граждан, равном которому не знает история. Самодержавие пролетариата не есть самодержавие справа. Оно несет с собой не призрачную свободу, но действительную, действительное право, заключающееся в освобождении трудящихся от ига эксплуататоров...

Нас упрекают в разгоне Учредительного собрания, в разрушении самой идеи народовластия. Мы рассматриваем форму народовластия как форму устаревшую и тем не менее мы за нее взялись, к ней звали. Мы предвидели, что революция

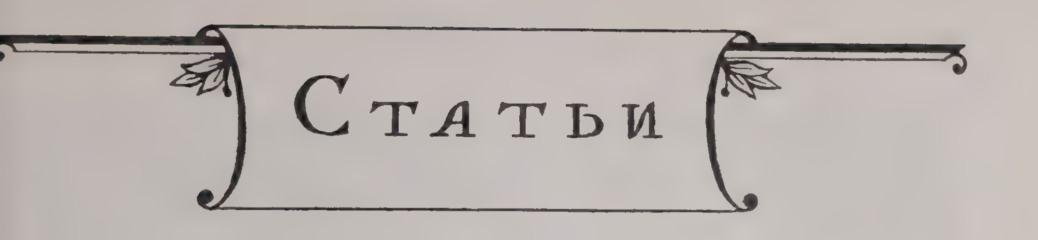
достигнет такого развития, когда окажется возможной и более высокая форма общественной организации, выражающаяся в самодержавии пролетариата».

После установления Советской власти Московский и районные Советы рабочих и солдатских депутатов вначале занялись укреплением и организацией аппарата новой власти; лишь в апреле 1918 г. президиум Московского Совета принял постановление об упразднении Совета районных дум и о преобразовании его отделов в отделы Моссовета, а отделов районных управ в отделы районных Советов.

Однако некоторые районные управы не уяснили себе смысла Октябрьского социалистического переворота и долго не соглашались пойти на самоликвидацию и на передачу своих отделов в отделы районных Советов. И в нашей Сущевско-Марьинской управе отдельные товарищи были против ее ликвидации. Секретарю райкома (она же — заместитель председателя Сущевско-Марьинского районного Совета) Т. Ф. Людвинской пришлось много крови попортить, доказывая работникам Сущевско-Марьинской управы, что районные думы и существующие при них управы отжили свой век. Вместо них созданы новые, социалистические органы власти — Советы, которым и должны быть переданы отделы районной управы.

Руководимые большевиками районные думы Москвы сыграли свою роль перед Октябрьской революцией. Они были не только массовыми организациями, сплачивавшими вокруг большевистской партии трудящихся, но и накопили известный опыт хозяйственной работы. Районные думы взяли в свои руки хозяйственные организации городского самоуправления, чем помогли органам Советской власти безболезненно перестроить хозяйство Москвы на новых, социалистических началах.

О МЕТОДИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ АРХИВАМ[1]

Т. Г. СНЫТКО

В целях расширения и улучшения использования архивных материалов стано-вится все более настоятельной необходимость издания и переиздания путеводителей ю государственным архивам. Путеводители нужны еще и потому, что «официаль-ные» профили и названия архивов часто не соответствуют составу хранящихся в них фондов. Это обусловлено, с одной стороны, соблюдением принципа неделимости фондов, с другой — неупорядоченностью практики комплектования госархивов.

Практика комплектования госархивов, вызывающая необходимость перемещения фондов из одного архива в другой, ведет к снижению качества путеводителей. Неко-торые архивы (например ЦГИАМ) включили в них непрофильные фонды, а затем разослали эти фонды на места; другие (например, ЦГАДА), наоборот, не включали такие фонды, но и никуда пока их не отправили и потому о них знают лишь архиви-сты и самый узкий круг исследователей.

Не лучше ли было бы в ближайшие год-два, пока готовятся путеводители, упо-рядочить комплектование госархивов в такой степени, чтобы более или менее значи-тельная переброска фондов в дальнейшем исключалась? Кстати, практика использо-вания архивных материалов требует, чтобы архивная система была возможно ста-бильнее. Частые реорганизации, непрерывные перемещения фондов лишают иссле-дователей возможности легко находить документы, на которые имеются ссылки в ис-торических трудах, изданных не только до революции, но даже всего 15—20 лет назад. Отрицательно сказываются перемещения фондов и на справочной работе.

Для издания путеводителей, вполне удовлетворяющих требованиям исследовате-лей, сейчас гораздо больше возможностей, чем раньше. В архивах почти не осталось неописанных фондов. В помощь архивам ГАУ разработало в августе 1955 г. инструк-тивное письмо «О подготовке к изданию путеводителей». Но едва ли не самую важную роль в осуществлении этой задачи должно сыграть критическое обобщение опыта госархивов, уже издавших путеводители. Вышедшие в свет путеводители, главным образом центральных государственных архивов СССР, содержат немало поучитель-ных уроков. О положительных качествах этих путеводителей и той роли, которую они сыграли в ознакомлении научной общественности с документальными матери-алами, говорилось немало. Следует сказать и об их недочетах, и об ошибках, и о не-обходимости изменения методов подготовки их. Об этом нужно говорить еще и по-тому, что в путеводителях, изданных в последнее время или находящихся еще в ра-боте, повторяются недостатки путеводителей, изданных в 1941—1951 гг.

Один из основных недостатков имеющихся путеводителей — их неполнота. На-

[1] Статья печатается в порядке обсуждения.

пример, ЦГАОР СССР, хранящий много миллионов дел, в путеводитель включил фонды, общей численностью лишь в полтора миллиона единиц хранения. В путеводитель ЦГИАМ не вошло большинство фондов личного происхождения и много фондов учреждений. ЦГИАЛ не внес в свой путеводитель более пятисот фондов, среди которых многие насчитывают по нескольку десятков тысяч единиц хранения, например «Коллекция документов, хранившихся в сейфах частных банков», «Ленское золотопромышленное товарищество» и др. Без всяких оснований не включены в путеводитель многие фонды, хранящиеся в ЦГАДА, ЦГВИА и других архивах. Такое положение нельзя признать нормальным: нужно стремиться к тому, чтобы путеводители отражали состав фондов архива с возможной полнотой.

Неоправданно мал объем изданных путеводителей. При составлении аннотаций фондов главное внимание обращалось на их максимальную краткость, а не на наибольшую полноту раскрытия содержания документов. Ввиду того, что в настоящее время описи архивных фондов почти не издаются, в путеводителях следовало бы раскрывать содержание фондов полнее.

Необходимо, чтобы путеводители составлялись по единым принципам и схемам. Они должны состоять из предисловия, характеристик архивных фондов и справочного аппарата. В некоторых случаях возможны «приложения»: списки фондов, не влюченных по разным причинам в путеводитель, и другие справочные документы и сведения, необходимые для пользования им. В осуществленных изданиях не все эти элементы имеются. Например, в путеводителях по ЦГВИА, ЦГАКА и ЦГАОР отсутствуют именные, предметно-тематические и другие указатели.

Даже предисловия (точнее следовало бы назвать их введениями) составлены по-разному. Как известно, предисловие содержит сведения о профиле, истории и структуре архива, дает общую характеристику его материалов и особенности их объясняет схему путеводителя и сообщает, как пользоваться им. Между тем в некоторых путеводителях нет сведений по истории архива; в путеводителе ЦГАДА например, нет указания на то, что часто упоминающийся в исторической литературе 1920—1930 гг. «Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) — это не какой-то упраздненный архив, а ЦГАДА, именовавшийся так до 1941 г. Наоборот в предисловии к путеводителю ЦГИАЛ излагается история не только данного архива, но чуть ли не всей архивной системы СССР [1]. В большинстве предисловий нет сведений о структуре архива (ЦГАДА, ЦГИАЛ, ЦГВИА и др.) в некоторых из них отсутствуют общие характеристики документальных материалов и их особенностей, а также указания как пользоваться путеводителем (ЦГАОР ЦГВИА и др.). В некоторых предисловиях приводятся сведения не нужные для этого вида справочной литературы или быстро стареющие (например, итоги деятельности архива и др.).

Предлагаем в состав предисловия, кроме перечисленных элементов, включить сведения о наличии алфавитных и предметно-тематических каталогов по всем архиву в целом, правила работы читального зала, сведения о возможности и порядке наведения тематических и биографических справок, получения копий архивных документов, о возможности высылки местным архивам во временное пользование подлинных дел и т. п. Обязательно следует указывать почтовый адрес архива. Эти дополнения необходимы, так как архивы могут и должны обслуживать более широкий круг исследователей, нежели тот, который посещает их читальные залы. Весьма желательно было бы помещение в предисловии к путеводителю сведения о наличии документальных материалов профиля данного архива в других хранилищах.

В подготавливаемых путеводителях следует избегать разнобоя в применении сокращений. В уже изданном путеводителе ЦГВИА, в котором сокращения применялись довольно широко, нет их списка [2]. В путеводителях ЦГАОР и ЦГАКА в спи

[1] См. указанный путеводитель, стр. 3—4.

[2] В данной статье рассматривается путеводитель по ЦГВИА, изданный в 1941

сок внесены 10—14 сокращений, в то время как в путеводителе их несколько десятков. ЦГИАЛ, наоборот, к своему путеводителю приложил список сокращенных слов и список сокращенных наименований учреждений. Во всех путеводителях количество употребленных сокращений значительно больше, чем указывается в списках; это в особенности относится к путеводителям ЦГАДА, ЦГИАМ, ЦГИАЛ и ЦГАЛИ. Часто применяются надуманные сокращения: обычно «р.» обозначает «река», а в путеводителе ЦГАЛИ «р.» означает «рождение» (следовало, очевидно, «г. р.» — «год рождения»); там же мы встречаем такие сокращения: «фото» — фотография, «кж.» — «княжна» и др. В список сокращений путеводителя ЦГАДА внесено «е. и. в.» — «ее императорское величество», «гор.» — «города», «сер.» — «середина». Конечно, особенности состава материалов архивов могут потребовать и специальных сокращений, но общепринятые следует и можно соблюсти. Кроме того, нужно твердо определить место списка сокращенных слов — в начале путеводителя, а не в конце, как это сделали некоторые архивы.

Основное содержание путеводителей составляют характеристики фондов архивов, и потому вопросы их составления и размещения необходимо рассмотреть более подробно. В инструктивном письме ГАУ рекомендуется строить схему путеводителей «по производственно-отраслевому принципу». Если бы это требование относилось к фондам учреждений и предприятий народного хозяйства, то оно не нуждалось бы в разъяснениях, но как применить этот принцип ко всем архивным фондам следовало бы уточнить.

Упомянутое письмо ГАУ требует, чтобы фонды личного происхождения и коллекции выделялись в особые разделы путеводителя и размещались: первые — по алфавиту, вторые — по хронологии и предметно-тематическому признаку. Это положение можно принять только для двух центральных государственных исторических архивов СССР (в Москве и Ленинграде), имеющих специальные отделы фондов личного происхождения, и, в известной мере, для ЦГАЛИ, хранящего в основном фонды личного происхождения. Что же касается других архивов — центральных и областных, то этот принцип для них явно не применим. Фонды личного происхождения целесообразно помещать в путеводителе рядом с фондами учреждений, в которых проходила основная деятельность фондообразователей. Например, личные фонды судебных чиновников должны быть помещены вслед за фондами соответствующих судебных учреждений, личные фонды губернаторов — после фонда канцелярий губернаторов и т. п. По этому же принципу должны размещаться и коллекции, тем более, что они в значительной степени (особенно в ЦГИАЛ) состоят из делопроизводственных материалов или связаны с фондами учреждений (например, коллекции «вещественных доказательств» в ЦГИАМ).

Отсутствие точных и ясных установок о принципах составления схем путеводителей и расположения в них характеристик фондов вынуждает архивы при подготовке путеводителей разрешать эти вопросы каждый по-своему.

ЦГАДА расположил в своем путеводителе характеристики фондов по отделам архива, а внутри отделов по ведомству, типу фондов и масштабу деятельности фондообразователей.

Принципы построения схемы путеводителя ЦГИАЛ не ясны. Он делится на семь разделов, причем в первых из них вместо их наименования перечислены фонды, входящие в состав раздела: 1) фонды Государственного совета, Государственной думы, Комитета и Совета министров; 2) Сената и Синода; 3) министерств и главных управлений; 4) внеминистерских и междуведомственных учреждений; 5) общественных организаций и частных учреждений (?); 6) фонды личного происхождения; 7) печатные источники.

ЦГАКА разделил в путеводителе фонды по масштабу деятельности фондообразователей на семь разделов: 1) центральные учреждения; 2) штабы фронтов и армий; 3) штабы военных округов; 4) штабы корпусов и дивизий; 5) штабы бригад и полков; 6) учебные заведения и 7) особый раздел — фонды Народной армии Дальневосточной республики.

ЦГАОР применил схему размещения фондов в своем путеводителе в основном по отделам архива, но наименований этих отделов не привел.

В предисловии к путеводителю ЦГВИА сказано, что характеристики фондов архива разделены на два отдела: отдел войн и вооруженных сил и отдел центральных и местных управлений. Фактически же характеристики разбиты на четыре отдела: 1) центральные и местные учреждения военного ведомства; 2) военно-ученый архив; 3) «именные фонды»; 4) отдел войн и вооруженных сил.

Неоднородность схем расположения характеристик в путеводителях в известной мере обусловливается особенностями материалов каждого из центральных государственных архивов СССР. Но, даже учитывая это обстоятельство, ни одну из приведенных схем нельзя признать ни строго продуманной, ни полностью удовлетворяющей требованиям облегчения работы исследователей по розыску необходимых им архивных материалов. Схемы, как правило, узки, в них втиснуты самые разнохарактерные фонды. В путеводителе ЦГАОР, например, фонды добровольных общественных организаций объединены в одном разделе с научными, учебными и культурно-просветительными учреждениями. Вызывает многие недоумения распределение фондов по разделам путеводителя ЦГИАЛ. Например, фонд Комитета 1807 г. (имевшего в основном полицейские задачи) отнесен к фондам Государственного совета. Туда же включены комитеты по крестьянскому вопросу, Комиссия по исследованию железнодорожного дела в России, Комиссия сенатора Шидловского и др., Комиссия по построению Казанского собора отнесена к фондам Синода, а Комиссия по построению Исаакиевского собора к фондам Министерства путей сообщения. Фонд «5 экспедиция III отделения е. и. в. к.» включен в состав фондов Министерства внутренних дел; фонд Человеколюбивого общества отнесен не к общественным организациям, а к междуведомственным учреждениям и т. д. В дальнейшей работе надо учесть также, что не все архивы включили в путеводители характеристики имеющихся у них печатных источников.

Наиболее рациональный принцип положен в основу схемы путеводителя, принятой Историческим архивом Ленинградской области. Эта схема, разработанная проф. А. В. Предтеченским (неопубликованная), строится по предметно-функциональному принципу в сочетании с территориальным. Нельзя, однако, согласиться с отрицанием А. В. Предтеченским применимости принципа ведомственной подчиненности, так как оно может порой привести к отрыву фондов руководящих учреждений от связанных с ними фондов учреждений, находящихся под их руководством, а иногда даже потребовать отделения структурных частей фондообразователя, имевших принципиально отличные функции.

Из всего сказанного следует, что разработке схемы расположения характеристи[к] фондов в путеводителе нужно уделить больше внимания. Правда, принципы эт[и] еще находятся в стадии разработки, но, как кажется, наиболее отвечает интересам исследователей применение при систематизации характеристик принципа предмет[]но-функционального в сочетании с принципами ведомственной подчиненности а иногда и территориальности.

Характеристики фондов в изданных путеводителях настолько различны по фор[]ме, что трудно говорить о наличии единого мнения среди архивистов в определени[и] самого понятия «характеристики фонда». Необходимыми элементами характеристи[]ки архивного фонда являются: наименование фонда, справочные данные о не[м] (номер фонда, его объем и крайние даты документов, указания о научно-справо[ч]ном аппарате к фонду), краткая историческая справка о фондообразователе и кра[т]кое изложение содержания документов фонда (аннотация).

Но и эти элементы характеристик фондов произвольно сокращались или ра[с]ширялись. Многие характеристики фондов не имеют исторических справок, а некот[о]рые и аннотаций. ЦГИАМ и ЦГАКА не дали в своих путеводителях сведений о н[а]личии описей и других справочных документов по фондам. В путеводителе ЦГВИ[А] номер фонда и сведения о наличии описей помещены в конце характеристик а крайние даты документов — в начале, вслед за наименованием фонда, хотя зде[сь]

их можно принять за крайние даты существования фондообразователя. ЦГИАЛ и ЦГАДА включили в характеристики фондов перечень печатных источников, относящихся к истории фондообразователя и фонда, а также публикаций и монографий, в которых использованы материалы фонда. Но эта «библиография» чаще всего ограничивается упоминанием двух-трех общеизвестных источников, а в характеристиках многих фондов и вовсе отсутствует. Целесообразность включения в характеристику фонда библиографии весьма сомнительна. Конечно, ее включение оправдало бы себя, если бы она была более или менее полной, но полная библиография по таким фондам, как, например, «Государственный архив» в ЦГАДА, «III Отделение» в ЦГИАМ, «Военно-ученый архив» в ЦГВИА и др., составила бы книги, по объему равные путеводителю: упоминание же общеизвестных работ ничего исследователю не дает и только занимает место, которое с большей целесообразностью можно было бы использовать для более полного раскрытия содержания документов фонда. Составлением библиографии могут заняться и другие учреждения, задача же архивов при составлении путеводителей иная: насколько возможно шире осветить перед исследователями документальные богатства своих хранилищ.

Кроме указанных недочетов в характеристиках фондов, составители их допустили много других ошибок, которые следует устранить в процессе работы над подготавливаемыми к изданию путеводителями. Общеизвестно, что в путеводитель заносится то наименование, которое было присвоено фондообразователю в последний период его деятельности. Однако очень часто архивы меняют эти наименования или неоправданно сокращают по своему произволу. Так, в путеводителе ЦГИАЛ фонд «Комитета для рассмотрения мер по устройству евреев в России» назван фондом «Еврейского комитета», фонд «Комитета по устройству Закавказского края» фондом «Кавказского комитета». В путеводителе ЦГИАМ фонд «Управления Нерчинской каторгой» назван просто «Нерчинской каторгой», фонд «Управления коменданта Петербургской крепости» — «Петербургская крепость» и т. д. В путеводителе ЦГВИА фонд «Чрезвычайной комиссии по расследованию нарушений австро-венгерскими и германскими войсками законов и обычаев войны» (1915—1918 гг.) назван «Чрезвычайная следственная комиссия». ЦГИАЛ, помещая вслед за характеристикой основного фонда характеристики фондов его структурных частей и подведомственных учреждений, не счел нужным поместить наименования основного фондообразователя. Например: «фонд 1159. Мемории общего собрания и департаментов», «фонд 1160. Журналы департаментов» («Государственного Совета» — опускается), «фонд 485. Планы и чертежи» («Министерство Двора» — опускается) и т. д. Такие сокращения затрудняют пользование путеводителем. Фонды личного происхождения, содержащие материалы целых семей, часто называются именем одного лица — главы семьи; другие из этих фондов без достаточных оснований носят наименование семейного фонда, хотя по составу документов являются скорее личными фондами. Например, семейный фонд Волконских назван «Волконский П. Д.», личный фонд А. С. Ионина назван «Ионины» (ЦГИАМ), личный фонд П. А. Сабурова назван «Сабуровы» (ЦГИАЛ) и пр. Даже при условии всяческих сокращений номер фонда во всех случаях должен быть указан обязательно, но ЦГВИА и этого не сделал, а фонды штабов дивизий просто перечислил, указав «№№ с 2321 по 2562».

Как оказалось в результате проверки, число единиц хранения во многих фондах всех архивов далеко не соответствует указанному в путеводителях. Во многих характеристиках фондов (в частности, в путеводителе ЦГИАМ) неверно даны крайние даты их документов. Часто вместо крайних дат документов называются крайние даты существования фондообразователя, хотя известно, что в фондах часто имеются документы предшествующих фондообразователей и приобщенные дела с документами, более ранними или более поздними, чем даты существования фондообразователя.

Как уже говорилось, в большинство путеводителей (за исключением ЦГИАМ и ЦГАКА) упоминается о наличии описей и других научно-справочных документов к фондам. Но этого мало. Глухое указание «опись» или «описи» ничего не разъяснит исследователю. Нужно сказать, какие описи имеются, по какому принципу они со-

ставлены, сколько их. Например: «356 делопр. описей по структурным частям и внутри их по годам». Само собой разумеется, что в характеристике обязательно должно быть указано наличие предметно-тематических и алфавитных картотек и других справочных документов по фонду.

Следующей составной частью характеристики является краткая историческая справка о фондообразователе, которая должна содержать сведения о времени возникновения и прекращения его деятельности (с указанием актов и дат его учреждения, переименований, реорганизаций и упразднения), о функциях, выполнявшихся фондообразователем, его структуре, особенностях документов фонда, а в некоторых случаях и сведения по истории фонда. Последнее требование особенно важно при составлении исторических справок о фондах-коллекциях. В письме ГАУ указывается, что историческая справка на фонд-коллекцию должна содержать следующие сведения: время ее возникновения, причины ее образования и особенности построения. Эти требования можно признать достаточными лишь для коллекций, образованных в архивах, но есть много больших коллекций, сложившихся исторически, например «Государственный архив» в ЦГАДА, «Военно-ученый архив» и фонды войн в ЦГВИА, «Рукописное отделение Зимнего дворца» в ЦГИАМ и многие другие. В историческую справку о таких фондах обязательно нужно включить сведения об истории фонда. Историческая справка о фонде-коллекции, фондообразователем которой являлся отдельный собиратель (или группа их), должна содержать краткие сведения о нем (о них). В исторической справке о фондах личного происхождения следует указывать даты рождения и смерти основного фондообразователя (основных фондообразователей), сведения об общественном положении и деятельности его с указанием в хронологическом порядке занимаемых им должностей, сведения о его семейном положении, если в фонде имеются материалы членов его семьи.

В инструктивном письме ГАУ выдвигается требование давать в исторической справке «политическую оценку деятельности фондообразователя». Мы считаем, что его политическую сущность следует раскрывать при аннотировании документов, отражающих его деятельность, что даст возможность показать его конкретно-историческое лицо.

В изданных путеводителях значительная часть характеристик фондов вовсе не имеет исторических справок и как раз на такие фонды, которые в подобных справках крайне нуждаются (фонды «войн» в ЦГВИА, фонды «внешних сношений», «разряды» и разные «дела» в ЦГАДА и т. д.).

Иногда исторические справки неоправданно широки, характеристики подкрепляются цитатами, подробным освещением деятельности фондообразователя (ЦГИАЛ). В других случаях — справки сводятся к двум-трем словам; ЦГАЛИ, например, к фамилии, имени и отчеству фондообразователя в большинстве случаев добавлял лишь даты рождения, смерти и указание профессии или занятия.

В большинстве исторических справок на фонды ЦГАОР не указывалась структура фондообразователя и функции его. Ни один архив не дал в своих исторических справках сведений по истории фондов и указаний на наличие материалов этого фонда в других архивах, что особенно важно для ЦГАЛИ, хранящего в большинстве случаев не фонды, а части фондов. В путеводителе по ЦГИАЛ сначала даются исторические справки о группах фондов (ведомствах), а затем исторические справки о фондах.

ЦГИАМ и ЦГАЛИ иногда в своих путеводителях предпосылают исторические справки аннотациям структурных частей фонда. Если для фондов ЦГИАМ это можно считать допустимым, так как их структурные части (экспедиции III Отделения, делопроизводства и отделы Департамента полиции и т. д.) имели свою особую историю и свои особые функции, то деление исторической справки по именным разделам семейных фондов ЦГАЛИ нельзя признать целесообразным. Семейные фонды, как правило, кроме именных разделов, имеют общие, в которых сосредоточиваются документы всех фондообразователей: генеалогические, хозяйственные и имущественные, изобразительные (семейные портреты, групповые фотоснимки

и т. д.). Именно благодаря наличию этих разделов фонд и называется семейным, а не группой или комплексом личных фондов, и именно поэтому такой фонд должен иметь одну общую историческую справку.

Кроме указанных недочетов, в исторических справках допущено и много других ошибок: иногда неверно указываются даты начала и конца деятельности фондообразователя (ЦГИАМ), в путеводителе ЦГИАЛ указаны даты деятельности Совета министров — 1857—1905 гг., в то время как материалы фонда имеются лишь за 1857—1882 гг. (Совет министров прекратил свою деятельность в начале 1880-х годов, хотя указа о его упразднении не было издано). Часто в путеводителях неправильно названы должности, например «помощник военного министра» вместо «товарищ военного министра» (ЦГВИА). Омский областной архив рассматривает фонд генерал-губернатора как фонд лица и в исторической справке пишет: «Сибирский генерал-губернатор назначен 23 мая 1803 г.», вместо того, чтобы сказать: «Сибирское генерал-губернаторство учреждено...» и т. д.

Самой главной и самой ответственной частью характеристик архивных фондов является аннотация. Нелегко с надлежащей полнотой изложить содержание десятков тысяч архивных дел на двух-трех страницах путеводителя: без обобщений в этой работе обойтись нельзя. Прежде чем приступить к составлению аннотации, необходимо при просмотре описей и единиц хранения делать заметки о содержании материалов фонда, затем в соответствии с профилем фонда составить схему расположения материалов в аннотации, систематизировать заметки и лишь после этого писать аннотацию, последовательно излагая содержание групп материалов фонда.

При группировке материалов фонда для составления аннотации следовало бы в большинстве случаев основываться на предметно-тематическом признаке, что, конечно, не исключает применения других признаков или сочетания их. При наличии фонда, составленного из материалов структурных частей, имевших отличные функции и содержащих матералы другого характера, аннотирование можно было вести по структурным частям. Аннотирование материалов специализированных, временных учреждений, занимавшихся каким-либо одним вопросом, можно вести по этапам хода рассмотрения вопроса или по видам документов (учреждение и конструирование фондообразователя, подготовка к рассмотрению вопроса, проекты и материалы, собранные фондообразователем, протоколы, решения, переписка и т. д.). Материалы учреждений, выполнявших специальные функции (например, борьба с революционным движением, наблюдение за общественным движением, печатью и т. п.), но существовавших длительное время, следовало бы группировать по хронологическим периодам (революционного и общественного развития и т. д.). При аннотировании некоторых фондов могло быть допущено применение территориального (географического) признака как основного или в сочетании с другими признаками. Аннотации фондов личного происхождения можно писать без образования групп, но с соблюдением принятой последовательности расположения материалов: личные документы, дневники и мемуары, рукописи, материалы служебной деятельности, переписка, хозяйственные и имущественные документы, иллюстративные (изобразительные) материалы и т. д. В больших разделах этих фондов (материалы служебной деятельности, рукописи, переписка) возможно, а иногда и необходимо образование групп по предметно-тематическому признаку, например: «Крымская война», «Подготовка к проведению крестьянской реформы 1861 г.», «Польское восстание 1863 г.» и т. п., или же по должностям, занимавшимся фондообразователем: «Материалы, относящиеся к деятельности Н. П. Игнатьева в качестве посла в Турции», «...в качестве министра внутренних дел» и т. д. В семейных фондах группы могут составляться из материалов отдельных членов семьи (именные разделы фонда).

Образование групп материалов при составлении аннотаций на фонды возможно и необходимо, и отсутствие такой группировки материалов в большей части аннотаций фондов является одним из коренных недостатков изданных путеводителей.

В ряде изданных путеводителей значительная часть аннотаций скорее всего представляет собой перечень дел фонда, взятых на выбор. Они не раскрывают со-

держания фонда и лишь намеками говорят о том, что может в нем иметься, предоставляя исследователю часто делать неверные догадки о составе фонда. В такие перечни, иллюстрирующие состав фонда, чаще всего включались те дела и документы, которые давно известны в исторической литературе, в то время как менее известные или совсем не известные, но представляющие большой научный интерес, в путеводителях не упоминались. Именно этим обстоятельством и объясняются частые сообщения в печати о сенсационных «находках» важных документов, которые, надо сказать, делались не где-либо в документальной россыпи, а в упорядоченных, детально описанных фондах.

Подмена аннотации перечнем ряда дел и документов фонда особенно широко применена в путеводителях ЦГАКА, ЦГВИА, ЦГАДА. Правда, эти архивы, как и другие, применяли группирование материалов, но по видам документов, часто без вскрытия их содержания. Например, в путеводителе ЦГАКА фонды часто делятся на такие группы: «Директивы», «Журналы», «Протоколы», «Оперативные приказы», «Обзоры военных действий», «Разведывательные сводки» и т. д.; в путеводителе Омского областного архива, где сотни раз упоминаются «Журналы» и «Отчеты», не встречается упоминаний о крестьянских волнениях в Западной Сибири за весь XIX в. и начало XX в. Нечего и говорить, что подобное «аннотирование» мало что разъяснит исследователю, которого интересует не столько вид документов, сколько их содержание.

Предметно-тематическое освещение содержания фондов и структурных частей больших фондов применено лишь в путеводителях ЦГИАМ и ЦГИАЛ, но группы материалов образованы в них без достаточной систематичности и недостаточно продуманно. Например, материалы Особого отдела департамента полиции (1898—1917 гг.) разделены на 15 таких групп: международное социалистическое движение, революционная пропаганда, деятельность РСДРП (как будто бы пропаганда не является частью ее деятельности), национальные социал-демократические партии, мелкобуржуазные политические партии, Государственная дума, рабочее движение, крестьянское движение, национальное движение, революционное движение в армии и флоте, студенческое движение, движение либеральной буржуазии, религиозное движение (?), надзор за печатью, вопросы международного характера. Другая структурная часть того же фонда (3-е делопроизводство) разделена на десять групп, и опять материалы расположены без учета хронологической последовательности периодов революционного движения, и потому документы, относящиеся, например, к революции 1905—1907 гг., разбросаны по всей аннотации. Еще одна структурная часть того же фонда (7-е делопроизводство) делится только на хронологические периоды: 1881—1900, 1900—1904, 1905—1907, 1907—1912, 1912—1914 и 1914—1917 гг. Такое деление было бы почти точным, если бы материалы этой части фонда были посвящены исключительно революционному движению. Но это не так. Здесь имеется много дел и документов, которые должны были составить отдельные предметно-тематические группы, подобные тем, которые образованы в первой структурной части (в Особом отделе).

В характеристиках некоторых фондов ЦГИАМ принята группировка материалов, данная фондообразователем, которую никак нельзя признать удовлетворительной. Например, материалы фонда № 543 разделены (в соответствии с описью) на 22 группы: «Императорская фамилия», «Основные законы. Самодержавие, власть», «Военное ведомство», «Военные агенты» и пр. Содержание гораздо большего по объему и более интересного фонда № 728 (Рукописный отдел библиотеки Зимнего дворца) изложено очень кратко, без образования групп и даже без соблюдения хронологической последовательности. Так же кратко и без определенной системы аннотированы большие фонды личного происхождения, в том числе и такие, как фонды Н. П. Игнатьева, П. Н. Милюкова, Я. И. Ростовцева и др., содержащие по много тысяч единиц хранения каждый.

Широко применял тематическое аннотирование фондов и ЦГИАЛ, но в своем путеводителе он не выделял наименования тематических групп, а разделял их абзацами. Образование тематических групп произведено наспех, без серьезного продумы-

вания схемы аннотации. Так, аннотация фонда Министерства юстиции (около 700 000 ед. хр.) состоит из 17 групп (абзацев), из которых 7 (с 8-й по 15-ю) относятся к крестьянскому вопросу. Остальные группы этого фонда образованы чаще по видам документов и по частным вопросам: 1-я и 2-я группы — отчеты; 3-я — переписка по законопроектам; 4-я — переписка по вопросам землеустройства, промышленности, торговли, рыболовства; 5-я — донесения прокурорского надзора; 6-я — переписка по запросам членов Государственной думы; 7-я — сведения о революционном движении; 15-я — по прошениям об открытии предприятий; 16-я — по вопросам административного управления и о выборах в Государственную думу; 17-я — прошения осужденных.

Эти 17 групп далеко не раскрывают содержания документов фонда. Совсем отсутствуют указания на наличие дел по так называемому рабочему вопросу и о рабочем движении, по национальному движению и т. д.

Аннотация фонда 1 Департамента Сената разделена на 9 групп: 1-я — журналы, мемории, определения, отчеты; 2-я — реформы административного управления, ревизии, строительство городов, лечебных заведений. Донесения губернаторов; 3-я — Земское и городское самоуправление; 4-я — судебные реформы, дела по протестам на решения судов; 5-я — о сложении недоимок, обложении налогами, устройстве монетного двора, о питейном деле, контрабанде и т. д.; 6-я — дела «об отыскании свободы», о поземельном устройстве крестьян, о рекрутской повинности, о дворянских повинностях и др.; 7-я — дела вероисповедные; 8-я — переписка; 9-я — дела Департамента казенных и иностранных дел.

Так составлены аннотации почти на все фонды ЦГИАЛ. Признать их достойными подражания никак нельзя.

Аннотация на большинство фондов ЦГАДА написаны без заранее разработанной схемы и вообще без какой-либо системы, если не считать выделения на первый план вида документов. Лишь в некоторых фондах (часть департаментов Сената) дела группируются по ведомствам, из которых они поступили в Сенат на рассмотрение. Такое деление для этих фондов, возможно, и самое целесообразное, но фонды других департаментов (4, 6, 7, 8-го) аннотированы без образования таких групп, а опять-таки по виду документов: «Протоколы», «Журналы», «Дела». ЦГАЛИ в своих аннотациях придерживается того же принципа: например, «Рукописи», «Дневники», «Письма». При описании разделов фондов «Переписка фондообразователя» приводятся фамилии и инициалы авторов писем, крайние даты и число писем, причем называются фамилии всех корреспондентов.

Целые страницы заполнены перечислением корреспондентов фондообразователя (см., например, стр. 59—70), но напрасно было бы искать в путеводителе указаний о содержании этих писем. Правда, письма вносятся в опись без раскрытия содержания и, следовательно, в описи фонда о содержании писем ничего найти нельзя, но кто сказал, что аннотации для путеводителя нужно писать только по описям, не изучая подлинных дел и документов?

Наконец, следует сделать несколько частных замечаний о составе аннотаций фондов для путеводителей. Письмо ГАУ требует, чтобы все важнейшие факты и события, упоминаемые в аннотации, а также важнейшие документы, если они сохранились только за часть лет, обязательно датировались. Это правильно, но этого недостаточно. Даты необходимо указывать и при упоминании разных «дел», при наименовании общественных организаций, периодических изданий и т. д., существовавших в разное время, но носивших одинаковые названия. Датировать следует также наименования групп дел в фонде, если они сгруппированы по хронологическому признаку, например «Крестьянское движение 1861—1917 гг.». ГАУ рекомендует также при упоминании в аннотации важных документов тут же (очевидно, в скобках) давать их шифры. Этот элемент в аннотации вряд ли необходим. Во-первых, «важные дела», попавшие в путеводитель, будут известны архивистам, и по требованию исследователя могут быть выданы даже в том случае, если он не укажет шифра. Во-вторых, путеводитель не должен претендовать на замену собой описей,

его задача другая: помочь исследователю выбрать фонды, описи которых он должен будет просмотреть. И в-третьих, приведение шифров к упоминаемым делам, даже только самым «важным», перегрузит путеводитель цифрами и значительно усложнит работу составителей и читателей. Гораздо целесообразнее было бы иногда указывать объем материалов по определенным делам, что помогло бы исследователю более рационально планировать свою работу в архиве. В ЦГИАМ, например, имеются дела, насчитывающие по нескольку десятков и даже сотен частей, томов. Требуя краткости и конкретности в изложении аннотации фонда, ГАУ рекомендует избегать употребления таких общих выражений, как «в материалах содержится...», «документы касаются» и т. п. Конечно, избегать частого повторения как этих, так и им подобных выражений, нужно, но считать их запретными не следует. Истолковывая буквально это указание ГАУ, многие архивисты решили, что вообще нельзя ничего писать «от себя», а требуется лишь перечислить дела и документы фонда, что и породило подмену аннотаций перечнями небольшой части дел фонда во многих изданных путеводителях. Не лишним также будет указать, что наименование групп материалов в аннотации фонда следовало бы набирать в разрядку или более жирным шрифтом, что облегчит исследователю розыски в путеводителе нужных ему архивных дел.

На однотипные по составу фонды (волостные правления, народные суды, военные комиссариаты и т. п.) ГАУ разрешило составлять групповые характеристики. Применение групповых характеристик, конечно, допустимо, но его нужно ограничить, так как некоторые архивы им явно злоупотребляют. ЦГВИА, например, на большую часть своих фондов дал групповые характеристики, Омский облархив объединил в такие группы совершенно разные фонды, связанные лишь единством ведомственного подчинения. В группу фондов «Переселенческие партии» Омский архив, кроме фондов этих «партий», включил фонды «Гидротехнического отдела переселенческого управления», «Отдела земельных улучшений» того же управления, «Статистического отдела при заведующем переселенческими делами» и пр. Кроме того, надо подчеркнуть, что ни один архив из применявших составление групповых характеристик фондов не аннотировал дела и документы какого-либо одного фонда данной группы: все они ограничились названием лишь типовых документов. Ограничение применения групповых характеристик фондов в путеводителях архивов необходимо еще и потому, что сам принцип одновременного аннотирования групп фондов подталкивает говорить в характеристиках о видах документов, а не о их содержании, что и сделали почти все архивы, применявшие групповое аннотирование. Фонды, имеющие одинаковые виды документов, встречаются часто, но одинаковыми по содержанию они бывают крайне редко, да и то относительно.

Большую роль в облегчении пользования путеводителем должен играть справочный аппарат, но некоторые архивы этого недоучли. ЦГВИА, например, выпустил свой путеводитель совсем без справочного аппарата. ЦГАОР ограничился составлением указателя учреждений, организаций, съездов и конференций, упоминаемых в характеристиках фондов, причем названия учреждений дал сокращенные, без расшифровки их, например, «Цунт», «Цустран», «Центрокрест», «Центросекция» [1]. ЦГАКА счел возможным разработать только указатель упоминаемых в характеристиках фондов наименований воинских частей, соединений и учреждений. Другие центральные госархивы СССР к составлению справочного аппарата к путеводителям отнеслись более серьезно: они составили именные и предметно-тематические, а некоторые, кроме того, и географические указатели. Именные указатели ЦГИАМ и ЦГАЛИ составлены без всяких пояснений, т. е. даны только фамилии и инициалы. Последние, кстати сказать, иногда перепутаны (ЦГИАМ), а часто просто не проставлены. ЦГАДА к фамилии и инициалам добавляет сведения об общественном и служебном положении упоминаемых лиц, но этот принцип не выдержан до конца.

Конечно, именной указатель с пояснениями лучше, чем указатель без поясне-

---

[1] См. указанный путеводитель, стр. 351.

ний, но о принципах его составления необходимо договориться. Если, например, в указателе к фамилии принято добавлять должность, занимаемую данным лицом, то надо твердо установить, какую именно — ту ли, которая им занималась в момент составления документа, о котором говорится в характеристике, или ту, под которой он общеизвестен, или же и ту и другую вместе.

Предметно-тематические указатели страдают тем же отсутствием общих принципов их составления, недостаточной продуманностью и игнорированием интересов исследователей. Подобные указатели в путеводителях ЦГИАМ и ЦГАДА довольно тощи: они охватывают две-три сотни слов, различных названий и понятий, которые далеко не могут удовлетворить исследователя. В указатель ЦГАДА внесены можно сказать, случайные слова, например «клады», «саранча», «мифология», но зато там нет таких слов, как «восстания», «волнения» (или хотя бы «бунты», «мятежи»). Туда же внесены наименования некоторых видов документов, но упоминания о таких важных для исследователей видах документов, как мемуары и дневники, там нет. Есть в этом указателе и названия учреждений, но далеко не все упоминавшиеся в путеводителе учреждения внесены в указатель. Так, например, министерства туда не вошли, хотя в архиве хранятся даже фонды, носящие наименования министерств. В предметно-тематический указатель ЦГИАЛ внесены такие слова, как «папская булла», «фейерверки», «маскарады», но зато там нет слов: «партия», «агитация и пропаганда», «демонстрации», «тайные политические общества», «кружки», «революционные демократы», «народники», «литература» и пр.

Обедненность предметно-тематического указателя в путеводителях архивов вызывается еще и тем, что аннотирование фондов чаще всего велось по видам документов, а не по их содержанию, мало уделялось внимания раскрытию содержания тех документов, которые отражают революционные события и показывают роль партии и народных масс в истории нашей страны. Именно поэтому в путеводителе ЦГИАЛ «большевики» совсем не упоминаются, очень мало упоминается «РСДРП», а из восстаний упомянуто лишь восстание в Средней Азии в 1916 г.

Составление географических указателей проще, но и оно должно подвергнуться детальному обсуждению. Так, нужно решить, следует ли в этот указатель вносить этнографические названия и понятия. Некоторые из рубрик географического указателя ЦГИАЛ скорее можно отнести к предметно-тематическому указателю, например «болгары в России», «греки в России» и т. д.

Итак, основные наши положения и предложения сводятся к следующему.

1. Каждому архиву необходимо продуманно организовать работу по изданию путеводителя: поручить выполнение ее наиболее квалифицированным научным сотрудникам, изучить опыт издания уже опубликованных путеводителей, учесть ошибки и недочеты, допущенные в них; пригласить для редактирования путеводителя историков-исследователей; схему и макет подготовляемого путеводителя обсудить на заседаниях научного совета архива.

2. Предисловия в путеводителях должны быть по составу унифицированы, насколько это позволяют особенности каждого архива. Они должны содержать лишь сведения, необходимые для пользующихся путеводителем. Предисловия необходимо пополнить сведениями, имеющими целью расширение круга исследователей, работающих над документальными материалами архива.

3. Путеводители по госархивам должны быть в максимальной степени полными: в них должны быть включены все фонды общего хранения. Конечно, степень освещения содержания исторически малоценных фондов будет зависеть от степени их научного и практического значения.

4. Разработке схемы расположения характеристик фондов в путеводителе нужно уделить больше внимания. Схема должна быть продуманной, научно обоснованной и облегчающей исследователям пользование путеводителем. В основу ее следовало бы положить деление фондов по предметно-функциональному принципу в сочетании с принципом ведомственной подчиненности и другими принципами.

5. Состав характеристик и порядок размещения их составных частей следует

уточнить. Рекомендуется сведения о наличии описей дополнить указанием их количества, вида и принципа их построения. Библиографии к характеристикам фонда не давать. Исторические справки о фондообразователях должны быть максимально краткими, но все же они должны содержать достаточно сведений для того, чтобы исследователь мог разобраться в составе и структуре фонда. Сведения в исторической справке следует помещать лишь проверенные самым тщательным образом.

6. Наибольшее внимание необходимо уделить составлению аннотаций материалов фонда. Краткость аннотации совершенно необходима, но нельзя этого добиваться за счет сокращения сведений о материалах, включаемых в нее, и тем более нельзя подменять аннотирование перечислением небольшого числа «дел» и документов фонда; все материалы постоянного хранения должны аннотироваться. Для успешного осуществления этой задачи необходимо предварительно применять группировку материалов фонда и составить продуманную схему аннотации, которая бы с наибольшей полнотой охватывала содержание документов фонда. В основу группирования материалов фонда преимущественно следует брать предметно-тематический признак, как обеспечивающий наиболее полное вскрытие содержания документов фонда, но это не исключает применения и многих других признаков, наиболее соответствующих составу фонда.

Повторные указания одних и тех же видов документов («переписка», «дела», «донесения», «представления» и т. д.) в одной аннотации не применять; в аннотации указывать лишь виды документов, не типичные для данного фонда, о типичных же видах документов лучше кратко сказать в конце исторической справки.

7. Применение групповых характеристик необходимо ограничить небольшим кругом безусловно однотипных и малоценных в научно-историческом отношении фондов и при условии обязательного аннотирования документов не только типичных для всех фондов данной группы, но и отдельных «дел» и документов, хранящихся в одном или нескольких фондах.

8. Каждый путеводитель обязательно должен иметь справочный аппарат: именные, предметно-тематические, географические и другие указатели. Предметно-тематический указатель следует разработать с учетом интересов и требований исследователей.

Сообщения

ДОКУМЕНТЫ О ВОССТАНОВЛЕНИИ БРЯНСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА в 1921—1925 гг. [1]

И. И. ФИШМАН

Изучение документальных материалов рхивного фонда Брянского завода позвояет выяснить конкретные условия, в коорых проходило восстановление производтва на этом крупнейшем предприятии. сего в фонде хранится 2814 ед. хр., в том исле за 1921—1925 гг. 1177 ед. хр.

Циркуляры и объявления заводоуправения, докладные записки Главному правению государственных объединенных маиностроительных заводов (ГОМЗ) за 921 г. характеризуют положение завода начале восстановительного периода.

Завод являлся тогда преимущественно боронным предприятием, имевшим важое государственное значение.

Выполняя оборонную программу, рабоие Брянского завода успешно справляись с заданиями. По результатам работы о второй половине 1920 г. постановлеием ВКРМ Брянский завод занесен на расную доску [2].

Переход к новой экономической полити е не вызвал на первых порах существеных изменений в работе завода. Из храняейся в фонде производственной програмы на 1921 г. видно, что военная продукия продолжала занимать в ней главное есто. Вместе с тем в 1921 г. завод должен ыл выпустить четыре новых и отремонировать 43 паровоза и 750 вагонов, изговить 100 дымогарных труб, 25 снегоочиителей, 1480 пудов запасных паровозных астей, 400 000 пудов огнеупорных издеий [3].

Сверх программы завод осуществлял емонт паровозов для продовольственных маршрутов [4]. Однако если производственная программа завода по сравнению с предыдущим годом серьезно не изменилась, то при переходе к мирному хозяйственному строительству сразу резко сказались последствия общей хозяйственной разрухи в стране, особенно острая нехватка продовольствия и топлива.

Докладные записки наблюдавшего инженера ГОМЗ на заводе к директору завода содержат по этому вопросу следующие сведения: из 6200 рабочих на работу выходило немногим более 50%, причем процент выхода колебался в зависимости от сроков выдачи продовольствия.

Не хватало квалифицированных рабочих для возобновления работы молотовского цеха и некоторых других мастерских, не хватало чернорабочих для обслуживания нужд цехов, выгрузки дров и подвозки топлива к котлам и печам [5]. Кроме того, большинство рабочих имели огороды и в период посевов и уборки процент невыхода на работу значительно возрастал, производительность падала. В объявлениях по заводу за 1921 г. указано, что в июле—августе в связи с отпуском рабочих на сельскохозяйственные работы и недостатком топлива завод простоял четыре недели [6]. Завод не получал небходимого топлива, а работа исключительно на дровах, особенно на сырых, влекла за собой очень низкую производительность мартеновских печей.

Для поднятия производительности необходимо было в первую очередь решить вопрос о продовольственном обеспечении рабочих. В фонде хранится копия подписанного В. И. Лениным постановления СТО

[1] В обзор включены материалы фондов рянского завода, правления треста «Государственные мальцевские заводы» (ГМЗ) треста «Брянсклес».

[2] Там же, д. 443, л. 50.

[3] Ф. 650, оп. 1, д. 391, л. 33.

[4] Там же, д. 391, л. 7.

[5] Там же, д. 441, лл. 16, 21.

[6] Там же, д. 391, лл. 32—35.

от 18 июня 1921 г. о коллективном снабжении рабочих и служащих некоторых государственных предприятий [1]. В число этих предприятий был включен и Брянский завод, переведенный на коллективное снабжение с 1 октября 1921 г. В телеграмме отдела снабжения ГОМЗ от 17 октября 1921 г. указывалось, что в связи с переводом завода на коллективное снабжение Наркомпрод выделил Брянскому заводу значительное количество продовольствия [2].

Большой интерес представляет разработанная на заводе инструкция о распределении фонда коллективного снабжения [3]. Назначенный центром фонд распределялся по заводу полностью лишь в том случае, если месячная программа выполнялась на 100%; при невыполнении программы фонд соответственно уменьшался. О размерах продовольственных выдач дают представление справки по коллективному снабжению, хранящиеся в фонде [4].

Перевод рабочих и служащих на коллективное снабжение резко улучшил работу завода. Из отчетов о работе завода за октябрь и третий квартал 1921 г., а также из акта проверки видно, что производственная программа в октябре, ноябре и декабре 1921 г. была выполнена соответственно на 142,6; 154,7 и 120,2%.

Известно, что рабочие Брянского завода в 1921 г. выполнили чрезвычайно ответственную работу по изготовлению первых электроплугов [5].

Очень важное значение для дальнейшей работы завода имело подписанное В. И. Лениным постановление Совета Труда и Обороны от 8 ноября 1921 г. о развитии Брянского завода и об установлении на нем сельскохозяйственного машиностроения. В фонде хранится копия этого постановления [6], установившего определенные задания заводу, в том числе по сельскохозяйственному машиностроению. Завод должен был в течение года выпустить 30 тысяч передковых плугов и 12 тысяч борон. ВСНХ обязывался регулярно снабжать завод всеми необходимыми материалами, а Наркомат труда должен был предоставить заводу квалифицированных и подсобных рабочих по указанию ГОМЗ.

Преимущественное право покупки сельхозорудий, изготовленных заводом, предоставлялось Наркомату земледелия.

Сельскохозяйственное машиностроение в течение всего восстановительного периода занимало видное место в производственных программах завода.

[1] Ф. 650, оп. 1, д. 443, л. 1.
[2] Там же, л. 53.
[3] Там же, д. 514, л. 41.
[4] Там же, лл. 21, 22.
[5] См. публикацию документов «В. И. Ленин и создание электроплугов», «Исторический архив», 1956, № 4. В фонде Брянского завода сведения об этой работе не сохранились.
[6] Ф. 650, оп. 1, д. 806, л. 39.

С начала 1922 г., в связи с переходом Брянского завода на хозяйственный рас-чет, изменились условия работы завода Циркуляром дирекции завода от 26 декаб-ря 1921 г. вводилась с 1 января 1922 г. бюд-жетно-сдельная оплата труда [7]. В фонде хранятся «Основные положения оплаты труда рабочих и служащих на государ-ственном Брянском заводе», введенные с 1 января 1922 г. [8]. Во всех случаях, где это было технически возможно, вводилась ин-дивидуально-сдельная оплата труда. Рабо-чий получал полную гарантированную плату лишь при выполнении сдельно-ма-ксимальных норм. Техническому персона-лу полная заработная плата должна была выдаваться при выполнении цехом или отделом 100% производственной програм-мы.

Работа завода на основах самоокупаемо-сти в тот период, однако, была ему не по-силу, так как нагрузка его цехов в начале 1922 г. составляла около одной трети на-грузки довоенного 1913 г. Кроме того, за-вод выполнял безденежные заказы обо-ронного значения и НКПС.

Начало 1922 г. вообще характеризовалос-значительным ухудшением положения за-вода. Еще с декабря 1921 г. создалось ка-тастрофическое положение с топливом, за-водоуправление обратилось к рабочим и служащим с призывом добровольно отпра-виться на заготовку дров. Из числа добро-вольцев были созданы две артели в 180 че-ловек [9]. Однако эта мера не могла решит-вопрос обеспечения завода топливом, и его закрыли на недельный срок. Лишь незначи-тельная часть рабочих осталась работать в тех цехах и на тех работах, где не требова-лось электроэнергии. Остальные рабочи-грузили дрова. Для подвозки к заводу дро-снаряжались специальные сквозные марш-руты [10]. В конце января был обеспечен ежедневный подвоз топлива, необходимый для нормальной работы заводов.

Затруднениями в работе завода пыта-лись воспользоваться антисоветские эле-менты, сумевшие сагитировать часть недо-статочно закаленных в идейном отноше-нии рабочих прекратить работу. В фонде хранится «Объявление к рабочим Брян-ского завода», подписанное президиумами губисполкома и губпрофсовета, правлени-ем районного отделения союза рабочих-ме-таллистов и заводским комитетом, раз-облачавшее происки класовых врагов и призывавшее рабочих усилить бдитель-ность [11].

С середины февраля 1922 г. работа за-вода вошла в нормальную колею.

За счет производственного кредита за-вод стал осуществлять наиболее необходи-мый ремонт производственных сооруже-

[7] Ф. 650, оп. 1, д. 373, л. 220.
[8] Там же, д. 542, л. 1.
[9] Там же, д. 373, л. 254.
[10] Там же, д. 557, л. 6.
[11] Там же, л. 14.

ний. Эта работа продолжалась в течение сего 1922/23 операционного года. Смета а ремонтно-строительные работы правлением ГОМЗ была утверждена в сумме 26 935 зол. руб. в довоенных ценах. Она озволила выверить и достроить металлический остов новой прокатной мастеркой, устроить фундаменты под прокатные таны, перевести с паровой тяги на электрическую кирпичный цех, перекрыть в ольшинстве зданий кровлю и т. д.

Значительно улучшилось продовольственное снабжение рабочих и служащих. б этом свидетельствуют месячные срочые ведомости о работе завода, содержание наряду со сведениями о месячном ыпуске изделий, нормы продовольственых выдач [1].

Для ознакомления с положением завода 1922/23 хозяйственном году очень важен ранящийся в фонде акт обследования остояния и производительности завода ппаратом Управления уполномоченного КИ от 31 марта 1923 г.[2]. В документе наодим перечень цехов и отделов с указаием числа рабочих и служащих, характеристику помещений и оборудования, перечень произведенных работ по ремонту борудования и заводских зданий, указаа производственная программа завода на 922/23 г. Эта программа составляла 35,4% агрузки завода в 1913 г. Если учесть, что 1920 г. нагрузка завода составляла лишь % довоенной, то налицо был рост объма производства. На заводе в то время ислилось 6131 рабочий. Завод испытывал ольшой недостаток квалифицированных подсобных рабочих. Интересны сведеия об укреплении трудовой производтвенной дисциплины. Процент невыхода а работу уменьшился с 19% в октябре 922 г. до 11,8 в феврале 1923 г.

Особенно окрепла трудовая дисциплиа, повысилась творческая активность раочих в 1924 г. С февраля 1924 г. при всех ехах были созданы производственные чейки по экономической работе, задачей оторых было выявление ненормальностей недостатков в работе и принятие мер к х устранению [3].

В средине 1924 г. был пущен после длиельной остановки гвоздильный цех [4]. Завод вновь начал выпуск кранов. В тезисах докладу заводоуправления на районной онференции металлистов (1924 г.), наряу с характеристикой работы завода, расматривались перспективы на 1924/25 г. сли нагрузка завода в 1923/24 г. равнялась 7 млн. руб., то на 1924/25 г. планироалось 15 млн. руб. Это свидетельствовало неуклонном расширении производства, о ом, что завод мог в самое ближайшее ремя достигнуть, а затем и превзойти довоенный уровень производства. Важно отметить, что в 1924/25 г. завод должен был освоить совершенно новый для себя вид продукции — выпуск тракторов образца Коломенского завода [5].

Интересны документы о выпуске Брянским заводом плугов с культурными и полувинтовыми отвалами. В акте осмотра этих плугов специальной комиссией синдиката «Сельмаш» отмечалось, что плуги Брянского завода не уступали лучшим западноевропейским образцам.

Непрерывно расширялось и транспортное машиностроение. В частности, производственная программа 1924/25 г. включала выпуск 18 новых паровозов серии СВУ, ремонт 18 паровозов, 78 пассажирских вагонов. 54 вагонов пригородного сообщения и 100 товарных.

На 1925/26 операционный год правлением ГОМЗ производственная программа завода была определена в сумме 18 млн. руб. Это означало, что восстановительный период на заводе был завершен. В 1925 г. был разработан проект расширения завода на пятилетие (1925—1930 гг.), предусматривавший дальнейшее развитие транспортного машиностроения (паровозы, большегрузные вагоны, мосты, краны), сельскохозяйственного и общего машиностроения, освоение выпуска нефтяного оборудования и др. [6].

В фонде хранится группа документов, характеризующих повышение активности рабочих в решении производственных задач, в частности, задач повышения производительности труда, улучшения качества продукции. К этой группе относятся сводки о работе экономических ячеек и производственных комиссий, протоколы собраний цеховых экономических ячеек, которые представлялись заводоуправлению заводским комитетом.

На заседаниях цеховых производственных комиссий заслушивались доклады заведующих цехами, разбирались другие актуальные вопросы (об уплотнении рабочего дня, снижении цеховых расходов, борьбе с браком, бережном отношении к оборудованию и инструментам и т. д.). За год с 1 сентября 1924 г. по 1 сентября 1925 г. от рабочих завода поступило 60 предложений по усовершенствованию и рационализации производства. 18 авторов предложений были премированы [7].

Творческая активность рабочих и служащих являлась залогом дальнейших успехов в развитии социалистической промышленности.

Некоторые специфические особенности имел процесс восстановления производства на предприятиях треста «Государственные мальцевские заводы», объединявшем предприятия металлической, стекольной, цементной и фаянсовой промышленности.

[1] Там же, д. 499, лл. 64, 68, 77, 85, 96, 107.
[2] Ф. 650 оп. 1, д. 820, лл. 220—230.
[3] Там же, д. 808, л. 11.
[4] Там же, д. 874, л. 1.
[5] Ф. 650 оп. 1, д .862, лл. 5, 6
[6] Там же, д. 874, л. 14.
[7] Там же, д. 961 лл. 151, и 248.

К характеристике документальных материалов архивного фонда правления треста «Государственные мальцевские заводы» мы и переходим.

Документальные материалы фонда правления треста «Государственные мальцевские заводы» (ГМЗ) за 1918—1926 гг. сохранились в Государственном архиве Брянской области в количестве 1477 ед. хр., в том числе за рассматриваемый период 1921—1925 гг. имеется 1164 ед. хр.

Большой интерес среди этих документов представляют протоколы заседаний правления и различных совещаний при нем. 17 января 1921 г. при правлении состоялось совещание с участием представителя ВСНХ. В докладе о положении стекольной и металлической промышленности, сделанном на совещании, отмечалось, что из пяти фабрик округа работало лишь три: Дятьковская хрустальная, Ивотская и Чернятинская стекольные, остальные не работали из-за отсутствия топлива и рабочих рук. По отношению к 1913 г. производительность Дятьковской фабрики составляла 34,8, Ивотской — 16%, Чернятинской — 9,38%.

По металлогруппе положение было также тяжелым. Литейная Людиновского завода выпускала 18,4% продукции 1913 г., большая механическая мастерская — 25,6%, кузница — 21,4%, на работу не выходило свыше 35% рабочих. Еще больший процент невыхода был по Сукремльскому заводу (39,2).

Все металлозаводы и стекольные фабрики испытывали недостаток топлива и продовольствия (за исключением Людиновского завода, рабочие которого получали бронированный паек) [1].

Переживая огромные трудности в разоренной войной стране, рабочие ясно сознавали свои задачи по восстановлению производства и во главе с коммунистами принимали меры к улучшению работы предприятий. Об этом свидетельствуют протокол делегатского собрания Ивотской стекольной фабрики, выписки из протоколов общих собраний фабрично-заводской ячейки РКП(б) Дятьковской фабрики, хранящиеся в фонде [2]. Ячейка РКП(б) Дятьковской фабрики считала своей главной задачей «всемерное содействие к поднятию производительности», оказание управлению фабрикой всемерной поддержки в деле правильного регулирования производства и поддержания твердой пролетарской дисциплины.

Принимались меры по облегчению продовольственного положения рабочих. В фонде хранится группа документов, характеризующих мероприятия по созданию фонда натурального премирования рабочих (натурфонда). Совещание при Брянском губпрофсовете 22 апреля 1921 г. постановило предоставить заводоуправлениям совместно с профорганизациями право открывать подсобные мастерские для изготовления предметов широкого потребления или выделять в этих целях отдельные группы рабочих, конечно, не в ущерб основным производственным программам. Продукция, изготовленная таким образом, подлежала обмену на продовольствие, ее рациональное использование поручалось рабочим бюро местных кооперативов [3].

Временное положение об образовании натурфонда премирования рабочих, разработанное Бежицким райкомом ВСРМ, устанавливало, что натурфонд из изделий собственного производства устанавливался на Людиновском, Бытошевском, Песоченском и Сукремльском заводах. На Людиновском и Радицком заводах, кроме того, создавались подсобные мастерские для создания натурфонда. Фонд натурпремирования, согласно декрету СНК РСФСР от 7 апреля 1921 г., передавался предприятием в местный рабочий кооператив, который производил товарообмен [4]. Положение вступало в силу с 1 мая 1921 г., однако на ГМЗ натурпремирование стало фактически осуществляться лишь с августа.

В протоколах объединенного заседания правления ГМЗ от 24 июня 1921 г., губернского съезда профсоюза химиков, состоявшегося в с. Дятькове 3—4 июня 1921 г., говорилось о крайне тяжелом продовольственном положении. Правление округа вынуждено было экстренно выдать всем рабочим и их семьям фабрикаты в счет натурпремии, которые рабочие сами обменивали на продовольствие [5]. Введение в августе натурпремирования резко изменило положение. В докладной записке правления о деятельности предприятий за январь — ноябрь 1921 г. приводятся следующие данные: металлозаводы, выполнявшие до августа программные задания менее чем на 50%, после введения натурпремирования стали значительно их перевыполнять. Людиновский завод в августе выполнил программу на 155,9%, сентябре — на 154,1%, октябре — на 120%; Песоченский завод в августе — на 119,1%, сентябре — 158,1%, октябре — на 156,5%, ноябре — на 100,36% и т. д. До конца года в составе предприятий округа произошли некоторые изменения: Сукремльский завод, стоявший из-за отсутствия топлива, был причислен к Людиновскому заводу на правах цеха. С 1 ноября 1921 г. округу был передан Радицкий вагоностроительный завод, находившийся в ведение НКПС.

На 1 декабря 1921 г., по металлозаводам числилось 4130 рабочих и служащих, по силикатным предприятиям — 5059 рабочих и служащих, на Мальцевской железной дороге — 1650 и в различных вспомогательных предприятиях и учреждениях — 266

[1] Ф. 287, оп. 1, д. 258, лл. 239—242.
[2] Там же, л. 263; д. 281, лл. 21, 22.
[3] Ф. 287, оп. 1, д. 267, л. 15.
[4] Там же, л. 7.
[5] Там же, д. 258, л. 149.

еловек. Таким образом, всего по округу ислилось около 13,5 тысячи рабочих и лужащих.

Предприятия округа испытывали больюй недостаток в рабочих, заводы и фабики не были полностью укомплектованы ехническим персоналом. Средний невыод на работу по металлозаводам составял 21,9%, по силикатной промышленнои — 19,39% [1].

Со второй половины 1921 г. в округе проодился ряд организационных мероприяий, связанных с переходом предприятий круга на хозяйственный расчет. Решение переходе ГОМЗ на хозрасчет было приято малой коллегией ВСНХ 19 сентября 921 г. [2].

Вопрос перехода на хозрасчет обсуждал- на собраниях рабочих и служащих. В онде, в частности, хранится протокол таого собрания на Бытошевском заводе [3]. обсуждении этого вопроса активное учатие принимали профсоюзные организаии. Президиум Мальцевского подрайкоа профсоюза рабочих-металлистов на сво- заседании от 28 ноября 1921 г. постаовил усилить руководство деятельностью абзавкомов, улучшить охрану труда и ультурно-просветительную работу. Члеы президиума подрайкома прикреплявсь к отдельным предприятиям, они долны были принимать постоянное участие рассмотрении производственных проамм, возможно чаще проводить технииские совещания с широким участием раочих. В целях подготовки кадров квалиицированных рабочих и младшего техического персонала подрайком постанол организовать при Людиновском заво- вечерний рабочий техникум или техические курсы [4].

Постановлением Президиума ВСНХ от 7 ноября 1921 г. ГМЗ переводился на озрасчет с 15 декабря 1921 г. Ввиду очеидной неизбежности обеспечения округа ри переходе его на хозрасчет оборотыми средствами было отпущено 4 млрд. уб. [5].

Переход на хозрасчет значительно акивизировал рабочих, повысив их творчекую инициативу. Об этом свидетельству- ряд документов. Как видно из протокоа делегатского собрания Ивотской стеольной фабрики от 18 декабря 1921 г., на абрике царила бесхозяйственность. Из-за лохого оборудования распускных машин, есвоевременной уборки стекла процент оя в три раза превышал довоенный. Чуввуя свою ответственность за состояние роизводства, рабочие делегаты просили равление округа в срочном порядке приать комиссию для расследования положения на фабрике и назначить управляющего из числа «стойких рабочих» [6].

О большом чувстве ответственности рабочих за скорейшее восстановление своего завода говорит и протокол общего собрания рабочих и служащих Бытошевского чугунолитейного завода от 3 декабря 1921 г. Рассмотрев вопрос о дальнейшей работе завода, собрание постановило при повышении производительности труда доход завода, остававшийся после сметных расходов, обращать на ремонт заводских мастерских [7].

Первые итоги работы ГМЗ на основах хозяйственного расчета подробно изложены в докладе комиссии Брянского губернского экономического совещания, обследовавшей работу округа [8]. Общий вывод сделанный комиссией, заключался в том, что переход на хозрасчет на первых порах не дал желательного эффекта в смысле увеличения объема производства. Причинами тому были отмена с декабря 1921 г. натурпремирования из-за израсходования хлебных запасов и недостаток топлива, заготовка которого отставала от потребления. Ввиду отсутствия топлива правление округа решило на апрель — сентябрь 1922 г. остановить две фабрики, а на остальных предприятиях продолжать работу по новой сокращенной программе. Безусловно, все это наносило округу колоссальные убытки. Кроме того, вследствие бесхозяйственности правления и неналаженности коммерческого аппарата многие торговые сделки, заключенные округом, были невыгодны, что за время с 1 ноября 1921 г. по 1 февраля 1922 г. привело к сокращению оборотного капитала округа на 8370 зол. руб.

Производительность на предприятиях падала, из месяца в месяц росла задолженность рабочим и служащим. Ряд других документов: сводки о выполнении производственных программ, докладная записка о работе округа, дополняет данные комиссии губэкосо о тяжелом положении предприятий [9]. Предприятия частично расплачивались с рабочими фабрикатами производства, что зачастую мешало работе государственных заготовительных и распределительных органов, способствовало развитию спекуляции и мешочничества. Эти мероприятия, безусловно, не могли коренным образом решить продовольственный вопрос, они привели лишь к сокращению оборотных средств.

5 мая 1922 г. при правлении состоялось совещание с участием представителей коммунистических ячеек, профорганизаций, заводоуправлений и РКИ. Совещание предложило погасить всю задолженность рабочим, обеспечить бесперебойную рабо-

[1] Ф. 287, оп. 1, д. 258, л. 106.
[2] Там же, д. 279, лл. 7—9.
[3] Там же, л. 9.
[4] Там же, лл. 42, 43.
[5] Там же, д. 265, л. 4.

[6] Ф. 287, оп. 1, д. 258, л. 26.
[7] Там же, л. 33.
[8] Там же, д. 517, лл. 62—72.
[9] Там же, д. 279, лл. 6, 10—11; д. 520, лл. 122, 123.

ту предприятий, обязало правление широко информировать рабочие организации и всех рабочих о ресурсах, которыми располагал округ в области снабжения сырьем, продовольствием и денежными знаками для расплаты с рабочими. В целом работа правления была признана неудовлетворительной [1]. Оно было сменено.

В округ прибыла комиссия ВСНХ. Ряд документов отражает ее деятельность. К их числу относится доклад Мальцевского подрайкома ВСРМ, составленный для нее [2] протокол заседания Брянского губернского отдела профсоюза химиков с участием представителей ВСНХ [3] и доклад самой комиссии ВСНХ [4]. В качестве практических мероприятий по улучшению работы ГОМЗ комиссия ВСНХ предложила реорганизовать управленческий аппарат, наметить планы текущей работы фабрик и заводов на ближайшие шесть месяцев, организовать работу по добыче полезных ископаемых на территории округа и утилизации минерального топлива. Для восстановления нормальных условий работы комиссия ВСНХ предлагала выдать правлению долгосрочную ссуду и в счет этой ссуды немедленно отпустить 25 млн. руб. (денежными знаками 1922 г.) на покрытие задолженности по заработной плате и на подвозку к предприятиям топлива.

Меры по оказанию помощи ГМЗ были приняты немедленно. 5 июля 1922 г. Брянский губпрофсовет сообщил Людиновскому подрайкому профсоюза химиков, что, согласно телеграмме из Москвы, округу отпущено достаточное количество средств, а также несколько вагонов продовольствия. Об этой телеграмме предлагалось немедленно оповестить рабочих [5].

Со второй половины 1922 г. после ряда организационных и других мероприятий по улучшению управления предприятиями округа, в его работе произошел перелом — начался неуклонный рост объема производства на заводах и фабриках, позволивший к концу восстановительного периода вплотную подойти к довоенному уровню производства.

В течение 1922/23 хозяйственного года в округе была проведена серьезная работа по улучшению электросилового хозяйства: построена высоковольтная линия электропередачи Людиново — Сукремль, почти завершена высоковольтная линия Дятьково—Ивот (14 верст), оборудованы подстанции в Сукремле и Ивоте. Электростанция цементного завода была преобразована в районную, и ее эксплуатация переведена на основы хозрасчета.

Строились осветительные магистрали и в рабочих поселках при фабриках и заводах.

[1] Ф. 287, оп. 1, д. 517, л. 89.
[2] Там же, лл. 124, 125.
[3] Там же, лл. 109, 110.
[4] Там же, д. 520, лл. 81—85.
[5] Там же, д. 507, л. 23.

Отчет правления за первые три меся
1923 г. содержит очень интересные свед
ния об улучшении работы предприяти
округа. Сумма выпущенной продукции
довоенной оценке за три месяца 1923 г. с
ставляла по отношению к январю — март
1922 г. по Ивотской фабрике 320%, Дят
ковской — 158%, Песоченский — 137%. Т
же значительным, хотя и несколько боле
медленным, был рост производства по м
таллогруппе. Так, Людиновский завод ув
личил выпуск продукции (в суммарно
выражении) на 221,94%, Бытошевский -
на 187,03%. Лишь на Радицком заводе, и
полнявшем заказы местного значения п
ремонту вагонов Мальцевской железно
дороги, производство значительно упал
В целом по отношению к первому кварт
лу 1922 г. количество выпущенной проду
ции возросло почти вдвое.

Серьезное значение в деле быстрейше
восстановления производства имела н
чавшаяся в конце 1923 г., в соответстви
с решениями XII съезда РКП(б), конце
трация производства на технически лу
ше оборудованных и географически лучш
расположенных предприятиях. Специал
ные комиссии ВСНХ пересмотрели пре
приятия округа. В результате в 1923/
хозяйственном году было решено продо
жить работу на двух металлозавод
(Людиновском и Песоченском) и пяти с
ликатных предприятиях (Дятьковской, П
соченской, Бытошевской, Чернятинск
фабриках и цементном заводе). В состо
нии консервации были оставлены два м
таллозавода (Сукремльский и Радицкий)
Ивотская стекольная фабрика.

Это мероприятие позволило увеличи
нагрузку действующих заводов и фабри
впоследствии же с укреплением округа
степенно пускались в ход и законсерв
рованные предприятия. Серьезных у
пехов добились в 1923/24 г. рабочие и сл
жащие Людиновского завода — единстве
ного в то время в стране первоклассно
завода по производству локомобилей.
Всероссийской сельскохозяйственной в
ставке 1923 г. локомобиль, выпущенн
заводом, работал на динамо-машину в
честве показательной электростанции
лой мощности, за что заводу был прису
ден похвальный отзыв [6]. Производство
комобилей приняло на заводе широк
характер.

Уже с середины 1924 г. правление т
ста начало подготовительную работу
пуску законсервированных предприят
Об этом свидетельствует хранящийся
фонде акт обследования Ивотской стек
ной фабрики в июле 1924 г. [7]. Вопрос э
встал в связи с тем, что нагрузка пр
приятий треста по действительному
пуску в 1924/25 г. составила 14 млн. р
в то время как в 1923/24 г. годовой вып

[6] Ф. 287, оп. 1, д. 1064, л. 243.
[7] Там же, д. 1064, лл. 5—8.

одукции не превышал 8 млн. руб. Дальйшее расширение производства треста огло идти главным образом за счет пус законсервированных предприятий. Знательно увеличилась нагрузка предприяй металлогруппы (на 135%), причем жно отметить, что численность рабочих зросла лишь на 10%.

В 1925/26 г. к работе должны были припить все предприятия округа, в связи чем правление треста наметило програм роста производства с 14 млн. руб. в 24/25 г. до 25 млн. руб. в 1925/26 операонном году. Выполнение этой програм означало завершение восстановительго периода на предприятиях треста «Годарственные мальцевские заводы».

Следует отметить, что хотя достижение военного уровня на Брянском и Мальвских заводах, как и всей промышленной СССР, проходило в основном на базе арой техники, однако уже в восстановильный период Брянский завод частично конструировался (пуск к шестой годовине Октября нового прокатного цеха, ектрификация кирпичного цеха), осваились новые виды продукции (электроуги, тракторы), на Мальцевских заводах ачительно расширилось электросиловое зяйство.

Документальные материалы правительвенного правления государственных задов Мальцевского фабрично-заводского руга и правления треста «Государственые мальцевские заводы», помимо Госурственного архива Брянской области, анятся в ЦГАОР СССР. Если для хранея фонда правления треста «Государстнные мальцевские заводы» в ЦГАОР еются основания (так как правление еста со второй половины 1923 г. размелось в Москве), то документальные мариалы за 1918—1923 гг. в количестве ед. хр. должны быть присоединены к основным материалам, хранящимся в Государственном архиве Брянской области.

Дополнением к материалам фонда правления треста могут служить фонды некоторых предприятий, входящих в трест: Радицкого вагоностроительного завода, Бытошевского чугунолитейного завода, Цементного завода, шиферного завода «Терфазерит», Бытошевской и Ивотской стекольных фабрик, Дятьковской хрустальной фабрики. Однако в отличие от фонда правления треста, они сохранились в очень незначительной степени.

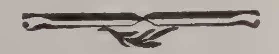
В архиве хранятся также фонды других предприятий и их объединений как центрального, так и губернского подчинения (Брянского красного механическо-артиллерийского завода, треста «Брянсклес», Брянского пенькотреста и др.).

Наибольшую ценность представляет фонд губернского объединения лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Документальные материалы фонда характеризуют восстановление лесной и деревообрабатывающей промышленности, имевшей важное общегосударственное значение: Брянская губерния обеспечивала лесом и лесными материалами восстановительные работы в Донбассе, снабжала топливом и лесоматериалами железнодорожный транспорт, все промышленные предприятия Брянской губернии (в том числе Брянский и Мальцевские заводы).

Само собой разумеется, что изучение истории восстановления Брянского промышленного района немыслимо без привлечения документальных материалов руководящих партийных, советских и хозяйственных учреждений и организаций.

Автор данного обзора ставил перед собой более скромную задачу — обратить внимание исследователя на менее известные фонды, содержащие конкретный фактический материал по названной теме.

Заметки архивиста

ПИСЬМА В. И. ЗАСУЛИЧ М. И. ПАВЛЫКУ

Семь писем В. Засулич М. Павлыку, впервые полностью публикуемые на рус-ском языке, как и ранее опубликованные письма Г. В. Плеханова Б. Выслоуху [1], сви-детельствуют о широких связях прогрессивных деятелей Западной Украины с чле-нами марксистской группы «Освобождение труда».

Михайло Иванович Павлык (1853—1915), украинский писатель, публицист и об-щественный деятель, был соратником Ивана Франко по литературно-издательской и общественной работе.

Преследуемый австрийскими властями М. Павлык выехал в начале 1879 г. в Швейцарию и находился там до 1882 г. В это время он и познакомился с членами будущей группы «Освобождение труда», в частности, с Г. В. Плехановым и В. И. За-сулич, а после возвращения на родину поддерживал с ними связь, получал и распро-странял марксистские издания группы «Освобождение труда», высылал им галицки издания, помогал переправлять нелегальную литературу в Россию. В 1894 г., п поручению российских социал-демократов, М. Павлык издал в Коломые на русско языке «Основные положения Эрфуртской программы К. Каутского». Это издани затем переправлялось в Россию.

Начиная с 1897 г. И. Франко и М. Павлык поддерживали связи с В. Д. Бонч Бруевичем, который систематически посылал им женевские социал-демократическ издания на русском языке, произведения В. И. Ленина и газету «Искра».

В архивах библиотеки научного товарищества им. Шевченко во Львове, г М. Павлык работал в качестве библиотекаря, сохранилась вся нелегальная литерат ра, издававшаяся русской революционной социал-демократией за границей, в т числе ленинская «Искра», первые издания произведений В. И. Ленина, газеты «Вп ред», «Пролетарий» и другие.

Сохранился и архив М. Павлыка, который в конце 1955 г. передан в фили Центрального государственного исторического архива УССР во Львове. Отсюда и и влечены публикуемые письма (ф. 663, оп. 1, д. 220, лл. 2—11. Под документами леге да не повторяется). Письма не датированы, но можно установить, что они относят к 1893—1894 гг. Это подтверждается литературой, о которой идет речь в письма Об этом говорит и письмо М. Павлыка к В. Засулич, датированнное 12 октября 1893 находящееся в архиве Дома Плеханова в Ленинграде и являющееся ответом на од из писем В. Засулич. Кроме того, на последнем письме В. Засулич есть пометка, с ланная рукой М. Павлыка: «Дістав 18.X.1894». О письмах, получаемых от В. За лич, М. Павлык упоминает также в письмах к М. Драгоманову от 12 ноября 1893 и 21 октября 1894 г.

А. М. Шем

---

[1] См. «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 219—221.

№ 1

Милостивый государь господин Павлик.

Мне передали, что Вы желаете иметь мой адрес, чтобы переслать находящиеся у Вас 85 рублей. Мой адрес таков:

M-me Beldinsky. Chez Favre. Mornex. Haute Savoie. France.

Больше ничего, моей фамилии не должно быть.

Будьте так добры сообщить мне также, если возможно, что это за деньги и каково их назначение.

Готовая к услугам В. Засулич

№ 2

Chez Favre. Mornex. Haute Savoie.

5 июня

Уважаемый господин Павлик.

Отвечаю тотчас же по получении Вашего письма со вложением 85 рублей, но боюсь, что к 8-му июня мой ответ все-таки не дойдет, так как Ваше письмо шло 5 дней.

Издание нашего «Социал-Демократа» [1]) пока остановилось, хотя мы и надеемся возобновить его при первой возможности. Но брошюры выходить будут, и в одной из них мы напечатаем извещение о получении, как сказано в Вашем письме, а пока эту же самую фразу напечатайте в «Народе» [2]): «Деньги, высланные от молодежи К. на имя госпожи N, 85 руб., получены».

Если Вы находитесь в сношениях с приславшими деньги, то передайте им при случае нашу благодарность и радость, доставленную нам этим доказательством, что и в Киеве, с которым у нас было очень [мало] сношений, есть люди, сочувствующие нашей пропаганде.

Буду очень благодарна за присылку газет, о которых Вы пишете, и с своей стороны буду высылать все, что у нас выйдет.

Желаю Вам всего лучшего

В. Засулич

Прошу выслать газеты на тот же адрес Beldinsky.

№ 3

M-me Beldinsky. Chez Favre. Mornex. Haute Savoie.

Уважаемый г. Павлик.

Вы вероятно получили уже первую бандерольную посылку в 2 кило из числа заказанных Вами книг. Остальные не замедлят последовать. 20 руб. по курсу 262 f. дали 52 f. 40 c. Вместе с 15 р., которые Вы обещаете прислать, это составит 91 f. 70 c.

Народовольческих изданий у нас нет. Я заказала их в Лондонском складе.

Задачи Ист[орической] мысли 7 выпуск[ов] по 2 f.— 14 f.

Каутский 50 c.

Вестн[ик] Народ[ной] Воли 3 № по 5 f. 15 f.

Календаря, а также 4 и 5 № В[естника] Н[ародной] В[оли], судя по каталогу, у них нет.

Лондонские книги обойдутся, следовательно, с пересылкой (10 c. с франка) в 32 f. 45 c.

Французские книги, заказанные в Париже, обойдутся около 5 f. Отсылка бандерольного заказного пакета в 2 кило стоит 2 f., и таких, кроме посланного, еще 3 приготовлю, всего 8 f.

Заказы в Лондоне, Париже и пересылка обойдутся, следовательно, в 45 f. 45 c.

На уплату за остальные наши социал-демократические издания останется, следовательно (после присылки 15 руб.), 46 f. 25 c.

За эти деньги даже по пониженным ценам (с уступкой 25%) можно бы выслать лишь около половины того, что Вы просите, но, судя о назначении этих книг по деньгам (кредитные рубли), мне не хотелось так сильно уменьшать количество экземпляров, и я посылаю:

Соц[иал]-Дем[ократ]	4 книги	14 f.
[Г. В. Плеханов]. Наши разног[ласия]	3 экз.	9 f.
[Г. В. Плеханов]. Ф[ердинанд] Лассаль [Его жизнь и деятельность]	5 »	3 f. 75 c.
Речь П. [А.] Алек[сеева]	10 »	1 f. 50 c.
[В. Засулич]. Варл[ен перед судом исправительной полиции]	10 »	1 f. 50 c.
Всем[ирный] празд[ник]	10 »	1 f. 50 c.
[К. Марск, Ф. Энгельс]. Маниф[ест] Ком[мунистической] па[ртии]	10 »	10 f.
[Ф. Энгельс]. Разв[итие] науч[ного] соц[иализма]	5 »	6 f. 25 c.
[Г. Плеханов]. Задачи соц[иалистов] в борьбе [с голодом в России]	25 »	18 f. 75 c.
Русс[кий] раб[очий] в рев[олюционном] дви-ж[ении]. [По личным воспоминаниям Г. В. Плеханова]	10 »	15 f.
	Всего:	81 f. 25 c.

«Сборник» «Соц[иализм] и полит[ическая] борьба» [Г. Плеханова], а также «Прогр[амма] раб[очих] Лассаля» разошлись, их поэтому не посылаю.

Если я не ошиблась в своем предположении и книги действительно предназначаются для родины, то отдайте их все, и по присылке 15 рублей мы будем в расчете. Если же мое предположение ошибочно и книги разойдутся здесь, за границей, то отбавьте из присланных наших изданий на 35 ф. (46 из 81 ф.) и эти лишние экземпляры оставьте у себя на комиссии. Когда Вам случится продать их, тогда и пришлете нам за них деньги.

Желаю Вас всего хорошего.

Ваша В. Засулич

№ 4

Уважаемый господин Павлик!

Beldinsky. Mornex. Haute Savoie.

С интересом прочитывая посылаемые Вами газеты (за которые Вам большое спасибо), мы заинтересовались галицийскими отношениями, так что хотелось бы ознакомиться и с другими направлениями, о которых у Вас говорится. Не могли ли бы Вы прислать на прочтение хотя по 2 — по 3 №№ газет «Галичанина» [3] и «Дела» [4]. Хотелось бы составить себе понятие, что это за издания.

Получили ли Вы аккуратно заказанные Вами издания?

Будьте здоровы. Крепко жму руку.

В. Засулич

№ 5

Beldinsky. Mornex. Chez Favre Haute Savoie.

Уважаемый господин Павлик.

Большое спасибо за присланные Вами газеты. Вот адрес женевской русской читальни: Bibliothèque russe. № 21. Route de la Cluse, Genève. В Женеву надо полный адрес, так как здесь посланные газеты могли бы иначе попасть г. Элпидину. В Берн

Цюрих можно просто посылать в русские студенческие библиотеки. Русской моло-ежи очень не бесполезно будет познакомиться с Вашими изданиями. Прекрасная азета Ваш «Хлібороб» [5]. Плеханов, который усердно читает ее, говорит, что ему икогда не случалось видеть такого хорошего издания для крестьян.

Мы писали Аксельроду, и наверное, если найдется у него свободная минута, он без платы будет посылать Вам корреспонденции о рабочем движении, за которым н пристально следит.

Узнавши из Вашего письма, что Вы не получили книг из Лондона, я спросила ам, как это могло случиться? Мне ответили, что их по ошибке посылали в другое есто, и теперь исправили ошибку. Если они по ошибке тоже пришлют Вам счет, Вы, пожалуйста, не платите им, так как им давно вперед заплачено.

Нет ли у Вас «Истории Галицкой Руси» Гловацкого и «Истории Русской литера-уры» Ом. Огоновского? Если есть, то не могли ли бы Вы ссудить их на прочтение. Іы бы их с благодарностью возвратили. А если нету, то не можете ли узнать, отку-а их можно выписать и сколько стоит?

Нам хотелось бы еще иметь некоторые дешевые галицийские издания, о которых бъявлено в «Галичанине»:

«Евреи и поляки в бывшей Польше» 5 кр., «Якіи мы бедные» Герм. Пономарева кр., «Галицкая Русь в европейской политике», «Звониміри» Д. Заловецкого, Пыпина Об Истории русской литературы Огоновского», «Ростислав — родоначальник Галиц-ого] князіевства» Залозецкого, «Сандецкая Русь» Иоанна Петровича.

Это не к спеху, конечно, а если когда случится свободная минута и франк, то удьте так добры прислать их в счет наших изданий.

Крепко жму руку

Ваша В. Засулич

№ 6

M-me Beldinsky. Chez Favre. Mornex. Haute Savoie. France.

Уважаемый г. Павлик.

Письмецо Ваше со вложением 15 руб. получено.

Биография в книжке Степняка написана 13 лет тому назад, и он ее так и ставил, как тогда написал, да и тогда это пылкое воображение моего друга Сергея ней кое-что преувеличило, в том числе и беготню по ночам.

Во всяком случае я тогда скорее не знала, что думать, чем что делать, усомнив-ись в своих народнических взглядах и не успевши выработать новых. Но хоть я и авно знаю, что думать и что делать, все таки и жить и делать было бы гораздо учше в Галиции, где и язык и быт нам почти родной, где знают нашу литературу откуда так близко до России, чем в опостылевшей Швейцарии, да Ваша полиция, аверно бы, не потерпела меня.

Крепко жму руку

В. Засулич

№ 7

Многоуважаемый г. Павлик!

Мне из-за наступившего теперь во Франции режима, особенно бесцеремонно об-уппивающегося на иностранцев, пришлось уехать из Савойи, и я теперь в Лондоне. Народ» и «Хлібороб» продолжают, кажется, приходить на старый адрес, я просила ереслать их мне, но ничего из этого не вышло, и я уже не видела их больше меся-а. А между тем я к ним положительно привязалась и скучаю за ними. Будьте так обры, перемените адрес на мой здешний:

M-me Beldinsky. Greis. ihn Road, Regent square № 2. W. C. London.

Прошу извинить меня за беспокойство и очень благодарю за присылку журналов.

У нас ничего почти не выходило за последнее время, кроме одной брошюрки о рабочем дне. Получили ли Вы ее?

Крепко жму руку

В. Засулич

А тяжело себя чувствуешь в Лондоне, и как-то еще гораздо дальше от России, чем в Швейцарии или на ее границе, как в море.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) «Социал-Демократ» — литературно-политическое обозрение, издававшееся группой «Освобождение труда» за границей в 1890—1892 гг. Всего вышло четыре книги.
2) «Народ» — журнал, орган радикальной партии; выходил в Галиции с 1890 по 1895 г. под редакцией И. Франко и М. Павлыка.
3) «Галичанин» — буржуазная газета «москвофилов»; выходила во Львове в 1893—1894 гг.
4) «Дело» — орган буржуазно-националистической партии «народовцев», выходивший во Львове с 1880 по 1915 гг.
5) «Хлібороб» — газета радикальной партии для крестьян, которую издавали и редактировали И. Франко и М. Павлык в 1891—1894 гг.

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

В нашей стране развернулась подготовка к Всесоюзной переписи населения, назначенной на 1959 г. В этой связи особый интерес приобретают публикуемые ниже два письма выдающегося русского географа и статистика П. П. Семенова-Тян-Шанского, под руководством которого был разработан и осуществлен план проведения первой всероссийской переписи населения 28 января 1897 г.

Среди изданий Центрального статистического комитета, осуществленных под руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского, видное место занимают «Списки населенных мест Российской империи». Это большое серийное издание выходило отдельными выпусками по губерниям и областям в течение 1861—1881 гг. Всего вышло 42 выпуска почти по всем губерниям Европейской части России (за исключением Прибалтики, Польши и Финляндии), а также по трем губерниям Сибири (Енисейской, Тобольской и Томской). «Списки населенных мест» являются ценнейшим источником как по истории размещения населения на территории нашей страны, так и по целому ряду других вопросов.

Учитывая ценность данного издания, П. П. Семенов-Тян-Шанский, будучи председателем Главной переписной комиссии по производству переписи 1897 г., настаивал на организации такого же издания по материалам этой переписи. Но царские чиновники нашли, что «по недостатку средств» издание подобного типа не осуществимо, и вместо него в 1905 г. был выпущен том под названием «Населенные места Российской империи в 500 и более жителей».

В конце 1913 г. в Центральном статистическом комитете начал обсуждаться вопрос о проведении второй всеобщей переписи населения. Узнав об этом, П. П. Семенов-Тян-Шанский, которому в это время было уже 87 лет, обратился с письмом к министру внутренних дел Н. А. Маклакову с предложением издать новые «Списки населенных мест» (док. № 1) по сведениям будущей переписи. А когда на его призыв последовал холодный ответ директора Центрального статистического комитета П. М. Золотарева, что плана издания «Списков населенных мест» в комитете нет и вообще для издания подобного рода «требуются специальные работы и средства, к

торые в данное время трудно учесть»[1], П. П. Семенов-Тян-Шанский по памяти восстановил план, разработанный в 1897 г., и изложил его вместе с призывом использовать предоставляющуюся возможность для осуществления подобного издания (док. № 2). Это письмо было написано 21 февраля 1914 г. и явилось как бы завещанием П. П. Семенова-Тян-Шанского русским статистикам. Через 5 дней, 26 февраля 1914 г., он умер.

Предложенный П. П. Семеновым-Тян-Шанским план издания «Списков населенных мест» не утратил полностью своего значения и сейчас.

Публикуемые впервые письма хранятся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде, в фонде Центрального статистического комитета (фонд № 1290).

Л. И. Панин

№ 1

Милостивый государь,
Глубокоуважаемый Николай Алексеевич!

Насколько мне известно, Министерство внутренних дел в настоящее время занято исчислением сумм, необходимых для производства и разработки 2-й Всероссийской переписи населения, имеющей состояться в конце 1915 г.

Позвольте мне, старейшему русскому государственному деятелю, географу и статистику, организовавшему 1-ю перепись 1897 г., приветствуя начавшийся труд министерства, вместе с тем обратить просвещенное внимание Вашего высокопревосходительства как будущего председателя Главной переписной комиссии на следующее обстоятельство.

В период 1865—75 гг., в бытность мою директором Центрального статистического комитета, под моим руководством и общей редакцией был выпущен в свет обширный многотомный труд «Полные списки населенных мест Российской империи», на основании данных последней ревизии населения 1859 г. Этот труд в свое время получил должное признание со стороны международных статистических и географических конгрессов и стал необходимейшей настольной книгой всякого серьезного статистика, географа, этнографа, экономиста и историка, и потому неудивительно, что он быстро сделался библиографической редкостью.

При обсуждении плана разработки всеобщей переписи населения 1897 г. в Главной переписной комиссии по моему поручению бывшим секретарем названной комиссии, ныне членом Статистического Совета от Министерства торговли и промышленности В. П. Семеновым-Тянь-Шанским был выработан план нового подробного списка населенных мест на основании данных переписи, расширенного сообразно изменившимся требованиям времени. План этот был одобрен мною и единодушно утвержден Главной переписной комиссией к неукоснительному исполнению. Однако, к глубокому сожалению всех статистиков и географов, Министерство внутренних дел по недостатку средств не осуществило названного издания, заменив его крайне неудачным во всех отношениях кратким перечнем населенных мест от 500 жителей, и драгоценные данные переписи в значительной мере пропали, таким образом, даром.

За более чем полустолетний период после освобождения крестьян, истекший со времени данных первых списков населенных мест, эти последние в России как Европейской, так и в Азиатской изменились до неузнаваемости, вследствие переселения, расселения на отруба и возникновения отдельных хуторских хозяйств, проведения удобных путей сообщения и необыкновенного развития торгово-промышленной жизни. Мне, в качестве долголетнего фактического руководителя деятельностью Императорского русского географического общества и почетного члена Императорской

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 9, д. 12, л. 8.

академии наук, ближе чем кому-либо известно, насколько в настоящее время нуждаются в полных списках населенных мест все серьезные научные исследователи нашего обширного отечества, равно как государственные и частные практические деятели. Было бы крайне прискорбно, если бы при 2-й всеобщей переписи населения был упущен еще раз превосходный случай повторения этого труда. Зная по опыту насколько затруднительно включать впоследствии дополнительные кредиты в законопроекты, вносимые на утверждение высших законодательных учреждений, я позволяю себе обратить Ваше благосклонное внимание на этот вопрос, пока еще есть время, так как, согласно имеющимся у меня сведениям, Министерство внутренних дел при своих исчислениях, по-видимому, не предполагало переиздания списков населенных мест.

Относительно подробностей дела, т. е. тех минимальных требований, которые в связи со значительно изменившимися с 1897 г. общими условиями ныне предъявляются научными, государственными и практическими нуждами к спискам населенных мест (от которых и зависит размер необходимого кредита), я во всякое время готов сообщить Вашему высокопревосходительству подробно мотивированные соображения.

Выражая заранее полную уверенность в том, что руководимое Вами ведомство не откажется воздвигнуть этот истинно государственный и национальный памятник, одинаково необходимый для всех правительственных учреждений и прежде всего для самого же Министерства внутренних дел при практическом разрешении вопросов о мелкой земской и волостной единице, приходе и пр. в должном соответствии с действительными государственными интересами, прошу принять уверенность в совершенном моем уважении и искренней преданности.

П. Семенов-Тянь-Шанский

ЦГИАЛ, ф. 1290, Центральный статистический комитет, оп. 9, д. 12, лл. 5—7.— Подлинник.

№ 2

Милостивый государь,

Глубокоуважаемый Игнатий Михайлович!

В ответ на письмо Вашего превосходительства от 22 января сего года за № 200 считаю долгом сообщить, что причины, почему проект полных списков населенных мест, составленный по моему поручению В. П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1897 г. и тогда же одобренный Главной переписной комиссией, не нашел себе следов в отпечатанных журналах Комиссии и в делах ЦСК, для меня неясны; единственное же лицо, которое могло бы дать соответствующее разъяснение,— действительный тайный советник Н. А. Тройницкий недавно скончался.

По поводу названного проекта, непосредственно после одобрения его Комиссией, я имел собеседование с тогдашним министром внутренних дел действительным тайным советником И. Л. Горемыкиным, и последний, относясь в общем вполне сочувственно к проекту, выразил, со своей стороны, недоумение, в каком порядке должны следовать населенные места в этом издании, так как он не находил удобным печатать вместе крестьянские и владельческие поселки вперемежку под общей рубрикой одной волости, полагая, что это подало бы повод к нежелательным в то время толкам о всесословной волости. Приняв во внимание это замечание, я предложил печатать под рубрикой «волости» сначала только одни крестьянские селения, а затем под рубрикой «Сверх того в районе волости находятся» и все владельческие пункты, входящие в район деятельности данного волостного урядника, на что возражений со стороны И. Л. Горемыкина не последовало. Вслед за тем, при последовавшем вскоре закрытии Главной переписной комиссии проект списков населенных мест был передан Н. А. Тройницкому, и он тотчас же наметил в качестве будущего исполнителя этого издания В. П. Семенова-Тянь-Шанского.

Причины, почему полные списки населенных мест, тем не менее, не были осуществлены, насколько мне известно, заключались в недостатках средств. Однако, сознавая всю их важность, Н. А. Тройницкий передал, по окончании всей разработки переписи, поселенные обложки с цифрами населения, жилых строений и материала их в Императорское русское географическое общество на предмет составления по ним полных списков населенных мест. Эта задача не могла быть, однако, осуществлена Обществом по неимению на то необходимых средств, и, кроме того, поселенные обложки 1-й переписи попали в Общество почти через 10 лет после ее производства, т. е. тогда, когда уже явилась настоятельная необходимость в производстве второй переписи.

Восстанавливая в памяти вышеупомянутый проект полных списков населенных мест 1897 г. и присоединяя к нему новейшие государственные и научные требования, я полагаю следующее:

I. Списки населенных мест по второй переписи, обнимая всю Российскую империю, должны быть полными, т. е. заключать каждый населенный пункт в отдельности, будь то столица или просто отдельно стоящий железнодорожный домик. Необходимо это:

1) для полного, правильного и всестороннего сравнения с первыми списками населенных мест (по ревизии 1859 г.) и детального изучения тех изменений в расселении, которые произошли со времени освобождения крестьян и в особенности при нынешнем образовании хуторских хозяйств и огромном развитии переселения в восточных частях империи;

2) для правильного сравнения с данными древних писцовых книг, со статистическими сведениями XVIII века, собранными М. В. Ломоносовым, хранящимися в архиве Академии наук, и др. источниками и выяснения того, во что обратились постепенно многие важные исторические пункты, нередко уменьшившие свое население;

3) для исправлений и дополнений географических карт крупных масштабов;

4) для торгово-промышленной статистики, так как многие пункты, обладающие весьма крупными оборотами, нередко заключают в себе очень малое количество жителей и точное выяснение этого обстоятельства является необходимым.

II. Населенные пункты должны быть напечатаны буквально в таком виде, как их дает переписной материал, т. е. соединения в один двух или нескольких фактически слившихся пунктов, носящих разные названия, не требуется, ибо все подобные соединения с гораздо большим успехом могут быть произведены самими пользующимися этим изданием, знающими местные условия.

III. Порядок печатания должен быть следующий. Списки публикуются выпусками по целым губерниям и областям. Внутри губерний и областей населенные пункты располагаются по уездам и округам, внутри же уездов и округов идет город или города, если их более одного, и их пригороды, с поселками, расположенными на городских землях, затем крестьянские и казачьи селения по волостям, станциям и гминам и вообще крестьянские поселки, хутора и т. д., находящиеся на крестьянских землях в пределах волостей, а владельческие усадьбы и хутора особой рубрикой «В районах волостей и станиц». Общий алфавитный указатель всех помещенных в выпуске населенных пунктов с указанием на страницы издания необходим. Необходима также и подробная синонимия названий населенных пунктов, как было в первых списках, откуда ее нетрудно и заимствовать.

IV. К каждому выпуску прилагается исполненная цинкографическим или литографическим способом однотонная (черная) административная карта губернии или области в небольшом масштабе, с разделением ее на уезды или округа, а последних — на волости, станицы и гмины. Карты эти должны явиться исправленным, согласно новейшим административным изменениям, вторым изданием аналогичных карт, уже приложенных к крайне важному труду ЦСК «Волости и гмины России в 1890 г.», с тех пор не повторенному, устаревшему и ставшему библиографической редкостью.

V. Статистические сведения о каждом населенном пункте необходимы следующие:

1) число жилых строений — каменных (кирпичных), деревянных и глинобитных;

2) число крыш на жилых строениях — металлических, деревянных, черепичных, толевых, соломенных и камышовых, земляных.

Данные для этих двух граф, по проекту положения о 2-й переписи, будут собраны. Сведения эти в списках населенных мест совершенно необходимы для страхового и пожарного дела, для экономической характеристики населенных пунктов и для составления бытовых карт;

3) общее количество населения в данном пункте. Разделение его по полу необязательно, так как количественные соотношения интересны лишь в массах населения и в очень крупных пунктах, а там они будут все равно разработаны в общих итогах переписи;

4) национальность по главнейшим группам, как было в издании ЦСК «Наличное население по уездам с указанием числа лиц преобладающих родных языков по переписи 1897 г.». Эта графа по отдельным, даже самым мелким, населенным пунктам совершенно необходима для составления подробных этнографических карт (таковых у нас нет с 1876 г.), а также для экономической характеристики волостных районов и отдельных населенных пунктов, но только в местностях со смешанным в этнографическом отношении населением;

5) главнейшие занятия — именно: общее число кормящихся от, главным образом, занятий по следующим 8 крупным группам, детализация внутри которых необязательна, как общее правило, но в частных интересных случаях могла бы, пожалуй, иметь место (где нужно, под рубрикой «В том числе»).

а) земледелие, огородничество и садоводство, табаководство, мукомольное дело и прочие занятия, непосредственно связанные с обработкой земли;

б) скотоводство, рыболовство, звероловство, охота, пчеловодство, обработка животных продуктов и прочие занятия, непосредственно связанные с животным миром;

в) лесные промыслы и всякая обработка дерева, одним словом, эксплуатация растительных лесных богатств;

г) добыча и обработка полезных ископаемых, куда войдут каменоломни, землекопное, горное дело, металлургия, машиностроение, кузнечное, слесарное, гончарное, стеклянное дело и пр.— одним словом, вся эксплуатация минерального царства;

д) обработка волокнистых веществ, изготовление одежды и обуви;

е) всякого рода торговля;

ж) извоз, судовые промыслы и служба на всяких путях сообщения;

з) прочие промыслы и занятия, куда главным образом войдут интеллигентные профессии, вооруженные силы, администрация и прочее, представленные в большинстве сельских пунктов единицами.

Сведения о главнейших занятиях в указанных размерах, точно соответствуя группировке, принятой в периодически повторяющемся труде Министерства торговли и промышленности «Торговля и промышленность России по волостным районам», необходимы для экономических выводов и для составления промышленных карт. Этим отчасти пополняется и пробел от выяснившейся невозможности соединения в настоящее время переписи населения с промышленной переписью, о желательности которого было заявлено некоторыми известными статистиками.

Указанными в 5 рубриках данными, с обязательным разделением последней из них на 8 частей, и могли бы ограничиться все сведения о каждом населенном пункте.

Все же остальные сведения, как, например, сведения о сословиях, вероисповеданиях, грамотности и возрастных группах, будучи разработаны в общих результатах поуездно, совершенно не требуют более детальной разработки по отдельным селениям и поселкам.

В первых списках населенных мест имелись еще дополнительные сведения о количестве промышленных и торговых заведений, ярмарок, больниц, церквей, школ, станциях, пристанях и пр. по каждому пункту. Сведений этих в материалах новой

переписи не будет, а потому их пришлось бы собирать отдельно от ведомств. Но так как ведомства сами по большей части печатают их перечни (списки фабрик и заводов, ярмарок, станций и пристаней, почтово-телеграфных учреждений и пр.), то нет надобности производить их перепечатки. В сведениях о точном географическом положении каждого населенного пункта (при каждом урочище, воде, тракте и пр.), как было в первых списках населенных мест, теперь нет острой необходимости, так как волость — настолько мелкая территориальная единица, что в ее пределах весьма нетрудно разыскать любой населенный пункт на подробных картах, тогда как прежде, при отсутствии волостей, приходилось их разыскивать на картах по целому уезду. В первых списках населенных мест имелись также и общие географически-статистические описания губерний. Теперь и этого не потребуется, так как их легко найти в энциклопедических словарях, каковых прежде не было. Все это значительно упростит, ускорит и удешевит издание списков населенных мест.

В новых списках населеннных мест требуются только абсолютные цифры и никаких %-ных вычислений не нужно, как излишне осложняющих работу и могущих быть с успехом сделанными самими пользующимися этим изданием. Волостные абсолютные итоги могут иметь место в этом труде. При вышеуказанном содержании полные списки поселочных мест будут заключать в редких, самых сложных случаях не более 25—30 вертикальных граф, т. е. значительно меньше, чем было в 20-м выпуске результатов 1-й переписи населения, имевшем 35 вертикальных граф. Форма издания может быть такой же, как и только что упомянутый выпуск.

В заключение позволю себе высказать, что хотя осуществление полных списков населенных мест и составляет особый от общей разработки переписи труд, требующий ассигнования специальных средств, но, во избежание потери времени и ради экономии черновых манипуляций с переписным материалом, общий план разработки мог бы быть составлен с таким расчетом, чтобы некоторые предварительные манипуляции были общими и одновременными для обеих работ, благодаря чему опубликование списков населенных мест могло бы начаться уже тогда, когда вышла бы в свет лишь часть результатов общей разработки переписи, и, таким образом, данные списков населенных мест при их появлении в печати не слишком устарели бы, что легко может случиться, если вся работа по их осуществлению будет предпринята лишь по окончании издания общих результатов переписи.

Мне было бы крайне желательно, чтобы все приведенные в настоящем и предыдущем письмах соображения относительно списков населенных мест были своевременно доложены Главной переписной комиссии 2-й переписи и послужили основным материалом для составления соответствующего плана разработки.

Примите уверения в совершенном моем уважении и искренней преданности.

П. Семенов-Тянь-Шанский

С.-Петербург
21 февраля 1914 г.

ЦГИАЛ, ф. 1290, Центральный статистический комитет, оп. 9, д. 12, лл. 38—43 об.— Подлинник.

ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ СТЕПАНА РАЗИНА

Недавно нами найдена записная книга о потерях в полку воеводы И. В. Бутурлина за период боев с повстанцами в Тамбовском и Шацком уездах с ноября 1670 г. по февраль 1671 г.[1], содержащая новый материал для изучения мощного крестьянского восстания в Тамбовско-Пензенском районе и на Среднем Поволжье после того, как С. Разин, разбитый Барятинским под Симбирском, ушел на Дон для подготовки нового похода на Север.

[1] ЦГАДА, ф. 236, Патриарший дворцовый приказ, кн. 23.

О событиях, упоминаемых в этом документе, частично сообщалось в материалах, уже опубликованных [1] или готовящихся увидеть свет (в составе второго тома сборника «Крестьянская война под предводительством С. Разина»). Однако книга № 23 привлекает внимание своей обстоятельностью, конкретностью и упоминанием о событиях, до сих пор скрытых от историков. Документ излагает историю формирования по указу царя полка воеводы И. В. Бутурлина (причем обстоятельно переписаны все отдельные соединения, вошедшие в состав полка), показывает контингент одной из крупных частей карательных войск. Оказывается, из 2495 человек, входивших в состав полка, 1345 чел., т. е. больше половины, были дворянами и 1050 чел. рейтарами — даточными людьми и московскими стрельцами. Документ далее рассказывает о сражениях полка И. В. Бутурлина с повстанцами в Шацком и Тамбовском уездах.

Серьезное сражение разгорелось под с. Раковым, бывшим центром восстания крестьян в Шацком уезде. Здесь, как сообщает книга, у И. В. Бутурлина 4 ноября 1670 г. с «воровскими людьми был бой большой з жестокими приступы» [2], кончившийся поражением царского воеводы. 16 ноября воевода предпринял неудавшуюся попытку добыть в с. Ракове языков.

Книга дает возможность проследить ход военных действий в Тамбовском уезде — в Рыбной волости, под острогами Лысогорским и Красногорским, которые были крупными очагами восстания в Тамбовском уезде и базой восставших, осаждавших Тамбов. Важно упоминание о том, что среди осаждавших были «воровские конные и пешие многие люди», пришедшие с Хопра.

Наконец, интересно и сообщение о военных действиях полка И. В. Бутурлина в феврале близ Тамбова — о походе на с. Кузьмину Гать (в 15 км от Тамбова). Она указывает на серьезные бои близ самого Тамбова в течение января и начала февраля.

В конце книги приводится опись пушек, пороха и свинца, отосланных в полк из разных городов страны, что показывает на мобилизацию правительством не только людских, но и материальных ресурсов.

Все это дает основание думать, что перед нами весьма интересный документ, который при сопоставлении его с другими материалами может многое сказать о крестьянском восстании в Тамбовском и Шацком уездах осенью и зимой 1670—1671 г. Это особенно важно, если учесть, что крестьянские восстания явились главной составной частью крестьянской войны под руководством С. Разина.

В документе не указаны дата его написания, место написания и название. Правда, при тщательном его осмотре на корешке под наклейкой XVIII в. удалось обнаружить наклейку с текстом XVII в., где документ назван записной книгой о боях с воровскими людьми. Но и только. Решать вопрос о месте написания, дате и названии документа можно, исходя из анализа содержания книги и других перекликающихся с ней документов, в первую очередь столбцов 446 и 447 Разрядного приказа Московского стола (ф. № 210). В связи со страшным поражением 4 декабря отряда товарища воеводы — А. Еропкина в Тамбов для розыска направляется стольник Д. Давыдов. По-видимому, его поездка была вызвана не только разгромом отряда А. Еропкина, но и неудачными действиями полка И. В. Бутурлина вообще. Очевидно, в связи со следствием и появилась книга № 23, так как одновременно с приездом Д. Давыдова в Тамбов пришел указ царя прислать в Москву роспись «в которых месецех и числех и на которых боях или на приступех и в посылках, и каких чинов и хто имяны... ратные люди... побиты... и ранены и каковы, у кого раны» [3]. Отписка воеводы о получении указа царя была получена в Москве 19 января.

Между тем книгу завершают данные о наличии состава полка на 18 января. Значит, в то время, когда гонец был еще в дороге из Тамбова в Москву, книга была

---

[1] См. А. Н. Попов. Материалы для истории возмущения Стеньки Разина, М., 1857.

[2] ЦГАДА, ф. 236, кн. 23, л. 2 об.

[3] ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Моск. стол, столб. 447, столп. 5, л. 163.

дописана. Если учесть, что Д. Давыдов появился в Тамбове 30 декабря, то можно сделать первый предварительный вывод: книга в основной своей части была написана на месте, т. е. в Тамбове, между 30 декабря 1670 г. и 18 января 1671 г. Однако в ней имеется приписка о бое И. В. Бутурлина с повстанцами 8 февраля под Кузьминой Гатью, сделанная уже в Москве, куда из Тамбова были доставлены дополнительные сведения. За то, что книга была дописана в Москве, говорит и краткость записи, отсутствие списка убитых и раненых и, наконец, то, что последняя запись идет после всех итогов, подведенных составителем книги в Тамбове. Вызывает недоумение единство почерка и качества чернил в основной части книги и в дополнительной записи, но и это недоумение рассеивается, если обратить внимание на отсутствие в книге какой-либо подписи (кроме позднейшей приписки XVIII в. «Канцелярист Василий Никитин») составителя или И. В. Бутурлина, или, наконец, кого-либо из московских авторов. Кроме того, в книге много описок, повторений, ошибок, которые, на наш взгляд, говорят о том, что это не оригинал, а список с него (трудно представить, чтобы в посланной росписи было так много ошибок), что список сделан в Москве, так как только человек, совершенно не знакомый с текстом, мог сделать столько ошибок и, помимо этого, сведения о бое 8 февраля (как мы предполагали, московская приписка) уже упоминаются в ней. Несомненно, что перед нами список с книги, сделанный около того же времени и переданный по каким-то причинам в Патриарший дворцовый приказ. Возможно, что появление списка в Патриаршем дворцовом приказе объясняется участием патриарха Иоасафа в оказании материальной помощи карателям, раненным при подавлении восстания. Поименная роспись здесь могла иметь определенную ценность.

Документ сохранился сравнительно хорошо. Он состоит из 53 листов, два из них не пронумерованы, в том числе один пустой.

А. Н. Сахаров

К ИСТОРИИ ЗЕМСКОГО СОБОРА 1653 г.

1 октября 1653 г. Земский собор принял решение о воссоединении Украины с Россией и об объявлении войны Речи Посполитой.

При всем историческом значении этого Собора он до сих пор не привлек к себе внимания исследователей. Кроме Акта 1 октября 1653 г.[1], призывных грамот, относящихся к его созыву, и записи о самом Соборе, опубликованных в Дворцовых разрядах[2], за последние сто лет не было ни выявлено, ни напечатано никакого другого материала по его истории. Как известно, В. Латкин в своей публикации документов по истории земских соборов XVII в. вообще не привел ни одного документа о Соборе 1653 г.[3]

Такое положение способствовало тому, что история этого Собора до сих пор не изучена; не выяснен, например, даже такой вопрос, как дата его начала. Ведь его продолжительность часто без всяких оснований сводят только к одному дню — 1 октября 1653 г. Не было также сведений и об участниках этого Собора, сыгравшего столь важную роль в исторических судьбах двух братских народов.

В описании документов и бумаг бывшего Московского архива Министерства юстиции упоминается «Список дворян разных городов, прибывших в мае и июне 161 г. в Москву на Земский собор (для государева и земского дела)»[4]. Этот документ, хра-

[1] Воссоединение Украины с Россией. Сб. документов и материалов, М., 1953, т. III, № 197.

[2] Дворцовые разряды, т. III, СПб., 1852, стр. 350, 351, 369—372.

[3] В. Латкин. Материалы для истории земских соборов XVII ст. СПб., 1884.

[4] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. 12, М., 1901, стр. 412.

нящийся в ЦГАДА, в фонде № 210 (Разрядный приказ), в делах Белгородского стола, представляет собой регистрационный список дворян, прибывших в это время на Собор.

Публикуемый список составлялся в Москве, в мае — июне 1653 г., в Разряде. Приезд в Москву участников Собора, выборных из числа провинциальных дворян, как видно из документа, начался с 15 мая, т. е. за несколько дней до назначенного срока. Прибывшие представляли в Разряд отписки местных воевод, подтверждавшие избрание выборных лиц. Иногда эти отписки поступали значительно позже. При этом сначала «выбор за руками» (подписанное выборщиками решение об избрании) не представлялся. Только после дополнительного указания, посланного из Разряда, воеводы стали представлять и «выборы за руками». Были случаи, когда выборные брали отписки обратно и, очевидно, после этого в работе Собора не участвовали.

Из списка видно, что выборные продолжали прибывать и после 20 мая; регистрация в нем доводится до 19 июня.

Публикуемый документ состоит из четырех частей: а) поименной регистрации выборных с указанием даты приезда в Москву, названий городов, откуда прибыли и по чьим отпискам; б) список городов, откуда выборные явились и были на Соборе, с делением на замосковные и украинные города; в) список городов, откуда дворяне явились «после Собору», с делением на замосковные, украинные и польские, и, наконец, г) список городов (замосковских и украинных), из которых по 29 мая не прибыли выборные.

Публикуемый источник прежде всего дает возможность впервые установить не только города, из которых выборные от дворян были посланы на Собор, но и имена, отчества и фамилии дворян — участников этого Собора. Это уже дает исследователю возможность конкретно подойти и к составу Собора. Материалы позволяют подтвердить тот факт, что Собор 1653 г. был созван 20 мая и прерван 25 мая. На это дает прямое указание список городов, откуда «дворяне приехали после Собору», т. е. после 25 мая. 1 октября состоялось заключительное заседание Собора.

Столбцы этих списков местами повреждены и из-за этого неполны. Есть и некоторые расхождения в списках. Так, например, выборные из Вереи показаны в списке прибывших «после Собору», хотя выборные-верейне зарегистрированы были в Разряде уже 20 мая.

Однако все это не лишает значения публикуемых материалов как источника по истории Земского собора 1653 г., одного из важнейших в Российском государстве.

А. И. Козаченко

161-го. Из городов дворяне по государеву указу присланы к Москве для государева и земского дела.

Майя в 15 день по отписке с Коломны князя Федора Гагарина — Ортемей Иванов сын Н[1]..., князь Григорей княж Федоров сын Чер...

Майя в 19 день по отписке с Волока Ивана Воейкова — Григорей Михайлов сын Братцов, Офонасей Микитин сын Мечов.

По отписке ис Колуги Богдана Ушакова — Петр Наумов сын Гурьев, Василий Иванов сын Яковлев, медынец Федор Микитин сын Арсеньев.

Майя в 20 день объявились собою преж воеводцких отписок, а отписки и выборы присланы после их приезду:

Кошира.

Иван Иванов сын Хрущов.

Григорей Микифоров сын Ильин. Отписка подана майя в 21 день.

Алексин. Ондрей Васильев сын Недоброго, Иван Семенов сын Колюпанов. Отписка подана майя в 21 день.

Руза. Иван Салтанов сын Дичков, Воин Агафонов сын Шапкин. Отписка подана майя в 21 день.

[1] Здесь и далее многоточием отмечаются повреждения документа (оторванные или порванные части столбца).

По отписке ис Серпухова князя Григорья Чертенского — Воин Костянтинов сын Арцыбашев, Федор Ондреев сын Раевской.

Торуса. Еустрат Семенов сын Исканской, Иван Петров сын Бирев.

По отписке из Можайска князя Якова Шеховского. Верея. Костянтин Левонтьев сын Шубин, Воин Лазорев сын Бородин. А про Можайск писал, что из можаин выборным быть некому.

Майя в 26 день.

По отписке из Белева Юрьи Быкова — Федор Григорьев сын Поводов, Михайло Васильев сын Ходырев.

По отписке изо Мценска Михаила...ва — Первой Степанов сын Лутовинов. Ондрей Ортемьев сын Шеншен. Другая отписка и выбор подана июня в 8 день.

По отписке из Боровска Микиты Дурного — Василей Степанов сын Загряской, Федор Иванов сын Смердов.

По отписке из Рыльска Володимера Доможирова. Новгородок Северской — Матвей Первого сын Кусаков. Рылеск — Иван Мокеев сын Коптев, взял отписку назад Софонов.

По отписке ис Путивля околничего князя Федора Ондреевича Хилкова да Петра Протасьева — Левонтей Литвинов, Микифор Яцын, взял отписку назад Софонов.

По отписке ис Карачева Степана Аринкина — Григорей Петров сын Софонов. Григорей Иванов сын Дураков.

Майя в 28 день.

По отписке из Брянска князя Григорья Долгорукого — Максим Дмитреев сын Семичов.

По отписке из Нижена Прокофья Елизарова да дьяка Степана Черного — Борис Никитин сын Жедринской, Иван Лукьянов сын Зубатой.

По отписке из Новасили Перфирья Колтовского — Колистрат Лукьянов сын Руданской, Лазор Минаев сын Шеин.

По отписке из Володимеря Федор...кова [1] — Иван Семенов сын Хоненев, Борис Федоров сын Беречинской.

По отписке [из] Ярославца Малого Ивана Сляпушкина — Иван Костянтинов сын Дурной, Нагай Иванов сын Радищев.

Майя в 29 день.

По отписке из Луха Зота Мякинина — Богдан Степанов сын Пивов, Осип Борис сын Черницын.

Майя в 30 день.

По отписке с Орла князя Михайла Шеховского — Кузма Иванов сын Шепелев, Федор Михайлов сын Жилин.

Суздал. Григорий Борисов сын Койсаров, Василей Ларионов сын Алалыкин. Июня в 3 день.

Июня в 3 день.

Серпеевск. Михайло Васильев сын Челюскин, Степан Гаврилов сын Новасильцов. Отписка подана июня в 4 день.

По отписке ис Курска Михайла Плещеева — Григорей Мезенцов да Борис Самойлов.

Того же числа июня в 4 день по отписке из Орзомаса Аверкея Опухтина — Июда Микитин сын Скрябин, Матвей Иванов сын Блохин.

Резан [2] всех станов. Объявились в Розряде в розных числех.

Майя в 21 день.

Сава Гаврилов сын Крюков,

Дмитрей Григорьев сын Кобяков,

Микита Дмитриев сын Сатин,

Князь Петр княж Дмитриев сын...

Василий Федоров сын Суздалцо[в].

---

[1] Зачеркнуто: Борис Федоров сын Беречинской.

[2] Т. е. Рязань.

Майя в 22 день.

Самойло Васильев сын Еропкин,

Иван Федоров сын Чеботарев.

Майя в 24 день.

Федор Иванов сын Чевкин.

Майя в 21 день ис Переславля Залеского по отписке Микиты Обухова — Ондрей Иванов сын Головин, Лука Васильев сын Изъединов.

Из Болхова по отписке Петра Козлова — Клементей Костянтинов сын Опухтин, Микита Ермолин сын Логвинов.

Ис Колуги [по отписке] Богдана Ушакова — воротынец Матвей Юрьев сын Тургенев.

Майя в 22 день.

Юрьев Полской. Борис Иванов сын Койсаров, Гаврило Васильев сын Стромилов. Отписка подана майя в 24 день.

По отписке с Крапивны Романа Сатина. Солова. Ондрей Ондреев сын Сатин, Максим Оверькиев сын Остафьев.

Козелеск. Ондрей Лыкин сын Шепелев, Григорей Алексеев сын Домогацкой. Отписка подана майя в 23 день.

По отписке из Лихвина Микиты Племянникова — Федор Иванов сын Зыбин, Иван Васильев сын Чичерин.

По отписке из Одоева Ондрея Зыбина — Федор Ильин сын Колупаев, Илья Иванов сын Офросимов.

Майя в 24 день.

По отписке ис Севска Ондрея Бутурлина — Кондратей Иванов сын Львов, Данило Яковлев сын Борознин.

Из городов же дворяне объявились после Собору.

Майя в 25 день.

По отписке из Мещоска Ивана Шихматова — Савелей Поликарпов сын Лабодянской, Микита Темкин сын Острогубов. Отписка подана в 26 день.

Гороховец. Иван Левонтьев сын Гриденков, Офонасей Иванов сын Оболдуев. Отписка подана майя в 28 день.

По отписке из Морома Игнатья Бестужего — Иван Петров сын Власьев, Иван Васильев сын Всеволоцкой.

Того же числа из Белого...лина Микифор Оме..., Иван Гарасимов сын Резанцов.

Июня в 6 день.

Из Ряж[ск]ого по отписке Ивана Венкова — Левонтья Клементьева сына Бунина да Петра Иванова сына Курова.

Июня в 7 день. Можаеск. Волынец Матвеев сын Скобеев.

По отписке с Ливен Микиты Зыбина — Ортемей Семенов сын Онисимов, Кузма Костянтинов сын Шуйской.

Июня в 9 день.

По отписке с Елца Ондрея Берецково — Денис Ермилов сын Шилов, Воин Ортемьев сын Лазарев.

По отписке ис Колуги Богдана Ушакова — мядынец Ларион Петров сын Огарев.

По отписке из Шацкого Лаврентья Хрипунова июня в 10 день — мещереня Иев Исаев сын Протасьеф, Александр Ортемьев сын Любовников.

Июня в 15 день.

По отписке с Вороножа Федора Арсеньева — воронажцы Трофим[1] Иванов сын Михнев, Левонтей Иванов сын Павлов.

Июня в 17 день по отписке ис Путивля околничево и воевод князя Федора Ондреевича Хилкова да Петра Протасьева — черниговцы Кондратей Вишневский, Иван Тарбеев.

Июня в 19 день. Можаеск. Белозерской помещик Семен Петров сын Воейков

---

[1] Зачеркнуто: Михнев.

Оскол.

Иван Яковлев сын Левыкин,

Василий Абрамов сын Розшупкин.

Из городов дворяне по государеву указу присланы к Москве и были на Соборе.

Замосковные городы:

Юрьев Полской, Переславль Залеской..., Руза, Ржева, Зубцов, Тверь, Старица, Вязьма, Ростов, Кашин, Дмитров, Бежетцкой Верх, Углеч.

Украинные городы:

Коломна, Колуга, Медынь, Кошира, Алексин, Резань, Серьпухов, Торуса, Болхов, Воротынеск, Солова, Козелеск, Одоев, Лихвин, Севеск.

Из городов же дворяне приехали после Собору.

Замосковные:

Володимер, Нижней, Муром, Гороховец, Боровеск, Верея, Лух.

Украинные и полские:

Белев, Мценск, Новгородок Северской, Рылеск, Путивль, Карачев, Брянеск, Почен, Новасиль, Ярославец Малой, Ливны, Елец, Медынь, Мещера, Воронеж.

В городы ж посланы государевы грамоты о дворянех, а они майя по 29 число к Москве не бывали

Замосковные:

Новгород, Звенигород[1].

Украинные:

Тула, Оскол[2].

ЦГАДА, ф. 210, Белгородский стол, столб. № 351, лл. 346—352в.

ОПИСАНИЕ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1648 г. В АРХИВСКОМ СБОРНИКЕ

Документальный материал о Московском восстании 1648 г. чрезвычайно беден и отрывочен, поэтому обнаруженный нами новый источник об этом восстании может вызвать интерес. Архивский сборник, в составе которого мы обнаружили описание московского восстания 1648 г., написан скорописью разных почерков последней четверти XVII — начала XVIII вв. и содержит списки бояр, окольничих и других чинов при Иване III, Василии III, Иване IV, Федоре Ивановиче, Алексее Михайловиче, Федоре, Иване и Петре Алексеевичах; разрядные выписки о службах отдельных родов, в том числе и относящиеся к роду Зюзиных и Собакиных[1].

Описание восстания 1648 г. помещено на листах 12—17 об.; кроме того, в конце листа 18 об. другими чернилами, очевидно, позднее, была сделана приписка о том же восстании.

Запись сборника была, вероятно, сделана не во время самого восстания, а позднее, в последней четверти XVII в., так как в ней имеются ошибки в датировке и передаче некоторых фактов. Так, начало восстания в ней датируется 23 июня, на самом же деле оно началось 2 июня; в другом месте запись этого сборника заменяет П. Т. Траханиотова Л. С. Плещеевым в сообщении о бегстве первого из Москвы. Но по степени подробности запись Архивского сборника стоит на первом месте среди всех русских летописных записей и имеет ряд дополнений по сравнению с другими источниками. Если, например, Псковская I летопись приводит перечень 13 разгромленных во время восстания дворов, то в записи Архивского сборника перечисляются 19 дворов. Сообщение анонимного шведского автора и Псковской I летописи о посылке царем для переговоров с восставшими боярина кн. М. М. Темкина-Ростовского и окольничего Б. И. Пушкина запись Архивского сборника дополняет фамилией думного дьяка М. Волошенинова. Очень интересно отсутствующее во всех других источниках сообщение о том, что на второй день восстания, восставшие, требуя выдачи

---

[1] Зачеркнуто: Шацкой, Псков, Пустая Ржева, Невль, Луки, Вологда, Белоозеро.

[2] Зачеркнуто: Елец, Ливны, Воронеж.

[1] ЦГАДА, ф. 181, д. 115/162.

боярина Б. И. Морозова, окольничего П. Т. Траханиотова и Л. С. Плещеева, угрожали царю: «...покаместь ево, великого государя, о том (о выдаче.— *В. Б.*) указ к ним будет, – и они из города ис Кремля вон не пойдут, и будет межуусобная брань и кровь болшая з бояры и со всяких чинов людми у них у всяких людей и у всей черни и у всего народу». Это решительное предупреждение о кровавой расправе с боярами и «со всячих чинов людми» довольно ярко объясняет последовавшую того же 3 июня безоговорочную выдачу «всему народу... головою» Л. С. Плещеева. Запись Архивского сборника подтверждает сообщение А. Олеария о бегстве из Москвы Б. И. Морозова и дополняет его сообщением о месте, где Б. И. Морозова едва не убили ямщики: «... ево было боярина Бориса Ивановича убили пот Дорогомиловой слободою емщики и гоняли до самой Москвы» [1].

В записи называется также ряд новых, по сравнению с другими источниками, лиц, участвовавших от имени царя в переговорах с восставшими.

Таким образом, запись сборника, в которой основное внимание концентрируется на первых трех днях восстания, подтверждая сообщения других источников, дополняет их рядом новых сведений и в целом существенно расширяет наши представления о ходе и характере Московского восстания 1648 г. Приводим текст этой записи.

В. И. Буганов

Описание Московского восстания 1648 г.

Лета 7171 июня в 23 день был великому государю выход на празник стретения пресвятыя богородицы на Устретенку. И того числа была смута великая на Москве и били челом великому государю всем народом посадцкия и всяких чинов люди во всяких налогах и в разоренье на Левонтья Степанова сына Плещеева. А боярин Борис Иванович Морозов да окольничей Петр Тиханович Траханиотов за него стали. И как государь пошел от празника и за ним, государем, пришли на ево, государев, двор всяких чинов посадцкия люди всем народом и всех приказов стрельцы и били челом великому государю з большим невежеством. И великий государь к ним послал боярина князь Михайла Михайловича Темкина-Ростовскаго да окольничева Бориса Ивановича Пушкина да думного дьяка Михаила Волошенинова с тем, что оне бьют челом ему, великому государю, шумно и з болшим невежеством, и указал было великий государь тех челобитчиков имать головам стрелетцким. И стрелцы учинилися непослушны и были с ними заодно и боярина князь Михаила Михайловича Темкина-Ростовского да окольничего Бориса Ивановича Пушкина да думного дьяка Михаила Волошенинова обесчестили и платье на них ободрали, одва оне ушли в верх к великому государю. И пошли всяких чинов люди из города ис Кремля вон и, вышетчи, почали грабить боярския дворы:

двор боярина Бориса Ивановича Морозова,
двор боярина князь Никиты Ивановича Адоевскаго,
двор боярина Глеба Ивановича Морозова,
двор боярина князь Михаила Михаиловича Темкина-Ростовского,
двор боярина и дворетцкаго князь Алексея Михайловича Львова,
двор боярина и оружничева Григорья Гавриловича Пушкина,
двор боярина Федора Борисовича Долматова-Карпова.
двор окольничего Петра Тихановича Траханиотова,
двор окольничего Бориса Ивановича Пушкина,
двор думного дьяка посольскаго Назарья Иванова сына Чистого и самово ево, Назарья, на том своем дворе убили до смерти и животы вовсе рознесли и разорили без остатку,
двор столника и ближнева человека Василья Яковлева сына Голохвастова.

Дворянские дворы:

двор яселничего Обоима Федорова сына Болтина,
двор Левонтья Степанова сына Плещеева,

[1] В русских летописных записях об этом ничего не говорится.

двор Василья Иванова сына Толстова,
двор Романа Федорова сына Боборыкина,
двор Григорья Иванова сына Неронова,
двор дьяка Мини Кирилова сына Грязева.
двор дьяка Василья Неферьева,
двор гостя Василья Григорьева сына Шорина

и иныя многия дворы всяких чинов людей. А Левонтей Плещеев, услышав на собя к великому государю ото всяких чинов людей челобитье, побежал с Москвы [1]). И великий государь указал за ним послать того же часу с Москвы окольничева князя Семена Романовича Пожарского да с ним голову стрелетцкаго да 100 человек стрельцов [2]) и велено ево, поимавши, привесть с собою. И окольничей князь Семен Романович поимал ево, Левонтья, у живоначальныя Троицы в Сергееве манастыре на стану, на ево, Левонтьеве, дворе и, поимав, ево, Левонтья, по указу великого государя привез связонова в телеге с собою к Москве. И великий государь указал ево, Левонтья, взять в верх и держать в верху до своево великого государя указу и за приставы сокольников тайных дел дьяку Дементью Минину сыну Башмакову.

Того же году на завтрее приходили к великому государю всяких чинов люди на дворец бить челом великому государю з большим собранием и посылали духовника великого государя благовещенского протопопа Стефана Нифантьевича бить челом, чтоб великий государь велел им выдать всему народу изменников, которыя ему, великому государю, изменяют и ево, государево, царство разоряют: боярина Бориса Ивановича Морозова да околничева Петра Тихановича Траханиотова да Левонтья Степанова сына Плещеева [1]. А будет великий государь по их челобитью всего народу не велит выдать изменников боярина Бориса Ивановича Морозова да окольничего Петра Тихоновича Траханиотова да Левонтья Плещеева,— и покаместь ево, великого государя, о том указ к ним будет и они из города ис Кремля вон не пойдут и будет межуусобная брань и кровь большая з бояры и со всяких чинов людми у них у всяких людей и у всей черни и у всего народу. И великий государь послал их уговаривать от себя бояр с верху боярина Никиту Ивановича Романова да боярина князь Якова Куденетовича Черкаскова, да боярина князь Никиту Ивановича Адоевскаго, да боярина и дворетцкаго князь Алексея Михайловича Львова, да боярина князь Михаила Петровича Пронского, да боярина Василья Ивановича Стрешнева, да окольничих князь Дмитрея Петровича Львова, да князь Федора Федоровича Волхонского, да князь Ивана Андреевича Хилкова, да Бориса Ивановича Пушкина, да казначея Богъдана Минича Дубровскаго, да думных дьяков Ивана Гавренева да Федора Елизарова, да Ларивона Лопухина. И оне (восставшие.— *В. Б.*) великому государю з бояры приказали: будет им великий государь не велит выдать всему народу и всяким чином людем Левонтья Плещеева потому, что от нево, Левонтья, была им, всяким чином людем, насильство и налога и продажа большая [2]. И бояря пришетчи, великому государю извещали против ихъ челобитья. И великий государь, говоря со всеми бояры и з думными людми, послал с своим государевым духовником з благовещенским протопопом Стефаном Нифантьевичем да з думным дворенином с Прокофьем Кузмичем Елизаровым да тайных дел з дьяком з Дементьем Башмаковым Левонтья Стефанова сына Плещеева и велел ево всему народу выдать головою. А окольничева великий государь указал казнить Петра Тихановича Траханиотова по их же челобитью и на Пожаре голову отсечь [3]). И оне, всяких чинов люди, и весь народ, на ево государской милости челом ударя и взяв Левонтья Плещеева, пошли вон ис Кремля города и, выветчи из города ис Кремля, и середи Пожару убили ево, Левонтия Плещеева, до смерти.

Того же числа горела Москва от Неглинны до Чертолских ворот, не осталось в Белом городе ни единаго двора, толко осталось в Белом городе у трубы около Петровскаго монастыря дворов с триста, а за городом за Чертолскими вороты все же

---

[1] Далее оставлено чистое место.
[2] Это предложение выглядит незаконченным.

выгорели слободы; а в Китай перекинуло с Неглинненскаго мосту, и выгорел в те поры кружечной двор весь. Того же году приходили на третей день всяких чинов люди и всем народом и били челом великому государю, чтоб великий государь велел им выдать боярина Бориса Ивановича Морозова. И великий государь послал к ним от себя бояр говорить и свой великого государя указ сказать боярина князь Михаила Петровича Пронского да боярина Василья Ивановича Стрешнева да окольничева Федора Васильевича Бутурлина да думного дьяка Федора Елизарова, что[1] им великий государь по их челобитию не велит выдать боярина Бориса Ивановича и велитево сослать в сылку. И оне на государской милости били челом всем народом всяких чинов люди и пошли из города ис Кремля вон.

Того же числа указал великий государь по челобитью всяких московских людей чину и всей черни сослать в сылку в Кирилов монастырь боярина Бориса Ивановича Морозова за приставом. А с ним послан пристав Иван Гаврилов сын Чириков да голова стрелетцкой да с ними провожатых 100 человек стрелцов; и велено быть у нево же, боярина, до[2] ево, великого государя, указу на карауле по 20 человек стрельцов с ружьем у двора ево. Да он же было боярин Борис Иванович, услыша на себя ото всяких чинов и ото всево народу и черни челобитье и бунте болшой, побежал было с Москвы с своими з дворовыми людьми с небольшими и ево было, боярина Бориса Ивановича, убили пот Дорогомиловой слободою емщики и гоняли до самой Москвы; и он насилу от них ушел к Москве и из бегов все был в верху у великого государя до ссылки.

Того же числа указал великий государь сидеть у своих государевых дел в Золотой полате з бояры и с окольничими, и з думными дворяны, и з думными дьяки и докладывать о спорных своих великого государя делах себя, великого государя, боярину Никите Ивановичю Романову.

Того же году и числа указал великий государь сидеть в Стрелетцком приказе и в Ыноземском боярину князь Якову Куденетовичю Черкаскому да с ним дьяку 4).

Того же числа указал великий государь сидеть в Новой чете боярину князь Михаилу Петровичю Пронскому да окольничему Михаилу Алексеевичу Ртищеву да дьяком.

Того же числа указал великий государь сидеть в Земском приказе на Левонтьево место Степанова сына Плещеева Семену Васильевичю Волынскому да Савелью Потаповичю Нарбекову да дьяком 5).

На думного дьяка посольского на Назарья Иванова сына Чистого били челом всяких же чинов посадцкия люди и всем народом, что он чинил соль в Московском государстве и по городам дорогую для своей прибыли[3].

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Здесь ошибка: не Л. С. Плещеев, а П. Т. Траханиотов бежал, вернее, получил назначение на воеводство в Устюжну Железнопольскую и в ночь с 3 на 4 июня поспешно выехал из Москвы в сторону Троице-Сергиева монастыря (См. П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.— Л., 1948, т. II, стр. 169).

2) Запись Толстовского сборника сообщает, что вдогонку за П. Т. Траханиотовым было послано во главе с кн. С. Р. Пожарским 50 стрельцов (См. К. В. Базилевич. Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов. М.— Л., 1936, стр. 75; П. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 172).

3) Известие о казни П. Т. Траханиотова, которая была совершена 5 июня, расположено несколько неудачно, так как оно разрывает повествование о выдаче и убийстве народом Л. С. Плещеева 4 июня.

4) Эти сообщения подтверждаются Псковской I летописью (См. К. В. Базилевич. Ук. сб. стр. 76—77.)

5) Здесь ошибка: после Л. С. Плещеева в Земском приказе был не Семен Васильевич Волынский, а Михаил Петрович Волынский. Дьяк С. П. Нарбеков умер в сентябре 1646 г. (См. «Русская историческая библиотека», т. X, стр. 302, 424).

[1] Над словом более светлыми чернилами приписана буква «б».

[2] В тексте «да».

[3] Слова последнего абзаца приписаны в нижней части л. 18 об. другими чернилами и расположены среди записей о восстании в Москве в 1662 г.

ИЗВЕСТИЕ О НЕПОВИНОВЕНИИ КРЕСТЬЯН В ВОТЧИНЕ АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Публикуемое известие о неповиновении крестьян монастырским властям содержится в житии Антония Сийского. Имеется две редакции этого жития: первую написал монах Антониево-Сийского монастыря Иона в 1577—1578 гг. по поручению игумена Питирима, а вторую — царевич Иван, сын Ивана Грозного [1].

Сообщение о неповиновении крестьян в житии заключено в форму рассказа об одном из чудес, якобы совершенном Антонием уже после его смерти.

Приводим его текст по списку XVII в. первой редакции с поправками по списку XVI в. второй редакции, которые даны в подстрочных примечаниях.

«Чюдо 14 [2]. О попе некоем его же преподобный Антоний наказав за маловерие его явлением некоим и паки исцеление дарова ему, покаявшуся ему чисте:

Поп некий, Харитон зовомый, жительство [3] имея недалече от обители святаго, яко за десять поприщь (т. е. верст.— *В. К.*) расстояние имать, в прежреченном Емецком стану глаголемом, служаще пресвятому [4] рождества Иоанна предтечи. Сему попу случися искушение таково быти, в не [5] же время посланнику некоему присланy бывшу во обитель святаго от самодержавного великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа России, милости царския устрояющу в потребу братии, учеником святаго, жителем же во окрестных весех, не хотящим монастырю повинутися [6], яко же повелено им бысть по царскому наказанию, и сего ради молву в людех немалу воздвигоша и ропот велик на святаго с хулами составиша, о них же речено бысть, приложися скотом несмысленным и уподобися им. Иде же бо паче благодарити бога, яко таковаго светилника воздвиже им в последних сих временах на просвещение всему роду их, они же вместо благодарения хулу на святаго глаголяше сему вышереченному попу.

Яко услышавшу молву сию [7] в людех немалу зело, смутися и поп сей в сердцы своем, яко же обычай имут некрепцыи в разуме, от инех услышавше, сице и они несмысление тоже клевещут. Яко же слышав безумие глаголющих, сице и он, поп, на святаго глаголаше, не помысли бо в себе безумный поп сей к таковым глаголанпаго: яки учители болши препростых истязани будут о всяком словеси в день судный. И господем глаголаипаго: яко иже на сына человеческаго глаголавшему, оставится ему, а иже на духа святаго хулу глаголавшему, не оставится ему ни в сий век, ни в будущий, ибо святии вси духом святым просвещени сотворяют чюдеса преславная и дивная. Сице убо несмысленный поп сей двоеверен быв в сердцы своем ко святому, единаче безпрестани по вся дни хулу на нь глаголаше» (лл. 175—177).

В заключение рассказывается о том, как Антоний «покарал», а затем «простил» попа после того, как тот обещал «впредь хулы на нь никако же глаголети, но и веровати чюдесем его» (л. 177 об.).

При датировке этого известия мы можем исходить лишь из материалов самого жития. Помощь здесь нам оказывают слова Ионы о том, что нападки на Антония, сопровождавшие волнения в монастыре, были уже описаны им выше: «и сего ради молву в людех немалу воздвигоша, и ропот велик на святаго с хулами составиша, о

---

[1] Списки первой редакции: ГБЛ, Ундольск., № 310/284, л. 136; ЦГАДА, ф. 181, №№ 283, 440, 456. Списки второй редакции: ГБЛ, Ундольск., № 310/285, л. 1. Между двумя этими редакциями существенных разночтений нет. См. В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 301.

[2] Во 2-й редакции «чудеса» не нумерованы, но расположены в том же порядке.

[3] «Житие».

[4] «Престолу».

[5] Так в тексте обеих редакций.

[6] «Монастыреви повиноватися».

[7] «Молву велию»

них же речено бысть» (л. 176). Сообщение о «хуле» на Антония находим в «чуде» втором, где говорится о каком-то монахе, впервые взявшемся написать житие Антония: «по преставлении его[1] (т. е. Антония.— *В. К.*) немалу времени прешедшу, святому же житию его еще ни от кого не написану бывшу, достоверных же свидетелей, помнящих житие блаженного, тогда уже мало обретающихся, от них же рече слышав той монах» (л. 143 об.— 144). Замысел предшественника Ионы не осуществился: «воздвигоша нецыи внезапну молву бесовскую деющи на нь завистию диаволею движими о составлении жития святаго, крамолующи на него (монаха, задумавшего писать житие.— *В. К.*) глаголющи: яко прежде сего никто же дерзну писати, а сей пишет и жития святых составляет, *инии же от сих крамолующе на святаго хулу дерзнуша глаголети*» (курсив мой.— *В. К.*) (лл. 144—145).

Указания на то, что монах, предшественник Ионы, начал составлять житие, когда после смерти Антония «немалу времени прешедшу» и осталась уже немного людей, знавших его при жизни, свидетельствуют о возникновении волнений в монастыре спустя значительный промежуток времени с 1556 г. С другой стороны, они не могли быть позднее 1577 г., когда во главе монастыря стал игумен Питирим, поручивший написание жития Ионе, который, по его же собственным словам, пользовался сведениями, собранными первым автором: «Мы же сия изо уст его (т. е. первого автора, которому не удалось написать житие из-за волнений в монастыре.— *В. К.*) поведуемая слышавше, аки пред богом писанию предахом» (л. 146). Поэтому мы вряд ли ошибемся, если отнесем волнения, происшедшие в вотчине Антониево-Сийского монастыря, к 70 годам XVI в. Не исключена возможность, что с ними было связано и назначение в Антониево-Сийский монастырь игумена Питирима, переведенного сюда в 1577 г. из Озерского Николаевского монастыря.

Как видно из публикуемых материалов, толчком для взрыва недовольства в среде определенной части монахов, сельского духовенства и крестьян окрестных сел и деревень послужила предпринятая монастырскими властями попытка прославления Антония путем составления его жития. Подлинной же причиной волнений в Антониево-Сийском монастыре была крепостническая политика монастырских властей, направленная на увеличение земельных богатств, вовлечение в зависимость от монастыря новых контингентов черных крестьян, усиление эксплуатации крестьян монастырских. Обстановка в монастыре была достаточно острой и до случая открытого неповиновения крестьян монастырским властям. На это указывает автор жития, когда, описывая положение дел в монастыре при приемнике Антония игумене Галасии, вкладывает в уста Антония, якобы чудесно явившегося братии и монастырским крестьянам, слова о том, что «работницы наши монастырстии о службах не радят» (л. 151).

В волнениях приняли участие не только монастырские, но и черные крестьяне Емецкого стана, видевшие для себя угрозу в захватнической политике монастыря.

Волнения в Антониево-Сийском монастыре были настолько серьезными, что монастырские власти были вынуждены обратиться за помощью к царской администрации. Слова «яко же повелено им бысть по царскому наказанию» могут быть расценены как невыполнение крестьянами какого-то предшествующего царского распоряжения.

Публикуемые материалы о неповиновении крестьян в вотчине Антониево-Сийского монастыря в 70-х годах XVI в. расширяют наши представления о процессе вызревания предпосылок крестьянской войны начала XVII в.

В. И. Корецкий

[1] Антоний умер 7 декабря 1556 г.

Критика
Библиография

ВАЖНЕЙШИЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Недавно из печати вышел сборник важнейших документов по истории социалистического преобразования советской деревни[1]. Для публикации отобраны наиболее важные решения партии и правительства, принятые в решающий период борьбы за осуществление ленинского кооперативного плана и отражающие существенные явления коллективизации сельского хозяйства в СССР. Сборник открывается решениями XV съезда партии, положившими начало непосредственной подготовке массовой коллективизации сельского хозяйства, и заканчивается Примерным уставом сельскохозяйственной артели, принятым II съездом колхозников-ударников.

Таким образом, круг вопросов, затронутых публикацией, весьма широк. Научная ценность и политическая актуальность ее не вызывает сомнений. В этом одно из основных достоинств сборника.

Перед составителями стояла трудная задача отбора документов, ибо необходимо было решить вопрос о том, какие документы следует считать «важнейшими». Принятый составителями принцип отбора документов следует признать удачным. Во «Введении» подчеркивается, что сборник «не является полным изданием партийных и законодательных документов по вопросам сельского хозяйства в 1927—1935 гг.» (стр. 6). Отбирались обобщающие документы, «касающиеся принципиальных вопросов социально-экономического и политического развития деревни, средств и методов проведения социалистической реконструкции сельского хозяйства», документы, имевшие направляющее значение и обязательные к исполнению: резолюции и постановления, законодательные акты высших органов партии и Советского государства, т. е. съездов партии и съездов Советов, ЦК ВКП(б), ЦИК, СНК, СТО СССР. «В сборник не вошли документы республиканских и местных партийных и советских органов, а также постановления центральных органов партии и государства по отдельным республикам, краям и областям» (стр. 6).

Достоинством публикации является также избранный составителями хронологический принцип расположения материала. Вопросы периодизации истории социалистического преобразования советской деревни не решены еще окончательно, поэтому представляет интерес попытка составителей сгруппировать материал по трем крупным разделам.

Первый раздел «Непосредственная подготовка коллективизации сельского хозяйства» открывается выдержкой из резолюции XV съезда партии «О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», принятой 19 декабря 1927 г., и завершается Постановлением ЦК ВКП(б) от 26 октября 1929 г. «О вовлечении батрачества в кооперацию и колхозы» (док. № 60).

Второй раздел «Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства» начинается принятой 17 ноября 1929 г. Пленумом ЦК партии резолюцией «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/30 год» (док. № 61) и заканчивается выдержкой из Постановления сессии ЦИК СССР от 25 декабря 1931 г. «О народнохозяйственном плане Союза ССР на 1932 г.» (док. № 131).

Заключительный раздел «Завершение сплошной коллективизации сельского хозяйства и организационно-хозяйственное укрепление колхозов» открывается вы-

[1] «Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства 1927—1935 гг.», Академия наук СССР. Институт истории. Отв. ред. П. Н. Шарова, составители Л. Ф. Кузьмина, В. Е. Полетаев, Ю. У. Томашевич. Изд. АН СССР, 1957, 574 стр.

державкой из «Директив к составлению второго пятилетнего плана народного хозяйства СССР», принятых XVII партконференцией 4 февраля 1932 г. (док. № 132), и завершается Примерным уставом сельскохозяйственной артели, утвержденным СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 г. (док. № 181).

Сборник фактически посвящен непосредственной подготовке и проведению сплошной коллективизации. Следовательно, содержание публикации ýже, чем ее заголовок. Ведь социалистическое кооперирование крестьянства началось с момента Октябрьской революции. Следовало это оговорить во «Введении», где речь идет о периодизации.

Следовало бы также уточнить конечную грань реорганизационного периода в сельском хозяйстве, который авторы определяют как период «проведения сплошной коллективизации» и датируют второй половиной 1929 г.— концом 1931 г.

До сих пор в соответствии с установленными ЦК ВКП(б) сроками таким водоразделом считался не 1931, а 1932 год — последний год первой пятилетки, когда было коллективизировано 61,5% крестьянских дворов и 77,7% посевной площади[1].

Достаточно внимательно вчитаться в документы сборника, чтобы убедиться, что нет серьезных оснований пересматривать установившееся в литературе представление о 1932 г., как «последнем годе реорганизации» сельского хозяйства[2]. Вторая половина 1929—1932 гг.— это единый исторический этап, когда был в основном ликвидирован последний эксплуататорский класс — кулачество, когда выкристаллизовалась основная форма колхозного движения на современном этапе — сельскохозяйственная артель с ее специфической организацией труда, распределением доходов и другими внутренними ее особенностями.

С 1933 г. в колхозном строительстве проявились качественно новые процессы. Прежде всего следует здесь обратить внимание на переход от контрактации к госпоставкам (см. док. № 150) и т. п. мероприятия. Это свидетельствовало уже не только о складывании специфических отношений внутри артели, но и об установлении тех отношений между колхозами и государством, которые в основном действуют до настоящего времени.

Следовательно, не 1932, а 1933 год открывает собой заключительный этап коллективизации, который составители сборника назвали периодом «завершения сплошной коллективизации и организационно-хозяйственного укрепления колхозов». В этой формуле возражения вызывает вторая ее часть, так как организационно-хозяйственное укрепление вряд ли правильно относить к какому-либо определенному этапу. Партия и правительство занимались организационно-хозяйственным укреплением социалистических предприятий в деревне и до 1932—1933 гг. и продолжают эту работу в наши дни. Организационно-хозяйственное укрепление — это не этап, не кампания, а всеобъемлющая задача, которая проходит через всю историю социалистического сельского хозяйства, видоизменяясь на разных этапах, но всегда оставаясь одной из центральных проблем политики партии в деревне.

Что касается заключительной грани периода завершения коллективизации, то в сборнике она отнесена к утверждению Примерного устава сельскохозяйственной артели (февраль 1935 г.). Разработкой этого устава, указывается во «Введении», «была завершена система мероприятий партии и правительства по созданию и законодательному оформлению новых производственных отношений в деревне» (стр. 11).

Соображение это не лишено интереса. Однако оно не вполне точно. Создание, а также, в основном, и законодательное оформление социалистических производственных отношений в деревне было произведено в годы первой пятилетки. Устав 1935 г. не столько создал новые производственные отношения, сколько обобщил весь имевшийся уже к тому времени опыт, конкретизировал и развил его. Устав унифицировал колхозную систему, подтянув ее организационно до уровня передовых колхозов.

Тем не менее само по себе принятие Устава не означало еще завершения коллективизации. Необходимо было привести в соответствие с новым Уставом всю сумму положений, определявших жизнь советской деревни, перестроить на его основе всю колхозную систему и т. д.

Следовательно, для того чтобы показать завершение коллективизации, одного Устава 1935 г. мало. Необходимо учесть также ряд важнейших мероприятий партии и правительства (в том числе законодательных) по проведению Устава в жизнь.

Следует также учесть, что заключительные процессы социалистической перестройки сельского хозяйства (как и развитие советской деревни вообще) нельзя рассматривать изолированно от более широкого процесса — от завершения строительства социалистического общества в СССР, одной из сторон которого являлось революционное преобразование деревни.

Исходя из этих соображений, правильнее определить период завершения коллективизации примерно рамками второй пятилетки (1933—1937 гг.), когда социалистический переворот в деревне был закреплен технической реконструкцией сельского хозяйства. Разумеется, в пределах этого периода (как и предыдущих) можно выделить свои специфические этапы. В р

[1] Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956, стр. 99.

[2] См. И. В. Сталин. Соч., т. 13, стр. 321.

шениях партии указывалось, что в результате «успешного выполнения второго пятилетнего плана (1933—1937 гг.) в СССР разрешена *основная историческая задача* второй пятилетки — окончательно ликвидированы все эксплуататорские классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Решена труднейшая задача социалистической революции: завершена коллективизация сельского хозяйства, колхозный строй окончательно окреп»[1].

Третий раздел сборника, к сожалению, только последний, но не итоговый. Его неполнота видна, например, из того факта, что здесь не опубликованы такие документы, как постановление СНК СССР от 3 сентября 1933 г. «О выдаче денежных авансов в колхозах», резолюция, принятая Пленумом ЦК ВКП(б) 26 ноября 1934 г. «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам» и т. д. Эти документы показывают важные завершающие процессы социалистической перестройки деревни и некоторые весьма существенные результаты этой перестройки. Речь, таким образом, идет о тех именно явлениях, которые необходимо было бы показать в итоговом разделе сборника, даже в том случае, если не публиковать документов 1935—1937 гг., связанных с новым Уставом сельхозартели.

Если же раздвинуть рамки до 1937 г. (кстати за 1936—1937 гг. тематических публикаций документов по истории сельского хозяйства нет), то необходимо назвать некоторые важнейшие решения партии и правительства, которые значительно полнее показали бы завершение коллективизации.

Прежде всего о самом Уставе сельхозартели (1935 г.). Нужно было бы в приложении или в примечании привести решение II съезда колхозников-ударников об установлении трехмесячного срока для выработки конкретных уставов в колхозах (на основе типового). Наконец, нужно было оговорить, что существенную поправку в практику колхозной работы внесло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» (март 1956 г.)

Столь же существенное значение для понимания процессов завершения коллективизации имеет постановление СНК СССР «О выдаче сельскохозяйственным артелям государственных актов на бессрочное (вечное) пользование землей», принятое 7 июля 1935 г. в соответствии со ст. 2 Примерного устава сельхозартели.

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III, М., 1954, стр. 336.

Сборник мог быть завершен главой I Конституции СССР, в которой дана характеристика экономической основы СССР, форм социалистической собственности, личного пользования колхозного двора, а также определены правовые основы личной собственности и т. п. Это тем более важно, что Конституция 1936 г. фактически исправила некоторые неверные формулировки Устава 1935 г.[2].

Таким образом, крайняя узость заключительного раздела — существенный недостаток сборника.

Перечисленные выше рекомендации до сих пор шли по линии дополнения сборника[3]. Понятно, однако, что в рамках данного объема (48,5 п. л.) составители не смогли бы решить эту задачу, не исключив из сборника некоторые документы.

Так, например, незачем было публиковать в данном сборнике Постановление «О социалистическом соревновании фабрик и заводов» (док. № 37), в котором сельскому хозяйству посвящено лишь две строки, тем более, что существо вопроса целиком исчерпано в предыдущем документе — обращении XVI партконференции «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза» (док. № 36). То же следует сказать о постановлении ЦИК СССР от 26 мая 1934 г. «Об организационной работе советов» (док. № 173). О нем можно было упомянуть в примечании к предыдущим документам, посвященным непосредственно работе сельских советов. Док. №№ 93, 98, 117 можно было бы не публиковать, использовав их в качестве материала для примечаний к док. №№ 70, 77, 130.

Вообще нужно отметить, что научно-справочный аппарат можно было бы использовать гораздо шире, что значительно увеличило бы емкость публикации. Больше всего претензий вызывают примечания. Все они носят характер дополнений, отмечая изменения редакции того или иного постановления (между прочим, отмечены не все изменения), или отсылают к постановлениям, упомянутым в тексте (что также сделано не во всех случаях). Этого совершенно недостаточно для того, чтобы читатель получил четкое представление о значении того или иного документа. Если в предисловии дается оценка всего комплекса документов, то в примечаниях нужно было бы дать краткую характеристику каждого из них (или, по крайней мере, основных).

В сборнике остается нераскрытым содержание даже тех документов, которым

[2] Ср. «Примерный Устав сельскохозяйственной артели» (1935), ст. ст. 4, 5 и «Конституция СССР» (1936), ст. 7.

[3] Радикальным решением было бы, конечно, издание по крайней мере двухтомной публикации, первый том которой можно было бы ограничить 1932 г.

сами составители придают первостепенное значение. Так, например, отдельные статьи Устава сельхозартели, принятого II съездом колхозников-ударников, в течение ряда лет справедливо подвергались критике (что, разумеется, нисколько не меняет общей положительной оценки этого важнейшего документа). Но к Уставу нет ни единого примечания. Отсутствует также оценка постановления IV сессии ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. об «Общих началах землепользования и землеустройства» (док. № 20).

Таким образом, собрав богатый материал и дав ему в целом правильную характеристику, составители не довели до конца обработку каждого в отдельности документа, чем существенно снизили научный уровень публикации.

В сборнике не везде соблюдено единообразие в системе ссылок на источники. Ряд постановлений ЦК партии дается то по газете «Правда», то по партийным журналам («Известия ЦК», «Партийное строительство»), то по «Справочнику партийного работника». В некоторых случаях документ печатается по одному изданию, а датируется по другому (док. №№ 46, 71). Целесообразнее было за основу публикации партийных документов взять специально предназначенное для этого официальное издание ЦК ВКП(б) «Справочник партийного работника» (вып. 1—9). Кстати, это помогло бы в более точной датировке некоторых документов (док. №№ 50, 118, 146).

В сборнике (как и в других публикациях по истории советского общества) приводится много важнейших решений съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б). Без этих руководящих документов не может обойтись ни один исследователь. Но они опубликованы большими тиражами в целом ряде изданий. Наиболее полным из них является сборник «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК».

В связи с этим целесообразнее и экономнее было бы в тематических публикациях не перепечатывать эти документы, а приводить только под очередным номером заголовок документа и ссылку на источник. Это было бы вполне достаточно, тем более, что партийные решения следует цитировать по официальному изданию. Некоторый опыт подобного рода публикаций уже имеется [1].

Высказанные соображения позволяют сделать общее заключение: сборник важнейших документов о коллективизации сельского хозяйства отражает как достоинства, так и слабости публикаций по истории советского общества.

Этот сборник, безусловно, нужен широким кругам научных работников, студентов, пропагандистов. Он поможет работе и наших друзей за рубежом, изучающих опыт социалистических преобразований в СССР. Важность сборника не подлежит сомнению.

Ценность его может еще более возрасти, если он будет дополнен публикацией целой серии документов, показывающих конкретное осуществление коллективизации на местах.

Следует надеяться, что Институт истории АН СССР совместно с архивами в ближайшее время приступит к изданию документальных материалов по истории колхозного движения в нашей стране.

Ю. С. Борисов

[1] См., например, «Сборник законодательства по сельскому хозяйству», тт. I—II, Госюриздат. М., 1955.

НОВЫЕ АРХИВНО-СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Архивные органы и государственные архивы Азербайджанской ССР. *Памятка. Баку. 1955, 23 стр.*

Прошло более 35 лет со дня издания декрета Азербайджанского революционного комитета «Об образовании единого государственного архивного фонда и создании Центрального государственного архива при Наркомпросе». Теперь архивная сеть Азербайджанской ССР состоит из четырех центральных архивов (трех в г. Баку и одного — в столице Нахичеванской АССР), двух городских (в Кировабаде и Нухе) и 68 районных. Вполне естественно, что издание необходимого, хотя и краткого, справочника об этих архивах найдет благодарного читателя не только среди исследователей и учащейся молодежи. В памятке указаны дни и часы работы читального зала, порядок получения справок о рабочем стаже, о службе в РККА, о революционной деятельности, об образовании. Одним словом, составители пытались ответить на многие вопросы трудящихся, обращающихся в архивы.

Но основное место занимает характеристика архивов как научных центров. Краткость характеристики ЦГИА АзССР, как и других архивов, неизбежно приводит к весьма общим аннотациям документальных материалов, но все же читатель получает сведения и об истории архива, о его объеме (890 фондов, 245 960 ед. хр.) и о наиболее важных фондах. Более обширен ЦГАОР АзССР. В его 2174 фондах хранится свыше 310 тыс. ед. хр., охватывающих период с 1917 по 1954 г. Здесь находятся документы о деятельности С. Г. Шаумяна, М. Азизбекова, С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе, И. Т. Фиолетова, П. А. Джапаридзе и др. В материалах

Бакинской рабочей конференции много сведений о деятельности ее руководителя А. И. Микояна. Обширные материалы по истории социалистического строительства Азербайджана содержат фонды ВСНХ, Госплана, Высшего экономического совета и других учреждений республики. В Центральном архиве фото-фоно-кинодокументов собраны материалы за 1885—1954 гг., в том числе сохранился редкий снимок мощной демонстрации бакинского пролетариата в связи с похоронами убитого в 1905 г. черносотенцами рабочего-большевика Петра Монтина.

В справочнике даны также характеристики Центрального госархива Нахичеванской АССР (540 фондов, свыше 195 тыс. ед. хр.) и областного госархива Нагорно-Карабахской автономной области (492 фонда, 102 тыс. ед. хр.).

Государственные архивы Киргизской ССР. *Справочник. Фрунзе, 1956, 30 стр.*

Данный справочник по своим целям и структуре не отличается от изданного в Баку, но в форме подачи материала есть различия. Здесь полностью приводятся документы по истории архивного дела в Киргизии: постановление исполкома Киргизской автономной области от 30 августа 1926 г. и циркуляр 11 сентября 1926 г. об учете архивных материалов. Дано также «Положение об архивном управлении Киргизской АССР», утвержденное 11 февраля 1929 г. Эти документы, спору нет, интересны для историка архивного дела, но, не снабженные комментариями или хотя бы кратким указанием о ныне действующих юридических нормах, теряют свой практический смысл. Не лучше ли было последовать примеру бакинцев?

В Киргизии имеются Центральный государственный архив Киргизской ССР, Центральный государственный архив кино-фоно-фотодокументов, пять областных госархивов, восемь городских и 55 районных. Центральный госархив Киргизской ССР в г. Фрунзе содержит 1289 фондов (около 175 тыс. ед. хр.), охватывающих 90 лет истории Киргизии (1865—1955). Естественно, что его материалы разделены на две большие группы: отдел исторических фондов и отдел фондов Октябрьской революции и социалистического строительства. В первом хранятся фонды местных учреждений царской администрации (уездные и волостные). Среди них немалый интерес представляют материалы о восстании 1916 г.

Гораздо интересней и богаче фонды второго отдела. Они воочию убеждают в великой преобразующей силе Октябрьской революции. Одно перечисление фондов — яркое свидетельство экономического и культурного подъема Киргизии: мы находим там фонды ЦИК и СНК Киргизии с документами о государственном строительстве этой республики; десятки фондов учреждений, ведавших экономикой и культурой, дают благодарный материал по истории Советской Киргизии. Особый интерес представляют отчеты и доклады о проведении земельно-водных реформ 1921—1922 гг. и 1927—1928 гг., протоколы Первого республиканского съезда колхозников, Первого республиканского съезда женщин, отчеты и доклады о работе среди женщин, материалы о строительстве ирригационной системы в долине реки Чу. Обширны материалы фондов комитетов Союза «Кошчи». Среди личных фондов выделяется коллекция документов Героя Советского Союза генерала И. В. Панфилова.

Среди фотографий архива кино-фото-фонодокументов встречаются редкие снимки участников Октябрьской революции и гражданской войны в Киргизии — Логвиненко, Терещенко, Щирого, Моргайтиса и других. Интересны фото, отражающие становление и рост промышленности Киргизии — фабрик и заводов, шахт и рудников и др.

Отличительной чертой всех областных госархивов Киргизии является то, что в них хранится материал только за советское время. В Государственном архиве Фрунзенской области уникальными являются документы «Интергельно» — коммуны, организованной чехами-эмигрантами и сыгравшей серьезную роль в развитии промышленного производства в Киргизии; личные дела командира Первого пишпекского советского полка Я. Н. Логвиненко; коллекции писем фронтовиков и материалы о панфиловце Герое Советского Союза Дуйшенкуле Шопокове.

Государственный архив Калининской области. Краткий справочник о содержании архивных фондов и научно-справочной библиотеки. *Калинин, 1956, 20 стр.*

Не только республиканские, но и областные архивные органы включились в дело популяризации архивов. Почин калининцев оказался довольно удачным. Основное внимание составители справочника уделили аннотации документальных материалов. Они очень оживили справочник фотокопиями ряда уникальных документов, например, наиболее древнего в Калининском архиве — жалованной грамоты тверского князя Бориса Александровича Кашинскому Сретенскому монастырю и письма М. Е. Салтыкова-Щедрина, в котором он сообщает губернатору о своем согласии быть членом губернского комитета по крестьянским делам (28 декабря 1860 г.). Но особый интерес в связи с 40-летием Октября приобретает фотокопия резолюции Тверского Совета рабочих и солдатских депутатов о поддержке рабоче-крестьянского правительства от 26 октября 1917 г. В отличие от выше рассмотренных справочников, здесь дана сравнительно подробная характеристика научно-справочной библиотеки и занима-

ющей особое место в архиве коллекции рукописей XIV—XIX вв., насчитывающей свыше 1500 ед. хр.

Ревком Абхазии (описание фонда). *Сухуми, 1956, 29 стр.*
Экосо Абхазии (описание фонда). *Сухуми, 1956, 29 стр.*

Перед нами полузабытый, но очень ценный вид архивно-справочной литературы. За последние годы наши государственные архивы, не в пример другим архивохранилищам, почти не издают описаний фондов. Правда, многое издал ЦГАЛИ СССР, но то, что предпринял Архивный отдел Абхазской АССР, отличается от описаний ЦГАЛИ. Здесь мы имеем дело с описаниями не личных фондов, а фондов учреждений, что значительно труднее. Тем не менее А. О. Тулумджян — составитель и издатель описей — с задачей справился. Следует отметить удачный выбор описываемых фондов. В связи с сорокалетием Великого Октября материалы Ревкома Абхазии вызывают интерес у широкого круга историков, а материалы Экономического Совета Абхазии, как и других местных ЭКОСО, созданных по идее В. И. Ленина, представляют сейчас особый интерес в связи с перестройкой руководства промышленностью и строительством.

Описания снабжены краткими справками по истории фондообразователей, списком сокращений и именным указателем, но структура описаний различна. Так как материалы Ревкома Абхазии сохранились только с 1921 г., а сложил он свои полномочия 17 февраля 1922 г., то опись охватывает, по сути дела, документы за год деятельности Ревкома. Иное дело — опись ЭКОСО, который как самостоятельный фондообразователь действовал с 1921 по 1930 г. Здесь материалы разделены по годам. Аннотации единиц хранения подробны,— это очень существенное качество такого рода изданий, хотя ради этого в издание включены не все, а наиболее важные, основные материалы фондов.

Назовем некоторые материалы из этих подробно описанных фондов. В фонде Ревкома сохранились телеграммы В. И. Ленину, Г. К. Орджоникидзе и С. М. Кирову об установлении Советской власти в Абхазии; декреты, постановления, приказы, протоколы заседаний абхазского Ревкома; документы, характеризующие его деятельность по организации органов Советской власти и налаживанию хозяйства республики и т. п. Вопросы хозяйственного строительства Абхазии особенно широко представлены в материалах ЭКОСО Абхазии. Не только протоколы заседаний ЭКОСО, но и обширная его переписка затрагивают десятки вопросов экономики Абхазии и в совокупности представляют неоценимый исторический источник.

Тематический обзор. Дагестанская АССР в период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.). *Махачкала, 1955, 62 стр.*

Вышедший в прошлом году (он подписан к печати в январе 1956 г.) тематический обзор охватывает документальные материалы 18 фондов Центрального государственного архива Дагестанской АССР. Аннотации материалов не отличаются от абхазских, но перед составителями данного обзора стояли более сложные задачи, так как описывался не один фонд, а 18. Прежде всего стал вопрос о систематизации материала. Составители разработали структуру этого обзора и строго ее выдержали. Все материалы разделены на четыре раздела: 1) промышленность, транспорт и связь, торговля; 2) сельское хозяйство; 3) наука, культура и быт; 4) советское строительство. Внутри этих разделов — рубрики и подрубрики по конкретным отраслям промышленности, транспорта, сельского хозяйства и пр. Характеристики материалов в каждом отделе начинаются с аннотаций итоговых и сводных документов.

В виде приложения дан список использованных фондов и печатных изданий по теме обзора, хранящихся в архиве. Особенно необходим для справочных целей список фондов, так как в тексте указаны только шифры фондов.

В общем составители постарались, чтобы исследователь смог быстро найти интересующий его материал не только в обзоре, но и в архиве. Но и в этом ценном справочнике следовало бы добиться более четкого плана изложения материала внутри рубрик. Читателю очень трудно определить, какой принцип лег в основу этого плана. При ознакомлении с материалами второй рубрики первого раздела напрашивается вывод, что они расположены по принципу значимости материала, когда же смотришь пятую рубрику того же раздела, то совершенно ясно видишь, что материал расположен по хронологическому принципу. Этот разнобой затрудняет читателя.

Несколько странно звучит та часть «Введения», где внимание читателей фиксируется на документальных материалах, отражающих «искривления политики партии при проведении земельно-водной реформы и коллективизации крестьянских хозяйств...» (стр. 4). Думается, что это просто редакторский недосмотр, ибо в аннотациях материала второй рубрики второго раздела основное внимание уделено положительным результатам политики партии, а не искривлению ее директив.

Приведенные примеры свидетельствуют о не совсем четкой работе редактора И. Р. Нахшунова. Но в общем, повторяем, обзор является весьма ценным пособием.

Обзор документальных материалов Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде по истории обрабатывающей промышленности России в первой половине XIX в. *Редактор В. В. Бедин, М.— Л., 1957, 60 стр.*

Крупнейшее архивохранилище страны— ЦГИАЛ — недавно выпустило путеводитель по своим фондам. Этот справочник заслуживает специального разбора. Но очень хорошо сделало руководство архивом, что не успокоилось на этом, и в дополнение к «Путеводителю» издало «Обзор» с подробной характеристикой материалов по названной выше теме. В «Предисловии» читатель получает обстоятельную справку об использованных фондах и принципах расположения материалов, что значительно облегчает пользование обзором.

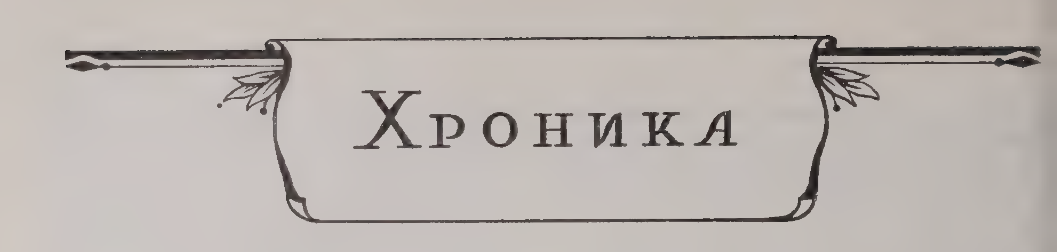
Центральное место в обзоре занимают материалы, характеризующие горную промышленность (не только горнодобывающую, но и металлургическую, металлообрабатывающую и машиностроительную). Вначале характеризуются материалы, имеющие общее или сводное значение, затем документы по каждой губернии в отдельности (губернии группируются по горным областям). В некоторых случаях в пределах губернии выделяется характеристика наиболее крупных заводов.

Кроме материалов по истории горной промышленности, даны характеристики документов по обработке волокнистых веществ, химической, силикатно-керамической, кожевенной, деревообрабатывающей, бумажной и пищевой промышленности. Внутри этих групп выделены материалы по истории отдельных производств и в некоторых случаях крупнейших предприятий.

Составители проделали огромную работу, включив в обзор наиболее ценные сведения о документальных материалах около 70 фондов, насчитывающих свыше миллиона дел. Вне всякого сомнения, эту работу по достоинству оценят не только историки, но и экономисты, и широкие круги нашей технической интеллигенции.

Б. Л.

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИВАХ И ДОКУМЕНТАХ

I

Партийный архив Томского обкома КПСС создан в 1946 г. и хранит документы партийных организаций бывшей Томской губернии (1920—1925 гг.), Томского (1925—1930 гг.) и Нарымского (1932—1944 гг.) округов, Томской области с 1944 г. и города Томска с 1920 г. В настоящее время в нем хранится 4452 фонда с общим количеством более 250 000 ед. хр., отражающих многогранную деятельность Томской партийной организации.

В фондах раннего периода — Томского губкома, уездных и волостных комитетов партии отражается работа губернской партийной организации по ликвидации последствий колчаковщины и восстановлению народного хозяйства.

Наиболее содержателен фонд губкома КПСС. В нем имеются рапорты и донесения командиров партизанских отрядов о ликвидации различных контрреволюционных выступлений; сводки и отчеты частей особого назначения о борьбе с контрреволюцией и бандитизмом; отчеты, доклады и сведения о проведении коммунистических субботников и воскресников, о борьбе с эпидемией тифа и помощи голодающим Поволжья; большое количество документов о ходе выполнения губернией заданий по продразверстке и продналогу и отчеты агитпропотдела о проведенной кампании массово-разъяснительной работы о нэпе.

В том же фонде хранятся важные документы о деятельности ревкомов, сыгравших огромную роль в установлении Советской власти. Очень интересны доклады и донесения о политическом и экономическом положении губернии, уездов, волостей, сел; доклады и отчеты губкома, губисполкома, губсовнархоза, губ. РКИ о состоянии промышленности, сельского хозяйства, народного здравоохранения и образования в губернии, о работе партийных и советских органов по восстановлению народного хозяйства и о его дальнейшем развитии. Здесь имеются также обзоры народного хозяйства губернии с приложением таблиц, в которых содержатся подробные данные о численности населения, состоянии промышленности, транспорта, сельского хозяйства, культуры, школьного строительства.

В 1920 и 1921 гг. партийные организации провели в Томске, уездах, волостях и селениях губернии большое количество конференций рабочих и крестьян. Они имели огромное значение в деле активизации народных масс.

В партийном архиве хранится фотокопия стенограммы речи М. И. Калинина на конференции 1920 г., а также протоколы конференций беспартийных и сведения об их проведении.

В делах фонда губкома находится много документов по истории Кузбасса: обзор-сводка Кольчугинского райкома партии о политическом положении в районе с декабря 1919 г. и сведения о состоянии и работе в Анжеро-Судженском районе с 1920 г., его же отчеты, информации и политсводки о политическом настроении и партработе в районе, о положении на шахтах, а также материалы о результатах обследований и обзор экономики района, доклад-сводка о состоянии промышленности в Кузбассе на районной партконференции 1921 г., годовой отчет союза горнорабочих Кузнецкого бассейна за 1922—1923 г., сведения о результатах проверки работы партийных ячеек Кузбасса (1923 г.).

Кроме того, есть доклады и отчеты Кольчугинского и Кемеровского райкомов партии, Кузбасстреста и др. В многочисленных письмах секретарей райкомов в губком и окружком партии анализируется состояние производственной и политической работы на Кузбассе.

Документы по истории Кузбасса здесь сохранились до 1930 г., т. е. до ликвидации округов, когда территория Кузбасса вошла в состав вновь образованного Западно-Сибирского края.

Ценный материал хранится в фондах национальных партийных секций, существовавших при губкоме партии — Украинской (1920—1921 гг.), Эстонской (1920—1923 гг.), Латвийской (1920—1923 гг.), Татарской (1920—1925 гг.), Мордовской (1924 г.), Чувашской (1920—1924 гг.), Еврейской (1920—1921 гг.), Польской (1920—1923 гг.), Венгерской (1920—1921 гг.) и Немецкой (1920—1921 гг.).

Имеются протоколы конференций, в том числе конференции остяков в 1928 г., собраний, совещаний секций, отчеты об их работе, письма и переписка, анкеты и списки коммунистов, доклады губкома о работе среди нацменьшинств и др. Значительное количество документов — на национальных языках.

В документах по истории Нарымского края с 1920 г. отражены социалистические преобразования в крае.

Немалое значение имеют документы о работе партийных организаций по развитию промышленности Томска и области, особенно в послевоенный период, в частности, документы о развитии лесной промышленности, профилирующей в области.

Большого внимания заслуживают документы партархива о социалистическом преобразовании сельского хозяйства, в том числе обзорные материалы о состоянии сельского хозяйства с 1917 г., данные о первых сельскохозяйственных кооперативах и коммунах; протоколы конференций и собраний бедноты и батрачества и другие сведения о работе с ними: отчеты, доклады и информации о ходе коллективизации, массовом колхозном движении, ликвидации кулачества, экономическом росте колхозов в годы довоенных и послевоенных пятилеток и т. д.

В делах о партийной работе в деревне ценны документы о шефстве города над деревней. Много документов о работе партийных организаций по советскому и культурному строительству, в частности о вузах Томска.

Документы партархива частично были использованы, но огромнейшее количество их еще не было в руках исследователей.

М. И. Чугунов

II

Филиал ЦГИА БССР в г. Гродно концентрирует богатейшие материалы по истории Белоруссии (частично Литвы и Польской народной республики), начиная с XV в. до 1917 г. В архиве содержится около полумиллиона единиц хранения. Документальные материалы приведены в порядок и доступны для использования.

Наибольшую ценность составляет комплекс актовых книг, отложившихся в деятельности земских, городских судов, магистратов, ратуш и других учреждений, действовавших на территории теперешней Белоруссии и частично Литвы в XV—XVIII вв.

Наиболее древняя актовая книга — Дрогичинского поветового суда за 1456—1497 гг. написана на латинском языке. История Белоруссии XVI—XVIII вв., т. е. периода вхождения ее в состав великого княжества Литовского, а затем Речи Посполитой, отражена в документальных материалах фондов городских, земских и подкоморских судов, инвентарей имений феодалов и католической церкви и др.

Многие документы актовых книг свидетельствуют об активных выступлениях крестьян с оружием в руках против своих поработителей, против жолнерских отрядов и представителей государственной власти (Слонимский повет, Полоцкое воеводство, Кричевское староство и др.).

Фонды магистратов и ратуш содержат чрезвычайно ценный материал по истории городов Белоруссии XVI—XVIII вв. (как частновладельческих, так и пользовавшихся самоуправлением). Зажатые в тиски феодальной эксплуатации и лишенные своих естественных экономических связей с Русским государством, многие города Белоруссии приходят в упадок и влачат жалкое существование в XVIII в. Вместе с тем документальные материалы магистратов и ратушей характеризуют социальную борьбу в городах Белоруссии, борьбу ремесленников и городской бедноты против богатеев, ростовщиков, феодальной администрации, против католической и униатской церкви.

В этих же фондах отражен размах национально-освободительного движения в Белоруссии в период, когда украинский народ вел героическую борьбу за воссоединение с Русским государством.

Указом Александра I в 1802 г. была образована Гродненская губерния, которая просуществовала до Великой Октябрьской социалистической революции. Документальные материалы учреждений, действовавших на территории этой губернии, составляют второй большой комплекс документов архива. Они достаточно полно характеризуют предпосылки, ход, особенности проведения и результаты реформы 1861 г. на территории Гродненской губернии; борьбу крестьян против введения уставных грамот; ход отграничения крестьянских наделов от помещичьих земель; ход крестьянского восстания 1863 г. в Белоруссии под руководством Константина Калиновского. Сохранилась переписка с генерал-губернатором Муравьевым о подавлении восстания.

Значительное количество документов архива отражает исторические связи польского революционного движения 30-х и особенно 60-х годов XIX в. с общественно-политическим движением в России. Большой интерес представляют документы, характеризующие отношения передовых русских людей к польскому восстанию 1863 г. Листовки, распространявшиеся

среди русских солдат, призывали «К свободному союзу Польши с Россией, как началу вольного соединения всех славян в единое и нераздельное земское дело».

Вопросы землевладения и землепользования в Гродненской губернии, столыпинская реформа, ее экономические предпосылки и особенности в губернии, борьба беднейшего крестьянства против выделения на хутора нашли свое отражение в фондах Гродненского губернского присутствия, землеустроительных комиссий, земских начальников и др.

Интересны документы, характеризующие революционные события в Гродненской губернии в период первой русской революции 1905—1907 гг. (фонды канцелярии губернатора, губернского присутствия, окружного суда, губернского жандармского управления и др.). Они показывают, что революционное движение в губернии было тесно связано с общероссийскими революционными событиями и протекало при непосредственном влиянии со стороны крупных промышленных центров.

При архиве имеется научно-справочная библиотека. Ее фонд насчитывает около 13 тысяч томов книг и журналов на русском и иностранных языках. Многие из них представляют библиографическую редкость, например 38 томов документов, опубликованных Виленской археографической комиссией, 28 томов сборников «Историко-юридические документы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской» и др.

Необходимо отметить, что фонды архива до сих пор не используются в достаточной мере. Многие учебные и научные учреждения стоят в стороне от архива.

Г. А. Шапкина, Я. Н. Мараш

III

Документальные материалы Отдела фондов Октябрьской революции и социалистического строительства Государственного архива Чувашской АССР отражают участие трудящихся республики в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, их борьбу за установление и укрепление Советской власти в Чувашии.

По фондам исполнительных комитетов за 1918 г. можно проследить работу комитетов деревенской бедноты по оказанию содействия продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев, распределению продовольствия и сельскохозяйственных орудий.

Очень интересны фонды Революционного комитета Чувашской автономной области (1920 г.), Областного исполнительного комитета и его областных отделов, Центрального исполнительного комитета, Совета Народных Комиссаров и народных комиссариатов ЧАССР (с 1925 г.).

В отделе сосредоточены в основном документальные материалы всех бывших волостных и уездных исполнительных комитетов Советов рабочих и крестьянских депутатов (1917—1927 гг.), всех уездных, областных и республиканских государственных учреждений (1917—1946 гг.). Кроме того, здесь хранятся архивные фонды ликвидированных учреждений.

Развитие промышленности Чувашии показано в фондах центрального, областного и уездных советов народного хозяйства Чувашии, Чебоксарского кожевенного комбината и многих других предприятий. Богатые материалы об итогах проведения геологоразведочных работ и исследований на территории Чувашии собраны в фондах Чувашского научно-исследовательского института промышленности и Чебоксарской геологической партии.

В фондах исполнительных комитетов и их отделов за 1920—1925 гг. содержатся материалы уездных и областных съездов Советов Чувашии всех созывов, отчеты и постановления органов Советской власти Чувашии. Богатые материалы сосредоточены в фондах Чувашского представительства при Президиуме ВЦИК в Москве и Государственной плановой комиссии Чувашии.

Серьезный источник для изучения социалистического переустройства сельского хозяйства Чувашии представляют архивные фонды бывших уездных земельных отделов (1917—1927 гг.), Областного земельного управления (1920—1925 гг.), Народного комиссариата земледелия Чувашии (1925—1945 гг.), Чувашского союза сельскохозяйственных артелей, Чувашколхозсоюза и другие фонды.

Огромные успехи в области просвещения, науки и искусства отражены в фондах органов народного образования Чувашии (1917—1927 гг.), Чувашского государственного педагогического института (1930—1945 гг.), Чувашского государственного сельскохозяйственного института (1931—1940 гг.), Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при СНК ЧАССР, Института усовершенствования учителей Наркомпроса ЧАССР, техникумов, рабфаков, училищ, школ, театров и многих других культурно-просветительных учреждений Чувашии, организованных после Великой Октябрьской социалистической революции.

Фонды областного, уездных и районных продовольственных комитетов (1918—1920 гг.) содержат сведения по вопросам обеспечения продовольственных нужд Красной Армии, снабжения рабочих железнодорожного транспорта и важнейших предприятий, а также рабочих крупнейших центров страны хлебом, картофелем и овощами. Фонды областной и уездных комиссий по оказанию помощи населению, пострадавшему от неурожайного 1921 г. (1921—1923 гг.), дают представление о той великой помощи, которая была оказана Советским правительством и великим

русским народом трудящимся Чувашии.

В газетном фонде научно-справочной библиотеки сосредоточены годовые комплекты центральных и местных газет и журналов за годы Советской власти.

Все фонды Отдела приведены в порядок; созданы условия для их использования. Теперь в читальном зале Государственного архива Чувашской АССР занимаются не только местные научные работники и исследователи, но также исследователи Москвы, Ленинграда, Казани и других городов нашей страны.

П. Ф. Ермолаев

IV

Государственный архив Самаркандской области образован в марте 1921 г. Его документальная база отражает историю края с 1917 по 1943 г.

Большой научный интерес представляют документальные материалы Самаркандского областного, городского и уездных исполнительных комитетов, Военно-революционного комитета. Материалы этих фондов за период 1917—1926 гг. рассказывают о революционных событиях в Самаркандской области в годы установления и упрочения Советской власти, о вооруженной борьбе Советской власти за ликвидацию белогвардейских банд на Оренбургском, Асхабадском и других фронтах, о формировании красногвардейских отрядов, об образовании частей Красной Армии, о разоружении казачьих эшелонов, о разгроме басмачества.

Документальные материалы отражают большую работу большевиков по мобилизации трудящихся масс вокруг лозунгов большевистской партии, по большевизации Советов.

27 мая 1917 г. Чрезвычайная комиссия, назначенная ЦИК Туркестана, в обращении к гражданам города Самарканда сообщила о роспуске Самаркандского Совдепа и предстоящей полной реорганизации местной Советской власти: «В Совдеп должны избираться только те лица, которые стоят на платформе Советской власти... Только в таком случае Советская власть в Самарканде в лице своего Исполкома будет на высоте своего положения... Только при таких условиях, товарищи, и возможна организация настоящей Советской власти как власти действительно трудового народа, как власти, действительно представляющей и защищающей интересы труда, как власти, которая держит в своих руках знамя борьбы с капитализмом и его детищем — ненавистным милитаризмом» (ф. 74, оп. 1, д. 8). Этим был сделан серьезный шаг по большевизации Советов.

В августе 1917 г. в Самарканде проходил второй областной съезд Советов, на котором было вынесено решение об организации Комитета по борьбе с контрреволюцией и нанесения решительного удара ей «...о полной готовности отстаивать Советы, их центральные органы вплоть до борьбы с оружием в руках» (ф. 44 с, оп. 1, д. 5). Самаркандские большевики, поддерживаемые железнодорожниками, рабочими и беднотой города, а также революционной частью солдат местного гарнизона, вели непримиримую борьбу против меньшевиков и эсеров, буржуазно-националистических элементов.

Интересны документы о разоружении казаков, возвращавшихся с персидского фронта и находившихся под сильным влиянием реакционного офицерства, которое ставило своей целью ликвидацию Советской власти в Туркестане (январь 1918 г.). В резолюции протокола объединенного заседания солдат 7 Сибирского запасного стрелкового полка и представителей Самаркандского Совета рабочих и солдатских депутатов, проходившего 2 февраля 1918 г., отмечалось: «...Мы, солдаты 7 Сибирского стрелкового запасного полка, присоединяемся к Самаркандскому гарнизону (от которого мы фактически откололись) и выступаем на станцию Самарканд с целью вторично предложить казакам разоружаться при условиях, подписанных Революционным Комитетом... в противном случае полк вынужден будет принять активные меры...» (ф. 74, оп. 1, д. 582). Революционная часть солдат на деле доказала свою преданность Советской власти, активно участвуя в разгроме и разоружении белоказаков.

Материалы архива отражают контрреволюционную роль Кокандского автономного правительства. Это правительство, поддерживаемое националистической буржуазией, баями, муллами и прочими контрреволюционными элементами, старалось привлечь на свою сторону мусульманские массы, играя на их религиозно-национальных чувствах.

В ответ на обращение Кокандского автономного правительства «Ко всем мусульманским Советам рабочих, солдатских и дехканских депутатов» от 26 января 1918 г. (ф. 835, оп. 1, д. 1) трудящиеся массы города и уездов выносили решения о непризнании автономного правительства. Эта авантюра контрреволюционных элементов потерпела полный провал.

Очень ценны и материалы о подавлении асхабадского контрреволюционного восстания, поднятого в июле 1918 г. По поводу этих событий Самаркандский Совет принял 25 июля 1918 г. резолюцию, предложенную большевиками: «Асхабадская контрреволюция, учитывая затруднительное положение Туркестанской Советской республики в связи с операциями чехословацких и белогвардейских банд под Оренбургом и на сибирской магистрали, решила использовать момент и вонзить нож в спину туркестанского пролетариата... Для этой цели асхабадские контрреволюционеры мобилизовали все темные силы и при поддержке бывших офицеров,

мечтающих о чинах и орденах, вовлекли в кровавое дело и малосознательную часть рабочих, концентрируя недовольство их на отдельных недостатках личностей, роняющих достоинство Советской власти. В настоящее время рабочие поняли, что вожаки движения в Асхабаде направляют нож в сердце революции и этим играют в пользу капиталистов, помещиков и баев». (ф. 74, оп. 1, д. 4).

Общее настроение трудовых масс в этот момент ярко выражено в постановлении Джизакского Совдепа, где говорится о том, что «...он будет всеми силами, во всех случаях отстаивать Советскую власть, не позволит контрреволюции разрушить состав трудовой власти. По первому зову Джизакский Совдеп вышлет лучших борцов для борьбы с врагами пролетариата» (ф. 74, оп. 1, д. 8). Асхабадское контрреволюционное восстание, как и другие, было подавлено.

Интересны и те страницы архивных материалов, которые рассказывают о борьбе с басмачеством.

В документах отражены мероприятия Советской власти Туркестанской республики в области землеустройства, продовольственного дела, промышленности и торговли, направленные к освобождению трудящихся от колонизаторско-байской кабалы. Сохранились материалы о первых выборах местных Советов, проходивших в условиях большого политического подъема.

Чувством глубокой любви проникнута телеграмма, посланная В. И. Ленину в декабре 1923 г. 8-й сессией Самаркандского городского Совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов: «Дорогой Вождь, открывшаяся 8-я сессия Самаркандского городского Совета шлет тебе, дорогой наш учитель Владимир Ильич, свой пролетарский привет и пожелания скорейшего выздоровления. Находясь на далекой окраине СССР, мы, делегаты Горсовета, от лица избравших нас рабочих и дехкан заявляем, что Красное Знамя Коммунистической революции рабочие и дехкане Самарканда не выпустят из своих пролетарских рук. Мы твердо идем по пути, который указывает нам наш Вождь Коммунистической партии, освещая пламенем пролетарской борьбы весь порабощенный Восток» (ф. 74, оп. 1, д. 125).

П. Т. Казанчанц

V

Государственный архив Астраханской области насчитывает около четырех тысяч фондов (820 тыс. ед. хр.), охватывающих период с 1621 г. по наши дни.

Особенную историческую ценность представляют документальные материалы об экономических, политических и торговых связях с Индией, Персией, государствами Закавказья и Средней Азии, о революционном движении трудящихся масс Астраханской губернии и прилегающих к ней районов в период первой русской революции 1905—1907 гг., Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Из многих документов архива можно узнать о героической обороне Астрахани в 1919 г под руководством Сергея Мироновича Кирова.

Очень ценны фонды «Астраханская приказная изба», «Астраханская таможня» и «Астраханский духовный судный приказ».

Ряд документов связан с именами С. Т. Разина, Е. И. Пугачева, Петра I и А. В. Суворова, историка В. Н. Татищева, который был в 1741—1745 гг. астраханским губернатором, а также с именами уроженцев Астрахани — поэта В. К. Тредиаковского и баснописца И. И. Хемницера.

О пребывании в астраханской ссылке Н. Г. Чернышевского повествует специальное дело губернского жандармского управления.

Отбывание политической ссылки в Астрахани большевиками И. Ф. Дубровинским, Л. М. Книпович, Нариманом Наримановым, С. Г. Шаумяном и другими также отражено в документах архива.

Ценные документы Астраханского архива привлекают внимание не только местных исследователей, но и историков других городов. Сюда ежегодно приезжают работать исследователи Москвы, Ленинграда, Баку, Ашхабада, Воронежа и других городов.

В. П. Орлов

VI

В фондах Центрального государственного исторического архива Молдавской ССР мною обнаружены ранее не известные документы о «Кишиневском обществе распространения грамотности между болгарами» (Кишиневское болгарское общество), которое сыграло большую роль в укреплении многовековой дружбы между русским, болгарским и молдавским народами. Его деятельность началась в мае 1871 г. под руководством И. С. Иванова — болгарина по национальности, оставившего интересные труды, в частности, вышедшую, в 1889 г. в Петербурге книгу «Болгарское ополчение и его сформирование в 1875—1879 гг.». Сохранилась переписка об учреждении общества и утверждении его устава. Большую роль сыграло общество в формировании болгарских ополченских дружин, но, к сожалению, большая часть документов, отражающих эту сторону деятельности общества, погибла в период Отечественной войны. Сохранившиеся документы, таким образом, следует считать уникальными.

М. С. Гурбанов

VII

Недавно в Иркутске обнаружены архивные материалы о пребывании в Тунке и

Иркутске ссыльного польского революционера Михаила Войнича, ставшего впоследствии мужем Этель Лилиан Буль — автора романа «Овод». К этим материалам относятся: «Дело об административно-ссыльном М. Войниче» (Государственный архив Иркутской области, Иркутское губернское управление, ф. 32, оп. 5, т. 1, д. 557); «Дело об административно-ссыльном Михаиле Войниче» (ГАИО, Иркутское городское полицейское управление, ф. 91, оп. 1, св. 26, д. 556); «Алфавитный список государственным преступникам Иркутской и Енисейской губерний и Якутской области»; полицейская карточка — «Государственный преступник из дворян Михаил Войнич» (фонд Иркутского областного краеведческого музея, инв. № 18—92).

В делах сохранился послужной список фармацевтической деятельности М. Войнича, составленный Варшавской врачебной управой в 1886 г., из которого явствует, что Войнич часто переезжал из одного города в другой (Ковно, Минск, Вильно, Варшава). Именно в этих крупных городах сосредоточивала свою деятельность партия «Пролетариат», по заданию которой Войнич выполнял многочисленные поручения.

Очевидно, еще до ареста Войнич состоял под надзором полиции, так как в графе списка «Свидетельство местной полиции за время, в которое не занимался в аптеках» имеются две пометки полицейских органов. Сохранилось свидетельство Московского университета об утверждении с отличием Войнича в степени аптекарского помощника, подписанное Склифосовским и выданное 27 ноября 1884 г.

10 октября 1885 г. Войнич был арестован в Ковно и привлечен по делу польской социалистической партии «Пролетариат». После полуторалетнего заключения в Александровской цитадели в Варшаве он по решению царя от 30 апреля 1887 г. был выслан в Восточную Сибирь на пять лет под гласный надзор полиции.

7 декабря 1887 г., получив «кормовые, как арестант из дворян, по 15 коп. в день, на три дня — 45 коп.», Войнич выехал в сопровождении двух конвоиров из Иркутска в Тунку — глухое село в предгорьях Восточных Саян (180 км от Иркутска).

Прожив там зиму 1887/88 г., Войнич принимает все меры, чтобы перебраться в Иркутск, где в тот период жила большая и дружная колония политических ссыльных. 21 июня 1889 г. разрешение было получено. В отношении на имя полицеймейстера иркутский генерал-губернатор сообщал: «Вице-директор Департамента полиции Сабуров телеграммою от 21 сего июня уведомил меня, что находящемуся на жительстве под надзором полиции в Иркутской губернии Михаилу Войничу, согласно его ходатайству, разрешено поступить на службу в Иркутске в Михеевскую лечебницу. Давая об этом знать, предлагаю Вашему высокоблагородию объявить разрешение Департамента полиции Войничу».

Из дела Войнича видно, что он несколько раз обращался к генерал-губернатору с просьбой о переводе его в Балаганск Иркутской губернии «в связи с расстроенным здоровьем». 12 июня Войнич, получив разрешение, выехал из Иркутска, но 28 июня 1890 г. Балаганский окружной исправник сообщил Иркутскому полицеймейстеру, что Войнич еще не прибыл, и просил выяснить обстоятельства задержки.

6 июля из Балаганска последовала телеграмма: «Войнича нет; благоволите сделать законный розыск. Исправник Малков».

7 июля всем полицейским приставам Иркутска под рубрикой «секретно, весьма важно» были разосланы циркуляры о срочном розыске беглеца. По распоряжению губернатора было изготовлено 16 фотографий Войнича для полицейского розыска, на ноги была поставлена вся полиция.

27 июля 1890 г. губернатор сообщил иркутскому полицеймейстеру приметы Войнича и потребовал «принять лично и через чинов вверенной Вам полиции самые энергичные меры к разысканию Войнича, имея в виду возможность проживания Войнича в квартирах проживающих в Иркутске государственных преступников, из которых некоторые проживают и в окрестностях города на дачах».

Розыски продолжались долго, но безрезультатно...

Октябрьским вечером 1890 г. Войнич прибыл в Лондон, на квартиру Степняка-Кравчинского, где и произошла его встреча с Этель Лилиан Буль.

В. П. Скороходов

VIII

В Нежинском филиале Государственного архива Черниговской области хранятся материалы, позволяющие дополнить малоизвестные в литературе факты из биографии белорусского поэта Франца Казимировича Богушевича.

В материалах Лицея князя Безбородко имеются документы о периоде его учебы там (1865—1868 гг.), о бедности и добывании средств для существования репетиторским трудом, об успеваемости и присвоенном по окончании Лицея праве «на чин XII класса».

В фонде Нежинского окружного суда хранится личное дело Ф. К. Богушевича о службе его судебным следователем в Конотопском уезде (1874—1884 гг.).

Дело состоит из формулярного списка, аттестата о службе, отзывов, свидетельств о состоянии здоровья, указов о наградах и повышении в «чине», заявлений и рапортов по служебным и личным вопросам.

Документы личного дела отражают перемещение его по службе в период с 1868 по 1884 г., увольнение от службы в г. Конотопе в марте 1884 г. и переезд в Виленскую губернию. Имеются также данные,

что после переезда с Украины в Виленскую губернию, он работал присяжным поверенным в округе Виленской судебной палаты и проживал в 1889 г. в Вильне. Наибольший интерес представляет «Аттестат о службе Ф. К. Богушевича», с обстоятельной характеристикой его материального положения.

И. К. Кононенко

IX

В Московское отделение архива Академии наук СССР через Представительство при ООН в Нью-Йорке поступили книги и рукописи В. И. Иохельсона, завещанные им в дар Академии наук СССР. Книги были переданы в библиотеку Института этнографии, а рукописи и другие материалы оставлены на хранении в архиве.

Архивные материалы В. И. Иохельсона представляют собой: а) биографические документы, б) рукописи, в) фотографии и карты.

К числу биографических материалов относятся: «Автобиография» исследователя, «Записка ученого хранителя Музея антропологии и этнографии Российской академии наук Владимира Ильича Иохельсона об оказании ему содействия в обработке и издании собранных им материалов по этнографии, фольклору, доисторической археологии и лингвистике» от 21 июля 1920 г., списки научных трудов, письмо в редакцию Энциклопедии Дальневосточного края с перечислением направленных туда статей (от 21 октября 1936 г.), газетные извещения о смерти этнографа и другие материалы.

Наибольший интерес представляет рукописный материал — рассказы, статьи по этнографии, дневники путешествий, материалы по языку народов Севера. Из литературных материалов сохранились повесть «Кровавая месть» и рассказы. Этнографические материалы состоят из таких статей, как «Оспа на Севере», «Голод (из воспоминаний полярного путешественника)» — о голодовке юкагиров 1897 г. на реке Коркодон, краткое сообщение о поездке «От коряков и тунгусов к юкагирам и якутам», «Алеуты и их острова», «Коряки», «Русские в Якутской и Камчатской областях», «Шаманство», русский перевод алеутской сказки. Научный дневник В. И. Иохельсона включает в себя «Путевые заметки» во время поездки в 1895—1897 гг. к юкагирам, обработанный (переписанный на машинке) «Дневник путешествия Гижига — Колыма» (1901 г.) и пять общих тетрадей «Алеутского словаря», материалы по языку камчадалов и камчадальско-английский словарь.

Фотографические материалы представлены двумя большими альбомами и пакетом с разрозненными фотоснимками. Один из альбомов воспроизводит, по-видимому, негативы какого-то этнографического фотоочерка, помещенного в немецком журнале. В другом альбоме собраны фотографии, характеризующие антропологические типы северо-восточной Азии. Большинство фотографий, к сожалению, не датировано и не снабжено пояснительными надписями.

Судя по количеству и составу материалов В. И. Иохельсона, полученных Академией наук СССР, они представляют лишь часть архива этнографа. Тем не менее и то, что дошло до нас (особенно дневники и материалы по языку), представляет несомненную научную ценность и может быть использовано в качестве источника по истории и этнографии народов северо-восточной Азии.

В. А. Туголуков

X

В залах Государственного музея Татарской АССР (Казань) открыта большая выставка автографов выдающихся деятелей науки, литературы и искусства. Выставка организована музеем, Государственным архивом Татарской АССР и Научной библиотекой им. Н. И. Лобачевского. Экспонируются как материалы из фондов архива, музея и отдела рукописей библиотеки, так и из частных собраний. В ходе подготовки выставки удалось выявить в частных собраниях значительное количество интересных документов.

От С. Н. Конькова были получены для экспонирования два письма В. Г. Короленко к В. В. Васильковой. Оценивая литературные опыты адресата как дилетантские, писатель отмечает: «Рад был бы дать и более ободряющий отзыв, но всегда пишу на такого рода вопросы — одну правду». На выставке экспонированы автографы Г. Р. Державина (письмо к неустановленному лицу от 22 мая 1792 г.), Е. А. Баратынского (письмо Н. М. Языкову начала 1832 г.); П. И. Мельникова-Печерского (рукопись «О просвещении в древние века»), Л. Н. Толстого (прошение в Правление Казанского университета). Интересно полученное от писателя Кави Наджми письмо А. А. Фадеева, касающееся организации переводов произведений поэтов Татарии на русский язык. С волнением останавливаются посетители у витрины с завещанием поэта-патриота Мусы Джалиля. Оно было написано поэтом на случай его гибели в Действующей армии в мае 1942 г. и отправлено литературоведу и критику Г. Кашшафу, от которого и поступило на выставку. Экспонированы также письма П. П. Бажова (из собрания В. А. Кондакова), П. А. Павленко (из собрания Р. Н. Пормана). Представлены автографы ряда советских писателей, работавших в Татарии в годы Великой Отечественной войны,— В. С. Гроссмана, М. В. Гроссмана, М. В. Исаковского, Л. М. Леонова, А. Т. Твардовского, К. А. Федина и др. В особых витринах показаны письма и рукопи-

ги татарских писателей — Ф. Амирхана, М. Гафури, М. Джалиля, Г. Ибрагимова, А. Кутуя, Ш. Марджани, К. Насыри, Х. Такраша, Г. Тукая.

Богато представлены на выставке автографы деятелей искусства. В коллекции народного артиста Татарской АССР Файзуллы Туишева — автографы Ф. И. Шаляпина, А. А. Яблочкиной, В. И. Качалова, Е. Д. Турчаниновой и многих других выдающихся мастеров сцены. Среди экспонатов — письмо К. С. Станиславского артистам Татарского театра. «Я уверен,— говорится в письме,— что вы простотой переживаний и искренней правдивостью изображаемых сценических образов сумеете стать на путь реализма в Вашем национальном театре. Радостно сознавать, что скоро Вы получите в помощь себе собственные молодые кадры из Татарской студии при Московской консерватории».

Рядом письмо В. И. Немировича-Данченко о роли театра в его жизни.

Среди автографов выдающихся художников — письмо И. Е. Репина Г. Н. Тимофееву от 28 октября 1910 г., автографы В. В. Верещагина и М. В. Нестерова.

В разделе автографов деятелей науки посетитель видит дарственную надпись Н. И. Лобачевского профессору И. М. Симонову на одной из его книг, письма А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева, Н. А. Меншуткина, надписи К. А. Тимирязева и И. В. Мичурина.

На центральном стенде — два письма Надежды Константиновны Крупской членам колхоза им. Крупской, Нурлатского района Татарской АССР. Оба письма поступили от правления колхоза.

В краткой заметке невозможно перечислить все экспонаты — их свыше 130. Тут автографы Петра I, А. Блока, Я. Коласа и другие. В настоящее время сдан в печать каталог выставки. Выставка привлекла большое количество посетителей и вызвала интерес среди общественности к делу учета и собирания находящихся в частных руках автографов деятелей культуры.

Е. Г. Бушканец

XI

В фондах Центрального исторического военно-инженерного музея имеются интересные материалы по русско-японской войне 1904—1905 гг. и особенно по обороне Порт-Артура.

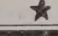
В документах фонда «Кружка бывших защитников Порт-Артура» обращают на себя внимание неопубликованные и интересные воспоминания о герое обороны Порт-Артура генерал-лейтенанте Романе Исидоровиче Кондратенко, столетие со дня рождения которого исполняется в этом году.

Поручик С. М. Булатов в своих воспоминаниях рассказывает о штурме Б. Орлиного гнезда 10 ноября 1904 г., которым Кондратенко лично руководил.

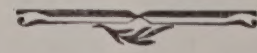
Подполковник Алексеев вспоминает о деятельности железнодорожной роты при обороне крепости Порт-Артура в боях за гору Высокую.

Алексеев сообщает ряд интересных фактов, подтверждающих огромное уважение, которым пользовался Кондратенко среди подчиненных.

М. С. Любинский

Содержание

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14, тел. Б-8-81-42

Т-07843 Подписано к печати 22/VIII 1957 г. Печ. л. 21,23 Уч. изд. л. 23,2
Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Бум. л. 7³/₄ Зак. 1598 Тираж 4450 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 15 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на журналы

АКАДЕМИИ НАУК СССР НА 1958 год

Название журнала	Количество номеров в год	Годовая подписная цена (в рублях)
Автоматика и телемеханика	12	108
Акустический журнал	4	36
Астрономический журнал	6	90
Биофизика	6	72
Биохимия	6	90
Ботанический журнал	12	180
Вестник Академии наук СССР	12	96
Вестник древней истории	4	96
Вопросы языкознания	6	72
Геохимия	8	72
Доклады Академии наук СССР (без папок)	36	360
Доклады Академии наук СССР (с 6 коленкоровыми папками с тиснением)	36	384
Журнал аналитической химии	6	72
Журнал высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова	6	90
Журнал научной и прикладной фотографии и кинематографии	6	45
Журнал неорганической химии	12	270
Журнал общей биологии	6	45
Журнал общей химии	12	270
Журнал прикладной химии	12	180
Журнал технической физики	12	225
Журнал физической химии	12	270
Журнал экспериментальной и теоретической физики	12	288
Записки Всесоюзного минералогического общества	6	72
Зоологический журнал	12	180
Известия Всесоюзного географического общества	6	54
Исторический архив	6	90
Исторический архив в переплете	6	99
История СССР	6	72
Коллоидный журнал	6	72
Кристаллография	6	72
Математический сборник	12	144
Микробиология	6	72
Новая и новейшая история	6	60
Оптика и спектроскопия	12	144
Почвоведение	12	144
Приборы и техника эксперимента	6	72
Прикладная математика и механика	6	81
Природа	12	84
Радиотехника и электроника	12	144
Русская литература	4	40
Советская археология	4	100
Советская этнография	6	108
Советское востоковедение	6	72
Советское государство и право	12	144
Современный Восток	12	36
Теория вероятностей и ее применения	4	45
Успехи математических наук	6	96
Успехи современной биологии	6	48
Успехи физических наук	12	144
Успехи химии	12	96
Физика металлов и металловедение	6	90
Физиологический журнал СССР им. И. М. Сеченова	12	108
Физиология растений	6	54
Энтомологическое обозрение	4	90
Известия Академии наук СССР:		
Отделение литературы и языка	6	54
Отделение технических наук	12	180
Отделение химических наук	12	126
Серия биологическая	6	72
Серия географическая	6	90
Серия геологическая	12	144
Серия геофизическая	12	144
Серия математическая	6	81
Серия физическая	12	144
Реферативный журнал, серии:		
Астрономия и геодезия	12	115.20
Биология (сводный том) *	24	691.20
География (сводный том) *	12	288
Геология (сводный том) *	12	288
Математика	12	172.80
Машиностроение (сводный том) *	24	734.40
Металлургия (сводный том) *	12	504
Механика	12	172.80
Физика	12	360
Геофизика	12	115.20
Химия (сводный том) *	24	756
Биологическая химия	24	216
Электротехника	24	480

Примечание. Серии Реферативного журнала, помеченные звездочкой, издаются одновременно как отдельными выпусками, так и в виде сводного тома. Условия подписки на отдельные выпуски Реферативного журнала имеются в проспектах «Союзпечати».

ГОДОВАЯ И ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ В ГОРОДСКИХ ОТДЕЛАХ «СОЮЗПЕЧАТЬ», КОНТОРАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ, В ПУНКТАХ ПОДПИСКИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ НА ЗАВОДАХ И ФАБРИКАХ, В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТАХ, УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ, УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНИЗАЦИЯХ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТАКЖЕ В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ КОНТОРОЙ «АКАДЕМКНИГА» — МОСКВА, ПУШКИНСКАЯ УЛ., Д. 23